Opp. 667 X C4

№ 490

~~№ 501~~

<36604391090011

<36604391090011

Bayer. Staatsbibliothek

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО.

IV.

ASSOCIATION CULTUELLE ORTHODOXE RUSSE DE BORDEAUX
Près de l'Eglise de la Ste VIERGE du KAZAN
BORDEAUX

Fg/80/98306

№ 4

СОБРАНІЕ СОЧИ

ЕНКОВС

(БАРОНА БРА

ТОМЪ ЧЕТВЕ

САНКТПЕТЕ

1858

№ 81
№ 490

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

...ЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Bayerische Staats-bibliothek München

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

Senkovskij, Osip Julian Ivanovič

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30 декабря 1858.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СТР.

ти и романы.

деальная красавица.

Часть первая. Дѣва чудная................ 4

Часть вторая. Красавица замужемъ........ 397

ПОВѢСТИ И

ПОВѢСТИ И РОМАНЫ.

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДѢВА ЧУДНАЯ.

I.

зсѣхъ поэмахъ, стихотвореніяхъ, романахъ,
ıхъ, быляхъ, разсказахъ, сказкахъ, я имѣю
стрѣчать однѣхъ только «дѣвъ чудныхъ»
ыкновенныхъ, неземныхъ, идеальныхъ кра-
сочинители всякаго званія и пола не на-
въ словаряхъ своихъ словъ, довольно
кенныхъ, чтобы выразить сверхъесте-
ыя прелести своихъ героинь; необычайная
я красота стала дешевле чернилъ, и каж-
зявъ перо въ руки, такъ свободно выво-
а сцену это рѣдкое явленіе природы, какъ-
стоитъ только выйти и подобрать его на
ой. Цѣлое народонаселеніе можно составить
чатныхъ «неземныхъ» женщинъ; между-
ы, бѣдные читатели, вокругъ себя видимъ
безпредѣльный горизонтъ болѣе или менѣе
днаго безобразія, на которомъ посредствен-
асота сіяетъ уже яркою звѣздою и какъ
исключеніе. Спросите у живописцевъ,

сколько они видѣли на свѣтѣ идеальныхъ красавицъ! Греки, чтобы составить для своего неба одну такую женщину, о какихъ вы намъ ежедневно разсказываете новые анекдоты, должны были совокупить въ одномъ тѣлѣ частныя совершенства тысячи знаменитѣйшихъ красавицъ своего времени. И когда, въ своемъ воображеніи, создадите такую неземную красоту, что̀ же вы изъ нея дѣлаете? Назвавъ ее Ольгою или Зенеидою, придаете ей въ обожатели Владиміра, съ которымъ, проливъ нѣсколько слезъ по случаю маменькиныхъ капризовъ или препятствій со стороны опекуна, она непремѣнно будетъ счастлива среди розъ супружеской любви, если до этой неизбѣжной развязки смерть не похититъ ея или Владиміра. Какъ-будто изъ пламенной любви и необыкновенной красоты можно составить счастіе на землѣ! Какъ-будто человѣческое счастіе состоитъ не въ посредственности! не въ этомъ блаженномъ равновѣсіи совершенствъ и недостатковъ, которымъ природа такъ искусно распоряжается въ дѣлѣ творенія, и изъ котораго образуетъ она наслажденіе всего созданнаго во вселенной! Оставьте въ покоѣ идеальную красоту. Природа производитъ ее для показанія своего могущества и для удивленія людей видомъ ихъ возможно-совершеннаго образа; но благость Творца позволила ей только изрѣдка выходить изъ спасительной колеи равновѣсія и производить эти опасныя возможности. Преклоните колѣни передъ такими проявленіями сокровеннаго совершенства, и не оскорбляйте ихъ приторными бреднями сво-

сла. Великая красота, это — великое не-
Эна въ женщинѣ то же, что̀ геній въ
а когда геніи были счастливыми? Общій
къ — борьба, терпѣніе, страданіе. Для
землѣ даже нѣтъ любви, которая была
достойна.

вно живу на свѣтѣ, но помню только
ли трехъ такихъ красавицъ, и всѣ онѣ
ень несчастны. Въ особенности помню
горой, если позволите, разскажу вамъ пе-
исторію. Она была знаменита своей кра-
потому-что необыкновенной красотѣ, какъ
кновенному генію, человѣкъ не дозволитъ
ься въ безвѣстности. Нельзя себѣ пред-
ничего правильнѣе и тоньше чертъ ея
ичего бѣлѣе и нѣжнѣе ея кожи, розовѣе
нца, чернѣе волосъ ея, алѣе губъ, очаро-
ѣе улыбки, ничего идеальнѣе формъ ея
тройнаго, высокаго, величественнаго, въ
мъ все, отъ уха до оконечности ножки, было
енство и гармонія. Она затмѣвала собою
блистательныя созданія воображенія вели-
живописцевъ. Люди останавливались въ
ніи, встрѣчаясь съ нею на улицахъ. И пер-
движеніемъ ихъ всегда былъ неописанный
гъ, вторымъ — досада на себя, и клевета
щеніе за такое превосходство.

дители ея были люди богатые и знатные:
ь къ роскоши и честолюбіе сильно раз-
и ихъ огромное состояніе; но оно было еще
значительно въ то время, когда ихъ со-
ще, предметъ ихъ гордости, ихъ несравнен-

ная Анна, достигла шестнадцати-лѣтняго возраста. Необыкновенная красота и богатство!... каждый полагаетъ, что изъ соединенія этихъ двухъ великихъ началъ наслажденія, особенно если къ нимъ прибавить любовь, должно непремѣнно составиться верховное счастіе: но какъ далеко, и все самыми естественными путями, повели они Анну къ противоположнымъ послѣдствіямъ, именно по причинѣ ея необыкновенной красоты!

Мать Анны никогда не была настоящею красавицею: въ молодости она обладала только тѣми необходимыми прелестями, которыя съ перваго взгляда не позволяютъ видѣть множества недостатковъ и составляютъ ходячую женскую красоту; но тѣмъ не менѣе она считала себя прекраснѣйшею женщиною во всей столицѣ, и благодаря неусыпной заботливости о сохраненіи этихъ драгоцѣнныхъ прелестей, въ тридцать пять лѣтъ была еще очень хороша. Многія праздныя сердца влюблялись въ нее со скуки и гораздо позже, когда уже въ свѣтѣ не было другой рѣчи какъ объ удивительной красотѣ ея старшей дочери. Но надобно отдать справедливость уму и сердцу графини Маріи: она умѣла быть доброю матерью въ самомъ опасномъ стеченіи обстоятельствъ, когда ея старое тщеславіе и молодое тщеславіе дочери, оба совершенно законныя и естественныя, могли вступить въ гибельную борьбу другъ съ другомъ и породить между ними тайную ненависть. Это было уже великое счастіе для Анны: не всѣ матери въ положеніи графини Маріи бываютъ такъ благоразумны. Кокетками въ обще-

ваютъ только такихъ женщинъ, которыя умѣютъ кокетничать, стараясь произво-рованіе слишкомъ грубо и явственно: кусныя кокетки, напротивъ, тѣ, на кото-когда не падаетъ подозрѣніе въ намѣре-тничать, между-тѣмъ какъ онѣ во всю мъ только и занимаются. Женщина безъ а — существо противоестественное: это что мужчина трусъ, что солдатъ, ро-при встрѣчѣ съ непріятелемъ, и я скажу демона, —

do not think there is any such woman, —

рю, чтобы такія женщины были на свѣ-имъ образомъ, ни мало не обижу я праха й графини Маріи утвержденіемъ, что она ною изъ искуснѣйшихъ кокетокъ своей что касается до ея добродѣтели, то для вершенно достаточно знать, что графъ мужъ очень вѣтренный и невѣрный, оволенъ этой статьею въ своей супругѣ, доволенъ до досады.

сли бы я не была такъ добродѣтельна, оворила ему жена: если бъ я могла рѣ-на самое невинное кокетство, ты не упалъ ъ жестоко. Ты знаешь, что я имѣла пре-й случай поддержать тебя!

этихъ словахъ, графиня Марія украдкою самодовольный взглядъ на зеркало, а Андрей нахмуривался, бралъ книгу и, бро-на диванъ, думалъ про себя: «Такъ зачѣмъ и не поддержала!..... какая мнѣ польза отъ дѣтели, которая стоитъ намъ такъ дорого!»

Если то, что̀ графиня Марія называла «жесто-
кимъ паденіемъ» своего мужа, было слѣдствіемъ
только ея желѣзной добродѣтели, то добродѣтель
женъ принадлежала бы къ разряду самой доро-
гой домашней утвари, къ наслажденіямъ исклю-
чительно аристократическимъ: она дѣйствительно
сто̀ила мужу слишкомъ милліона два долговъ, сдѣ-
ланныхъ на преслѣдованіе мечтъ честолюбія, къ
которымъ подстрекала его сама же графиня Марія.
По ея словамъ, отъ нея зависѣло утвердить пер-
вый успѣхъ на прочномъ основаніи, но она отка-
залась отъ всего, чтобы спасти свою добродѣтель.
Есть однако жъ другія данныя, противорѣчащія
этому прекрасному толкованію событія. При по-
мощи всѣхъ возможныхъ средствъ, въ числѣ ко-
торыхъ поставляютъ искусство графини Маріи
пріобрѣтать усердныхъ пріятелей мужу, его умъ
и дарованія сначала пошли въ славу, и онъ скоро
возвысился. Благоразуміе повелѣвало остановиться
на средней точкѣ. Но графиня Марія, слишкомъ
полагаясь на свой умъ, требовала, чтобы мужъ
пользовался благопріятными обстоятельствами, и
онъ неожиданно достигъ той высоты, съ которой
всѣ увидѣли его неспособность. Съ той минуты
паденіе было неизбѣжно. Современныя лѣтописи
упоминаютъ, что графиня Марія употребила всю
силу своихъ глазъ, плечъ и улыбокъ, и даже го-
това была рѣшиться на болѣе важныя пожертво-
ванія, чтобы предупредить катастрофу: но какъ ни
что̀ не могло отвратить удара, то она живописно за-
вернулась передъ мужемъ въ великолѣпный плащъ
добродѣтели, а мужъ передъ свѣтомъ заключился

инство неузнаннаго человѣка, котораго, е допустила зависть быть полезнымъ и .

юбцы не прежде какъ послѣ паденія отъ, что у нихъ есть дѣти и источники го блаженства, и несчастіе родителей ратилось на-время въ ея пользу. Графъ и графиня Марія открыли у себя предитя, достойное ихъ любви и восторговъ. минуты они привязались къ ней всею Заботливый взоръ матери проникъ въ вернантокъ и учителей, которымъ дотолѣ ла ввѣрена, и окружилъ ее нѣжными поми: мать сама занялась ея воспитаніемъ.

вропѣ извѣстны двѣ различныя системы го воспитанія: одна состоитъ въ возрадѣвушекъ, до замужства, въ совершензнаніи зла, другая—во внушеніи имъ сильувства долга; одна тщательно отдѣляетъ ку отъ свѣта и скрываетъ отъ нея всякое объ его безпорядкахъ, надѣясь, посредполнаго невѣжества въ дѣлахъ жизни, ить въ ней для брака дѣвственность души оту мысли; другая позволяетъ ей свободно дать свѣтъ, узнавать людей съ раннихъ ходить объ-руку съ жизнью, играть со ью, но вооружаетъ ее противъ всѣхъ опаствердымъ понятіемъ о чести и святыхъ ностяхъ женщины. Первой системѣ слѣво Франціи, въ Италіи, и такъ далѣе; второъ Англіи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, бенно въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ дѣвушки,

до замужества, пользуются полной свободою. Я не хочу разбирать, которая изъ двухъ методъ надежнѣе для мужей: добродѣтельныхъ женъ вездѣ много, гораздо болѣе нежели чистыхъ репутацій. Но, для женщинъ, для ихъ счастія, феодальное воспитаніе въ неприступномъ зáмкѣ невѣденія чрезвычайно невыгодно. Каждая изъ моихъ читательницъ, при небольшомъ соображеніи дѣла, сама легко почувствуетъ, что это искусственное невѣжество ни къ чему не служитъ на дѣлѣ: въ первый годъ брака оно уже совсѣмъ разсѣвается, если еще прежде не было случая какъ-нибудь украдкою приподнять его завѣсу; и молодая женщина, не зная какъ употреблять вдругъ полученную свободу, находится, безъ вѣрнаго внутренняго руководителя, въ безпрерывной опасности сдѣлаться жертвою своей неопытности среди безчисленныхъ прельщеній свѣта. На знаменитаго внѣшняго руководителя, то есть, мужа, всѣ мы знаемъ, какъ мало можно полагаться: это кормчій, который, выплывъ съ вами въ море, бо̀льшею частью спитъ пребезпечно въ лодкѣ: и не доведи Господи, чтобы, проснувшись, онъ вдругъ схватился за руль!... по своей самонадѣянности, онъ какъ-разъ самъ направитъ лодку на подводный камень. Это ужъ такой у него норовъ! Но предположимъ, что счастливый случай спасъ отъ всѣхъ крушеній молодую женщину, получившую такое воспитаніе: пробираясь сквозь незнаемыя опасности, ей невозможно не забыться гдѣ-нибудь на мгновеніе, не заглядѣться невиннымъ образомъ, не прельститься очарованіемъ, во всей

ердца и мысли: каждая подобная inconsé-
даетъ поводъ къ злословію; клевета
адѣваетъ новою своей добычею; репу-
койствіе и счастіе разрушены.
и тамъ, гдѣ происходило дѣйствіе, по-
е приняли это направленіе, то несправе-
ло бы упрекать графиню Марію, что она,
таніи своей дочери, послѣдовала общему
что, заключивъ Анну тщательно въ свои
она совершенно закрыла отъ нея свѣтъ,
такъ хорошо знала всѣ опасности; что,
градить на-время зеркальную поверхность
ѣтлой души отъ нечистаго дыханія об-
собственными руками приготовила ей въ
ъ тысячу глубокихъ страданій. Анна
въ томъ торжественномъ невѣдѣніи, сквозь
ныя стѣны котораго свѣтъ и его пороки
тся въ роскошные цвѣта радуги и моло-
мамъ кажутся земнымъ раемъ, гдѣ оби-
только добродѣтель, восторгъ и счастіе.
расцвѣтающей дѣвушки, на которую при-
ке высыпала первыя красоты весны, раз-
ется отъ этого обманчиваго зрѣлища го-
олѣе, чѣмъ отъ чтенія романовъ, и ей
я только сравнивать передъ зеркаломъ
елести съ плѣнительнымъ видомъ страны,
щей ея прибытія. Въ этой тайной самоучкѣ
вія, разумъ, непривычный къ наблюденію,
й всякаго понятія о дѣйствительности, по-
тся слѣпотою, часто неизлечимою; и оттого
уже замѣчено, что въ молодыхъ особахъ
ченность ума бываетъ любимою спутницею

красоты. А между-тѣмъ въ нихъ-то, въ этихъ-то самыхъ блестящихъ цвѣткахъ человѣчества, правильное воспитаніе и должно было бы предпочтительно развивать силу разсужденія, потому-что они болѣе всѣхъ прочихъ будутъ подвержены прельщеніямъ свѣта и жадности порока. Анна, въ эту эпоху жизни, не была лучше юныхъ красавицъ: наемныя воспитательницы и льстивыя служанки благовременно развили въ ней самосознаніе необыкновенной красоты; зеркало услужливо подтверждало ихъ раболѣпные восторги; да и маменька, съ восхищеніемъ глядя на это чудо природы, невольно сознавалась, что Анна почти такъ же хороша, какъ была она сама въ ея лѣта. Будучи отдѣлена отъ общества китайскою стѣною своего воспитанія, дѣвушка, естественно, занималась собою болѣе нежели чѣмъ-либо на свѣтѣ: великое несчастіе! — потому-что отсюда происходятъ глупость и эгоизмъ. Съ каждымъ днемъ болѣе она дѣлалась идоломъ родителей: все въ домѣ относилось къ ней, и она все относила къ себѣ.

Я забылъ сказать, что у Анны была сестра, Катенька, но это потому-что и родители не совсѣмъ помнили, что у нихъ есть еще другая дочь, моложе Анны только двумя годами. Причиною такого забвенія было не что иное какъ отсутствіе красоты: Катенька не обѣщала сдѣлаться даже и посредственно миловидною; очеркъ и цвѣтъ лица, маленькіе глаза, огромный носъ, широкій ротъ, длинная шея, большія руки и ноги, не предвѣщали въ ней ничего плѣнительнаго. Если бы она была единственная дочь, графиня Марія, конечно, не на-

ея такою безобразной: но можно ли было
отрѣть на нее безъ огорченія, безъ тай-
ы, возлѣ Анны? Тщетно мать дѣлала уси-
ı дѣлить ласки свои поровну между двумя
лаза ея невольно отвращались отъ Ка-
ъ упоеніемъ останавливались на художе-
ъ красотахъ старшей дочери; во взглядѣ
менѣе удовольствія, въ поцѣлуѣ меньше
и въ самомъ ободреніи какъ-будто за-
упрекъ. Катенька все это чувствовала,
, разгадывала: досада и зависть дѣлали
ливою, своенравною, злою: двѣ сестры
ь безпрестанно; мстительность и ѣдкость
бенка часто приводили въ слезы кроткую
го влекло за собою справедливую стро-
гери, которая наконецъ утомилась выго-
охладѣла даже и по-наружности къ не-
дочери. Катеньку предоставили гувер-
ь. Въ четырнадцать лѣтъ, она уже ду-
ненавидѣла свою сестру-красавицу. Она
ела дневникъ своихъ наблюденій и чув-
й, и писала въ немъ — *это чудовище,*
- въ ней нѣтъ ничего благороднаго, ничего
о, — она убьетъ или отравитъ меня! —
тѣмъ Анна, которую она съ такимъ на-
іемъ представляла себѣ извергомъ, добрая,
тельная Анна, была душевно къ ней при-
она дѣлала все, что̀ только могла, чтобы
ь сестрѣ свою любовь, преданность, го-
ь на пожертвованія; но ничѣмъ нельзя
злечить сердца, глубоко уязвленнаго за-
которая болѣе и болѣе искажала харак-

теръ Катеньки. Анна наконецъ догадалась, несмотря на ограниченность своихъ понятій, что этотъ ужасный, неблагодарный характеръ, этотъ домашній адъ, вся эта непонятная и неестественная вражда, источникъ столькихъ семейныхъ неудовольствій, грозившій ей еще бо̀льшими огорченіями въ будущемъ, происходили прямо отъ ея необычайной красоты. Съ той минуты Анна узнала душевныя страданія: она плакала по ночамъ, хотѣла умереть, проклиная свою красоту, и если бы могла, то охотно уступила бы ее сестрѣ и облеклась бы въ ея безобразіе, чтобы только пріобрѣсти себѣ ея любовь. «Неземная красавица» была несчастна еще до вступленія въ свѣтъ.

Эта торжественная эпоха уже приближалась, и Анна горячо призывала ее въ своихъ мечтахъ, надѣясь найти въ свѣтѣ болѣе теплаго чувства, нежели въ холодномъ сердцѣ родной сестры. Ей уже былъ семнадцатый годъ въ исходѣ; тѣло ея развилось во всемъ своемъ великолѣпіи; время не могло ничего прибавить къ ея прелестямъ, но мать еще никуда не брала ея съ собою. Многимъ это покажется страннымъ: но разсчетливыя матери знаютъ, въ чемъ тутъ сила. По ихъ теоріи, дочь-красавицу должно представить свѣту уже полною невѣстой, вдругъ ослѣпить жениховъ, и выдать за-мужъ на-мѣстѣ: возить заранѣе въ публичныя мѣста, показывать блестящій алмазъ по частямъ, развѣшивать дорогой товаръ за годъ или за два до срока продажи съ молотка, все это никуда не годится: во-первыхъ, глаза привыкнутъ; во-вторыхъ, когда-нибудь, впослѣдствіи, если пріи-

го ждать приличной партіи, многіе , что видѣли вашу дочь взрослою дѣ- такомъ-то году и въ такомъ-то мѣстѣ, азсчитывать, и вычтутъ, что она уже При этомъ непріятномъ случаѣ, вдругъ тся по два или по три ненужныхъ года іенному возрасту, не только дочери, но матери, потому-что представляя свѣту семнадцати-лѣтнюю дочку, вы, разумѣет- ли, что ей только «шестнадцатый годъ , и себѣ тутъ же убавили два года для ія. И это одинъ изъ сильнѣйшихъ пово- торые побуждаютъ множество женщинъ тать французскую методу воспитанія основанную на совершенномъ отдѣленіи свѣта до извѣстнаго возраста: она удоб- къ другихъ методъ, позволяетъ матери ать у себя года и какъ нельзя лучше вуетъ повѣркѣ. Моралисты написали мно- ыхъ шутокъ надъ этимъ древнимъ обы мъ женщинъ, не примѣчая, что ихъ на- противны здравому разсудку. По-моему, должна быть всегда молода: это — ея Какъ! да если ей не убавлять себѣ го- акъ ужъ и не сжимать таліи корсетами, вать тѣсныхъ перчатокъ, не носить уз- ашмаковъ, не употреблять вырѣзныхъ ь, не показывать плечъ, не опускать глазъ, итворяться!—перестать быть женщиною! ика?... Что̀ касается до меня — я мора- е хуже другихъ — философъ, такой же ый какъ и многіе философы въ рыжихъ

парикахъ, — но скажу откровенно, что я не уважаю женщины, которая, при появленіи гостей, не поправитъ своихъ локоновъ и не спрячетъ подъ подушку по-крайней-мѣрѣ трехъ годовъ изъ своей жизни — до тридцати лѣтъ — и какихъ-нибудь пять или шесть, послѣ тридцати. Случись оно при моемъ появленіи, я готовъ такой безпорядокъ принять въ личную для себя обиду — какъ явное нежеланіе мнѣ нравиться — какъ презрѣніе ко мнѣ — какъ нарушеніе законовъ гостепріимства! Притомъ, со стороны женщины, объявленіе вѣрнаго итога своихъ лѣтъ означаетъ злой характеръ: тѣ, которыя не убавляютъ себѣ, всегда прибавляютъ другимъ. Впрочемъ... о чемъ тутъ спорить! Таковъ законъ природы, которая, конечно, умнѣе всѣхъ моралистовъ. Съ сотворенія міра донынѣ, всѣ убавляли и убавляютъ, и свѣтъ, собственно, старѣе нѣсколькими годами, нежели какъ пишутъ въ календаряхъ. Женщина не можетъ не скрадывать своего возраста: это свыше ея силъ. Въ Австріи было обыкновеніе подавать въ день рожденія, первымъ блюдомъ яица въ смятку: приносили подъ салфеткою столько яицъ, сколько минуло годовъ хозяину праздника, гости разбирали яица, сосчитывали ихъ и поздравляли по-принадлежности. Императрица Марія-Тереза, въ пожилыхъ лѣтахъ, всегда при такихъ случаяхъ вынимала по-тихоньку передъ обѣдомъ нѣсколько яицъ изъ-подъ салфетки, чтобы уменьшить итогъ ихъ при разсчетѣ, хотя настоящій годъ ея рожденія былъ напечатанъ во всѣхъ календаряхъ. Такъ можно ли, послѣ этого, обвинять графиню

ь жестокомъ эгоизмѣ, единственно за то, слишкомъ долго откладывала предъявле-і дочери свѣту, чтобы благовиднѣе уба-ѣ какихъ-нибудь два года, не болѣе, въ ь къ двумъ, убавленнымъ прежде еще ея ?

емножко длинно; но совершенно необходимо го дѣла и для хронологіи нашей исторіи. графиня Марія выходила замужъ, ей адцать лѣтъ отъ-роду, но зятю, по велико-поставили въ счетъ только восемнадцать. ивъ къ двадцати годамъ семнадцати-лѣт-чь и одинъ годъ замужства до ея рожде-ечатнымъ правиламъ ариѳметики выходитъ ть восемь: но печатныя правила ариѳметики тикѣ безбожно ложны. Дочери теперь толь-тнадцатый годъ вначалѣ—иначе и быть не : надобно же ей, до брачнаго совершенно-имѣть годъ времени впереди, для пріиска-ниха! — шестнадцать да восемнадцать 33, е говорятъ 34 — это еще не рѣшено — я Марія во всякомъ случаѣ—еще молодая на, и еще долго останется молодою. Слѣдо-но, графиня Марія, чтобы за хлопотами анія не потерять навыка къ искусству, ла каждое лѣто на воды пококетничать, по у примѣру, мѣсяца на три съ половиною. отъ годъ—въ годъ называемый «шестнад-ъ въ началѣ»—она взяла съ собою и Анну. ь уже можно было показать ее людямъ: при-всегда ловчѣе ввести дочь въ свѣтъ прямо а границы, и всегда лучше, когда первое,

пробное, впечатлѣніе будетъ юною красавицею произведено въ другомъ обществѣ, особенно, если можно, въ европейскомъ фешонебльномъ мѣстѣ; когда она явится между своими уже съ громкою славою и—о счастіе!—о блаженство!—съ готовою исторіей о возбужденіи отчаянной страсти въ какомъ-нибудь заколдованномъ принцѣ, инкогнито пившемъ горькую воду вмѣстѣ.

Я сказалъ, что графиня Марія и графъ Андрей были люди честолюбивые: историческая точность заставила меня открыть эту общую слабую сторону ихъ разнородныхъ характеровъ; но, для несчастія Анны, вовсе не нужно было этого предварительнаго обстоятельства: родители, которымъ небо посылаетъ въ дочери такой великій даръ, такую блестящую красоту, становятся честолюбивыми, когда бы они и не знали этого мучительнаго чувства прежде. Не справедливо ли имъ гордиться такимъ плодомъ любви своей? Не въ правѣ ли они, обладая подобнымъ сокровищемъ, считать себя выше другихъ? Не естественно ли имъ знать первымъ его неисчислимую цѣну, находить все обыкновенное не довольно высокимъ для столь высокаго проявленія чудесной силы природы, мечтать объ его величіи въ будущемъ, и, послѣ трудовъ, опасеній и печалей продолжительной заботливости объ его сохраненіи, связывать съ нимъ надежды на свое собственное возвышеніе, какъ вполнѣ заслуженную награду?..... Между графиней Маріей и графомъ Андреемъ давно уже велись разсужденія, и даже жаркіе споры, о томъ, чего можно ожидать отъ Анны,

лучше употребить ее въ дѣло общаго то есть, силы и значенія въ свѣтѣ. Теспоры приняли характеръ болѣе важный ственный. Дочь вступила въ свѣтъ. Першагъ уже былъ сдѣланъ. Въ германскихъ къ, гдѣ они останавливались, чтобы непоказать Анну, удивительная красота ея въ волненіе цѣлые города; Нѣмцы ахнуи во снѣ не видали ничего подобнаго! ѣ, куда наконецъ семейство нашихъ путениковъ пріѣхало уже довольно поздно, дать время собраться самымъ важнымъ ъ зловкусной воды, въ этомъ періодичестолпотвореніи всѣхъ притязаній, всѣхъ ъ, всѣхъ кокетствъ, всѣхъ душевныхъ и ыхъ болѣзней, въ этомъ модномъ и блеъ чистилищѣ уязвленныхъ честолюбій и енныхъ желудковъ, стремящихся сюда со сторонъ Европы, Анна, въ Эмсѣ, произвела рясеніе: дома поколебались, источники изаллеи и тропинки перепутались; это былъ крикъ удивленія, общій восторгъ, даже женщинами, пріѣхавшими просто кокетни- Между хворыми вспыхнулъ настоящій мя- Доктора не могли унять бунтующихъ пои чахотокъ. Воды были оставлены, стаопрокинуты, каждый бѣжалъ стремглавъ, і гдѣ-нибудь встрѣтиться съ «неземною» жею, чтобы взглянуть на это чудо. Графиня і, проходя черезъ этотъ безконечный рядъ ествъ, столь упоительныхъ для матери, въ ти своей забыла, что ей самой только трид-

цать-четвертый годъ. Но графъ Андрей, менѣе впечатлительный, не забывалъ ничего, и принялся разсуждать: это была его страсть, несчастная страсть, которой жена приписывала всѣ ихъ неудачи. Но нельзя же не разсуждать! Дочь — невѣста! При первомъ опытѣ, она пріобрѣтаетъ такіе страшные успѣхи! Уже четверть Европы влюблена въ нее безъ памяти. Невозможно ввести ее въ свѣтъ безъ всякаго плана! И графъ Андрей, которому, безъ жены и безъ секретаря, никогда не приходили въ голову счастливыя идеи, разсуждалъ очень просто: за дѣйствительнымъ могуществомъ, за личнымъ вліяніемъ на дѣла, послѣ столь громкаго паденія, гоняться было нечего; слѣдовательно, не останется ничего болѣе какъ идти путемъ такихъ почестей, которыя требуютъ только важности, осанки и нѣкоторой ловкости.

— Я думаю, что всего лучше будетъ выдать Аннету за молодаго Т***: это сблизитъ насъ съ его отцомъ и съ Э—ами, и черезъ нихъ можно будетъ все исправить.

— За молодаго Т***? вскричала жена: за такого болвана?

— Чтò за нужда! Умъ въ супружествѣ не нуженъ.

«Ты говоришь по опыту!» подумала жена, но прибавила громко: — У него такое злое сердце! Онъ еще молодъ, а уже такой эгоистъ!

— Конечно, это большой порокъ. Но его отецъ очень силенъ, и намъ рѣшительно нуженъ: Аннета была бы счастлива съ сыномъ такого человѣка.

калуйста, не разсуждай о женскомъ сча-
зала графиня Марія: ты этихъ дѣлъ не
пь. Я никогда не отдамъ моей Анны за
ла: такія красавицы, какъ она, рождаются
ь не для господъ Т***.

ікъ тебѣ угодно, душа моя! Но я сегодня
лъ всѣхъ мысленно и, кромѣ молодаго
князя Петра, котораго ты напрасно не
, никого не вижу вокругъ насъ. А князь
тоже могъ бы намъ быть весьма поле-
и по своему настоящему положенію, и по
ь своей матери!

нязь Петръ, сухо возразила графиня: уже
алъ свою молодость и свое здоровье; и той,
і рѣшится за него выйти, достанутся очень
дные остатки. Ему уже далеко за сорокъ

Іочти столько же какъ было и мнѣ, когда
ілся.

ла не дала на это никакого отвѣта, чтобы
ізать мужу чего-нибудь непріятнаго. При
князя Петра, тысяча различныхъ мыслей
ствованій, которыхъ не въ состояніи понять
ой мужъ въ свѣтѣ, мгновенно въ ней за-
и, столкнулись и разсѣялись: она имѣла
важныя причины не любить князя Петра.
олчавъ нѣсколько секундъ, она сказала:

Но онъ уже схоронилъ двухъ женъ!

И готовъ жениться до безконечности.

Разумѣется! Вѣтреннику, мужчинѣ непосто-
му и капризному, закоснѣлому домашнему

тирану, это ничего не стóитъ. Обѣ его жены были очень несчастны.

— Третья можетъ быть счастливою. На это нѣтъ никакого общаго правила. При его нынѣшнемъ значеніи, во-первыхъ, всякой чрезвычайно лестно будетъ носить его имя и пользоваться такимъ блестящимъ положеніемъ.... Его жена, особенно при красотѣ Анны и при небольшомъ умѣньѣ, стояла бы въ челѣ всего общества, могла бы рѣшительно быть первою дамою.

— Это правда.

— Согласись, что это была бы прекрасная партія!

— Прекрасная, только не для Анны.

— Какъ не для Анны? А для кого же?.... Не только для Анны, но и для насъ съ тобою, мой другъ! Развѣ наше счастіе—не ея счастіе? ея—не наше?

— Анна въ правѣ помышлять о чемъ-нибудь получше, сказала мать.

— Получше князя Петра! воскликнулъ отецъ. Ты шутишь, моя милая! За кого же надѣешься ты ее выдать?

— Предоставь это моему уму. Мы съ Анной найдемъ себѣ жениха. Она еще слишкомъ молода; времени впереди довольно.

— Нельзя же начинать дѣло безъ плана!

— Охъ, ужъ мнѣ эти твои планы!.... Еще, сколько я помню, ни одинъ изъ нихъ не удался. Планъ создастся послѣ, какъ прійдетъ время. Мы съ Аннетой смѣло можемъ подождать.

— Ты хочешь все ждать! Я, право, не пони-

го ты ждешь: вѣдь ей скоро наступитъ
цатый годъ!
ань же ты всѣмъ разсказывать, что ей
осемнадцатый годъ, такъ будетъ польза!
остью возразила жена.
чѣмъ разсказывать! отвѣчалъ мужъ хладно-
я знаю, что ей только шестнадцатый вна-
При всемъ томъ, намъ уже пора заняться
іемъ для нея выгодной партіи. Не дума-
ты выбирать ей жениховъ по своему вкусу
ремя, когда она влюбится въ кого-нибудь?....
будетъ поздно! А теперь, если умно при-
за дѣло.... я увѣренъ.... я имѣю предчув-
что, при помощи старой графини Наталіи,
Петръ, который скоро сюда пріѣдетъ....
а оставь же ты своего князя Петра! съ
досадою сказала графиня Марія. Для Анны
го все на свѣтѣ: и что̀ ты мнѣ скажешь,
на.... вдругъ сдѣлается даже?....
Даже чѣмъ, напримѣръ? живо спросилъ

Супругою одной.....
Одной?.... а не одного.
Нѣтъ, не одного, а одной.
Вотъ этого я никакъ не полагалъ!
Однакожъ, это положительно.
Даже супругою одной!.... Это что-то удиви-
ое. Чьей же супругою?.... Ну, скажи чьей!
Вла..., сказала мать, послѣ минутнаго мол-
, колеблясь въ отвѣтѣ и придавая ему глу-
таинственность внезапнымъ прерваніемъ
таго слова.

— Машенька! моя милая! мой другъ! вскричалъ графъ Андрей, цѣлуя жену съ такимъ любопытствомъ, что, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, она могла бы это принять за порывъ любви: не мучь меня!.... скажи, что̀ это такое?.... Супругою одной Вла?....

— Не могу!

— Ради Бога, скажи!.... если ты меня любишь!

— Но я тебя не люблю! возразила она, улыбаясь. Развѣ ты еще имѣешь притязаніе на мою любовь?

— Необыкновенное! сказалъ мужъ, сгарая нетерпѣніемъ.

— Ахъ!.... зачѣмъ оно пришло такъ поздно! насмѣшливо вздохнула жена.

— Это, знаешь, возрожденіе феникса изъ пепла, отвѣчалъ мужъ: возрожденіе, въ видѣ еще блистательнѣе прежняго.

— Только прежняго? промолвила она, хохоча. Ну, такъ это еще немного! Но по случаю такого праздника....

— Ты удовлетворишь мое любопытство?

— Непремѣнно! Твоя дочь можетъ сдѣлаться даже супругою одной высокой владѣтельной особы.

Я прерву здѣсь этотъ разговоръ. Набросимъ поскорѣе занавѣсъ на сумасбродныя предположенія матери, обманутой наружностью и своимъ честолюбіемъ. Поводомъ къ столь великолѣпной мечтѣ было слѣдующее обстоятельство. Въ Эмсѣ находился проѣздомъ одинъ молодой и богатый Англичанинъ, окружавшій себя, изъ странности или по разсчету, какою-то таинственностью. Онъ

концертѣ и, на другой день, послалъ ъ, которые ему понравились, такіе подарки, что всѣ изумились. Стали дѣ- положенія. Кто-то сказалъ въ шутку или сти, что это — владѣтельная особа, путе- цая инкогнито. Въ обществѣ праздномъ, номъ изъ пріѣзжихъ всѣхъ націй, людей, извѣстныхъ другъ другу, самыя смѣш- етни тотчасъ снискиваютъ себѣ общее Молодому Англичанину повсюду начали ть почтительное уваженіе. Необыкновен- сота Анны произвела въ немъ впечатлѣ- сколько любезныхъ словъ, сказанныхъ елестной незнакомкѣ, нѣсколько привѣт- тпущенныхъ по необходимости самой ма- совершенно вскружили голову графинѣ Она была увѣрена, что это принцъ и что юбленъ въ Анну до безпамятства. Это по- й нелѣпую мысль о возможности выдать вою за владѣтельную особу, и она безпре- бредила своимъ мнимымъ принцемъ. Англи- ь уѣхалъ и забылъ объ Аннѣ. Но прошу ѣдить даже самую умную мать такой кра- ы, что дочь ея не имѣетъ права быть всѣмъ ътѣ! Возраженія графа Андрея приписаны его ограниченности: графиня Марія непре- требовала, чтобы онъ «предоставилъ это у», потому-что онъ ничего не знаетъ и не нaетъ, и головой своей ручалась въ успѣхѣ. хочу разсказывать послѣдствій ея печальна- блужденія: болѣе жестокосердый лѣтописецъ разитъ когда-нибудь потомству, какъ она

изъ Эмса летала по всей Европѣ за мнимымъ высокимъ посѣтителемъ водъ, какъ вездѣ его ловила, какія жестокія возникли отсюда мистификаціи, и какою непріятностью кончились для нея всѣ эти высокомѣрные поиски. Она съ Анною, только черезъ полтора года, воротилась въ свое отечество. Къ счастію, онѣ не потеряли ни одной секунды времени: любуясь на предпріятіе графини Маріи, время неподвижно остановилось въ изумленіи, и читательницамъ пріятно будетъ узнать, что мать и дочь пріѣхали назадъ такъ же, какъ уѣхали — одна по «тридцать-четвертому году», — другая по «шестнадцатому вначалѣ».

Здѣсь я совсѣмъ оставлю на-время исторію графини Маріи: дочь ихъ уже не дитя; она въ свѣтѣ и *почти* невѣста; у нея есть сердце и глаза, которые могутъ доставить намъ пропасть дѣла. Того, что̀ мы видѣли, очень достаточно для удостовѣренія, что нѣтъ никакой выгоды для дочери быть необыкновенною красавицей у своихъ родителей: это только возбуждаетъ въ нихъ честолюбіе, жадность, необузданныя надежды, высокомѣрные разсчеты, въ которыхъ будущее счастіе дѣвушки не ставится въ копѣйку. Матери, и нерѣдко также отцы, впадаютъ передъ ними въ идолопоклонство, но не изъ чистой любви, а потому что ждутъ великихъ благъ отъ идола; и вообще родители гораздо основательнѣе и глубже любятъ дочерей, не ослѣпляющихъ своей красотою: они тогда готовы уважать ихъ чувствованія.

Преувеличенное обожаніе со стороны матери

ьма предосудительное влiянiе на Анну,
ало-по-малу усвоила себѣ всѣ качества
раморный холодъ, нечувствительность
имъ, и требованiе всеобщаго поклоненiя
л смертныхъ. Трiумфальное путешествiе
опѣ было однимъ безпрерывнымъ тор-
; но она ничего не видала: она только
а себя и думала о томъ, чтобы ее хо-
ѣли. Кто же изъ васъ, милыя мои чита-
, согласится быть такимъ истуканомъ?...
одной, сколько мнѣ извѣстно, которая
о не пожертвовала всей остальной жиз-
бы одинъ годъ — не болѣе — быть
овенною красавицею; но вы думаете эту
соединить съ тѣмъ умомъ, съ тою силою
енiя, которыя теперь на-лицо въ васъ на-
, а это рѣшительно невозможно: съ той
какъ въ ослѣпительной красотѣ пробуж-
мъ, она несчастна: все очарованiе исче-
ля нея, и она видитъ, какой ужасный даръ
ей природа. Это такъ справедливо, что
оторые выдумываютъ женщинъ, принуж-
ыли — чтобы соединить красоту, умъ и
— изобрѣсть чудовище. Въ миѳологiи на-
романовъ встрѣчаются иногда чудесныя
ицы, одаренныя высокимъ умомъ, и кото-
то же время *не знаютъ*, что онѣ чудесныя
ицы, отчего, какъ говорятъ, онѣ *еще кра-*
Вѣрите-ли вы существованiю такихъ жен-
Похожи-ли онѣ сколько-нибудь на женщи-
го изъ васъ согласится быть чудесною кра-
ю или, говоря технически, «дѣвою чудною»,

съ условіемъ ничего не знать объ этомъ? Признайтесь, что одни только мужчины могли, въ своемъ грубомъ незнаніи женской природы, изобрѣсть такихъ кентавровъ въ юбкахъ. У этихъ господъ одно только на умѣ, — красота! — неземная красота! — божественная красота! — и они приклеиваютъ ее ко всему возможному и невозможному, даже къ уму, спокойствію, счастію: разумѣется, только въ своемъ алчномъ воображеніи; потому-что на-дѣлѣ они не знаютъ что̀ и дѣлать съ такою красотою. Невѣжды! они, я, мы всѣ! всѣ мужчины! мы гоняемся за неуловимымъ блескомъ наружности, не понимая, что женщина, сама по себѣ, и безъ этой блестящей поверхности, есть высочайшая красота въ природѣ! Надобно только умѣть ее постигнуть.

Но оставимъ насъ, мужчинъ: я совершенно согласенъ съ вами, милостивыя государыни, что это — порода существъ, необходимыхъ для созданія вамъ на землѣ, своимъ трудомъ, красиваго, веселаго и удобнаго свѣта, расписаннаго чудесными картинками, убраннаго золотомъ, бархатомъ, кружевомъ и стихами, но существъ, вылитыхъ изъ слишкомъ грубой матеріи и потому неспособныхъ понимать многаго весьма тонкаго въ высшей человѣческой природѣ, которой вы — настоящія и единственныя представительницы. Это — быки, сильные, рабочіе, искусные, съ большими рогами, но также и съ бычачьей тонкостью въ понятіяхъ: прежняя литература, которая изображала ихъ, возлѣ женщинъ, смѣшными, самонадѣянными и всегда обманутыми, была гораздо ближе къ исти-

и нынѣшняя, жалующая этихъ надмён-
ювъ въ утонченные тираны. Прочь ихъ!
говорить о дѣлѣ. Всѣ вы желали-бы, до
за, быть такими «неземными» красавица-
ми «дѣвами чудными», о какихъ они меч-
ъ своемъ ненасытномъ невѣжествѣ. Ихъ
ь въ-сторонѣ; они мечтаютъ наобумъ: но
полезна вамъ самимъ столь высокая кра-
Чтобы добыть себѣ мужа, работника? И,
мой! для этого довольно только не быть
азною! Тысячи очень посредственно пре-
хъ легко выходятъ за-мужъ, и тысячи
азываемыхъ красавицъ остаются сто лѣтъ
вкахъ. Любовь, которая должна кончиться
мъ, почти никогда не зависитъ отъ красоты:
русское слово, превосходно выражающее на-
этого рода любви, именно, слово *пригляну-*
Въ самомъ дѣлѣ, чтобы заставить мужчину
ться на женитьбу, надобно только «пригля-
ся» ему: съ той волшебной минуты, онъ уви
въ васъ сотни красотъ, которыхъ и сами
ъ себѣ не видите. Но положимъ, что «незем-
красота пособила къ скорѣйшему достиже-
результата. Бракъ состоялся: на другой день
ѣ свадьбы, къ чему вамъ служитъ такая кра-
? Мужъ не станетъ любить васъ пламеннѣе
нее. Въ обладанiи вещами, самая необыкновен-
вещь скоро становится для обладателя обык-
енною: притомъ, для мужчины въ халатѣ ис-
аютъ всѣ красоты съ земли; онъ не видитъ
ь въ своемъ домѣ, а если, къ несчастiю, при-
чаетъ, то становится ревнивцемъ, тираномъ, и

превращаетъ жизнь вашу въ безконечное терзаніе. Думаете-ли вы, что мужья необыкновенныхъ красавицъ вѣрнѣе другихъ мужей? Ужасное заблужденіе! Изъ одного тщеславія, они почти всегда готовы измѣнить имъ. Напротивъ, по врожденной своему полу гордости, гораздо чаще упрямятся они быть вѣрными мужьями въ такихъ случаяхъ, когда всѣ постороннія хорошенькія женщины полагаютъ, что это имъ никакъ невозможно, и когда онѣ, изъ состраданія, совершенно готовы извинить крошечную измѣну со стороны этихъ «бѣдняковъ».

Рѣшительно, большая красота — во всѣхъ отношеніяхъ большая помѣха для супружескаго счастія, предположивъ даже, что съ нею соединяются образцовая кротость, героическое забвеніе своихъ преимуществъ, и характеръ вовсе не избалованный льстивымъ раболѣпствомъ свѣта передъ всякою прекрасною наружностью, что̀, въ порядкѣ вещей, невозможно или, по-крайней-мѣрѣ, невѣроятно. Самое счастіе устроено на землѣ безъ красоты: природа составляетъ чашу его для людей, сливая вмѣстѣ медовую росу чувствованій, желаній и надеждъ двухъ сердецъ, и приправляя ее душистымъ сокомъ, выжатымъ изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ неограниченнаго взаимнаго довѣрія, нѣжной обоюдной заботливости и вѣчнаго согласія. Въ этомъ безсмертномъ питьѣ красоты нѣтъ ни капли, потому-что летучее ея начало, которое такъ быстро испаряется и блекнетъ отъ солнечнаго луча, и мутится отъ вѣтру, и вянетъ отъ печали, скоро оставило бы въ чашѣ только

ость и горечь, еслибъ оно было необхо-
частью волшебнаго состава. Посмотрите,
дро, съ какою благостью, разсчитано на-
іе смертныхъ провидѣніемъ, и замѣтьте,
ь этотъ разсчетъ сдѣланъ отнюдь не на
, а на среднюю точку между безобразіемъ
тою: оно дало человѣку инстинктъ супру-
и въ нѣдрахъ супружества помѣстило
кровища счастія, для того, чтобы, въ его
аніяхъ, онъ воображалъ, будто вѣчно ви-
передъ собою красоту и молодость! Привыч-
зпрестанно, безконечно глядѣть на свою
ю подругу и дѣлиться съ ней жизнію, за-
нетъ мужчину открывать въ лицѣ ея осо-
ю прелесть, незримую для другихъ, и не ви-
измѣненій, наносимыхъ годами: всѣ кри-
, что вы старѣетесь — что уже состарѣ-
— одинъ онъ не примѣчаетъ этого: ему ка-
я, будто, за вычетомъ двухъ-трехъ незначи-
ныхъ морщинокъ, вы все такъ же молоды и
, какъ были въ день брака. Видѣли-ль вы,
акимъ восхищеніемъ, съ какимъ восторгомъ,
кварій разсматриваетъ старую монету, кото-
время изгрызло въ землѣ своими каменными
ами? какъ онъ мысленно возстанавливаетъ ис-
тыя черты? какъ пополняетъ воображеніемъ
зубренныя округлости? и какъ онъ счастливъ
ту минуту? Дайте ему новую, блестящую мо-
у: онъ броситъ ее съ презрѣніемъ и опять
убится въ этотъ драгоцѣнный памятникъ древ-
сти. Мужъ, послѣ пятнадцати лѣтъ счастливаго
ака, просто — антикварій своей жены. Одно и

то же чувство. И я воображаю, что Турокъ, у котораго, въ теченіи восемнадцати или двадцати лѣтъ счастливаго супружества, наберется порядочная коллекція старыхъ женъ, долженъ, глядя на нихъ, испытывать совершенно то самое блаженство, какое ощущаетъ ученый К***, просиживая по цѣлымъ днямъ надъ своимъ собраніемъ древнихъ изломанныхъ копѣекъ!

Но вы скажете, что, въ замѣнъ красоты и молодости, я предполагаю въ бракѣ условіе, котораго достигаютъ весьма немногіе, что я говорю исключительно о счастливомъ супружествѣ. Это правда: я говорю именно о счастливомъ. Не спорю, что такіе браки — чрезвычайная рѣдкость. Сегодня утромъ я составилъ списокъ всѣхъ моихъ знакомокъ, которыя вышли за-мужъ по любви — ихъ набралось семьдесятъ шесть — подлѣ имени каждой, которая уже не любитъ своего мужа, я ставилъ крестикъ, — и оказалось, что изъ семидесяти шести моихъ нѣкогда влюбленныхъ знакомокъ, семьдесятъ двѣ съ огромными крестиками, рѣшительно не любятъ своихъ мужей, за невозможностью любить долѣе такихъ тирановъ, грубіяновъ, эгоистовъ, вѣтренниковъ, — одна остается подъ сомнѣніемъ, — двѣ любятъ порядочно, несмотря на тиранство, — одна обожаетъ. Списокъ удивительно вѣренъ, и основанъ на самыхъ несомнѣнныхъ документахъ. Положеніе дѣла ужасно. Семьдесятъ двѣ изъ семидесяти шести! Но такое огромное число несчастныхъ водилось только до-сихъ-поръ: впередъ оно чрезвычайно уменьшится, и даже дойдетъ вскорѣ до нуля, по-

иу-что я открылъ рецептъ, какъ быть счастли-
о въ супружествѣ, — который, для общаго бла-
моихъ прекрасныхъ читательницъ, тутъ же и
общаю, не требуя даже десяти-лѣтней привилле-
i въ свою пользу за труды и издержки на изо-
ѣтеніе. Средство — самое простое! Хотите-ли,
обы мужъ обожалъ васъ постоянно, неизмѣнно,
обы онъ былъ вѣренъ, учтивъ, внимателенъ,
ботливъ, покоренъ, достоинъ любви, чтобы вы
дъ нимъ безпредѣльно владычествовали и чув-
вовали себя совершенно счастливыми?... Будьте
ь нимъ всегда такъ любезны и милы, какъ вы
ыли, будучи его невѣстою. Не перемѣняйтесь ни-
колько! Продолжайте — вѣдь это для васъ такъ
егко! — продолжайте и послѣ свадьбы быть
ою же невѣстою, относительно къ ровности ха-
актера, отсутствію капризовъ, кротости, невзы-
кательности, любезному и веселому нраву; встрѣ-
айте мужа какъ жениха, все съ тою же ангель-
кою улыбкою, съ тѣмъ же нѣжнымъ взглядомъ,
ъ тѣмъ пламеннымъ выраженіемъ любви; если у
асъ есть своенравіе, страсть спорить, склонность
орчать, готовность къ упреку, расположеніе къ
окетству или другіе недостатки, прячьте ихъ
тъ мужа такъ тщательно, какъ вы прятали отъ
жениха: нѣтъ такого тигра, медвѣдя, слона, но-
сорога, во всей лютой породѣ мужей, который бы,
съ этимъ простымъ средствомъ, не смирился у
ногъ вашихъ; котораго природная дикость не
превратилась бы въ самое страстное и постоянное
обожаніе, властолюбіе въ самую плѣнительную
покорность, эгоизмъ въ образцовую благодар-

ность. Новаго ничего противъ мужей выдумывать не нужно: будьте только такъ, какъ были невѣстою!

Вы, однакожъ, все-таки желали-бъ быть необыкновенными красавицами — и я знаю для чего! — для того, чтобы, если мужъ возмутится противъ вашего законнаго владычества, противъ долга вѣрности и повиновенія, отмстить мятежнику за измѣну, показать неблагодарному все его ничтожество, быть завоевательницею, покорять, владычествовать надъ другими, надъ свѣтомъ, надъ всѣмъ этимъ поломъ, къ которому принадлежитъ чудовище. Но — Боже мой! — знаете ли всѣ опасности, весь дымъ, всю горечь, всѣ бѣдствія, яды, кинжалы такого владычества? Вы не царствуете, но только защищаетесь отъ злобы непріятеля и коварства рабовъ. Вы ходите въ пышной мантіи по волкану: эта горячая почва вдругъ взорвется невидимою подземною силою, и вы ничтожно погибнете въ огнѣ, пыли, сажѣ и потокахъ извергнутой грязи.... Я, кажется, примѣчаю, что вы зѣваете? Вы какъ-будто находите, что это болѣе похоже на лекцію нравственной философіи, чѣмъ на повѣсть, которой отъ меня ожидаете? Да я повѣсти и не пишу! Я пишу дѣло.

Анна воротилась изъ-за границы прекрасная какъ солнце и безчувственная какъ лента.

При первомъ вступленіи въ общество, въ одномъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ, но очаровательныхъ круговъ, въ которые осень соединяетъ по нѣскольку человѣкъ родныхъ и короткихъ знакомыхъ, длинное и блѣдное лицо одного изъ

присутствующихъ привлекло къ себѣ ея вниманіе. Это было у ея тетки, мадамъ Б***. Все общество состояло — изъ хозяйки, безобразной, но ловкой и умной женщины, которая, какъ извѣстно, деспотически управляла своимъ мужемъ, совершенно влюбленнымъ въ нее еще послѣ восемнадцатилѣтняго супружества; ея всеподданнѣйшаго мужа, человѣка весьма неглупаго, способнаго и очень просвѣщеннаго; ихъ общей дочери Софіи, сентиментальной болтушки, начинающей кокетки, которая уже очень искусно работала глазами, живой, бѣленькой, розовой, довольно миловидной; изъ великолѣпной княгини Х***, славившейся своей ученостью, впрочемъ милой и доброй женщины; ея дочери Александры, пожилой дѣвы, которую обыкновенно звали княжной Лоло, ядовитой пересмѣшницы, одаренной тонкою наблюдательностью, но скрытной, злой, молчаливой, всегда выжидавшей случая, чтобы съ заоблачной вышины своего ума объявить смертнымъ свою сентенцію; графини Маріи и ея чудесной статуи, Анны; стараго графа Ф***, который въ городѣ слылъ человѣкомъ очень ограниченнымъ, но въ обществѣ былъ всегда самымъ замысловатымъ и неисчерпаемымъ разсказчикомъ пріятныхъ анекдотовъ; наконецъ изъ молодаго человѣка, съ вышесказаннымъ длиннымъ и блѣднымъ лицомъ, съ грустною улыбкою, съ небрежною и нѣсколько разсѣянною наружностью, но съ одушевленною и изящною рѣчью, блестящимъ воображеніемъ, и живописнымъ колоритомъ почти въ каждомъ словѣ; и двухъ знатныхъ иностранцевъ, обходительныхъ, учтивыхъ,

сладкихъ, одѣтыхъ неукоризненно, и весьма красивыхъ собою: однимъ изъ нихъ былъ маркизъ С***, молодой Итальянецъ, прославленный красавецъ, левъ, щеголь, мотъ, герой будуаровъ, кукла и чума всѣхъ вѣтреныхъ женщинъ, великолѣпная банка тщеславія, влюбленная въ собственную красоту, и, слѣдовательно, человѣкъ не очень проницательный; другимъ — баронъ З***, секретарь одной изъ германскихъ миссій. Я принужденъ говорить объ нихъ съ нѣкоторыми подробностями, потому-что всѣ они вскорѣ переселились въ гостиную графини Маріи. Маркизу, какъ кажется, Анна съ перваго взгляда ужасно понравилась: это было тѣмъ очевиднѣе, что на нее онъ только бросалъ сладкіе взгляды и, какъ хорошій дипломатъ, тотчасъ занялся исключительно матерью и расточалъ передъ нею всю свою любезность. Прочіе, всѣ вмѣстѣ, искали совокупнаго удовольствія. Въ этомъ небольшомъ и почти дружескомъ обществѣ совокуплены были, какъ вы видите, всѣ элементы очарованія — умъ, красота, злость, познанія, краснорѣчіе, остроуміе, изящество, глупость. Изъ смѣси ихъ образовалась одна изъ самыхъ восхитительныхъ бесѣдъ, какими только наслаждались люди отъ вымышленія самолюбія. Но молодой человѣкъ съ длиннымъ и блѣднымъ лицомъ, котораго по разнымъ причинамъ я не могу называть иначе какъ Валеріаномъ, господствовалъ въ ней примѣтнымъ образомъ посредствомъ своего плѣнительнаго ума и слова; когда онъ говорилъ, удовольствіе написано было на всѣхъ лицахъ, и когда молчалъ, предаваясь

своей привычной задумчивости, всѣ, казалось, ждали съ нетерпѣніемъ той минуты, когда онъ снова начнетъ говорить. Лицо его вовсе не отличалось миловидностью: напротивъ, въ обыкновенномъ выраженіи его было что̀-то сухое, жесткое, непріятное; но, когда онъ говорилъ нѣсколько времени, это самое лицо, освѣщенное лучами блестящей мысли, сіяніемъ пылкаго воображенія, становилось удивительно живописнымъ и даже красивымъ.

— Кто это? съ любопытствомъ спросила Анна у своей кузины Софіи.

Софія назвала его.

— Кто же онъ таковъ?

— Да онъ.... развѣ ты не знаешь?... нашъ знаменитый поэтъ. Другъ мой! какіе чудесные стихи онъ пишетъ!... прелесть! очарованіе!... Я все утро плакала, прочитавъ его «Фату Моргану». Ты ничего не читала изъ его сочиненій?

— Ничего. Гдѣ же я могла читать?

— Пойдемъ ко мнѣ, въ мою комнату. Я покажу тебѣ одни стихи его.... коротенькія.... но ты увидишь, что̀ за прелесть.

— Я хочу его послушать.

— Теперь не услышишь его болѣе. Посмотри, вотъ уже Александрина Х*** имъ овладѣла: пока она не выскажетъ ему всѣхъ своихъ несносныхъ остротъ, не надѣйся видѣть свободнымъ этого чудеснаго человѣка. Пойдемъ.

Онѣ ушли.

— Онъ тебѣ нравится? спросила Анна. Ты говоришь съ такимъ жаромъ!

— Очень нравится!... Нельзя, по словамъ му чинъ, чтобы онъ не нравился, хоть онъ не хоро собою. Но.... мое сердце уже занято!... Я р скажу тебѣ объ этомъ послѣ. Я тебѣ разска всѣ мои тайны, а ты мнѣ разскажи свои.

— У меня нѣтъ ни одной.

— Возможно ли?... Какая ты бѣдная!... О удивительно милъ! Не правда ли?... Я знаю п крайней-мѣрѣ сто дѣвицъ, которыя просто вл блены въ него.... Мужчины говорятъ объ нем много дурнаго: да что̀ нужды!... когда мы во его обожаемъ!...

Онѣ побѣжали черезъ спальню и уборную Софьи ной матери. Анна, быть-можетъ, первый разъ в жизнь свою, испытала что̀-то похожее на впечатлѣ ніе: до того времени, будучи занята исключительн собою, она никогда не ощущала даже и любопыт ства, самаго простаго женскаго чувства. Блеск этого необыкновеннаго ума ослѣпилъ ее послѣ гу стаго тумана изящныхъ пошлостей, въ которомъ жила она дотолѣ. Свѣтлая, сильная, мужеская мысль впервые звучала въ ея ушахъ. Это было для нея родъ любопытнаго воздушнаго явленія. Въ сравненіи съ тѣмъ вѣчнымъ ничтожествомъ рѣчи молодыхъ свѣтскихъ мужчинъ, которымъ даръ слова какъ-будто данъ только въ шутку, для дѣтской потѣхи, для составленія кудрявыхъ узоровъ безъ мысли, человѣкъ, говорившій такимъ образомъ, показался Аннѣ чѣмъ-то выше мужчи ны. Она неохотно уходила изъ кабинета Софьиной матери, въ которомъ находилось это маленькое общество. Привыкнувъ уже къ удивленію муж-

чинъ, она до-тѣхъ-поръ не обращала вниманія на ихъ взгляды: но теперь она тихо допрашивала свое самолюбіе о впечатлѣніи, которое сама могла произвести на такого мужчину, припоминала себѣ, была ли имъ примѣчена, и вспомнила съ удовольствіемъ, что взоръ его нѣсколько разъ съ удивленіемъ останавливался на ея чудесномъ лицѣ.

Софія прочитала ей изъ собственной своей тетради послѣднее его стихотвореніе, одно изъ лучшихъ, какія написалъ онъ когда-либо. Обѣ были въ восторгѣ.

— Онъ издалъ недавно небольшую книгу разныхъ своихъ стиховъ, продолжала Софія. У меня есть экземпляръ съ его собственноручною надписью. Не хочешь ли прочитать?... я тебѣ дамъ его.

— Ахъ, съ большимъ удовольствіемъ! сказала Анна.

Софія взяла съ своей этажерки красивый томикъ, переплетенный въ зеленый сафьянъ съ богатыми золотыми украшеніями, позвала горничную, и приказала завернуть книгу въ бумагу и отдать лакею графини Маріи. Кузины возвратились къ обществу, разговаривая о своихъ прическахъ, и о мужчинахъ, бывшихъ въ кабинетѣ. Софія вдругъ, къ удивленію Анны, стала находить Валеріана очень безобразнымъ и прославлять маркиза С*** удивительнымъ красавцемъ: Анна признавалась, что не замѣтила въ немъ ничего необыкновеннаго. Странно! женщины необыкновенныя красавицы вообще не цѣнятъ красоты въ мужчинахъ; часто даже онѣ рѣшительно ея не

любятъ, почитая ее какъ-бы нарушеніемъ свое собственнаго великаго преимущества. Съ одн стороны, онѣ слишкомъ много занимаются сво собственной красотой, и красота уже немножк имъ прискучила, а съ другой, при хорошемъ ра счетѣ, онѣ находятъ выгоднѣе для себя быт однѣмъ прекрасными и не дѣлить ни съ кѣмъ в свѣтѣ правъ на удивленіе. Притомъ, большая кра сота предполагаетъ большое тщеславіе: кто̀ лучш ихъ знаетъ это обстоятельство!... и онѣ стра шатся встрѣтиться въ мужчинѣ съ тщеславіемъ равнымъ своему собственному.

Остальная часть вечера доставила менѣе удовольствія Аннѣ. Поэтъ былъ молчаливъ и разсѣянъ. Софія приписывала это тлетворному вліянію устарѣлой злости княжны Лоло. Но причина была другая: вы узнаете ее послѣ. Молодые дипломаты утомляли красавицу, одинъ своими взглядами, другой бездушнымъ разговоромъ. Отъ анекдотовъ стараго графа Ф*** у нея разболѣлась голова. Она подошла къ своей матери и сѣла такъ, чтобы необыкновенный человѣкъ, котораго умъ очаровалъ ее, могъ видѣть всю ея красоту и сознался передъ собою, что она также заслуживаетъ нѣкотораго любопытства. Общество разъѣхалось довольно рано.

Возвратясь домой, Анна тотчасъ удалилась въ свою комнату, раздѣлась, легла въ постель, и принялась за чтеніе книги, данной кузиною. Этотъ музыкальный языкъ, эта могущественная мысль, одѣтая во всѣ прелести поэзіи, это возвышенное, сильное и вмѣстѣ тонкое чувство, брызжущее съ

пламенемъ изъ глубины благородной души, это умѣнье проникать во внутренность женскаго сердца, отгадывать лучшія его желанія, оцѣнивать самыя тайныя и самыя драгоцѣнныя его чувствованія, непонятныя и потерянныя для обыкновенныхъ мужчинъ, все это не могло не восхитить, не поразить, не взволновать дѣвушки, до-тѣхъ-поръ нечувствительной. Она читала съ жадностью, съ восторгомъ, со страхомъ: это незнаемое, необозримое величіе души геніальнаго мужчины ужасало ее, доставляя съ другой стороны невыразимое наслажденіе впервые почувствованнаго глубокаго удивленія. Книга выпала изъ рукъ ея при послѣдней страницѣ. Въ этомъ затмѣніи ума и сердца, произведенномъ блескомъ генія, когда еще всѣ фибры сладостно дрожали волшебными звуками его поэзіи, внезапный лучъ свѣта, родъ вдохновенія, вдругъ совокупилъ, въ одно понятіе, ея растревоженныя мысли и чувства: она постигла, что въ мужчинѣ можетъ быть неземная красота, равная ея собственной красотѣ, но что эта красота — внутренняя, какъ та — наружная, обѣ равно могущественныя и равно небесныя, и что она-то, эта внутренняя красота, и есть настоящая красота мужчины.

Анна не могла уснуть всю ночь. Сильное дѣйствіе этого огненнаго чтенія, болтовня сентиментальной Софіи, новыя понятія, новыя чувства, вторгнувшіяся въ молодую душу съ потокомъ гармоническихъ вдохновеній, волновали ее до самаго утра. Образъ поэта, окруженный великолѣпнымъ сіяніемъ славы, образъ чуднаго человѣка, пред-

ставителя огромныхъ силъ творчества, гиганта мужескихъ достоинствъ, который въ то же время жаловался, страдалъ, искалъ утѣшенія, вымаливалъ любви, участія, одной слезы, этотъ торжественный образъ неразъ являлся ея воображенію, и оно съ благоговѣніемъ преклоняло передъ нимъ колѣни.

Знатоки въ дѣлѣ тотчасъ скажутъ, что Анна, эта холодная Анна, тщеславная, преданная самообожанію, была уже влюблена въ автора книги. Я не говорю — нѣтъ; и по моему разсчету, она была влюблена, хотя мысль о любви до-тѣхъ-поръ и въ голову ей не приходила: но вотъ какъ нѣжныя женскія сердца убиваютъ въ обществѣ доброе имя великихъ поэтовъ и писателей съ необыкновеннымъ дарованіемъ, которые трудятся для женщинъ! вотъ, какъ безвинно погибаетъ репутація всѣхъ подобныхъ людей! Я объяснюсь. Это фактъ, совершенно доказанный, хотя и очень тайный, котораго мы, обыкновенные мужчины, почти не подозрѣваемъ, что женщины чрезвычайно легко влюбляются въ великихъ поэтовъ и писателей, великихъ художниковъ, великихъ артистовъ; что, между-тѣмъ какъ мы усердно ухаживаемъ за ними, онѣ чуть-ли не всѣ влюблены въ этихъ несносныхъ людей, и что нашу любовь принимаютъ онѣ только по невозможности возбудить въ нихъ взаимное чувство или по неудобству наслаждаться его чарами. Правда, такого рода восторженныя, мечтательныя страсти — вещь самая естественная изъ всѣхъ естественныхъ вещей. Обвинять женщинъ за подобныя увлеченія было бы совершенно не-

справедливо. Эти люди дѣйствуютъ на нихъ самымъ сильнымъ, самымъ страшнымъ, истинно мужескимъ средствомъ — внутреннею красотою мужчины, геніемъ — то есть, исполинскою силою въ дѣйствіи, — тогда какъ мы, бѣдняки, стараемся дѣйствовать самымъ слабымъ, самымъ дряннымъ — наружною нашею красотою — или, еще хуже, самымъ смѣшнымъ орудіемъ — мужскимъ кокетствомъ. Наши опасные соперники имѣютъ случай, въ своихъ чудесныхъ произведеніяхъ, тотчасъ, въ одинъ присѣстъ, развернуть передъ ними всѣ сокровища своего ума, все волшебство своего воображенія, весь огонь души и сердца, все могущество художественной рѣчи, волнующей землю и море, все свое умѣнье чувствовать, отгадывать чувствованія и любить страстно, съ разными микроскопическими тонкостями. А мы что?... Безъ хвастовства сказать, ума, души, сердца, жару, тонкости, можетъ-быть нашлось бы въ насъ столько же сколько и у нихъ: но развѣ это видно сквозь самыя лучшія палевыя перчатки или самые тонкіе лакированные сапоги? развѣ мы смѣемъ въ гостиныхъ ораторствовать такимъ пламеннымъ языкомъ и слогомъ, какъ они въ своихъ книгахъ, расписывать наши идеи такими живописными красками, какъ они на полотнѣ, извлекать изъ чего-бы то ни было такіе страстные и краснорѣчивые звуки, какъ они изъ своихъ инструментовъ?... развѣ мы умѣемъ?... Сколько тысячъ женщинъ, на нашей памяти, были безъ памяти влюблены, напримѣръ, въ Байрона и Пушкина, даже никогда не видавъ ихъ!... А въ насъ кто влюбился за

глаза? Мы ни чѣмъ не поражаемъ ихъ воображе-нія, источника женской любви: конечно, оттого только, что не имѣемъ случая. Что̀ если бы у насъ былъ случай? Да мы бы ихъ! этихъ Байроновъ!!.. Но безъ средствъ ничего не сдѣлаешь. Напрасно, несчастные, повязываемъ мы наши шейные платки съ удивительнымъ искусствомъ, тщетно причесываемся самымъ ученымъ образомъ, надѣваемъ блестящіе жилеты, показываемъ рубашки неукоризненной свѣжести, отращиваемъ великолѣпныя бороды — оружіе, казалось бы, неотразимое: въ глазахъ женщинъ, мы — куклы, съ позволенія сказать, такія же какъ онѣ сами; мы безсильны, женообразны, мелочны, смѣшны.... А съ какимъ чудеснымъ искусствомъ рѣшаемъ мы дѣла въ палатахъ! съ какою твердостью сидимъ въ комитетахъ! какія краснорѣчивыя записки, съ *сими* и *оными*, составляемъ обо всѣхъ казусныхъ вопросахъ! Но развѣ онѣ это видятъ? и развѣ могутъ оцѣнить всѣ наши великія канцелярскія достоинства? Работаемъ мы на нихъ усердно, управляемъ имѣніями безподобно, удивительно, убираемъ для нихъ дома на-славу, ихъ самихъ закутываемъ въ шелкъ, кружева и золото, безпрерывно подносимъ имъ самые блестящіе подарки, поварамъ заказываемъ безсмертные обѣды: онѣ говорятъ:—«Это ваша обязанность; съ вашей стороны тутъ нѣтъ никакого особеннаго достоинства, никакой истинно мужеской доблести, за которую существъ космaтыхъ какъ трутни можно было бы любить безъ памяти. Будьте великими! будьте настоящими мужчинами! возбуждайте наше удивленіе!» Это

легко сказать: но чѣмъ же мы можемъ удивлять васъ, сударыни? Положеніе наше, въ самомъ дѣлѣ, ужасно. Природа заключила женскую красоту въ слабости, мужскую въ силѣ, и приказала имъ обожать другъ друга; женщины, по мѣрѣ совершенствованія образованности, становятся болѣе и болѣе слабыми, нѣжными, мягкими, красивыми, чудесными: а мы?... а наша сила увеличивается ли въ томъ же содержаніи?... Увы! мы со дня на день ослабѣваемъ болѣе и болѣе. Сила въ мужчинѣ можетъ быть или физическая или умственная. Въ прежнія времена, въ эпохи такъ-называемаго варварства, когда между людьми дѣйствовала одна только физическая сила, мужчина, дюжій какъ китъ, заковывался весь въ желѣзо, опоясывалъ саженный мечъ, садился на огромную лошадь, бралъ въ руку тяжелое копье, и ѣхалъ въ свѣтъ — прокалывалъ съ одного удара пять сотъ бусурмановъ, однимъ взмахомъ сабли разсѣкалъ по-поламъ великана вышиною съ гору, вышибалъ изъ сѣдла по пятидесяти знаменитыхъ рыцарей на турнирѣ, шелъ одинъ на приступъ къ за̀мкамъ ревнивыхъ мужей-тирановъ, истреблялъ сотнями этихъ чудовищъ, и подвиги его личной силы и храбрости по-справедливости возбуждали удивленіе: всякое женское сердце трепетало при видѣ и при описаніи дѣйствій такихъ мужчинъ. Героическія проявленія мужества, дѣйствующаго тѣлесною силою, составляли тогда ту внутреннюю красоту мужчины, которая такъ восхищаетъ женщинъ, одаренныхъ наружною и совершенно довольствующихся ею. Это были великіе мужчины; и ихъ водилось множество:

посредствомъ упражненія можно было сдѣлаться великимъ. А теперь? Физическая сила замѣнена машинами и парами, личная храбрость тактикою и дисциплиною. Мужчина ослабъ тѣлесно. Наступило царство силы умственной. Легко ли отличиться ею? Надобно родиться геніемъ, чтобы удивлять свѣтъ своими подвигами и воспламенять женскія воображенія. Одно счастіе наше — что какъ геніевъ природа производитъ очень мало, то красавицы, вслѣдствіе печальной необходимости, принуждены брать насъ въ мужья и порой даже въ любовники; и какъ мы, въ нашихъ изящныхъ персонахъ, нигдѣ не представляемъ имъ внутренней красоты, то онѣ, хотя нехотя, берутъ съ удовольствіемъ то, что̀ въ насъ есть, что̀ мы имъ даемъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго — красоту наружную — миловидность — щегольство — совсѣмъ женскія достоинства. Любовь, говоримъ мы, ослабла, съ успѣхами образованности! Да что̀ жъ имъ въ насъ и любить такъ крѣпко, имъ, бѣднымъ женщинамъ, оставшимся на свѣтѣ почти безъ мужчинъ? Онѣ насъ любятъ только по нуждѣ, иногда по обязанности; любятъ братскою любовью: да и то слава Богу! Но пусть между нами, среди этого всеобщаго ничтожества, появится настоящій мужчина, человѣкъ съ великою новѣйшею силою, съ истинно мужескою красотою — геніемъ — огромнымъ талантомъ — такъ онѣ всѣ насъ и оставили: души и сердца ихъ бросили болѣе или менѣе явно наши пошлыя сердца, наши беззвучныя души, и, цѣлыми кадрилями, цѣлыми толпами, устремились туда, гдѣ слава, гдѣ подвиги,

мысли и чувства, гдѣ великое, гдѣ прекрасное, гдѣ удивленіе. Онѣ совершенно правы — тяжкій долгъ безпристрастія повелѣваетъ мнѣ объявить торжественно, что — нечего сказать, онѣ правы: да намъ-то каково?... Онѣ такъ мало насъ уважаютъ, что при насъ же восхищаются такимъ человѣкомъ и его талантомъ, то есть, не забудьте, его мужескою красотою; приходятъ въ восторгъ, падаютъ въ обморокъ. Это насъ бѣситъ! Мы, по праву личной защиты, стараемся унизить его въ ихъ глазахъ: мгновенно взводимъ на него небылицы, лжемъ, чернимъ, клевещемъ, бросаемся на его доброе имя, рвемъ зубами его частную жизнь, порицаемъ его нравственность. Собственно говоря, намъ ли порицать его нравственность! намъ ли, которые.... Ну, да что̀ жъ дѣлать, надобно защищаться. Если угодно, это — большое несчастіе, но несчастіе неизбѣжное. Дѣло само по себѣ такъ естественно, что и говорить нечего, и другаго средства противъ этихъ господъ я не вижу. Если намъ запретите клеветать на геніальныхъ людей, такъ ужъ позвольте по-крайней-мѣрѣ запереть нашихъ дамъ въ турецкіе гаремы, съ высокими глухими стѣнами со всѣхъ четырехъ сторонъ, куда бы не досягалъ ни одинъ «волшебный звукъ» этихъ страшныхъ «вдохновеній», какого бы то рода и разряда они ни были. Хорошій, надежный по-арабски *гаремъ*, а по-русски *теремъ*, право, не такое безнравственное изобрѣтеніе — да и не столь противное домашнему счастію — какъ обыкновенно полагаютъ. Я-таки думаю, что, конецъ концовъ, мы возвратимся къ теремамъ среднихъ вѣ-

ковъ. Способа нѣтъ съ нашими женщинами: мы клевещемъ на мужчинъ съ великими талантами; старушки, надобно имъ отдать справедливость, усердно намъ помогаютъ: тѣ не вѣрятъ! Дошло до того, что, какъ-скоро мужчины говорятъ много дурнаго о комъ-нибудь изъ своихъ братій, хоть-бы даже и справедливо, безъ всякой клеветы, онѣ тотчасъ предполагаютъ, что это долженъ быть необыкновенный человѣкъ, и готовы взять его подъ покровительство своего нѣжнаго сердца. Не знаю, судятъ ли онѣ объ насъ, въ такихъ случаяхъ, по тому какъ сами поступаютъ съ необыкновенными женщинами, но это — фактъ, примѣченный повсемѣстно въ образованномъ мірѣ и принятый уже романистами, которые, вообще, ничего не примѣчаютъ. Таковы-то — увы! — плачевныя послѣдствія нашей прославленной образованности!

А вы все ждете повѣсти! Мои философическія отступленія вамъ не нравятся: вы требуете чистой и простой повѣсти. Но это повѣсть и есть! Развѣ я здѣсь говорю о геологіи или объ акустикѣ? о вещахъ неинтересныхъ? Я повѣствую о красотѣ, о счастіи, о женщинѣ, о мужчинахъ, о томъ, кого изъ нихъ и за что̀ можно любить или не любить; повѣствую о страстяхъ мечтательныхъ, сладчайшихъ изъ страстей, о мужскомъ кокетствѣ, самомъ злодѣйскомъ изъ кокетствъ, и о прочемъ. Повѣсти лучше быть не можетъ. Тѣмъ болѣе, что я же сказалъ, *между прочимъ*, и то, что Анна не могла уснуть до самаго утра. Когда, въ первомъ

часу, она пришла въ столовую къ семейному завтраку, графиня Марія воскликнула:

— Ахъ, какъ ты блѣдна, Анна!

— Я нездорова, маменька, отвѣчала она.

Анна, собственно, хотѣла сказать — я не спала всю ночь — и объяснить причину безсонницы, но робость, спутница раждающейся любви, убила признаніе, уже трепетавшее на сладкихъ устахъ дѣвушки. Она только покраснѣла. Вскорѣ начали являться дамы и мужчины съ визитами. Между прочими, изъ вчерашняго общества, пріѣхали почти въ одно время, ученая княгиня Х*** съ своей княжною Лоло, въ лицѣ которой еще и сегодня видна была досада на то, что Валеріанъ вчера, по причинѣ, которой еще нельзя сказать, разсѣянно слушалъ ея глубокія разсужденія о прелестяхъ дружбы и другихъ любимыхъ чувствахъ старыхъ дѣвицъ; старый графъ Ф***, обѣгавшій уже нѣсколько домовъ съ визитами, въ которыхъ онъ проводилъ всю праздную жизнь свою, и молодой итальянскій маркизъ, котораго Софія прославляла такимъ красавцемъ. Это, напримѣръ, ничтожество было увѣрено, что его аполлоновская наружность оставила неизгладимый отпечатокъ на сердцѣ прекрасной Анны. Женщины не понимаютъ разныхъ оттѣнковъ кокетства въ мужскомъ тоалетѣ; но наблюдательный мужчина тотчасъ примѣтилъ бы по одному тому, какимъ образомъ въ это утро повязанъ былъ платокъ маркиза, что онъ уже почиталъ себя побѣдителемъ. Разговоръ вскорѣ коснулся вчерашняго вечера, и постепенно перешелъ къ Валеріану.

— Я очень люблю его, сказала ученая княгин Х***: онъ — человѣкъ не только съ большим талантомъ, но и скромный, благородный, прія ный въ обществѣ.

— Но согласитесь, chère maman, что онъ до вольно смѣшонъ, возразила княжна Лоло съ свое злобной усмѣшкой. Онъ формально начинаетъ кор чить генія, который выше всякой суеты этог суетнаго свѣта. Я наблюдала его вчера съ боль шимъ вниманіемъ, и увѣрена, что эти любезныя разсѣянности, которыя онъ себѣ позволяетъ въ обществѣ, заучены имъ благовременно, и что онъ проводитъ передъ зеркаломъ болѣе времени, для того, чтобы одѣться небрежно, нежели другіе, чтобы явиться щеголями.

— Это писатель, не правда ли? спросилъ маркизъ.

— Поэтъ.... и превосходный поэтъ! отвѣчала ему княгиня Х***. Многія изъ его небольшихъ пьесъ удивительны: я не читала ничего лучше ни на одномъ языкѣ, изъ тѣхъ, которые знаю.

— Что̀ касается до меня, примолвилъ старый графъ Ф***, то я не смѣю противорѣчить приговору тѣхъ, которые гораздо лучше моего въ состояніи судить о поэзіи, но въ отношеніи къ авторству придерживаюсь правила, кажущагося мнѣ несомнѣннымъ. Можетъ-быть, онъ превосходный поэтъ.... я не читалъ ни одной его строчки, хотя онъ благосклонно и подарилъ мнѣ свою книгу.... я такъ занятъ, что никогда не имѣю двухъ свободныхъ часовъ времени для чтенія!... но издавать книги.... (графъ сдѣлалъ презрительную гримасу), записываться въ авторы человѣку, живу-

щему въ свѣтѣ.... признайтесь, княгиня!... Какъ вы думаете, маркизъ?

— Онъ человѣкъ хорошей фамиліи? важно спросилъ дипломатъ.

— Очень хорошей! отвѣчалъ старый разсказчикъ анекдотовъ. Имя, которое онъ носитъ, одно изъ древнѣйшихъ и самыхъ блестящихъ въ исторіи. Положимъ, что нужда заставила бы его искать себѣ въ авторствѣ источника дохода: но, слава Богу, онъ еще не въ такой крайности! Отецъ оставилъ ему весьма порядочное состояніе. Съ его умомъ, именемъ, средствами, дарованіями, всѣ пути къ отличію были бы передъ нимъ открыты, если бы онъ не бросился въ это несчастное сочинительство.

— Я совершенно согласенъ съ вами, важно примолвилъ графъ Андрей, отецъ Анны.

— И я тоже, подхватила княжна Лоло. Пока онъ писалъ маленькія прекрасныя пьески, которыя его друзья сообщали намъ для прочтенія, и которыя мы съ восхищеніемъ читали между собою, рукоплеская ихъ счастливому автору, все обстояло какъ нельзя лучше и приличнѣе. Можно было, и слѣдовало, удовольствоваться этимъ торжествомъ. Но мы, кажется, избаловали его тщеславіе нашими восторгами: мнѣніе маленькихъ комитетовъ показалось ему ничтожнымъ, и скромный авторъ призвалъ еще въ цѣнители своего таланта всю публику.... страшное судилище!...

— Гдѣ онъ встрѣтится съ критикою, съ различными сужденіями, съ грубыми и рѣзкими перьями, съ униженіемъ, присовокупилъ маркизъ.

— Совершенно справедливо! сказалъ граф Андрей.

— Это неизбѣжно! воскликнулъ старый граф Ф***.

— Развѣ онъ напечаталъ книгу? спросила графиня Марія.

— Да! Недѣли двѣ или три тому назадъ. Уже слишкомъ пятнадцать дней тому, какъ онъ безсмертенъ.

— Жаль, что я вчера ничего не знала объ этомъ, а то непремѣнно сказала бы ему прекрасное привѣтствіе. Вотъ какъ можно быть неучтивымъ по незнанію! — Мой другъ! продолжала графиня Марія, обращаясь къ мужу: прикажи сегодня же купить его творенія, разрѣзать, и положить здѣсь на столѣ, чтобы онъ увидѣлъ ихъ, когда пріѣдетъ. Я пригласила его навѣщать насъ.

— Вы коварны! вы умѣете убійственно льстить авторскимъ самолюбіямъ! сказалъ, смѣясь, графъ Ф***.

— Что̀ жъ дѣлать, отвѣчала графиня Марія, потупляя глаза и съ насмѣшливою улыбкою: надобно! Мать, у которой одна дочь почти невѣста.... Аннѣ уже шестнадцатый вначалѣ!... должна вести себя осторожно со всѣми мужскими самолюбіями.

Всѣ разсмѣялись, маркизъ — громче прочихъ. Эта иронія показалась ему безподобною, потому-что, въ тщеславныхъ понятіяхъ о собственной своей красотѣ, онъ назначалъ Валеріану второе мѣсто послѣ обезьяны. Одна только Анна не смѣялась. Можно вообразить, съ какимъ удовольствіемъ

слушала она подобный разговоръ, страшное противовѣсіе ея ночнымъ восторгамъ! При жестокой шуткѣ маменьки, она покраснѣла и съ трудомъ скрыла свое смущеніе, но не могла удержаться, чтобы, вслѣдъ за тѣмъ, не бросить гнѣвнаго и презрительнаго взгляда на прекраснаго итальянскаго льва, который, на ея глаза, былъ, просто, отвратительною восковою куклою. Этотъ взглядъ княжна Лоло, задѣтая за живую злость словами «шестнадцатый вначалѣ», поймала на половинѣ пути и записала въ своей памяти, и въ то же время, измѣривъ Анну взоромъ съ ногъ до головы, нашла въ ея ростѣ и лицѣ еще два года и два мѣсяца болѣе, нежели вакъ было въ самомъ дѣлѣ.

Не одной Аннѣ не нравились эти насмѣшки: княгиня X***, которая любила и уважала Валеріана, была непріятно поражена ими. Она боялась своей дочери, никогда не смѣла ей противорѣчить, однакожъ сказала:

— Но я не думаю, графиня, чтобы вамъ удалось задобрить себѣ нашего автора такимъ образомъ. Когда онъ подарилъ мнѣ свою книгу, то сказалъ положительно, что велѣлъ напечатать ее въ очень маломъ числѣ экземпляровъ, только для поднесенія своимъ благосклоннымъ друзьямъ.

— Какъ вы добры, маменька, возразила Лоло: что вѣрите авторской скромности! Это всегда такъ говорится. Я бьюсь объ закладъ, что всѣ лавки наполнены этою рѣдкою книгою.—Пошлите! прибавила она, съ злобною улыбкою, вполголоса, дружески кивнувъ головою Маріи.

— Если эта книга напечатана только для дру-

зей, весело замѣтилъ графъ Ф***, то мы очень неблагодарные друзья, что такъ злословимъ автора....

— Я совсѣмъ не неблагодарный другъ! тихо сказала ему княжна Лоло въ томъ же тонѣ.

— Право?... вы удивительно милы! шепнулъ насмѣшницѣ старый селадонъ, укладывая свои морщины въ пріятную улыбку. — Что̀ касается до меня.... я.... я послѣдній буду клеветникомъ на нашего любезнаго поэта, повторяя то, что̀ разсказываютъ другіе объ его характерѣ и привычкахъ. Это могутъ быть только слѣдствія молодости. Я былъ друженъ съ его отцомъ, уважаю въ немъ дарованіе, люблю его; и только поэтому позволяю себѣ сожалѣть.... Впрочемъ, княжна Александрина, съ своимъ необыкновеннымъ умомъ, такъ превосходно опредѣлила неприличіе для человѣка свѣтскаго, принадлежащаго къ «обществу», являться передъ публикою въ образѣ сочинителя, что я не могу быть неправымъ въ моемъ сужденіи!

Эти понятія были такъ новы и такъ непонятны для Анны, что, несмотря на все стараніе не обнаружить своихъ чувствованій, она обратилась къ матери и сказала:

— Но если книга отлично хороша, такъ что̀ же за неприличіе быть ея авторомъ?

— Большое, мой другъ! важно отвѣчала мать. Человѣкъ, принадлежащій къ «обществу», издавая книгу, всегда компрометируетъ себя этимъ, какъ бы хорошо ни было его сочиненіе.

— Вы совершенно правы, графиня! подхватилъ маркизъ, между-тѣмъ какъ Анна прятала глубоко

въ своемъ сердцѣ книгу Валеріана, чтобы маменька не увидала ея. Это ремесло должно быть предоставлено среднему классу. Всегда что̀-то смѣшное сопряжено въ «обществѣ» съ человѣкомъ, который издалъ книгу, облекся въ мантію сочинителя, выступилъ съ своимъ умомъ передъ лицо всего свѣта.

Съ той минуты Анна возненавидѣла прекраснаго маркиза.

— Онъ этимъ самимъ уже отказывается отъ своихъ и переходитъ въ другой классъ людей, продолжалъ графъ Ф***. Онъ ищетъ судей своему уму не изъ среды себѣ равныхъ, хочетъ отличаться отъ своего сословія занятіемъ, образомъ мыслей и честолюбіемъ домогается почестей, непринадлежащихъ ему по званію, становится въ ряды публики, заставляетъ говорить о себѣ.... Я нахожу, что членъ хорошаго и изящнаго общества долженъ, какъ благовоспитанная дѣвица, всего болѣе страшиться того, чтобы объ немъ много разсуждали. Дѣлать какъ-можно менѣе шуму и занимать какъ-можно менѣе мѣста, вотъ старинное, классическое правило хорошаго общества, и я желалъ-бы, чтобы наши молодые люди никогда его не забывали.

— Какая странная идея, употреблять свой умъ на то, чтобы другимъ доставлять чтеніе! глубокомысленно воскликнулъ графъ Андрей. Развѣ у насъ нѣтъ французскихъ романовъ?...

Княгиня Х*** и княжна Лоло съ трудомъ удержались отъ улыбки. Графиня Марія удивительно нѣжно посмотрѣла на мужа, который тотчасъ по-

нялъ, что, вѣроятно, сказалъ глупость. Это был почти, условленный знакъ между ними. Граф Андрей превосходно зналъ его значеніе, и поспѣшилъ перемѣнить предметъ разговора. Къ ег спасенію, въ это самое время доложили о пріѣзд новыхъ гостей. Прекрасный маркизъ подошел къ Аннѣ, чтобы сказать ей нѣсколько заранѣ приготовленныхъ concetti, но та, на всѣ его фразы отвѣчала такъ сухо и холодно, что красавецъ почувствовалъ въ спѣси своей острый кинжалъ униженія. Лоло, когда онъ удалился, наговорила ей тысячу увѣреній въ своей дружбѣ и привѣтствій насчетъ ея удачнаго замѣчанія матери и умныхъ отвѣтовъ маркизу, и уѣхала съ матерью въ другіе домà разсказывать всѣмъ, что видѣла прославленную красавицу — видѣла, познакомилась и подружилась съ нею — что она дѣйствительно чудесна, но за то глупа какъ пробка и холодна.... вотъ какъ эта стѣна!

Зная честолюбіе графини Маріи, никто не допуститъ такой обидной ипотезы, будто-бы она дѣйствительно находила Валеріана возможнымъ женихомъ для своей Анны; но между-тѣмъ каждый, и по своему личному соображенію, и по тому, чтò я уже имѣлъ честь сказать прежде о современномъ женскомъ нравѣ, конечно согласится со мною въ той истинѣ, что трудно было-бы придумать разговоръ, болѣе зажигательный, и наскавать въ немъ вещей, болѣе способныхъ рѣшить дѣвушку на отчаянную любовь, какъ то, чтò мы здѣсь слышали. Человѣка, который уже очаровалъ ее вчера своимъ умомъ, взглядомъ, голосомъ; съ

сердцемъ и душою котораго, прекраснымъ сердцемъ, и великою, сильною душою — коротко познакомилась она втеченіи восхитительной ночи, этого человѣка осмѣивали, поносили, унижали въ ея присутствіи! Слѣдовательно, онъ достоинъ любви. И она уже его любила. Сердце ея уже забилось для него во время этихъ жестокихъ и несправедливыхъ порицаній. Они даже хотѣли представить его смѣшнымъ! Какъ ни мало были развиты ея понятія, благодаря необычайной красотѣ, но тотъ удивительный даръ ясновидѣнія, который вспыхиваетъ въ женщинѣ при первой искрѣ любви и вдругъ озаряетъ свѣтомъ ея воображеніе, совершенно ясно показывалъ Аннѣ, что человѣкъ съ такимъ огромнымъ талантомъ не можетъ быть смѣшонъ: онъ мощенъ, высокъ, исполинъ, сила его страшна, слово его потрясаетъ умы и сердца, рука его низводитъ небо на землю и разсѣваетъ по ней незнаемыя радости — а они — этотъ завитый франтъ — этотъ старый болтунъ — да и папà тоже — они безсильны! они мелки, пугливы, неспособны ни къ какому подвигу!... они боятся даже славы! Она, слабая дѣвушка, не боится ея! Она знаетъ, что уже прославилась своей красотою и что ей суждено, вышедши за-мужъ, надѣвъ чудесный чепчикъ, сдѣлаться еще славнѣе, и не страшится этого. Она любитъ славу, и въ себѣ, и въ томъ, кто долженъ имѣть право надъ нею. Она чувствуетъ свое высокое достоинство въ природѣ, и чувствуетъ, что въ той же природѣ, на землѣ, на свѣтѣ, сколько она ихъ видѣла и знаетъ, одинъ онъ равенъ ей до-

стоинствомъ — онъ — этотъ несравненный в шебникъ — этотъ великій умъ. Она прекрасн онъ силенъ: слѣдовательно, они созданы дру для друга. Его характеръ и привычки обвиняю въ недостаткахъ: это говоритъ зависть! она не вѣритъ! А впрочемъ, что̀ нужды? недостатк — украшеніе для великаго человѣка! Одни тол ко обыкновенные мужчины и могутъ быть без недостатковъ, какъ бываютъ безъ достоинств Она обожаетъ недостатки. Умѣть съ нимъ ужить ся и, несмотря на всѣ препятствія, наполнить лю бимую грудь радостью и счастіемъ — это чест и слава женщины!... Такъ уже восторженно раз суждала благородная дѣвушка, вчера еще — мра моръ Кановы, нынче уже вся — пламя и мечта отъ сопротивленія людей первому ея очаровательному ощущенію. Въ концѣ того же дня, она уже невозвратно была влюблена въ некрасиваго, почти безобразнаго Валеріана — на зло папа̀ — maman — этой змѣѣ Лоло — несносному старому графу — и, особенно, этому чудовищу, великому красавцу маркизу, который такъ самонадѣянно на нее посматриваетъ.

— Но будетъ-ли онъ *меня* любить? мысленно спрашивала она, и, за отвѣтомъ, подходила съ чудною улыбкою къ зеркалу.

Зеркало таяло, искрилось, горѣло отъ этой улыбки, разсыпа̀лось брызгами радужнаго свѣта отъ этой жгучей красоты, освѣщенной блестящимъ лучомъ любви, и говорило: «Ужъ это я беру на себя!... будьте спокойны.»

Довольная отвѣтомъ, Анна садилась перечиты-

вать книгу, въ которой каждая сильная мысль превращалась въ прекрасный, живой портретъ сильнаго человѣка, овладѣвшаго ея воображеніемъ. И сколько возвышенныхъ, невыразимыхъ прелестей открывала она въ чертахъ этого портрета, видимаго только для глазъ души ея! Какъ онъ прекрасенъ! Что̀ маркизъ!... фи!

Вы видите, что я не пишу повѣсти, не творю, не создаю, а представляю вещи весьма прозаически, такъ какъ онѣ есть. Будь это повѣсть, красавица Анна была-бы влюблена въ красавца маркиза, и вы имѣли-бы пару прекрасныхъ дураковъ, о счастіи которыхъ хлопотали-бы мы отъ первой до послѣдней страницы, разсматривая, въ увеличительное стекло, ихъ чувства, мысли, страданія, надежды. Есть, въ самомъ дѣлѣ, о чемъ хлопотать и что̀ разсматривать! Писатели повѣстей полагаютъ, и увѣрили читателей и читательницъ, будто для любви и для счастія нужны непремѣнно красавица и красавецъ. На чемъ это основывается, я, право, не знаю. Не думаютъ-ли, напримѣръ, они, что когда выдадутъ удивительную красавицу, дѣву чудную, за юношу прелестнаго, то она будетъ вѣрнѣе ему чѣмъ всякому другому? Позвольте мнѣ сомнѣваться въ справедливости этого предположенія. Я давно живу на свѣтѣ.

Я замѣтилъ — это говорю я тоже между прочимъ — что дѣвушка, дѣва, женщина, даже самая умная, отъ любви съ человѣкомъ обыкновеннымъ, какъ бы красивъ онъ ни былъ, очень скоро глупѣетъ, и наоборотъ. Есть, конечно, очень умныя женщины за-мужемъ за ничтожествами:

это даже вещь довольно обыкновенная. Но та
женщины, для сохраненія своего ума, принимаю
мѣру предосторожности: онѣ, или презираю
своихъ мужей, или любятъ ихъ только такъ, ка
любятъ мужа, устрицъ, икру, мороженое, и еш
менѣе. Онѣ никогда не бываютъ *влюблены* в
своихъ мужей и, говоря повѣствовательно, худ
жественно, я не вижу возможности создать в
развязкѣ какое-нибудь прочное земное блажен
ство изъ чудной дѣвы и прекраснаго, страстнаг
Владиміра, въ которомъ нѣтъ ровно ничего кро
мѣ страсти и красоты, ничего для восторга жен
щины, для ея воображенія, для гордости своимъ
выборомъ; никакихъ подвиговъ, никакой славы
никакого личнаго величія, при всѣхъ съ другой
стороны хорошихъ домашнихъ качествахъ героя.
Въ моихъ путешествіяхъ по Ледовитому Океану,
я видѣлъ много морскихъ коровъ, и много морскихъ быковъ тоже. Въ ясный и теплый день, они выходятъ изъ воды на берега островов, чтобы понѣжиться на солнцѣ. Морскіе быки, изъ которыхъ многіе — удивительные красавцы и статны какъ Владиміры нашихъ романовъ, начинаютъ любезничать съ морскими коровами, граціозно поводятъ усами, хлопаютъ хвостомъ по песку, прыгаютъ, рисуются. Морскія коровы на нихъ и не смотрятъ. Тогда самцы отползаютъ подальше и начинаютъ драться. Завязывается страшный бой. Часто одинъ быкъ нападаетъ на многихъ или многіе на одного. Кровь льется. Земля стонетъ. Герои, одушевленные присутствіемъ красавицъ, оказываютъ удивительные подвиги

мужества, силы, смышлености, почти разума, и, когда сраженіе кончилось, молодыя и самыя прелестныя самки уходятъ въ море съ побѣдителями, израненными, оборванными, ужасными, но покрытыми славою, наградить ихъ счастіемъ и любить до гроба. Побѣжденные, безсильные, остаются на берегу лизать свои раны и вымаливать состраданія у старыхъ дѣвъ. Вотъ повѣсть! вотъ романъ! Сила! подвиги! слава! личное величіе! Безъ нихъ, нѣтъ истинной любви для женщины, и, слѣдовательно, нѣтъ любви повѣствовательной. То, что̀, во всѣхъ другихъ случаяхъ, мы называемъ «любовью» просто, или «истинною любовью», не что̀ иное какъ *подражаніе* любви, болѣе или менѣе удачное, и весьма непрочное въ употребленіи. Съ помощію разныхъ натяжекъ воображенія, эти подражанія доходятъ иногда до восторженности вначалѣ; но зато они скоро ослабѣваютъ впослѣдствіи. Мы жалуемся — любовь прошла! Да любви тутъ и не было. Мы только подражали. Въ насъ не было нужныхъ условій, опредѣленныхъ природою для истинной любви, въ томъ смыслѣ какъ природа, которая сама женщина, понимаетъ истинную любовь. Люди обыкновенные, мы вздумали наслаждаться счастіемъ людей необыкновенныхъ. Не имѣя денегъ, мы хотѣли задать себѣ великолѣпный балъ: такъ что̀ жъ мудренаго, что балъ не удался!... Станемте, лучше, жениться по простому влеченію глазъ или по разсчету, называя это, если угодно, любовью, даже пламенною любовью, но ужъ безъ всякихъ притязаній на истинную любовь, для

насъ недостижимую: такъ по-крайней-мѣрѣ дѣ
будетъ яснѣе, и безполезныя нареканія прек
тятся, въ жизни и въ романахъ.

Я знаю, что это — отступленіе; но безъ не
нельзя идти далѣе. Всѣ мои читательницы —
томъ я совершенно увѣренъ — найдутъ чувст
и понятія Анны правильными, законными и рад
кально женскими; но между читательницами ес
читатели, которыхъ нелегко убѣдить въ этом
У насъ, мужчинъ, принято за несомнѣнную ист
ну, что каждый изъ нихъ можетъ вполнѣ одно
своей особою удовлетворить всѣ потребности же
скаго сердца и воображенія, какъ-скоро эта е
особа имѣетъ довольно красивую и изящную н
ружность. Странное и непостижимое заблуждені
Какъ это мы до такой степени забываемъ факты
Чортъ соблазняетъ же женщинъ! Кажется, он
некрасивъ, и одѣтъ совсѣмъ не по модѣ: но з
то какъ вѣдь уменъ!... геній! Мы совершенно вы
пускаемъ изъ виду это поучительное обстоятел
ство. Съ одной нашей наружностью, мы требуем
отъ женщинъ самой восторженной, самой истин
ной любви, и приходимъ въ ужасное негодовані
когда онѣ любятъ насъ недолго — пока не при
мѣтятъ нашего ничтожества, прикрытаго на пер
вый случай кое-какими блестками буднишняг
честолюбія, или и долго, да очень слабо и кисло
Мы понимаемъ любовь съ одной только чувствен-
ной стороны: другими словами, вовсе ея не пони-
маемъ. Объ этой сторонѣ женщины и не думаютъ:
она для нихъ послѣдняя. За недостаткомъ въ ней,
мы иногда поднимаемся на ходули, несемъ вели-

колѣпный вздоръ о чувствованіяхъ, пускаемся въ отвлеченности платонизма, силу, подвиги и славу хотимъ замѣнить пожертвованіями, преданностью, самоотверженіемъ — совершенно женскими добродѣтелями — или стараемся испугать нашихъ возлюбленныхъ безумными порывами страсти, то есть, дѣйствуемъ на женщинъ всѣми возможными доказательствами нашей слабости, нашего отчаяннаго безсилія, выдаемъ это за истинную любовь, и пускаемся въ великолѣпныя элегіи, когда дѣйствіе такихъ чаръ непродолжительно и комедія оканчивается измѣною. Что мы именно такъ понимаемъ любовь, въ томъ я почтеннѣйше ссылаюсь на всѣ наши стихи, повѣсти и романы. Но женщины, какъ мы ихъ ни запутываемъ ложными романическими понятіями о любви и ея отвлеченномъ блаженствѣ, по врожденному инстинкту понимаютъ ее совсѣмъ иначе. Онѣ всегда готовы сказать мужчинамъ: «Оставьте тщеславіе своей наружностью, эти гримасы, эти слезы, эти восторженности, эти судорожныя стремленія къ совершенству чувствъ: слезы, тщеславіе и совершенство — наше дѣло, а не ваше; будьте съ недостатками, но станьте, вашей мужеской силою, выше другихъ, потрясайте сердца, покоряйте умы, торжествуйте надъ своими, и мы — ваши навсегда, пламенно и безъ измѣны! Мы созданы поощрять васъ къ великимъ дѣламъ и награждать нашей красотою, нашимъ сердцемъ, всѣми его сокровищами, за страданія, неразлучныя съ борьбою всякой силы, всякаго превосходства, всякаго таланта: не дѣлайтесь же въ глазахъ на-

шихъ маленькими, слезливыми ребятишками, ко-
торымъ надо обтереть носъ, прежде чѣмъ
поцѣлуешь. А станете продолжать эти фарсы
на исторгнутыя у насъ клятвы въ любви не
вольте полагаться, и если вдругъ, случайно
димъ, среди васъ, такого мужчину, о какомъ
мечтаемъ по волѣ природы, такъ ужъ не про
вайтесь....» и прочая, и прочая.

Не знаю, убѣдительна-ли эта рѣчь для мо
благолѣпныхъ и сентиментальныхъ читате
но въ томъ, что она вѣрна съ подлинникомъ
свидѣтельствуюсь всѣми моими прекрасными
тательницами. Я только докладчикъ. Мое дѣло
сторона. Не я подавалъ совѣтъ Аннѣ влюбит
предпочтительно въ Валеріана, съ явною обид
для всѣхъ «львовъ» изящнаго свѣта. Совѣт
цею и распорядительницею всего дѣла, была
ма природа — правда, безъ вѣдома и безъ
гласія графини Маріи — но маменьки взрослы
дочерей удивительно забывчивы и неблагодарны
въ молодости, онѣ и знать не хотятъ другаго
лоса, кромѣ голоса природы, а потомъ, когда их
дочерямъ уже «шестнадцатый вначалѣ», вов
не помнятъ, что ей-то были обязаны онѣ драг
цѣннѣйшими минутами своей жизни, и рѣшител
но ссорятся съ первою и лучшею своей подруго
Еслибы графиня Марія благовременно узнала об
этихъ распоряженіяхъ, она ужасно разсердилас
бы на природу и согнала-бы ее со двора. Но А
на скрыла свои чувствованія на самомъ днѣ д
ши, надѣясь на лучшія времена. Положеніе ея в
домѣ было вдвойнѣ мучительное: прежде она стр

дала только отъ зависти и злости Катеньки; теперь имѣла всегдашняго врага въ сестрѣ, тѣмъ опаснѣйшаго, что онъ уже выросъ, поумнѣлъ и сталъ искуснѣе въ ненависти, и тягостная тайна сердца отдѣлила ее отъ честолюбивой матери. Анна увидѣла себя среди роднаго семейства отшельницею въ пустынѣ съ своей мечтою, и это одиночество сдѣлало ихъ нераздѣльными.

Валеріанъ былъ у графини Маріи съ визитомъ въ четвертый день послѣ ихъ перваго свиданія. Анна его видѣла. Онъ былъ очень скроменъ, осторожевъ; но дѣвушкѣ казалось, что взоръ его оживляется особеннымъ огнемъ, когда онъ на нее смотритъ или говоритъ съ нею. Она дрожала отъ удовольствія. Теперь время сказать, что разсѣянности молодаго человѣка у мадамъ Б***, за которыя Лоло такъ ужасно на него разсердилась, происходили отъ красоты Анны. Графиня Марія приняла Валеріана съ особеннымъ радушіемъ и уваженіемъ, какъ человѣка уже знаменитаго, о талантѣ котораго весь городъ говорилъ съ величайшимъ восторгомъ, но не произнесла никакого намека на это, не сказала въ глаза ему ни лести ни похвалы, что̀ показываетъ съ ея стороны тонкое чувство приличія. У сестры своей она мало могла оцѣнить его, бывъ бо̀льшею частью занята отдѣльною бесѣдою съ старымъ графомъ Ф*** и маркизомъ. Но здѣсь Валеріанъ безъ труда очаровалъ ее своимъ умомъ и любезностью: черезъ полчаса времени, она была въ восхищеніи отъ него, и пригласила его на слѣдующій день обѣдать.

Въ какомъ восторгѣ была Анна, когда, по его ухода, мать сказала, что это — одинъ пріятнѣйшихъ мужчинъ, какихъ она знаетъ! между-тѣмъ робость, любовь, осторожность, препятствовали ей обнаружить, какъ далеко дѣляетъ она это мнѣніе съ матерью!... Излія въ эту минуту, было-бы такъ сладостно!... дру ба была-бы такимъ бальзамомъ для души!... П вая горькая слеза сердца выкатилась изъ гла бѣдной дѣвушки.

Ночь, однакожъ, была проведена въ счаст пролитомъ этимъ свиданіемъ; утро прошло блаженствѣ ожиданія новаго счастія. Никог ни прежде ни послѣ того, Анна не была такъ выразимо прекрасна, какъ въ этотъ день, ког явилась она въ комнаты, освѣщенныя умѣрен но весьма искусно, гдѣ уже собирались гости: былъ день высшаго и блистательнѣйшаго сто нія красоты ея. Тѣ, которые видѣли ее входящею не могутъ и понынѣ говорить объ этомъ равн душно. Въ жизни каждой прекрасной женщин есть всегда одинъ такой моментъ: въ этотъ тор жественный часъ прохожденія ея красоты черезъ зенитъ, она сіяетъ ярче солнца, и все, все поко ряется ея могуществу. Притомъ, по природѣ ил по искусству, Анна умѣла чудесно бросать на че ловѣка первый взглядъ: когда она смотрѣла внизъ когда атласныя вѣки ея съ ровной и богатою бах рамою рѣсницъ были опущены, и потомъ она тихо, приподнимала ихъ и вдругъ устремляла на мужчину свои большіе черные глаза, колѣни дро жали подъ мужчиною, онъ готовъ былъ упасть

ницъ и безпрекословно исполнитъ всякое ея желаніе. Одинъ изъ такихъ электрическихъ взглядовъ она приготовила для Валеріана, который уже былъ въ гостиной. Ударъ произвелъ полное дѣйствіе: у молодаго человѣка закружилась голова. Этотъ взглядъ былъ необходимо нуженъ: безъ него, робкое сердце Валеріана, можетъ-быть, не рѣшилось-бы на всѣ волненія, боли и муки любви къ такой высокой красотѣ, передъ которою онъ уже съ первой встрѣчи благоговѣлъ въ восторженномъ удивленіи.

Графиня Марія была тоже очень хороша, и притомъ одѣта прелестно: въ этотъ день ей рѣшительно было тридцать четыре года. Изъ гостей, числомъ человѣкъ около двѣнадцати, я назову только тѣхъ, которые уже вамъ знакомы — сестру графа Андрея, мадамъ Б*** съ мужемъ и дочерью Софіей, княжну Лоло съ матерью, и маркиза. О Валеріанѣ я уже сказалъ. Маркизъ былъ крайне внимателенъ къ графу Андрею, явственно стараясь сблизиться съ нимъ лично, и въ то же время чрезвычайно любезенъ съ его женою, но такъ тонко, такъ непримѣтно, что никакой любопытный глазъ не могъ слѣдить за планомъ этой операціи. Онъ сказалъ графинѣ Маріи нѣсколько прелестныхъ привѣтствій въ-обходъ насчетъ ея неувядаемой свѣжести и красоты, и она во все время была въ очаровательномъ расположеніи духа. Графиня Марія, положительно, находила его чудеснымъ, и Анна, читая это мнѣніе въ лицѣ матери, страшилась за послѣдствія пристрастія, казавшагося ей непостижимымъ. Сестра ея, Ка-

тенька, разумѣется, была тутъ же: несмотря
всѣ усилія прически и миндальнаго мыла, л
этой дѣвушки вовсе не представляло глазу зам
чивой картины; одинъ только бюстъ ея, бла
даря началу будущей полноты тѣла, образова
удачно, и на этотъ пунктъ маменька геніалн
устремила всѣ дѣйствующія силы корсета, мо
стѝ и скользящихъ рукавовъ: за исключеніе
одного этого мѣстоположенія, на всѣхъ други
позиціяхъ Катенька была рѣшительно дурна
бою. Она поставляла мать въ страшное затрудн
ніе. Въ наукѣ быть матерью, о безобразныхъ д
черяхъ существуетъ законъ совершенно проти
положный тому, какой выведенъ для дочерей-кр
савицъ: дочь, не обѣщающую сдѣлаться милови
ною, должно вывозить въ свѣтъ какъ-можно ран
ше; позволяется даже прибавить ей лишній г
дикъ, въ потребномъ случаѣ, смотря по обсто
тельствамъ, съ правомъ впослѣдствіи убавить ч
тыре. Чортъ, говорятъ, былъ довольно хорош
собою, пока былъ молодъ: поэтому надобно пол
зоваться чортовою красотою въ безобразной дѣ
вушкѣ, чтобы спустить ее женихамъ въ первом
цвѣтѣ; иначе она навѣрное останется на рукахъ
Графиня Марія вполнѣ чувствовала основател
ность этого великаго правила, выведеннаго из
опыта вѣковъ: но на чтò рѣшиться? Брать Ка
теньку вмѣстѣ съ Анною: это было бы убійствен
но!... Не брать: она можетъ остаться въ дѣвкахъ
на цѣлое столѣтіе, если Анна нескоро выйдетъ
за-мужъ. А хуже всего то, что ей уже шестна
цать лѣтъ; положимъ, «шестнадцатый вначалѣ

Аннѣ и себѣ надо прибавить по одному году!... Оставивъ эту важную статью впредь до рѣшенія, относительно къ двумъ первымъ, графиня Марія по-временамъ предполагала держаться точной середины, то есть, въ маленькія собранія брать одну только Анну, а на большіе балы ѣздить съ двумя дочерьми, потому-что тамъ страшная красота Анны не можетъ вредить Катенькѣ въ большой толпѣ дѣвушекъ, болѣе или менѣе некрасивыхъ.

Княжна Лоло въ первый разъ увидѣла Катеньку: она нѣкогда видала ее ребенкомъ, но это предано забвенію. Открытіе безобразной сестры у Анны было настоящимъ сокровищемъ для злой дѣвы; впрочемъ всякая женщина обожаетъ безобразіе въ другой женщинѣ: это ея природная подруга, подкладка къ ея лицу, вѣрное средство къ эффекту. Лоло тотчасъ овладѣла Катенькою: привѣтствія, предложенія дружбы, ласки, ободренія, лесть, градомъ посыпались на безобразную дѣвушку, которую красота Анны приводила въ ярость, такъ же какъ и новую ея пріятельницу. За обѣдомъ, графиня Марія посадила, возлѣ себя, съ одной стороны Валеріана, съ другой маркиза: Лоло сѣла подлѣ Катеньки и не упускала ни малѣйшаго случая, чтобы пріобрѣсти ея довѣренность. Анна должна была занять пустое мѣсто возлѣ маркиза, потому-что любовь отняла у нея смѣлость сѣсть рядомъ съ Валеріаномъ, близъ котораго находилась она сначала. Тщеславный маркизъ растолковалъ это въ свою личную пользу, и всякій разъ какъ Валеріану случалось гово-

рить, то есть, приковывать къ себѣ вниманіе
присутствующихъ, онъ пользовался этою минутою
чтобы обворожить Анну своей собственною лю
безностью. Это бѣсило Анну: она хотѣла слушат
Валеріана, котораго каждое слово отзывалось въ
ея душѣ мысленнымъ восклицаніемъ — Какъ онъ
милъ! — и отвѣчала холодною вѣжливостью на
полное чувства вниманіе прекраснаго сосѣда. Это
опять бѣсило маркиза: онъ не постигалъ въ при-
родѣ женщины, которая не обожаетъ его съ пер-
ваго взгляда, и, въ досадѣ, усугублялъ любез-
ность свою къ матери. Графиню Анну это не
бѣсило нисколько. Въ концѣ обѣда, она при-
нуждена была признаться сама передъ собою,
что маркизъ столько же уменъ, сколько прекра-
сенъ.

Всякій другой, нѣсколько менѣе самолюбивый,
послѣ неудачныхъ попытокъ, отказался бы отъ
дальнѣйшаго преслѣдованія Анны, но для мар-
киза это сопротивленіе было достаточнымъ пово-
домъ къ противному. Огорченное тщеславіе его
рѣшилось покорить себѣ ея сердце во что бы то
ни стало. Опытность совѣтовала ему прибѣгнуть
къ равнодушію и притворному презрѣнію мятеж-
ной красоты: это средство весьма рѣдко остается
безуспѣшнымъ. Онъ разсердился на Анну, надул-
ся, не говорилъ уже съ нею послѣ обѣда, и за-
нялся исключительно, сперва ея отцомъ, потомъ
ея матерью. Анна была чрезвычайно рада этому.
Она сѣла подлѣ своей тетки, которая отдѣльно
отъ другихъ разговаривала съ княгинею X***.
Это мѣсто избрала она не безъ намѣренія: онѣ

сидѣли противъ дверей, въ которыя она могла видѣть бо̀льшую часть смежной гостиной, гдѣ Софія прохаживалась съ Валеріаномъ. Нѣсколько разъ она хотѣла встать и присоединиться къ кузинѣ, но опасеніе обнаружить этимъ свои чувства удержало ее на-мѣстѣ. Она завидовала счастію Софіи быть такъ хорошо съ нимъ знакомою!

Когда Софія возвратилась въ ту комнату, гдѣ была бо̀льшая часть гостей, Анна тотчасъ увлекла ее ходить по залѣ.

— О чемъ вы говорили?

— Обо всемъ! Мы съ нимъ большіе пріятели. Онъ чрезвычайно любитъ папеньку и маменьку; они его обожаютъ; меня онъ называетъ неиначе какъ своимъ другомъ, и я его повѣренная. Онъ мнѣ говоритъ все, что̀ думаетъ, замѣчаетъ, чувствуетъ, и я ему тоже: это такъ пріятно! Ты не повѣришь, какъ онъ добръ, простъ, довѣрчивъ.... какъ дитя!... совсѣмъ не похожъ на другихъ мужчинъ! Мы, между прочимъ, много говорили о тебѣ....

— Обо мнѣ?

— Разумѣется! Я сказала ему, что дала тебѣ его книгу; спрашивала, какъ онъ тебя находитъ.... Ахъ, мой другъ! еслибъ я могла пересказать тебѣ....

— Что̀ такое? что̀ такое?...

— Въ какомъ онъ отъ тебя восхищеніи. Я не умѣю такъ говорить.... Онъ говоритъ такъ живописно, такъ умно, такъ поэтически!... Ахъ, еслибъ ты насъ подслушала! Постой, дай посмотрѣть на себя: такова ли ты въ самомъ дѣлѣ, какою онъ

тебя описываетъ?... Да! онъ правъ: ты удивительна!

Анна покраснѣла отъ удовольствія: никогда еще похвала ея красотѣ не была ей такъ пріятна; никогда грудь ея не дрожала такъ сладостно. Счастіе, изъ сердца, лилось по всему ея прекрасному тѣлу.

— Ты удивительна! продолжала милая сентиментальная болтунья. Обо мнѣ.... увы!... хоть мы съ нимъ и друзья.... онъ навѣрное не скажетъ никому и десятой доли того, что̀ сказалъ мнѣ о тебѣ. Онъ тебя видѣлъ однажды, лѣтъ пять или шесть тому назадъ.

— Гдѣ же онъ меня видѣлъ?

— На облакахъ! Когда онъ писалъ свое «Счастіе поэта».... ты читала? ты помнишь эту чудесную пьесу?

— Можно ли не помнить! сказала Анна съ прелестнымъ выраженіемъ.

— Ты помнишь то мѣсто, гдѣ въ облакѣ является Поэзія въ образѣ чудесной женщины? — Ахъ, какъ это описано, мой другъ! какъ это описано! вдругъ воскликнула Софія, сильно сжимая руку Анны отъ невольнаго восторга. Мнѣ такъ хотѣлось быть Поэзіей по прочтеніи этого ослѣпительнаго мѣста!

— Ахъ, и мнѣ тоже! примолвила Анна.

— Ну, вотъ видишь! добродушно сказала неподражаемая Соня: а онъ говоритъ, что ты еще лучше ея!... Когда, при сочиненіи этой пьесы, въ нервическомъ напряженіи всѣхъ чувствъ, въ жару раскаленной мысли, среди тумановъ, явился

его воображенію этотъ блестящій идеалъ красоты, онъ похожъ былъ на тебя. Выше этого, воображеніе его не постигало: но когда онъ увидѣлъ тебя, то долженъ былъ признаться, что, несмотря на разительное сходство, то, что̀ ему представилось въ восторженной мечтѣ, было гораздо ниже дѣйствительности, тебя. Я не могу разсказывать! Посмотри, какъ я горю! (Она бросилась обнимать Анну.) Описаніе этихъ страшныхъ усилій мысли, этого мученія сильнаго творческаго понятія съ безсиліемъ языка, этого изнеможенія, которое слѣдуетъ за ними, привело меня въ трепетъ: а онъ описывалъ все это такъ просто, такъ мило!... и вмѣстѣ такъ живописно!... Я не хотѣла бы видѣть его въ одну изъ такихъ минутъ. Онъ тогда долженъ быть....

— Выше человѣка, сказала Анна въ дополненіе мысли разсказчицы, которая вдругъ остановилась, какъ-бы не находя слова.

— Да! что̀-то непостижимое, страшное! продолжала Софія. И при всемъ томъ онъ не выдумалъ ничего лучше тебя!... даже не достигъ дѣйствительности!... Какая ты счастливая!

— И онъ тебѣ все это разсказываетъ?

— Ну, да! И только мнѣ одной, потому-что я его такъ быстро понимаю, и что это, какъ онъ говоритъ, понимаютъ только души новыя, чистыя, дѣтскія, не покрытыя ржавчиною свѣта.

— Такъ онъ тебя считаетъ еще ребенкомъ?

— Ну, не совсѣмъ! Мы съ нимъ иногда разсуждаемъ о такихъ серіозныхъ вещахъ, что ты не можешь себѣ представить. Я говорю ему все,

кто мнѣ нравится, кого я начинаю любить, кого перестаю, что̀ происходитъ въ моемъ сердцѣ....

— Счастлива ты, Софія, что имѣешь такого друга! со вздохомъ сказала Анна. Сколько ему лѣтъ?

— Двадцать-девять, кажется.

— Счастлива ты! повторила она.

— О! увѣряю тебя, что очень счастлива! отвѣчала Софія съ дѣтскимъ восторгомъ. Въ его обществѣ я всегда нахожу утѣшеніе, покой и счастіе. Онъ всегда говоритъ такъ умно, такъ благородно!...

— Ну, а еслибъ ты въ него самого влюбилась, сказала бы ты ему?

— Да я уже была страшно влюблена въ него!... Нельзя не влюбиться, когда его слушаешь! Изъ этого и возникла наша дружба. — Онъ не могъ любить меня!... я его недостойна! продолжала Софія со слезами на глазахъ: я это знаю!... Зато, по-крайней-мѣрѣ, онъ наградилъ меня своей милою дружбою. Я теперь люблю его еще болѣе, но совсѣмъ иначе. Самъ же онъ и вылечилъ меня отъ моей страсти, присовѣтовалъ мнѣ влюбиться въ другаго, въ третьяго.... такъ!... чтобы разсѣяться!... Я люблю немножко пококетничать. — Ну, теперь ты разскажи мнѣ свои секреты!

Сердце Анны таяло отъ радости и любви во время этого прелестнаго изліянія сердца добродушной дѣвушки, но столь неожиданное заключеніе повѣсти сердца привело ее въ краску и замѣшательство.

— Я уже тебѣ сказала, мой другъ, что у меня

еще нѣтъ никакихъ секретовъ, отвѣчала Анна, съ чувствомъ цѣлуя кузину, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Какая ты недобрая, Анна! воскликнула Софія: ты выслушала мои сердечныя тайны, а мнѣ ничего не хочешь сказать!

— Но когда у меня теперь еще сказать нечего!

— А когда будетъ, скажешь?

— О! скажу непремѣнно!

— Смотри же!

Анна пожала ей руку; но, при всей своей неопытности, тотчасъ почувствовала опасность ввѣряться Софіи, которая была ея соперницею еще до знакомства Анны съ Валеріаномъ. Женщины, по тайному инстинкту природы, всегда на-сторожѣ одна отъ другой. При всей добротѣ сердца, воспитаннаго нѣжными и умными родителями внѣ всякихъ разсчетовъ честолюбія, съ единственною мыслію объ его полномъ счастіи, при всей очаровательной довѣрчивости этого сердца, оно могло сдѣлаться мстительнымъ и скрытнымъ отъ одной ревности. На днѣ его, быть-можетъ, таилась еще непотухшая искра надежды. Видъ соперницы могъ бы пробудить его гордость и возжечь новый пожаръ чувствъ. Анна, не по лицемѣрству, а со страху, заключилась въ непроницаемую тайну. Она съ участіемъ обняла свою двоюродную сестру, и спросила:

— Зачѣмъ же онъ, милая Софія, не могъ любить тебя? Развѣ онъ влюбленъ въ другую?

— Зачѣмъ!.... зачѣмъ! воскликнула она: развѣ можно сказать, зачѣмъ я не нравлюсь тому, а

нравлюсь другому?.... Нѣтъ, въ другую онъ не влюбленъ: онъ сказалъ бы мнѣ, если не тогда, такъ послѣ. Онъ мнѣ часто говорилъ, что нравились ему многія, и очень, но что онъ никогда еще не былъ влюбленъ и ужасно боится влюбиться. Онъ такъ мало думаетъ о себѣ!... никогда не доволенъ, ни своими сочиненіями, ни собою!... увѣренъ, что не можетъ нравиться никакой женщинѣ, и говоритъ, что если ему придется когда-нибудь быть рѣшительно влюбленнымъ, если Богъ пошлетъ ему это испытаніе, то онъ будетъ несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и я очень вѣрю: съ своею скромностью, съ такими странными понятіями о самомъ себѣ и своихъ достоинствахъ, онъ никогда не рѣшится сказать дѣвушкѣ, что ее любитъ. Онъ и самъ говоритъ это.

Послѣднія слова Софіи глубоко опечалили Анну. Вотъ препятствіе къ счастію, о которомъ она и не думала, препятствіе непреодолимое, потому-что здѣсь не помогло бы даже и одобреніе любви ея родителями, въ которомъ она заранѣе сомнѣвалась, но которое, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не было невозможнымъ. А между-тѣмъ это почти общій характеръ людей необыкновенныхъ и истинныхъ талантовъ: они вѣчно сомнѣваются въ самихъ себѣ, и очень долго не вѣрятъ, чтобы другіе находили ихъ удивительными. Правда, что въ природѣ все устроено съ неисповѣдимою мудростью: съ такими мужчинами женщины теряютъ врожденную застѣнчивость, и часто роли перемѣняются до-того, что робкій полъ дѣйствуетъ наступательно, а дерзкій болѣе или менѣе

оборонительно. Разумѣется, скорѣй менѣе чѣмъ болѣе. Но нравы наши предоставляютъ это преимущество однимъ только женщинамъ, а не дѣвицамъ. Что̀ можетъ сдѣлать несчастная дѣвушка въ подобномъ случаѣ? Она должна ждать и плакать.

Это вовсе не значитъ, чтобы и дѣвицы не были съ такими мужчинами несравненно смѣлѣе чѣмъ съ прочими. Для вступленія въ разговоръ съ человѣкомъ, пользующимся славою таланта, есть всегда готовый предметъ —его талантъ, его слава. Тогда какъ передъ обыкновенными мужчинами, чувствуя себя выше ихъ, онѣ всегда сохраняютъ свое личное достоинство и ждутъ должной себѣ дани, ихъ привѣтствій; къ знаменитымъ людямъ, какъ равнымъ себѣ въ природѣ, онѣ сами часто подходятъ съ привѣтливымъ словомъ. Это совершенно прилично. И дѣйствительно, возвратившись въ гостиную, Анна и Софія подсѣли прямо къ маленькой группѣ собесѣдниковъ, состоявшей изъ Софіиной матери, княгиня X*** и Валеріана. Анна рѣшилась воспользоваться первымъ благовиднымъ случаемъ, чтобы завесть съ нимъ разговоръ.

Случай скоро представился. Общая бесѣда была прервана появленіемъ отца Софіи за креслами своей жены; обѣ дамы вступили съ нимъ въ разговоръ, незанимательный для прочихъ; Валеріанъ придвинулъ свои кресла къ кресламъ Софіи, и сталъ разговаривать съ миленькимъ своимъ «другомъ». Анна очень естественно должна была принять участіе въ ихъ бесѣдѣ. Она долго сбира-

лась съ силами, чтобы произнесть лично къ нем
первое слово: впослѣдствіи она сознавалась, ч
это была самая страшная минута въ ея жизн
ей казалось, что судьба ея рѣшается съ этим
словомъ; сердце быстро билось въ груди, зуб
дрожали, руки и ноги сдѣлались холодными. Он
вѣроятно, и не произнесла бы ни одного звук
если бы мадамъ Б*** не позвала Софіи къ себ
и Валеріанъ, оставшись одинъ насупротивъ Анн
не посмотрѣлъ на нее долго и задумчиво: въ е
взорѣ было столько тоски, сладости, жизни, в
сторга, прелести, что обвороженная Анна бы
увлечена непреодолимою силою, и сама не помнит
какъ сказала:

— Я обязана вамъ большою благодарностью

— Что̀ же я имѣлъ счастіе сдѣлать вам
пріятнаго? скромно спросилъ Валеріанъ.

— Вы доставили мнѣ одну изъ очаровател
нѣйшихъ минутъ, какія только можно испыта
на землѣ. Моя двоюродная сестра Софія сообщи
мнѣ прелестную книгу, которую вы издали.
читала ее. Я не могу выразить вамъ ни мое
удивленія, ни того восторга, того счастія, как
я чувствовала во время этого чтенія. Я бы
взволнована до глубины души, плакала....

— Вы сдѣлаете меня тщеславнымъ, графин
такою похвалою, которой я далеко не заслужива
сказалъ онъ, вѣжливо кланяясь своей прекрасн
читательницѣ.

— Пусть сдѣлаю! продолжала она, одушевляяс
Въ этомъ случаѣ тщеславіе не будетъ пороком

При этихъ словахъ, невольно вырвавшихся из

души, пышная красота ея засіяла всѣми своими лучами, глаза зажглись волшебнымъ огнемъ, алыя губки, смѣшиваясь съ бѣлыми блестящими зубами, образовала самую живописную улыбку. Она была великолѣпна. Валеріанъ задрожалъ.

— Если вы еще не прочитали всей книги, сказалъ онъ смущеннымъ голосомъ, въ которомъ Анна мигомъ примѣтила дѣйствіе своей красоты и любовь: то, я прошу васъ, не читайте ея далѣе. Эти первые труды слишкомъ несовершенны. Я теперь.... впервые.... сожалѣю, что ихъ напечаталъ.... Я желалъ бы явиться передъ вами болѣе достойнымъ вашего вниманія, замѣнить эти опыты чѣмъ-нибудь менѣе слабымъ. Не судите меня по нимъ!.... не дочитывайте!.... прошу васъ, подождите! То, что̀ я теперь началъ.... что̀ хочу начать.... что̀ еще у меня въ головѣ.... кажется, будетъ хорошо.... или, по-крайней-мѣрѣ, лучше.

«Онъ меня любитъ!» съ радостью сказала Анна про себя, и счастіе придало ей самоувѣренности. Она наконецъ совладала съ собою, стала спокойною, и уже смѣло господствовала надъ своимъ плѣнникомъ.

— Ктожъ будетъ тотъ счастливецъ, спросила она: кому вы первому прочитаете то, что̀ начали, что̀ теперь пишете?

— Вамъ! невольно отвѣчалъ онъ.

Она была напередъ увѣрена въ этомъ отвѣтѣ.

— Мнѣ? Быть не можетъ!

— Если только вы позволите.

— Вы обѣщаете? Мнѣ первой? Никому кромѣ меня?

— Я почту себѣ это за такую честь....

— Нѣтъ, это я должна почесть себѣ честью, всегда буду гордиться этимъ.

Въ это время, Софія возвратилась и заняла прежнее мѣсто между ними.

— Софія! сказала она весело: ты ничего не знаешь о моемъ счастіи? Мы говорили объ этой удивительной книгѣ, которую ты мнѣ дала, и я уже получила обѣщаніе, что когда одна, теперь начатая, пьеса будетъ окончена, я первая буду ея слушательницей.

— Такъ уже не я? не маменька? не папà? съ упрекомъ сказала Софія Валеріану. — Анна! печально продолжала она, обращаясь къ кузинѣ: ты едва пріѣхала, и уже насъ разстраиваешь!

— Нѣтъ, мой другъ! быстро возразила Анна: нѣтъ, это будетъ у тебя, у васъ.—Не правда ли? сказала она Валеріану.—Я надѣюсь, милая Софія, что ты позволишь мнѣ участвовать въ твоихъ удовольствіяхъ?

— Это другое дѣло, сказала Софія.

Разговоръ съ той поры сдѣлался незначительнымъ. Валеріанъ съ благодарностью и удивленіемъ оцѣнилъ умъ и деликатность Анны въ неожиданномъ оборотѣ, который она дала обѣщанію, обидному для этой доброй и чувствительной дѣвушки, но Анна съ своей стороны, ясно поняла, изъ печали и упрека кузины, всю опасность брать ее въ повѣренныя въ такомъ нѣжномъ вопросѣ. Она стала осторожнѣе. Бесѣда молодыхъ людей продолжалась еще съ четверть часа. Аннѣ было въ ней такъ отрадно, что она желала

бы продлить ее до безконечности. Но родители Софіи спѣшили въ театръ: Софія уѣхала, и общество ихъ разстроилось. Поговоривъ съ отцомъ Анны, и посидѣвъ еще немного возлѣ графини Маріи, Валеріанъ удалился вслѣдъ за княгинею Х***, которую Лоло, несмотря на усталость почтенной старушки, утащила съ собою къ своей кузинѣ: тамъ это пріемный день, и Лоло страхъ хотѣлось воспользоваться еще остаткомъ вечера, чтобы разсказать всѣмъ, что у Анны есть сестра — нечего сказать, ужасть — очень нехороша собою — но зато такая милая! — ангелъ доброты! — умная! — кроткая! — обворожительная!.... то-то будетъ счастливъ, кто не посмотритъ на лицо этого ангела, и женится на немъ!

Этотъ вечеръ, вечеръ незабвенный въ жизни Анны, доставилъ ей, на долгое время, тьму сладостныхъ мечтъ и печальныхъ размышленій. Мнительность знаменитаго человѣка насчетъ своихъ личныхъ достоинствъ поразила ее, не только въ разсказѣ Софіи, но и въ короткомъ разговорѣ съ Валеріаномъ. Ясно, что онъ не рѣшится открыто ухаживать за нею, а это, конечно, было бы единственное средство преклонить маменьку, хоть со-временемъ, если еще есть средство преклонить ее. Съ-тѣхъ-поръ они видѣлись еще нѣсколько разъ, говорили долго и свободно, онъ положительно былъ влюбленъ, обнаруживалъ это каждымъ словомъ, каждымъ наклоненіемъ голоса, видѣлъ, что къ нему также неравнодушны, потому-что Анна, частью невольно, а частью и нарочно, сколько позволяло приличіе, давала ему

замѣтить это, и, при всемъ томъ, не становился смѣлѣе! Напротивъ: онъ, казалось, усиливалъ свою осторожность. Разговоръ, происходившій однажды у ея тетки, между мадамъ Б***, ея мужемъ и Валеріаномъ, о непомѣрномъ честолюбіи графини Маріи и объ ея прошлогоднихъ сумасбродствахъ за-границею и мечтахъ выдать дочь свою за владѣтельную особу, былъ отчасти переданъ Аннѣ болтливою Соней. Она поняла, что этотъ разговоръ напугалъ скромнаго Валеріана. Между-тѣмъ все, что происходило вокругъ нея, великіе планы матери, ея безпрерывныя разсужденія о чести и необходимости занимать высокое положеніе въ обществѣ, презрѣніе, съ какимъ она отзывалась о молодыхъ людяхъ безъ значенія, хоть бы даже съ именемъ и богатствомъ, и о бракахъ по влеченію сердца, самый выборъ знакомствъ и пріятелей, наконецъ пышныя приготовленія къ баламъ, все это наполнило душу бѣдной дѣвушки страхомъ и уныніемъ. Она стала задумчивою и грустною, искала уединенія, плакала иногда безъ всякаго видимаго повода, не любила наряжаться. Мать не могла не примѣтить въ ней перемѣны. Графиня Марія нѣсколько разъ разспрашивала ее о причинѣ этой непонятной тоски. Анна всегда отвѣчала, что ей здѣсь скучно, что она желала бы умереть.

— Погоди, утѣшала ее мать. Вотъ скоро наступятъ балы: разсѣешься.

Отвѣтомъ на это утѣшеніе были всегда новый вздохъ и горькія слезы. «Я не понимаю намѣре-

ній маменьки, думала про себя Анна: она хочетъ просто продавать меня съ аукціона!»

Открылась зимняя кампанія. Вы знаете, о какой я говорю кампаніи. Я говорю о той страшной войнѣ, о томъ грозномъ ополченіи, о томъ внезапномъ и опустошительномъ нападеніи опаснаго числительною силою и коварствомъ врага, словомъ, я говорю о томъ знаменитомъ нашествіи двадцати народовъ маменекъ, съ многочисленною арміей дочекъ — вооруженною всѣми средствами тактики, стратегіи и колдовства, на безпечный народъ жениховъ—страшномъ побоищѣ холостяковъ, въ которомъ каждую зиму безвозвратно погибаетъ столько любезныхъ молодыхъ людей. Это настоящая война, брань подъ музыку кадрилей и мазурокъ, кампанія при свѣчахъ. Страшныя приготовленія дѣлаются къ ней благовременно, прежде чѣмъ первый звукъ трубъ подастъ знакъ къ упорной борьбѣ: тысячи острыхъ стальныхъ орудій повсемѣстно приходятъ въ дѣйствіе; арсеналы наполняются блестящимъ оружіемъ прозрачныхъ платьевъ, кружевъ, лентъ, цвѣтовъ, алмазовъ, парюровъ, турнюровъ, корсетовъ на ватѣ, косъ на гребенкахъ и предательскихъ карманныхъ буклей. Авангардъ выступаетъ впередъ: отцы и братья высылаются на разъѣзды, узнавать о позиціяхъ непріятеля и заманивать его на засады. За тѣмъ слѣдуетъ главная армія, полки дочерей-невѣстъ, въ полномъ вооруженіи. За ними — генералитетъ, маменьки: каждая предводительствуетъ своимъ отрядомъ, иногда весьма многочисленнымъ; отъ ея тактики, хладнокровной

распорядительности, умѣнія занять позиціи, быстроты въ безпрерывномъ перемѣщеніи своихъ силъ на разные пункты, вѣрнаго взгляда на слабыя стороны непріятеля, геніальнаго выбора момента рѣшительной аттаки, зависитъ побѣда или постыдное низложеніе. Между этими полководцами въ чепчикахъ, нерѣдко есть удивительные стратегики. И говоря вообще, чтобъ быть отличною матерью зимою, нуженъ фельдмаршальскій геній. Многія, по недостатку въ воинскихъ талантахъ, проигрываютъ всѣ кампаніи и принуждены ретироваться съ разбитымъ и обезоруженнымъ корпусомъ, единственно оттого, что, или слишкомъ горячатся, или становятся въ ложномъ пунктѣ для команды, очень близко къ сражающимся, когда происходитъ самая жаркая пальба изъ глазъ, или играютъ въ карты, тогда какъ побѣда уже одержана и надо принимать мѣры къ преслѣдованію и истребленію непріятеля. Позади главной арміи и генералитета, всегда находится сильный и дѣятельный арріергардъ, состоящій изъ тетушекъ, бабушекъ и старыхъ кузинъ. За арріергардомъ въ отдаленіи, тянется багажъ, фургоны, ящики, ларчики съ приданымъ. Какъ уже давно извѣстна военная хитрость обороняющагося непріятеля, дѣлать внезапныя нападенія на тылъ аттакующей арміи въ надеждѣ разграбить багажъ, то охраненіе его ввѣряется бдительности и искусству арріергарда: истинно наполеоновская штука — допустить врага довольно близко къ багажу, и когда тотъ, почуявъ поживу, горячо устремится на обозы, взять его во

флангъ, окружить со всѣхъ сторонъ, и принудить къ безусловной сдачѣ, между-тѣмъ какъ фургоны и ящики спасаются, уходя во весь опоръ. Кончить борьбу капитуляціей, уступками, это не побѣда. Такой результатъ кампаніи не показываетъ генія. Даже генералъ-мать, которая, вдругъ захлопнувъ крышку, поймала врага въ пустомъ фургонѣ, не можетъ похвастаться своими дарованіями, по тому уже одному, что допустила хищника до фургона. Велико дѣло быть матерью взрослыхъ невѣстъ! И какъ, съ другой стороны, свѣтъ равнодушенъ къ истиннымъ талантамъ!.... до-сихъ-поръ нѣтъ ни одной біографіи великихъ матерей, которыя выиграли по нѣскольку блистательныхъ кампаній сряду, не потерявъ ни одного гроша на приданое!

Я распространился съ умысломъ объ этомъ важномъ и любопытномъ предметѣ, чтобы поставить читателя въ настоящей точкѣ зрѣнія передъ великими событіями, которыми ознаменовалась эта достопамятная зима. Кампанія была необыкновенно интересна, борьба удивительно жарка и упорна. Сражались, не на животъ, а на смерть. Когда снѣгъ разстаялъ, свѣчи погасли, солнце освѣтило поле брани — жениховъ не было ни живой ноги: всѣ погибли, съ оружіемъ въ рукахъ, на поляхъ супружества. Дѣятельность и таланты матерей превзошли въ эту зиму всякое описаніе. Геній почти всегда бываетъ плодомъ соревнованія: а могъ ли быть сильнѣйшій поводъ къ соревнованію, чѣмъ появленіе на поприщѣ такой красавицы какъ Анна? Слава ея красоты заранѣе

встревожила всѣхъ матерей, тетушекъ, дочекъ, племянницъ, кузинъ. Безъ всякаго совѣщанія, по одному чувству опасности, единогласно принята была противъ нея одна изъ самыхъ мудрыхъ мѣръ, какія я знаю: всѣ женщины, всѣ дѣвицы, которыя ее видѣли или не видѣли, пустились, какъ по командѣ, въ неукротимыя похвалы и восторги насчетъ ея безпримѣрной красоты, чтобы всѣми возможными преувеличеніями возбудить въ мужчинахъ ожиданіе чего-то невѣроятнаго, баснословнаго: предполагалось, что когда они, при такомъ напряженіи понятій, впервые увидятъ Анну, то она покажется имъ далеко не такою на дѣлѣ, какою они воображали въ пылкой мечтѣ своей. Ничто такъ вѣрно не убиваетъ чаръ перваго эффекта, ничто не приводитъ человѣка въ такую досаду, какъ обманутое ожиданіе. Этого только и было нужно. Если мужчины скажутъ — «Да тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго!» — тогда можно будетъ еще спорить съ ними — они станутъ изъ упрямства поддерживать свое мнѣніе доказательствами — съ явными доказательствами нельзя не согласиться — и если еще, въ угожденіе спорщикамъ, вы невинно замѣтите сами разные недостатки въ слишкомъ прославленной красавицѣ и доставите имъ новые доводы, такъ и дѣло съ концомъ: необыкновенное сдѣлается для всѣхъ самымъ обыкновеннымъ и почти пошлымъ. Очень умная мѣра! Къ сожалѣнію, на этотъ разъ она не удалась: красота Анны, была выше всѣхъ преувеличеній. Самое восторженное ожиданіе далеко отстало отъ дѣйствительности, потому-что

мечтою нельзя постигнуть ничего совершеннѣе природнаго совершенства; напротивъ, при повѣркѣ, оно всегда оказывается выше воображаемаго. Торжество Анны на первыхъ балахъ огорчило весь прекрасный полъ, но не охолодило соревнованія его въ красотѣ. Степень бѣлизны ея блестящей кожи, объемъ ея тоненькой таліи, прелестной ручки, крошечной ножки —ножекъ у нея почти и не было!—все это измѣрено въ лорнеты съ астрономическою точностью, и черезъ недѣлю—увидите! — такія кожи, таліи, ручки и ножки будутъ ни по чемъ. Началось всеобщее бѣленіе, шнурованіе, сжиманіе оконечностей въ тиски. Миндальное тѣсто въ трое сутокъ вздорожало вдевятеро. Одинъ геніальный басонщикъ, который кстати изобрѣлъ «новый, испытанный, привиллегированный *неразрывный* корсетный шнурокъ» изъ шелку съ платиновой проволокой, втеченіи пяти мѣсяцевъ купилъ себѣ четыре дома. Всѣ башмачники и перчаточники, заготовившіе съ осени огромное количество башмаковъ и перчатокъ среднихъ нумеровъ, какъ самыхъ употребительныхъ, къ веснѣ обанкрутились и должны были представить свои балансы: кто могъ ожидать, что всѣ станутъ требовать башмаковъ и перчатокъ однихъ только дѣтскихъ нумеровъ!.... Наконецъ, тѣ, которые женились уже послѣ Святой, всѣ ребра, ручки и ножки нашли у своихъ молодыхъ переломанными. Дѣло было жаркое!

При первомъ появленіи на балахъ огромной и богатой столицы, самолюбіе Анны не могло не испытать того упоенія, которое доставляетъ вся-

кое торжество. Всѣ глаза были устремлены на нее: толкались, чтобы ее увидѣть. Всѣ дѣвицы вдругъ лишились своихъ обожателей, всѣ женщины — мужей и любовниковъ. Можно себѣ представить ихъ озлобленіе и самодовольство Анны! Она была великимъ и могущественно сіяющимъ центромъ, въ который стекалась и изъ котораго исходила всеобщая любовь. Этотъ восторгъ, эта преданность, это благоговѣйное удивленіе всѣхъ мужчинъ передъ прекраснѣйшею изъ прекрасныхъ, царицею одного пола и повелительницею другаго, конечно, были ей весьма пріятны. Но долго ли наслаждалась она этимъ блаженствомъ? Взгляните, вы, которыя алчете торжествъ красоты и которыя объ нихъ вздыхаете, взгляните на эту несчастную дѣвушку, одинокую, печальную, безъ подруги между своими, безъ сердца къ этой толпѣ безполезныхъ и тягостныхъ поклонниковъ. Она окружена злостью и легкомысленностью. Красота уже ей въ тягость. Эта тьма молодыхъ и старыхъ обожателей не даетъ ей ни минуты покою: и къ чему она ей служитъ? Любовь одного была ей достаточна! Онъ тутъ! И она почти не смѣетъ взглянуть, чтобы не навлечь на него тысячи новыхъ враждъ, въ-добавокъ къ тѣмъ, которыя уже поднялись противъ него за его личное превосходство. Одно слово дружбы, довѣрія, искренности, было бы для нея освѣжительною каплею въ этомъ удушьѣ удивленія. Гдѣ оно?... Всѣ прочія дѣвицы дружно ходятъ объ-руку, шепчутся, смѣются; имъ весело; онѣ наслаждаются. Отъ Анны онѣ бѣгаютъ какъ отъ

чумы: ни одна не хочетъ даже и стоять рядомъ съ нею, чтобы не казаться ужасною подлѣ такой красавицы. На одномъ изъ первыхъ баловъ, добрая Софья взяла ее подъ-руку и сказала:

— Ну, ужъ я пожертвую собою!... Я вижу, ты скучаешь, одна. Скажи, Анна, люблю ли я тебя, когда не боюсь подходить къ твоей убійственной красотѣ?

Слова Софіи раскрыли глаза неопытной дѣвушкѣ: она поняла, что всѣ эти женщины ненавидятъ ее. Съ той минуты, балы, блестящія собранія, удивленіе мужчинъ, опротивѣли Аннѣ. Немного нужно было времени, чтобы измѣрить пропасть, которую необыкновенная красота изрыла подъ ея слабыми ногами. Катенька скоро начала выѣзжать съ нею на балы: маменька рѣшилась; надобно было поскорѣе товаръ лицомъ продать, показывая его не иначе какъ при свѣчахъ. Появленіе Катеньки показало бѣдной Аннѣ всю необъемлемость людской злобы при видѣ неоспоримаго превосходства. Лоло взяла этого толстенькаго урода подъ свое покровительство: знакомила, всѣмъ рекомендовала и расхваливала. Женщины и дѣвицы, какъ-бы сговорившись, приходили отъ нея въ неописанное восхищеніе, осыпали ее ласками, дружбою, довѣренностью, прославляли ея умъ, доброту, скромность, любезность. Нѣсколько словъ зависти, произнесенныя Катенькою передъ своими новыми пріятельницами, быстро пронеслись по всему обществу, выросли, развѣтвились какъ пырей, и опутали Анну клубами мерзкой клеветы. Въ половинѣ зимы, это

8*

уже было принято всѣми за доказанный фактъ, что Анна, эта безмолвная страдалица — тщеславная эгоистка, которая угнетаетъ свою благородную сестру, эту милую Катеньку, этого тихаго и кроткаго ангела; капризна, зла, холодна, нечувствительна и, въ-добавокъ, удивительно глупа — ну, такъ глупа, что изъ рукъ вонъ! — просто, статуя! Сотни анекдотовъ были выдуманы объ ея печальномъ слабоуміи и повторялись какъ подлинные. Нѣкоторыя женщины говорили объ ней, и даже съ нею, съ такимъ состраданіемъ, какъ-будто она была юродивая. Маменьки, желая побранить своихъ дочекъ, сравнивали ихъ съ Анною. И дочки еще обижались, что ихъ сравниваютъ съ такимъ «чудовищемъ».

Могла ли та, о которой образовалось такое мнѣніе въ обществѣ, долго оставаться въ невѣдѣніи объ немъ! Не будь даже ложныхъ пріятельницъ, которыя по секрету передаютъ всѣ злобные отзывы, для того, чтобы дружески вонзить кинжалъ въ сердце, сама Катенька приняла бы на себя эту пріятную должность, одна за всѣхъ. Въ безпрерывныхъ ссорахъ своихъ съ сестрою, эта змѣя медленно выжимала на ея раны весь ядъ, выдѣлываемый въ пасти всеобщей зависти. «Ужъ, вѣрно, я должна быть нѣсколько добрѣе тебя, говорила она при всякомъ случаѣ: когда всѣ меня любятъ, всѣ со мною дружны, а о тебѣ повсюду господствуетъ такое ужасное мнѣніе!» И, послѣ этого предисловія, всегда начиналось новое изданіе подобраныхъ на-канунѣ клеветъ, исправленное и умноженное ядомъ своего издѣлія. Не про-

ходило дня, чтобы Анна не рыдала и не проклинала своей жизни уже по одной этой статьѣ людскаго мщенія.

Объ этихъ жестокихъ неудобствахъ великой красоты Анна еще не имѣла ни малѣйшаго понятія. Она была за-границею: тамъ всѣ, и мужчины и женщины, окружали ее равнымъ восторгомъ; но тамъ каждая знала, что эта страшная красавица не можетъ повредить ей, что она здѣсь только проѣздомъ, скоро исчезнетъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, все придетъ въ прежній порядокъ. Преслѣдованіе не имѣло бы цѣли. На родинѣ, между своими, дѣло другое: здѣсь каждая отчаянно защищала свою собственность. Это неожиданное озлобленіе было ужаснымъ открытіемъ для изумленной и опечаленной дѣвушки.

Но клеветы на личный характеръ не опасны, какъ онѣ ни огорчительны: люди, съ которыми вы должны жить или имѣть дѣло, одни имѣютъ съ нимъ столкновеніе, и они безъ труда обнаружатъ всю ложь этого рода. Для дѣвушки, славящейся красотою, есть другой родъ клеветы, гораздо убійственнѣе, потому-что онъ посягаетъ прямо на честь ея и можетъ отравить счастіе всей жизни. Вотъ, что̀ случилось съ Анною: о другихъ я не говорю. Она, какъ я уже сказалъ, однимъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ, отбила множество обожателей и любовниковъ у другихъ женщинъ. Мужчины жадны на красоту, какъ волки на мясо — пока она имъ не принадлежитъ: укусивъ, они бросаютъ добычу, и идутъ дальше. Какъ этой укусить было невозможно, то, въ первомъ

пылу всеобщихъ восторговъ, вошло даже въ моду быть влюбленнымъ въ нее. На вопросъ — Здоровъ ли? — отвѣчали — Ахъ, не спрашивай! я влюбленъ въ «божественную» Анну. Не быть въ нее влюбленнымъ значило почти принадлежать къ дурному обществу. Во время этого вихря модной страсти, я самъ видѣлъ, будучи мальчикомъ, какъ даже многіе парики и сѣдыя головы кружились въ воздухѣ. Все это было ужасно обидно почтенному сословію дамъ и дѣвицъ. Чтобы прекратить мятежъ подвластныхъ себѣ мужчинъ и утвердить ихъ вѣрность на прочномъ основаніи, онѣ дѣятельно стали распускать слухи, будто Анна влюблена въ такого-то — разумѣется, каждый день въ другаго. Извѣстія были самыя достовѣрныя, доказательства на-лицо. Въ концѣ первой зимней кампаніи, общаго врага можно уже было провозгласить ужасною кокеткою и вѣтренницею: и бысть тако. Потомъ всѣ, общими силами, принялись выдавать ее за-мужъ: каждую недѣлю приписывали ей новаго жениха; дѣло всегда было несомнѣнное, хотя еще тайное: они уже цѣлуются!... Нѣсколько разъ и день свадьбы былъ назначенъ: многіе сами слышали выкличку въ церкви. Я говорю многіе, а не многія, потому-что въ этихъ сплетняхъ охотно участвовали и мужчины, особенно изъ числа возвратившихся къ долгу: эти лгали въ ознаменованіе полнаго и чистосердечнаго своего раскаянія. Однажды — и, какъ я думаю, одни уже мужчины — сочинили прескверную исторію, съ такими мелкими подробностями, что невозможно было не повѣрить: въ

самомъ дѣлѣ весь городъ, втеченіи цѣлыхъ трехъ дней вѣрилъ, что Анна бѣжала съ однимъ молодымъ офицеромъ. Мужчины!... Вы желаете быть необыкновенными красавицами, чтобы плѣнять мужчинъ! Но знаете ли, что мужчины первые враги необыкновенной красоты, гонители еще злѣе васъ самихъ? Тщеславіе ихъ часто такъ велико и такъ нагло, что многіе ни мало не совѣстятся легкомысленно приноситъ честь женщины въ жертву лакейской потѣхѣ хвастовства своими любовными подвигами, и чѣмъ прекраснѣе женщина, тѣмъ, по-несчастію, болѣе падки они на это мерзкое удовольствіе. Были между ними такіе, которые, въ досадѣ на равнодушіе Анны, клялись окомпрометировать ее, и, негодяи, сдерживали свое слово. Множество нелѣпыхъ и гнусныхъ анекдотовъ, пущенныхъ въ ходъ ими, повторялось объ ней между легковѣрною молодежью. Иные простирали безстыдство до-того, что хвастались условленными съ ней свиданіями. Нѣкоторые даже показывали ея волосы, перчатки, кольца, и прочая. Не прошло двухъ лѣтъ, и Анна — я нѣсколько опережаю ходъ событій — чистая, невинная Анна, была уже обезславлена!

О mes dames et demoiselles! оставайтесь просто миловидными существами! не желайте быть лучше, и благо вамъ будетъ!

Не вѣрьте сочинителямъ повѣстей и романовъ, воспѣвающимъ небывалыя блаженства женщинъ невообразимой красоты: они не знаютъ что̀ говорятъ. Другими словами, они не умѣютъ писать. Боже мой! имъ кажется, что женщинѣ такъ же

легко быть необыкновенною красавицею, какъ имъ сочинить ее; что это не стóитъ ей никакого труда на свѣтѣ: чтòжъ! сдѣлаться необыкновенной красавицей, сѣсть, глаза взвесть, и ждать «страстнаго Владиміра»!.. И на это тратятъ они столько и такой рѣдкой красоты!

Всего ужаснѣе тò, что такія женщины почти всегда рождены быть также необыкновенными женщинами и по своему уму. Природа надѣляетъ ихъ удивительными умственными способностями. Сердце ихъ убрано благородными и возвышенными чувствами. Онѣ такъ же прекрасны внутри, какъ и снаружи. Воспитаніе, по бòльшей части, заглушаетъ въ нихъ эти драгоцѣнные зародыши свѣта и блага неосторожнымъ развитіемъ непомѣрнаго женскаго тщеславія: тогда душа ихъ скопляется вся на наружной сторонѣ ихъ чудеснаго тѣла, и внутри часто остается прискорбная пустота. Но стòитъ только потрясти ихъ несчастіемъ, страданіемъ, несправедливостью: ихъ умъ и сердце вдругъ выходятъ изъ продолжительнаго усыпленія и сіяютъ чуднымъ блескомъ. Я ссылаюсь на исторію: она представляетъ намъ много женщинъ, вмѣстѣ чрезвычайно прекрасныхъ и чрезвычайно умныхъ. Графиня Марія, своей методою воспитанія, своимъ сумасброднымъ честолюбіемъ и примѣромъ собственнаго своего тщеславія, сдѣлала все, чтò только возможно, чтобы дочь ея была только прекрасною дурочкой; но, сперва домашнія огорченія съ завистливою сестрою, потомъ вдругъ это страшное тайное остервенѣніе цѣлой половины общества, разбудили

въ ней и размышленіе и чувствительность. Она сосредоточилась въ самой себѣ. Ея умъ и сердце быстро пріобрѣли ту упругость и тонкость, которыя производятъ прекраснѣйшія явленія нравственнаго міра и дѣлаютъ души великими. Анна прозрѣла. Она стала явственно различать гнусную игру страстей подъ лоскомъ изящной наружности, проникла насквозь людскія сердца, и на днѣ ихъ увидѣла адъ. Проницательность ея, доходившая до ясновидѣнія, ужасала ея природную слабость. Будущее являлось ей еще мрачнѣе настоящаго. О Боже! что̀ дѣлать? куда дѣваться?... Отчаяніе и уныніе овладѣли ею. Глаза ея проливали потоки горькихъ слезъ. Потомъ вдругъ возстала она во всемъ чувствѣ своего достоинства, во всемъ спокойствіи великой женщины, бросила презрительный взглядъ на людей, которые не умѣли узнать и уважать ея, и заключилась всею душою въ любви своей къ человѣку, подобно ей страдавшему за опасное великодушіе природы. О! какъ она теперь любила Валеріана! Теперь только поняла она его положеніе среди завистливой и злой посредственности, оцѣнила его внутреннія скорби, и постигла, какимъ утѣшеніемъ въ жизни можетъ быть для него ея благородная и теплая любовь. Прежде она ненавидѣла свою красоту: теперь красота — ея великій талантъ— стала для ней драгоцѣннѣе чѣмъ когда-либо, потому-что она пріобрѣла ею удивленіе человѣка съ великимъ талантомъ. Она отерла слезы, и рѣшилась быть спокойною, чтобы сохранить себя для него одного и какъ-можно долѣе.

Негодованіе на людей, презрѣніе къ ихъ страстямъ чувство своей чистоты и невинности, мало-по-малу сообщили ея обращенію видъ холодной гордости, сознанія личнаго превосходства и тонъ нѣсколько повелительный. Отвѣтъ ея былъ всегда важенъ и часто не чуждъ эпиграммы. Этого, по строгому нравоученію, нельзя не признать недостатками ея характера; но нравоученіе чрезвычайно забавно въ своихъ сужденіяхъ: оно никогда не входитъ въ положеніе человѣка. Можно ли не извинить ихъ, эти недостатки, послѣ такихъ незаслуженныхъ и отвратительныхъ оскорбленій?... Замѣчательно также, что на эти знаменитые недостатки болѣе всего указывали тѣ, которые были ихъ причиною и противъ наглости которыхъ они служили Аннѣ щитомъ и оградою!

Возвратимся немножко назадъ. Спѣша дать нѣсколько полное понятіе о страданіяхъ Анны и началахъ, изъ которыхъ окончательно образовался ея характеръ, я ничего не сказалъ о томъ, чѣмъ кончилась первая зимняя кампанія графини Анны. Кампанія кончилась ничѣмъ, или, правильнѣе, полною неудачей. Графиня Марія составила было слишкомъ обширный планъ операцій, охватила вдругъ огромное пространство для своихъ стратегическихъ дѣйствій, всѣ силы сосредоточила въ арріергардѣ, и непріятель улизнулъ со всѣхъ пунктовъ. Впрочемъ, самая сущность дѣла представляла непреодолимыя препятствія къ успѣху: въ такую чудную красоту, какова дочери графини Маріи, мужчины готовы влюбляться по два раза въ сутки; но, съ нашими нравами, послѣ

уничтоженія теремовъ среднихъ вѣковъ, жениться на ней.... принимать званіе ея отвѣтственнаго сторожа.... подвергать себя добровольно всѣмъ треволненіямъ колоссальной славы своей супруги.... жертвовать спокойствіемъ всей жизни безконечнымъ сплетнямъ и анекдотамъ злословія, зависти, мщенія.... стрѣляться со всякимъ тщеславнымъ нахальствомъ.... и, что̀ всего обиднѣе, быть извѣстнымъ въ обществѣ подъ названіемъ мужа своей знаменитой жены, какъ Валабрегъ былъ извѣстенъ подъ именемъ мужа Каталани — этого страшатся всѣ благомыслящіе женихи. Одни только неопытные юноши, негодящіеся въ порядочные мужья, и — странно! — опытные старики, охотно рѣшаются на такую «глупость»: старики еще скорѣе чѣмъ юноши. Всѣ блистательнѣйшіе женихи той блистательной эпохи, были влюблены въ Анну: но, когда которому-нибудь изъ нихъ приходила въ голову мысль о возможности жениться на ней, каждый говорилъ — Страшно! — и отступалъ. Родство со знатнымъ семействомъ, безполезнымъ для честолюбія родителей, не прельстило бы матери: вотъ уже самая значительная часть хорошихъ молодыхъ жениховъ — въ сторонѣ. Тѣ, которые бы съ разсчетомъ бросились во всѣ опасности подобнаго брака, въ пылкой надеждѣ достигнуть значенія въ обществѣ, не подходили къ плану графини Маріи, и притомъ Анна съ негодованіемъ отвергла бы ихъ искательство. Между-тѣмъ соперничество быстро истребляло цвѣтъ кандидатовъ къ браку: матери въ эту зиму употребили въ дѣло весь свой геній,

Bayerische Staatsbibliothek München

тетушки одушевились истинно классическимъ усердіемъ, дочки вооружили свои слабыя прелести безпримѣрною дотолѣ любезностью, и женихи гибли какъ мухи. Все, что̀ было удобоженимое, женилось на-поваль. Для Анны оставались одни только старики. Мать повела на нихъ аттаку, и сначала успѣхъ былъ блистательный. Шесть человѣкъ тузовъ, самыхъ важныхъ и самыхъ знатныхъ, отъ пятидесяти-пяти до семидесяти-семи лѣтъ включительно, съ разныхъ пунктовъ разомъ влюбились въ Анну: мать имѣла объ этомъ «самыя положительныя» свѣдѣнія; всѣ были вдовы или пожилые холостяки, всѣ не прочь отъ женидьбы, и особенно два изъ нихъ очень, очень согласовались съ видами графини Маріи; но, или ихъ устрашила эта толпа обожателей, безпрерывно окружавшая Анну, или, какъ утверждала мать, графъ Андрей надѣлалъ неловкостей — дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ предложенія. У седьмаго туза, козырной масти, жена была при смерти весь февраль мѣсяцъ и половину марта: графиня Марія имѣла на него большія надежды; старалась показать ему дочь свою вблизи, средь горестей и печалей, въ плѣнительномъ дружескомъ свѣтѣ; брала̀ ее всегда съ собою, навѣщая больную съ самымъ нѣжнымъ и трогательнымъ участіемъ: дѣло, кажется, было вѣрное — скажите, пожалуйста! — надобно же такое несчастіе! — жена козырнаго туза вдругъ выздоровѣла.... Судьба!

Послѣ столь огорчительной неудачи, графиня Марія заключила первую зимнюю кампанію и,

со всѣми наличными силами, отретировалась на дачу.

Втеченіи этой знаменитой зимы, Анна видѣлась съ Валеріаномъ. Мать и не воображала, чтобы они были влюблены другъ въ друга. Она сама очень любила его общество. Человѣкъ знаменитый и другъ сестры графа Андрея былъ всегда принятъ въ ея домѣ съ уваженіемъ и радушіемъ. Анна могла безпрерывно встрѣчаться съ нимъ здѣсь, у своей тетки, въ обществахъ, на балахъ. Дружба его съ Софіей сблизила ихъ еще болѣе. Чтеніе обѣщанной пьесы происходило въ домѣ мадамъ Б***: Анна была въ неописанномъ восхищеніи отъ этой дивной поэзіи, полной неба, свѣта и любви; ея гармоническіе звуки, съ жадностью вбираемые слухомъ, таяли въ пылающей душѣ дѣвушки и упадали на сердце дождемъ огненныхъ капель; все ея тѣло сгорало въ наслажденіи. Твореніе было могущественно задумано, и выполнено съ неподражаемымъ искусствомъ. Анна не могла не видѣть, что оно далеко превосходитъ всѣ прежнія, и мысль, что, вѣроятно, она имѣла вліяніе на этотъ исполинскій успѣхъ таланта, прельщала ея самолюбіе и усиливала счастіе. Она подала руку Валеріану, изъявляя свое удивленіе, благодарность и надежду, что онъ удостоитъ ее такой же дружбы, какою уже гордилась счастливая Софія. И съ-тѣхъ-поръ они были друзьями. Но, несмотря на эту короткость, никогда ни одно слово о любви не измѣняло благородной осторожности Валеріана. Онъ тщательно

закрылъ передъ нею свою душу и ея страданія, хотя могъ видѣть, и видѣлъ, что Анна предпочитаетъ его всѣмъ и приняла бы признаніе съ восхищеніемъ. Анна, съ своей стороны, была увѣрена, что она любима, но эта непоколебимая скромность иногда мучила ее ужасно: она соображала, догадывалась, сомнѣвалась, и порой приходила въ отчаяніе. Полу-неизвѣстность особенно была ей тягостна въ многочисленныя минуты огорченій отъ утомительной борьбы съ завистью сестры и злобою свѣта. Въ эти ужасныя минуты, она отдала бы всю жизнь свою за одно слово увѣренія въ томъ, что она не обманывается.

Въ исходѣ зимы, пріѣхала къ ней поутру Софія. Она была блѣдна и печальна; слезы часто появлялись на глазахъ ея. Анна разспрашивала ее о причинѣ этой грусти, и долго не получала отвѣта. Наконецъ Софія бросилась ей на грудь, судорожно сжала ее въ своихъ объятіяхъ и заплакала:

— Онъ влюбленъ въ тебя! вскричала она.

— Кто?

— Ты знаешь, кто!

Бѣдная дѣвушка рыдала на груди Анны.

— Не плачь, мой другъ! успокойся! сказала Анна, нѣжно ее цѣлуя. Разскажи, что̀ случилось. Кто тебѣ сказалъ это?

— Онъ самъ! отвѣчала она, утирая слезы. Я ожидала этого ужаснаго удара въ нашей дружбѣ. Ударъ совершился, все кончено. Маменька все-еще надѣялась!... Я уже давно отказалась отъ всякой надежды: я знала, что онъ не любитъ меня.... но трудно.... знаешь!... услышать отъ

него же, что онъ любитъ другую. Прости меня, мой другъ! Это мои послѣднія слезы: съ ними, я отдаю его тебѣ навсегда. Не бойся меня, Анна: я не соперница. Люби меня!... любите меня оба!

Она опять кинулась ей на шею и заплакала. Анна плакала вмѣстѣ съ нею.

— Благородная душа! говорила она: милая, добрая Софія!... будь увѣрена, что я всегда буду искренно любить тебя. Я вполнѣ постигаю твои чувства....

— Поцѣлуй меня еще разъ за пріятное извѣстіе, которое я привезла тебѣ, прервала Софія.

Анна поцѣловала и улыбнулась.

— Почему же ты знаешь, что оно мнѣ пріятно?... А, можетъ-быть, совсѣмъ напротивъ.

— О! нѣтъ! я знаю!... Я давно знаю, что ты его любишь.... Да какъ можно не любить его!... Напрасно ты такъ долго притворялась со мною.... Ну, да это понятно: ты не хотѣла огорчать меня!... Съ перваго вечера, когда вы встрѣтились у насъ, я предвидѣла, что это тѣмъ кончится: мое сердце мнѣ сказало, да я и сама замѣтила, по твоимъ глазамъ, по всѣмъ твоимъ движеніямъ, что онъ произвелъ въ тебѣ сильное впечатлѣніе: и, помнишь ли, я сказала тебѣ, что онъ — такой гадкій, и что маркизъ, напротивъ, удивительный красавецъ?... Я хотѣла отвратить твое вниманіе отъ него къ маркизу. Извини, Анна, мою хитрость: зато теперь я признаюсь, что онъ удивительно милъ и совершенно достоинъ твоей любви.

Онѣ поцѣловались.

— Ну, когда ужъ начала, такъ разсказывай

все! присовокупила Анна. Скажи, какъ это случилось, что онъ тебѣ признался.

Софія повторила весь свой вчерашній разговоръ съ Валеріаномъ: онъ сказывалъ ей, что намѣренъ вскорѣ уѣхать на три года за-границу; это подало опечаленной дѣвушкѣ поводъ допытываться до причины столь внезапнаго намѣренія, и мало-по-малу обнаружилось, что страданія сердца удаляютъ его изъ отечества; послѣ-того уже не трудно было Софіи заставить его признаться откровенно, что эти страданія происходятъ отъ ихъ общаго друга, Анны, съ которою онъ, въ нынѣшнемъ положеніи своихъ связей, видится очень часто и близко, а, при извѣстныхъ намѣреніяхъ графини Маріи, это только усиливаетъ его мученія, и онъ никакъ не можетъ оставаться здѣсь долѣе.

— Онъ говоритъ, продолжала Софія, что никогда не рѣшится сказать, ни ей ни тебѣ, что тебя любитъ, хоть-бы даже и успѣлъ преодолѣть свою природную робость. Поэтому я и пріѣхала сказать тебѣ все, чтобъ ты все знала. Ахъ! какъ я плакала всю ночь!...

— Но ты же мнѣ говорила, что твое сердце занято другимъ?

— Было занято, но теперь прошло. У меня это приходитъ и уходитъ: я очень счастлива въ этомъ отношеніи! Одинъ онъ никакъ не уходилъ изъ сердца, и я любила его, даже и тогда какъ любила другихъ. Онъ — другое дѣло!... Только ты, Анна.... ради Бога!... честное слово!... не давай ему знать, что тебѣ извѣстенъ нашъ вчерашній

разговоръ, потому-что я поклялась не пересказывать его никому въ свѣтѣ.

— Хорошо, я тебѣ обѣщаю, сказала Анна: можешь быть увѣрена въ моей скромности. Но скажи мнѣ теперь, какого онъ мнѣнія обо мнѣ? думаетъ ли онъ, что я его люблю? или что ненавижу? или какъ?...

— Ахъ, онъ такой чудакъ! воскликнула Софія: я сама ему сказала, что ты любишь его.... любишь любовью.

— Да кто же тебѣ далъ право говорить это? Вѣдь я тебѣ ничего не говорила.

— Это мое мнѣніе. Я говорю свое мнѣніе!

— И онъ повѣрилъ твоему мнѣнію?

— Нѣтъ, онъ никакъ не вѣритъ. Онъ забралъ себѣ въ голову, что онъ ужасно гадокъ и не можетъ нравиться никакой женщинѣ. А междутѣмъ нѣтъ мужчины обворожительнѣе его: согласись сама!... Если бы онъ вѣрилъ, что его могутъ любить, вѣроятно, я теперь не была бы у тебя съ пріятнымъ извѣстіемъ: можетъ-быть, меня бы любилъ онъ!... хотя за мою любовь. Ахъ, какъ я его любила!... Онъ ничего не видѣлъ!

— Это нисколько не утѣшительно и для твоихъ соперницъ, сказала Анна, прелестно улыбаясь. Милая Софія! если ты мнѣ другъ, будь же моей спасительницей. Маменька можетъ дѣлать со мною что̀ угодно, выдавать меня за кого хочетъ, но сердцемъ моимъ она не въ правѣ распоряжаться. Любить я буду его одного.... когда ужъ ты такъ добра, что позволяешь. Если онъ уѣдетъ, я умру! Прошу тебя.... умоляю!... скажи ему отъ меня,

что я несогласна на его отъѣздъ. Скажи именно эти слова — несогласна — не хочу.

— Скажу!... непремѣнно скажу! отвѣчала добродушная Софія, забывая, что этимъ обнаружитъ она нарушеніе своей клятвы. Будь увѣрена, что я не допущу тебя умереть! Вотъ и польза быть такой удивительной красавицей!... ты можешь повелѣвать; тебѣ стòитъ только произнесть — несогласна — не хочу — и все будетъ исполнено.

— Ахъ, не завидуй мнѣ, мой другъ! грустно сказала Анна: дорого плачу я за это! Чтò за такое преимущество! Повѣрь мнѣ, въ самой тебѣ есть болѣе красоты, нежели сколько нужно, чтобы тотъ, кто будетъ любить тебя, исполнилъ твои желанія. Но зачѣмъ уѣзжать?... скажи сама! Обстоятельства могутъ перемѣниться.

— Справедливо!

— Я желаю, чтобы онъ меня видѣлъ какъ можно чаще и былъ свидѣтелемъ каждаго моего поступка. Одно только его присутствіе въ состояніи поддержать во мнѣ мужество. Я стою на краю пропасти: я окружена завистью, злословіемъ, врагами; меня чернятъ, рвутъ, нравственно убиваютъ.... Если онъ уѣдетъ, я погибну!... погибну даже въ собственныхъ его глазахъ, и не переживу этого несчастія! Объясни ему все это. Тебѣ не можетъ быть неизвѣстно, чтò уже обо мнѣ говорятъ....

— Ты умна, Анна, и благородна, сказала Софія, промолчавъ немного. Ты хорошо дѣлаешь. Но если такъ, то говори ужъ мнѣ всѣ свои секреты. Въ городѣ увѣряютъ, что ты, наконецъ, выходишь

замужъ за маркиза, что ты въ него влюблена. Послѣднее, я знаю, не правда; но какъ первое не совсѣмъ отъ тебя зависитъ....

— Когда эти люди перестанутъ выдавать меня замужъ и выдумывать для меня страсти! прервала Анна съ негодованіемъ. Ни первое, ни послѣднее не имѣетъ никакого основанія. Но несомнѣнно то, что маркизъ мучитъ меня ужасно. Какъ я ни явно показываю ему мое отвращеніе къ его прекрасной особѣ, онъ какъ-будто не хочетъ понять этого и никакъ не отстаетъ. Я вижу его намѣреніе: онъ, конечно, желаетъ превозмочь мое нерасположеніе какимъ-нибудь насильственнымъ образомъ, окомпрометировать меня, подѣйствовать на мое убѣжденіе черезъ моихъ родителей. Прежде онъ долгое время притворялся жестоко-равнодушнымъ, но потомъ примѣтилъ, что это не производитъ никакого эффекта, и онъ опять не даетъ мнѣ покою своими вниманіями. Между-тѣмъ онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы пріобрѣсть себѣ дружбу моихъ родителей. Ты не можешь себѣ представить, какія онъ употребляетъ средства! Онъ льститъ папенькѣ такъ, что совѣстно слушать и что даже сама маменька не можетъ удержаться отъ улыбки; каждое его слово находитъ онъ удивительнымъ, во всемъ прибѣгаетъ къ его совѣтамъ, дѣлаетъ все, все для него, предупреждаетъ всѣ желанія: и папенька не можетъ дня прожить безъ маркиза, каждый день, или папенька у него, или онъ у папеньки. Въ то же время онъ необыкновенно внимателенъ къ маменькѣ, оказываетъ тысячи тонкихъ услугъ, водитъ съ

ней маленькіе секреты, занимается даже ея тоалетомъ: онъ съ нею самый нѣжный другъ, и маменька такъ его любитъ, что готова не поѣхать на балъ, если маркизъ скажетъ, что будетъ у нея вечеромъ. Нельзя себѣ представить такого льстиваго человѣка! Маменька и не примѣчаетъ, что я — тайный предметъ всей его дружбы!

— Такъ онъ долженъ быть ужасно влюбленъ въ тебя! сказала Софія.

— Я не вѣрю. Если ему не нужно мое приданое, то это упрямство скорѣе у него дѣло самолюбія чѣмъ любви ко мнѣ, хотя, впрочемъ, тутъ можетъ быть и нѣсколько раздосадованной любви. Во всякомъ случаѣ, онъ гораздо болѣе влюбленъ въ себя, нежели въ меня. Я вижу, что моя холодность бѣситъ его страшнымъ образомъ, и, если бы онъ не былъ такъ тщеславенъ, я бы подумала, что нашъ маркизъ съ кѣмъ-нибудь побился объ закладъ въ томъ, что онъ непремѣнно покоритъ меня своей власти.

— Странный человѣкъ!... Не потому ли дѣлаетъ онъ это, что въ городѣ всѣ выдаютъ тебя за него?

— Быть-можетъ. Но!... я увѣрена!!.. что самъ онъ — тайная пружина этихъ слуховъ, распускаемыхъ нарочно, чтобы удалить всѣхъ соискателей, усилить нужныя ему сплетни, и сдѣлать невозможною всякую другую развязку, кромѣ той, которая необходима его тщеславію. Можетъ-статься, я ошибаюсь; я желала бы. Но.... съ женщинами.... онъ безсовѣстенъ! Я это вижу.... и дрожу!

Кузины разстались. Софія исполнила порученіе Анны при первомъ удобномъ случаѣ. Валеріанъ, осчастливленный извѣстіемъ, столь драгоцѣннымъ для его сердца, тотчасъ отказался отъ путешествія и даже не упрекнулъ своей повѣренной за нескромность. Отнынѣ обѣ стороны съ радостью примѣтили, что, при небольшомъ искусствѣ, можно очень выгодно пользоваться добродушною болтливостью Софіи: не давая ей болѣе никакихъ порученій, стоило только, Аннѣ или Валеріану, ввѣрить скромности своего общаго друга какое-нибудь изліяніе души, и оно, въ первой дружеской бесѣдѣ, было доставлено по адресу. Софія сдѣлалась такимъ образомъ телеграфомъ между ними, вовсе не догадываясь о своей роли. Анна и Валеріанъ встрѣчались, и, не произнося никогда слова «люблю» между собою, были вполнѣ счастливы сердцемъ: взаимная любовь составляла для нихъ существующій фактъ, котораго нѣтъ надобности подвергать разбору; обо всемъ прочемъ они могли говорить съ откровенностью присяжныхъ любовниковъ. Анна была нѣсколько времени нездорова, вскорѣ послѣ интересной бесѣды съ Софіей, и просила мать свою уволить ее отъ одного изъ послѣднихъ баловъ. Но, узнавъ случайно отъ кузины, что Валеріанъ почитаетъ нужнымъ засвидѣтельствовать тамъ на нѣсколько минутъ свое присутствіе изъ уваженія къ хозяевамъ, она вдругъ выздоровѣла и отправилась на балъ съ матерью и сестрою.

— Вы здѣсь? спросилъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Я пріѣхала только для васъ, отвѣчала Анна

бросая на него взглядъ полный любви и душевной довѣренности.

— Благодарю, сказалъ Валеріанъ въ восторгѣ: я былъ увѣренъ, что вы здѣсь будете, если Софія повидается съ вами сегодня.

— Благодарю! сказала она ему взаимно. Будьте всегда увѣрены!

Это очаровательное душевное сообщеніе, безъ клятвъ, безъ страшныхъ увѣреній, и даже безъ упоминанія о любви, можетъ быть учреждено и поддержано только между очень умными любовниками: другимъ непремѣнно нужны всѣ точки и запятыя; иначе они не понимаютъ другъ друга. Валеріанъ и Анна были оба въ высокой степени одарены той исключительною проницательностью, которая книгу души читаетъ прямо въ человѣкѣ безъ пошлыхъ пособій языка, придуманныхъ для слѣпыхъ и близорукихъ.

Взглядъ Анны на маркиза и на образъ его дѣйствованія былъ такъ же вѣренъ, какъ всѣ сужденія этой удивительной женщины, приводившей всѣхъ въ изумленіе своимъ непостижимымъ даромъ ясновидѣнія на-яву, который можно было сравнить только съ ея превосходною чувствительностью и возвышеннымъ образомъ мыслей. Этого рода способностью разгадывать незнаемое и непонятное обладаютъ вообще всѣ геніальные люди между мужчинами, но никогда не примѣтите въ нихъ той молнійной быстроты и микроскопической тонкости, какими отличалось ея соображеніе. Ни одно слово, ни одинъ взглядъ человѣка, не были для ней потеряны: она видѣла въ нихъ, какъ въ

зеркалѣ, ихъ причину, цѣль, соотношеніе съ характеромъ и будущія послѣдствія. Маркизъ, въ самомъ дѣлѣ, упрямился изъ одного тщеславія, которое въ мужчинахъ, напыщенныхъ понятіемъ о своихъ преимуществахъ, бываетъ развито въ высочайшей степени и нерѣдко заставляетъ ихъ рѣшаться на неимовѣрныя усилія и на самые гнусные поступки, чтобы восторжествовать надъ женщиною, славящейся своей красотою. Рѣдкія изъ такихъ женщинъ избѣгаютъ страшныхъ послѣдствій ихъ раздраженія. Видъ этого человѣка ужасалъ Анну: она предчувствовала и понимала, что онъ въ состояніи на все рѣшиться. Маркизъ не могъ перенести мысли быть отверженнымъ ею. При каждомъ удобномъ случаѣ, онъ непримѣтно и весьма искусно возобновлялъ свои приступы, и, встрѣтивъ холодность, отступалъ съ необыкновенною ловкостью. Бѣшенство его, тайное для всѣхъ, но примѣтное для проницательнаго глаза Анны, возрастало съ каждымъ днемъ. Открыть его происки родителямъ не послужило бы ни къ чему: онъ уже занялъ эти пункты аттаки тѣсною дружбою. Мать и отецъ души въ немъ не чаяли: они не повѣрили бы предостереженіямъ Анны. Въ приготовленномъ для себя положеніи, ему такъ легко было дать сейчасъ другой оборотъ своимъ дѣйствіямъ! Анна могла бы только показаться клеветницей. Притомъ между родителями и дочерью уже не существовало взаимной довѣренности. На ея красоту, вы знаете, они смотрѣли какъ на естественное орудіе къ достиженію своихъ высокомѣрныхъ цѣлей: они хотѣли пожертвовать

ею для себя, и мать со страхомъ примѣтила, что дочь уже понимаетъ это. Быстрое развитіе ума и характера Анны испугало ее еще болѣе: мать вдругъ увидѣла передъ собою въ почтительной и примѣрной дочери не прежнюю чудесную куклу, въ которой можно было поселить всѣ, какія угодно, чувства и понятія, но женщину необыкновенную въ полномъ смыслѣ слова, необыкновенную и по уму, и по красотѣ, и по чувствамъ. Токъ природной любви изъ сердца въ сердце разобщился самъ собою, безъ потрясенія, и онѣ, другъ передъ другомъ, безмолвно стали въ положеніе, одна — смирной обреченной жертвы, другая — жрицы съ занесеннымъ ножомъ, исполняющей непреложный долгъ своей вѣры или своихъ суевѣрій. Все лѣто маркизъ продолжалъ тотъ же образъ дѣйствованія. Почти ежедневно пріѣзжая къ нимъ на дачу, онъ изобрѣталъ для графа Андрея охоты, поѣздки, увеселенія, для графини Маріи разные сюрпризы и тѣ важныя мелкія угожденія, которыхъ одна она чувствовала всю цѣну и всю нѣжность.

— Ну, ужъ признаться! говорила графиня Марія мужу: какого ты нашелъ себѣ друга въ этомъ маркизѣ! Просто, чудо!

— Да! это правда! отвѣчалъ графъ Андрей.

— Какъ ты это обворожилъ его до такой степени? спрашивала жена.

— Ты, кажется, сегодня что̀-то очень расположена къ невиннымъ эпиграммамъ, возражалъ графъ Андрей.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я хочу знать. Ну, скажи какъ?

— Заимствуясь у тебя любезностью.

— Это очень остроумно; но, по милости вашей трогательной дружбы, я почти не вижу тебя. Ты вѣчно съ нимъ. Это несносно!

— Чтожъ ты меня упрекаешь, Марія? Вѣдь ты и сама любишь его столько же какъ я!

— Столько?.... Я не думаю! Даже боюсь, что, въ этомъ отношеніи, мы съ тобой очень не сходны въ нашихъ чувствахъ.

— Однакожъ ты, какъ кажется, находишь большое удовольствіе въ его обществѣ. Вчера вечеромъ ты до одиннадцати часовъ ходила съ нимъ по аллеѣ. Когда меня нѣтъ, ты же охотно его принимаешь....

— Потому-что онъ тебѣ другъ!

— Благодарю за самоотверженіе. Но онъ такой же другъ мнѣ какъ и тебѣ.

— Я отказываюсь. Можешь взять его всего цѣликомъ на свою долю.

— Беру!... но не всего. Между нами будь сказано, я подозрѣваю, что онъ имѣетъ виды на нашу Анну.

— О! будь увѣренъ, никакихъ! Онъ ея не любитъ. Я знаю также, что и Аннѣ онъ вовсе не нравится. Не припутывайте насъ къ своему дѣлу! Онъ твой другъ! твой, исключительно!

— Такъ очень жаль! Я охотно уступилъ бы моей дочери часть его дружбы ко мнѣ. Партія хороша.

— Онъ?

— Да, онъ!... Чѣмъ же не женихъ Аннѣ? Красавецъ, уменъ, любезенъ, молодъ, богатъ, въ

ходу. Прекрасное имя! Одинъ изъ знатнѣйшихъ родовъ во всей Италіи!

— Что̀ съ тобою, мой другъ? Что̀ ты это? Какъ это возможно? За иностранца!... Можетъ-статься, маркизъ — очень важный человѣкъ на своей родинѣ, но у насъ онъ не имѣетъ никакого личнаго вѣса. Неужели мы съ нимъ поѣдемъ, когда онъ отсюда удалится? И что̀ мы, иностранцы, будемъ значить въ его отечествѣ? что̀ онъ можетъ для насъ сдѣлать? Предоставь, пожалуйста, это мнѣ, и не вмѣшивайся въ наши дѣла съ Анной. Мы съумѣемъ обдѣлать ихъ сами. — Вотъ твой маркизъ!... вотъ онъ!... вотъ уже пріѣхалъ въ своемъ зеленомъ охотничьемъ фракѣ, съ большими англійскими пуговицами, и съ лисицами на пуговицахъ! Поѣзжайте съ нимъ лучше на охоту.

— Нѣтъ, сегодня мнѣ нельзя. Онъ напрасно пріѣхалъ. Я долженъ тотчасъ послѣ обѣда ѣхать въ городъ.

— Ну, такъ поѣзжай въ городъ.... Вотъ видишь: когда ты уѣдешь, я же должна буду забавлять твоего друга!

Таково было положеніе дѣла, впродолженіи всего лѣта. Съ Валеріаномъ Анна видалась гораздо рѣже, однакожъ довольно часто для полнаго блаженства души въ хорошую погоду, при тепломъ солнцѣ, пахучемъ воздухѣ, и зефирѣ, играющемъ съ цвѣтами. Здѣсь она нѣсколько отдохнула отъ злобы свѣта, которая въ это время предавалась невиннымъ пастушескимъ наслажденіямъ. Маркизъ преслѣдовалъ ее своими вздохами и нѣжными уныніями, но на дачѣ каждый

кустъ можетъ сдѣлаться защитникомъ отъ преслѣдователей. Съ загородными посѣщеніями маркиза соединилось, между прочимъ, одно обстоятельство, на которое необходимо обратить полное вниманіе. Графиня Марія иногда была занята или долго одѣвалась, графъ Андрей спалъ передъ обѣдомъ или еще не возвращался домой, и маркизъ очень часто оставался одинъ. Какъ Анна всячески убѣгала его, то онъ естественно долженъ былъ, въ такихъ случаяхъ, довольствоваться обществомъ одной Катеньки. Они очень подружились между собою. Катенька была чрезвычайно любезна съ нимъ, на зло своей сестрѣ, и часто самъ маркизъ, испытавъ сильное огорченіе отъ колкихъ и ледовитыхъ отвѣтовъ Анны, почиталъ себя весьма счастливымъ, что могъ скрыть свою досаду, подавая руку своей новой пріятельницѣ во время прогулки или переходя къ ней въ гостиной. Послѣ каждаго такого столкновенія тщеславія съ непоколебимымъ достоинствомъ, Катенька получала въ наслѣдство отъ сестры ея обожателя, и доставляла ему всѣ утѣшенія дружбы. Любила ль она его хоть нѣсколько, не знаю — въ этомъ сухомъ сердцѣ не было никакого хорошаго чувства — но вѣрно то, что мало-по-малу она стала его повѣренною, совѣтницею, собесѣдницею, и что наконецъ наблюдательные люди видѣли маркиза гораздо чаще съ Катенькою нежели съ Анною, на которой, по весенней молвѣ, ему слѣдовало тотчасъ жениться. Маркизъ очень радъ былъ этому обстоятельству: оно приводило наблюдателей въ недоразумѣніе и пред-

ставляло ему средство увернуться въ случаѣ окончательной неудачи. Притомъ дружба двухъ злыхъ человѣкъ заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый кладъ такихъ прелестей, въ сравненіи съ которыми всѣ земныя наслажденія вялы и ничтожны. Вообще это самая теплая и самая вѣрная изъ людскихъ дружбъ. Катенька и маркизъ равно дорожили своей трогательною дружбою — какъ змѣи дорожатъ своимъ жаломъ.

Отсюда слѣдуетъ, что Катенька знала о томъ, что̀ маркизъ называлъ своею «любовью» къ Аннѣ и «мученіями» или «печалями» этой любви. Но онъ взялъ съ нея обѣщаніе ничего не говорить матери до-времени, и какъ она все готова была сдѣлать для прекраснаго друга, то и сдерживала свое слово съ образцовою скромностью, коренною добродѣтелью злыхъ по-преимуществу. Между-тѣмъ она его утѣшала, ободряла, даже обнадеживала своей помощью въ приличномъ случаѣ, не забывая тутъ же по-немножку представлять ему свою сестру чудовищемъ и себя жертвою ея гордости.

Наступила вторая зимняя кампанія. Я описывать ея не стану. Она была такъ же неудачна, какъ и первая; и притомъ несравненно менѣе занимательна. Теперь уже мужчины боялись, не только жениться на Аннѣ, но и влюбляться въ нее. Объ ней ходили такіе дурные слухи!... Зимою бѣдная дѣвушка, встрѣтившись съ Валеріаномъ послѣ трехъ-недѣльной отлучки его изъ столицы по семейнымъ дѣламъ, сказала ему съ отчаяніемъ въ лицѣ и въ голосѣ: — «Заклинаю васъ, не уѣз-

жайте отсюда на долгое время! Если когда-нибудь судьба насъ разлучитъ, черезъ годъ вы не узнаете меня въ этой страшной, вѣчно щелкающей пасти клеветы: я уже буду измолота!»

Мѣсяца января двадцать-девятаго дня, графъ Ф***, старый разсказчикъ анекдотовъ, вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею княжной Лоло, старой пересмѣшницей. Этого должно было ожидать!

Февраля семнадцатаго, поутру, Катенька, съ своимъ бурнымъ нравомъ, который такъ легко отъ малѣйшаго слова приходилъ въ ярость и безпамятство, завела съ Анною страшнѣйшую ссору за бездѣлицу. Начавъ бѣсноваться, нескоро умолкала она! Брань, упреки, ложь, клевета, ядовитыя насмѣшки, рѣкою лились изъ ея краснаго рта, вмѣстѣ съ пѣною. Сверкающіе глаза выскакивали изъ ямокъ. Лицо чернѣло. Она была ужасна! Но, въ этотъ день, была ужаснѣе чѣмъ когда-либо. Сколько наговорила она обидъ Аннѣ, того не списать во всей этой книгѣ. Между-прочимъ, она говорила, или, точнѣе сказать, ревѣла:—«Ты злая! — ты гордая! — ты тиранка! — ты меня угнетаешь! — тебя всѣ ненавидятъ! — поди, послушай, какъ о тебѣ отзываются! — я краснѣю, когда тебя называютъ моей сестрою! — ты кокетка! — ты дѣвушка безъ правилъ! — ты скверная дочь! — ты обманываешь маменьку! — ты строишь глазки маркизу, мучишь, убиваешь этого человѣка, а между-тѣмъ у тебя есть любовникъ! — Я знаю въ кого ты влюблена! — я все знаю! — я скажу маменькѣ!...» и прочая, и про-

чая. Анна, блѣдная какъ смерть, стояла на колѣняхъ передъ этой фуріей и, сложивъ руки, умоляла ее уняться, не дѣлать соблазна въ домѣ, не кричать, выслушать терпѣливо. Но, въ эту минуту, Анну позвали къ маменькѣ.

Того же мѣсяца и числа, открылся однакожъ одинъ женихъ.

Это былъ одинъ прошлогодній тузъ, человѣкъ важный саномъ и лѣтами. «Впрочемъ ему *только* пятьдесятъ лѣтъ! говорила графиня Марія: для мужчины, это ровно ничего!»

Несмотря на пятьдесятъ лѣтъ, тузъ былъ еще молодецъ собою, красивый и ловкій мужчина, любезникъ, остросдовъ, весельчакъ. Онъ еще считалъ себя совершенно въ правѣ нравиться женщинамъ, и, на этомъ основаніи, ухаживалъ за Анною съ начала осени. Къ масляницѣ онъ открылся. Изъ семи прошлогоднихъ тузовъ-обожателей, на которыхъ графиня Марія повела-было неудачную аттаку, онъ одинъ рѣшился наконецъ сдѣлать предложеніе матери, но не прямо, а черезъ свою сестру. И, собственно говоря, это еще было, скорѣе рекогносцировка, чѣмъ формальное предложеніе. Мать, конечно, предпочла бы этому отважному тузу другихъ жениховъ изъ числа тузовъ, которыхъ она имѣла на примѣтѣ, но какъ тѣ не шевелились, то графиня Марія готова была согласиться и на этого: она обѣщала подумать, поговорить съ дочерью, и дать отвѣтъ.

По случаю полу-предложенія этого туза, вышло теперь между матерью и дочерью то, что̀ въ семействахъ называютъ «сценою». Анна живо и от-

кровенно высказала все свое отвращеніе отъ подобнаго брака, но присовокупила спокойно, что она знаетъ свой долгъ повиновенія матери, и это страдательное спокойствіе ужасно не понравилось графинѣ Маріи. Она вспыхнула, выбранила дочь, назвала ее глупой, неблагодарной, недостойной своихъ нѣжныхъ попеченій, и забылась до-того, что погрозила ей своимъ проклятіемъ.

Анна молчала во все время. Мать продолжала горячиться, потому-что сама чувствовала свою жестокость и свое насиліе. Наконецъ, дочь не могла долѣе выдержать несправедливыхъ упрековъ и сказала:

— За что̀ вы меня браните, маменька?... зачѣмъ предполагаете во мнѣ чувства, которыхъ я не понимаю? Я благодарна и послушна. Угодно вамъ за этого, я выхожу; угодно за другаго, я выхожу безъ всякаго возраженія. Я васъ прошу даже, не говорите мнѣ никогда о тѣхъ, за кого хотите выдавать меня. Выбирайте сами, распоряжайтесь, дѣлайте: когда все будетъ готово, скажите мнѣ только, что пора ѣхать въ церковь; я, если буду жива, сама поѣду и отдамъ руку тому, кого найду у налоя, а если мертва, то можно свезти меня въ гробѣ и обвѣнчать мои кости для вашей пользы.

Мать пристально посмотрѣла на Анну, покраснѣла, и велѣла ей идти въ свою комнату.

Анна поцѣловала ея руку и вышла. Катенька, разумѣется, была въ это время на своемъ мѣстѣ — за дверью — и подслушала все. Когда мать приказала Аннѣ идти, она быстро отскочила отъ

дверей, побѣжала въ свою комнату и, схвативъ тамъ какую-то книгу, бросилась въ кабинетъ матери. Анна встрѣтилась съ нею въ дверяхъ кабинета. Катенька страшно посмотрѣла на плачущую сестру. «Я тебѣ отмщу!» сказала она, и побѣжала далѣе.

Анна примѣтила у нея подъ платкомъ что̀-то квадратное. Едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ страшная мысль поразила ее: она прыгнула въ свою комнату, отперла бюро дрожащими руками, и упала въ кресла!... Ея журналъ украденъ! Въ немъ все ея сердце, всѣ его надежды. Не имѣя права и возможности сказать Валеріану, сколько она любитъ, и какъ драгоцѣнна для ней любовь его, несчастная дѣвушка находила облегченіе въ горѣ ввѣрять по ночамъ свои лучшія чувства бумагѣ. Имя его было означено только одною буквою: но тамъ же списаны многіе его стихи, и, прочитавъ нѣсколько этихъ пылающихъ строчекъ, нельзя не узнать, къ кому онѣ относятся.

Катенька уже была у матери и перелистывала передъ нею эту завѣтную тетрадь. Графиня Марія, какъ подобаетъ благоразумной матери, страшно выбранила дочь за ея низкій поступокъ, и, объявивъ, что она и знать не хочетъ содержанія этой книги, приказала Катенькѣ тотчасъ же снести ее обратно въ комнату сестры и, въ присутствіи Анны, положить на прежнее мѣсто. Но между-тѣмъ и мать уже успѣла, взоромъ быстрѣе молніи, пробѣжать нѣсколько страницъ журнала, и Катенька успѣла сказать ей, что дѣло идетъ о Валеріанѣ.

Катенька упрямилась. Графиня строго настаивала на немедленномъ исполненіи своего приказанія. Раздался колокольчикъ.

— Маркизъ пріѣхалъ!

— Поди сейчасъ! грозно сказала мать: сдѣлай что̀ приказываю, и возвращайся въ гостиную принять маркиза. Я скоро выйду.

Катенька, съ яростью въ сердцѣ, пришла къ порогу Анниной комнаты, бросила въ сестру журналомъ изъ дверей и ушла къ себѣ. Книга упала прямо на голову печально задумавшейся Анны, которая вдругъ вскочила съ креселъ, не зная въ испугѣ, откуда свалился ударъ и какъ эти драгоцѣнные листы къ ней возвратились.

Оправивъ немножко свой нарядъ и выбранивъ старую безмолвную гувернантку, которая никогда не смѣла слова пикнуть передъ нею, Катенька вышла къ маркизу. Злость кипѣла въ ея сердцѣ. Пріемъ, сдѣланный матерью сестрѣ-доносчицѣ, и приказаніе отнести журналъ на-мѣсто, безъ прочтенія, не только еще болѣе озлобили ее на Анну, но и привели въ большое недоумѣніе. Ей показалось, будто тайная любовь молодыхъ людей не совсѣмъ не понравилась матери, и что графиня Марія готова согласиться на бракъ дочери съ человѣкомъ, котораго Анна такъ пламенно любитъ. Завистливая дѣвушка рѣшилась, если возможно, воспрепятствовать этому. Она никогда не простила бы себѣ счастія такой красивой сестры!

Говоря вообще, этотъ день былъ несчастный, какъ понедѣльникъ: со всѣми приключалось горе или огорченіе. Маркизъ тоже былъ не въ духѣ:

онъ завтракалъ у своего дипломатическаго друга, барона З***, котораго нѣкогда имѣли мы удовольствіе видѣть вмѣстѣ съ нимъ у тетки Анны, въ день первой ея встрѣчи съ Валеріаномъ: тамъ, у барона, кромѣ маркиза было еще нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей, ихъ товарищей или пріятелей, и они жестоко разсердили льва-красавца, подшучивая надъ его разсѣянностью и задумчивостью, его сердечнымъ горемъ, и неудачами, его безсильемъ, торжественно доказаннымъ невозможностью побѣдить прекрасную Анну, хотя сначала онъ говорилъ объ ней почти какъ о своей добычѣ и въ городѣ уже нѣсколько разъ назначали день его свадьбы. Всѣ пошлости и глупости, какія говорятъ о женщинахъ молодые мужчины, собравшись, между собою, были сказаны о благородной Аннѣ въ этомъ остроумномъ и изящномъ обществѣ. Маркизъ оставилъ его въ страшной досадѣ на своихъ наглыхъ друзей, которые довершили ударъ увѣреніемъ, что всѣ молодыя и хорошенькія женщины, покинутыя своимъ идоломъ изъ тщеславія, для знаменитой красавицы, смѣются теперь надъ нимъ безъ милосердія.

Несмотря на обоюдныя улыбки, Катенька и маркизъ открыли тотчасъ другъ въ другѣ еще нестертые слѣды глубокаго огорченія. Въ дружбѣ, это великая минута взаимной откровенности. Катенька расплакалась. Она, по обыкновенію, жаловалась на сестру, разумѣется, сначала не называя ея; представляла себя жертвою ея гоненій, и, съ отлично поддѣланнымъ чувствомъ, загово-

рила очень краснорѣчиво о своемъ невыносимомъ положеніи.

— Я вышла бы за перваго нищаго, который захотѣлъ бы взять меня! присовокупила она. О! какъ бы я сдѣлала его счастливымъ!... Я чувствую, сколько здѣсь, въ этомъ сердцѣ, есть любви и счастія для моего великодушнаго избавителя!

«Какой ангелъ!» подумалъ маркизъ. — Вы знаете, сказалъ онъ потомъ Катенькѣ: вы вѣрно не сомнѣваетесь въ томъ, сколько я самъ скорблю о вашемъ непріятномъ положеніи. Повѣрьте же мнѣ, что я давно бы отказался отъ своей мечты, еслибы моя къ вамъ дружба, милая Катенька, не внушала мнѣ мысли о необходимости раздѣлить васъ другъ съ другомъ поскорѣе. Желаніе обезпечить вашъ покой, ваше счастіе....

— Какой вы добрый! воскликнула она, дружески подавая ему руку. Но зачѣмъ же вы не дѣйствуете? Вотъ уже полтора года какъ ваши дѣла остаются все въ одномъ и томъ же положеніи.

— Да какъ же я могу дѣйствовать? спросилъ маркизъ. Научите меня!

— Вы лучше моего знаете свои отношенія къ моимъ родителямъ, особенно къ маменькѣ: думаете ли вы, что она желала бы имѣть васъ своимъ зятемъ?

— Въ этомъ я почти увѣренъ. Она нѣсколько разъ намекала мнѣ, какъ ей было бы пріятно, еслибы я никогда не разлучался съ ними.

— Такъ дѣйствуйте! Дѣйствуйте быстро, теперь, сегодня же! Говорите съ маменькою! Ей

дѣлаютъ предложенія. Не теряйте времени! Объ Аннѣ хлопочутъ.

— Но, если Анна не согласится?

— Она сейчасъ согласится!

— Чтò вы говорите? воскликнулъ обрадованный маркизъ, которому вдругъ представилась возможность, и страхъ захотѣлось, доказать своимъ пріятелямъ, что совершенно отъ его воли зависитъ жениться или не жениться на Аннѣ.

— Я говорю то, чтò знаю навѣрное, сказала Катенька. Если только угодно маменькѣ, Анна не сдѣлаетъ ни малѣйшаго возраженія. Будьте въ этомъ совершенно увѣрены: я васъ не обманываю!

— Вы дѣлаете меня совершенно счастливымъ!

— Видите, что я не зла! Я желаю добра, желаю счастія той, которая ко мнѣ такъ несправедлива, ненавидитъ меня, преслѣдуетъ.... Я все готова сдѣлать для Анны! Я люблю ее отъ всего сердца, и убѣждена, что съ вами только она можетъ быть счастливою. При вашей прекрасной любви, при вашемъ умѣ, вы одни легко исправите ея характеръ, въ которомъ есть маленькіе недостатки, не считая незаслуженной вражды ко мнѣ, но есть также и множество прекрасныхъ качествъ. Я всегда отдаю ей полную справедливость, и нисколько не сомнѣваюсь, что вы также будете совершенно счастливы съ нею.... Теперь скажите сами такъ ли я зла, какъ говоритъ Анна?

— О! вы образецъ доброты....

Графиня Марія, которая всегда принимала большія попеченія о своей наружности при появленіи маркиза въ домѣ, засіяла въ дверяхъ. Маркизъ

поспѣшилъ къ ней на встрѣчу. Она возвратилась съ нимъ въ свой кабинетъ. Катенька ушла.

Окна этого волшебнаго кабинета, въ которомъ мебель была разбросана по ковру въ весьма искусномъ безпорядкѣ, всегда были завѣшены бѣлыми какъ снѣгъ шторами. Со времени рококо, многіе предпочитаютъ цвѣтныя шторы даже въ кабинетахъ. Это большая ошибка! Графиня Марія заняла мѣсто на своемъ любимомъ маленькомъ диванѣ; небрежно, но очень живописно, облокотилась, и утонула въ мягкихъ алыхъ подушкахъ, которыя своимъ отливомъ, при бѣломъ матовомъ свѣтѣ шторъ, тотчасъ бросили на ея лицо прелестный отблескъ. Маркизъ сѣлъ въ низенькихъ креслахъ противъ нея.

Конференція, со стороны опытнаго любезника, открылась обыкновеннымъ вступительнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ, въ этотъ день, и принимая въ соображеніе всѣ эти свѣты, отсвѣты, отливы, отблески, не сказать, что графиня Марія чудесна, было бы, не только невѣжливо, но и немножко несправедливо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершенно исторической бесѣды о событіяхъ двухъ послѣднихъ дней, маркизъ сознался съ глубокимъ участіемъ, что находитъ свою милую собесѣдницу нѣсколько печальною и задумчивою.

— Не скрывайтесь, вы чѣмъ-то огорчены! сказалъ онъ. Ввѣрьте мнѣ свою печаль. Къ чему служила бы дружба, если бы она, въ такія минуты, была безсильна приносить намъ утѣшенія?

Графиня молчала.

— Прошу васъ, продолжалъ онъ, не отказывайте мнѣ въ счастіи раздѣлять ваше огорченіе!

— Ахъ, мой другъ! отвѣчала она, опустивъ вѣки и глядя съ тайнымъ удовольствіемъ на свою бѣлую руку, прекрасно расположенную на аломъ атласѣ подушки: жизнь не что̀ иное какъ безконечная цѣпь огорченій! Мать всегда имѣетъ ихъ болѣе чѣмъ другіе. Какъ я желала бы быть поскорѣе свободною, выдать дочерей замужъ, и осуществить любимую мечту мою!.... Въ тяжкія минуты грусти, я создала себѣ земной рай изъ спокойствія, уединенія, солнца и нѣсколькихъ пріятныхъ чувствъ; прелестное убѣжище, подъ яснымъ и теплымъ небомъ вашей Италіи, среди красивыхъ деревьевъ, цвѣтовъ....

— И тѣхъ, которые васъ бы обожали, быстро дополнилъ маркизъ, придвигаясь къ ней съ креслами и схватывая эту гладкую, мягкую ручку, чтобы усѣять ее радостными поцѣлуями.

Графиня нѣжно пожала его пальцы.

— Переселитесь въ Италію! продолжалъ онъ: тамъ истинное наслажденіе!... (Графиня взглянула на него, и опять опустила вѣки). И позвольте мнѣ быть всегда подлѣ васъ, исполнять всѣ ваши желанія, заботиться объ вашихъ удовольствіяхъ, о вашемъ счастіи!... Какими нѣжными попеченіями окружилъ бы я ваше существованіе! Сколько радостей находилъ бы я въ вашей радости! (Она снова, и еще нѣжнѣе, посмотрѣла на маркиза). Съ перваго дня нашего знакомства, эта восхитительная мысль поселилась въ моемъ сердцѣ, и съ

тѣхъ поръ я не разлучаюсь съ нею. Отъ васъ зависитъ счастіе всей моей жизни....

Онъ остановился. Графиня Марія молчала тоже.

— Одно ваше слово можетъ сдѣлать меня счастливѣйшимъ изъ людей!....

Онъ снова замолкъ. Сердце сильно билось у его слушательницы.

— Говорите! произнесла она вполголоса.

Горничная вошла въ кабинетъ изъ уборной.

— Что̀ такое? съ нетерпѣніемъ спросила графиня. Чего ты хочешь?

— Ничего, я такъ вошла, отвѣчала смѣтливая служанка: я думала, что ваше сіятельство меня требуете. Вы не изволили звонить?..... Какъ же это мнѣ такъ показалось! Мадамъ Б*** пріѣхала. Она уже въ залѣ.

Горничная удалилась по знаку графини Маріи, которая торопливо сказала маркизу: — Отодвиньтесь по-дальше съ креслами! — Вы еще никогда не были такъ близко, примолвила она съ усмѣшкою: сестрицѣ это можетъ показаться подозрительнымъ.

Маркизъ отъѣхалъ въ креслахъ на прежнее мѣсто и взялъ шляпу.

— Не уходите теперь! сказала графиня, весело улыбаясь: уйдете послѣ, при ней. Мы кончимъ нашъ разговоръ послѣ театра: тогда, надѣюсь, намъ никто не помѣшаетъ въ самомъ любопытномъ мѣстѣ.... Дѣло идетъ о счастіи всей жизни, не правда ли?... Пріѣзжайте ко мнѣ на чай.

— Непремѣнно, отвѣчалъ онъ.

Сестра графа Андрея вошла; начался общій

разговоръ, и, минутъ черезъ десять, прекрасный Итальянецъ уѣхалъ съ достовѣрною надеждою и великою радостью въ сердцѣ. Дѣло почти было кончено. Возвратясь на квартиру, онъ тотчасъ приступилъ къ составлен!ю плановъ для устройства дома, приличнаго сану женатаго человѣка. Зачѣмъ терять время!

Мадамъ Б*** пробыла около двухъ часовъ у графини Маріи. Когда она уѣхала, графиня приказала позвать къ себѣ старшую дочь. Анна пришла, блѣдная и задумчивая: видно было, что она много страдала.

— Ты очень много говорила мнѣ сегодня о своемъ образцовомъ повиновеніи, сказала ей мать. Я хочу испытать его.

— Приказывайте, маменька, тихо отвѣчала дочь.

— Но прежде я требую откровенности.

— Я готова. Все, что̀ есть въ моей душѣ и въ моемъ сердцѣ, можетъ быть высказано безъ стыда, даже съ гордостью.

— Ты влюблена?

— Въ человѣка самаго достойнаго удивленія и любви.....

— Быть-можетъ!

— Оно такъ и есть въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ женщины въ мірѣ, которая бы не могла гордиться тѣмъ, что умѣла понять и оцѣнить такого человѣка. Мы созданы на то, чтобы любить такихъ людей.

— Оставь сентенціи. Я тоже женщина, и кое-

что̀ смыслю въ этомъ дѣлѣ. Не о томъ я тебя спрашиваю.

— Объ его имени?

— Я знаю имя. Знаю даже и то, что онъ любитъ тебя взаимно. Но я хочу знать, что̀ ты намѣрена сдѣлать изъ вашей любви.

— Сдѣлать изъ нея кладъ всей моей жизни, любить безпредѣльно, любить его одного, и здѣсь и на томъ свѣтѣ.

— Какія фразы!.... Мы всѣ говорили то же самое, когда впервые влюблялись.

— Но когда я говорю что-нибудь, то это такъ вѣрно, какъ моя неизмѣнная любовь къ вамъ!

— Ты меня не любишь, Анна! сказала мать съ нѣжнымъ упрекомъ. Иначе ты говорила бы со мною, если бъ ты еще меня любила!

— Люблю всѣмъ сердцемъ, живо возразила дочь: люблю до той степени, что даже не домогаюсь взаимности и готова принести счастіе моей жизни въ жертву одному вашему удовольствію.

Мать такъ была виновата передъ дочерью, что каждый изъ этихъ отвѣтовъ поражалъ ее какъ кинжаломъ въ сердце. Ей нужна была вся сила владычества надъ собою, чтобы не обнаружить этого. Съ притворнымъ хладнокровіемъ она отвѣчала дочери:

— Благодарю тебя за твою любовь и преданность. Будь увѣрена, что я употреблю ихъ не иначе какъ къ твоему благу и счастію, сколько моя опытность позволяетъ мнѣ понимать благо и счастіе. Я не препятствую тебѣ любить того, кого избрало твое сердце; не могу, и не имѣю

права, препятствовать. Люби его, пока любовь не пройдетъ сама собою. Но бракъ и любовь — двѣ разныя вещи въ свѣтѣ; то дѣло, а это—чувство; то на всю жизнь, а это на мгновеніе....

— Но моя любовь совсѣмъ другаго рода.

— Этого ни ты ни я не знаемъ: время покажетъ. Не прерывай меня. Я хочу испытать, какого рода твоя любовь, и для этого требую, отъ твоего повиновенія, чтобы ты больше не имѣла никакихъ сообщеній съ этимъ человѣкомъ, не говорила съ нимъ, и не старалась съ нимъ видѣться.

— Это жестоко, маменька! воскликнула Анна. Вы запрещаете мнѣ видѣться и говорить съ нимъ, не освѣдомившись даже о томъ, въ какихъ мы находимся отношеніяхъ. Вотъ уже полтора года какъ мы любимъ и понимаемъ другъ друга, и еще слово «любовь» не было произнесено между нами, и не будетъ, если вы сами не благословите насъ на это. Съ такимъ благороднымъ и деликатнымъ человѣкомъ я совершенно безопасна: онъ мнѣ вѣрный другъ, умный руководитель, добрый совѣтникъ; онъ моя звѣзда въ этомъ страшномъ мракѣ жизни, окруженной злобою и завистью; его слово для меня роса прохлады и упоеніе счастія. Зачѣмъ все это отнимаете вы у меня вдругъ, безъ всякой пользы для себя и даже безъ нужды для приличія?....

Она упала на колѣни передъ матерью, схватила ея руки и умоляла:

— Не лишайте меня моего единственнаго сокровища! Не вырывайте изъ рукъ моихъ очаро-

вательнѣйшей и невиннѣйшей дружбы въ мірѣ! Я погибну безъ нея! Возьмите себѣ всю мою жизнь, и только подарите мнѣ тѣ немногія минуты, въ которыя я изрѣдка говорю съ нимъ....

Она начала цѣловать руки матери, обливая ихъ горячими слезами. Честолюбіе тверже гранита. Выслушавъ терпѣливо Анну, графиня Марія сказала:

— Ты кончила?.... Ну, и я кончила. Мнѣ очень пріятно слышать, что отношенія ваши такъ благородны и чисты, но я не хочу, чтобы они существовали. На-дняхъ ты можешь быть чьей-нибудь невѣстой: мой долгъ — прекратить эту дружбу, пока твой мужъ не позволитъ тебѣ возобновить ея. Я требую безусловнаго повиновенія. Встань и поди одѣваться къ обѣду: будутъ гости. Послѣ обѣда мы ѣдемъ въ театръ.

Анна встала полу-мертвая: она рыдала, ноги подъ ней дрожали, руки были холодны, дыханіе спиралось въ груди.

— Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, не приходить къ обѣду, сказала она слабымъ голосомъ. Вы должны чувствовать, какой ударъ нанесли моему бѣдному сердцу. Я не въ состояніи сидѣть за столомъ: мнѣ нужно лечь въ постель.

— Хорошо, отвѣчала мать, вставая и уходя въ уборную: лягъ, отдохни. Но послѣ обѣда мы ѣдемъ въ театръ.

Нѣтъ, я не хочу вести васъ къ одру скорби этой злополучной страдалицы и показывать жестокое зрѣлище ея отчаянія. Не смотрите теперь на Анну!

Вечеромъ она была въ театрѣ, но ничего не видѣла и не слышала. Мраморъ не можетъ быть холоднѣе, желѣзо безчувственнѣе: тѣло и чувства ея совершенно окаменѣли. Сердце забилось и кровь взволновалась въ жилахъ только на одну минуту; но эта минута была хуже самой мучительной смерти: Валеріанъ приходилъ въ ихъ ложу, и графиня Марія явила себя необыкновенно ласковою и любезною съ человѣкомъ, котораго, за три часа передъ тѣмъ, нравственно заколола вмѣстѣ съ своей дочерью. Анна не смѣла даже взглянуть на него. Это ужасно! Что̀ значатъ пытки среднихъ вѣковъ!....

Маркизъ просидѣлъ цѣлый актъ въ ихъ ложѣ. Онъ нѣсколько разъ обращался къ Аннѣ съ своими нѣжными взглядами и привѣтливыми фразами. Она каждый разъ чуть не выпрыгивала изъ ложи въ партеръ. Анна показала ему такое сильное и презрительное отвращеніе, что маркизъ предпочелъ бы проглотить сто острыхъ итальянскихъ стилетовъ, чѣмъ получить одинъ такой носъ, среди своихъ плановъ объ устройствѣ великолѣпнаго дома къ свадьбѣ.

На театральной лѣстницѣ стояли графиня Марія и двѣ ея дочери, окруженныя нѣсколькими дамами и мужчинами. Софія была между ними.

— Софія, мой милый другъ! тихо сказала ей Анна: постарайся пріѣхать ко мнѣ завтра по-утру. Мнѣ нужно поговорить съ тобою. Дѣло очень важное!

— Пріѣду. Бѣдная Анна! ты огорчена!....

Маркизъ подошелъ къ ихъ группѣ: нельзя

было не подойти!... на него смотрѣли утренніе пріятели.

— Какъ вы блѣдны! вскрикнула Катенька. Что̀ съ вами?

Онъ обратился къ Аннѣ и, съ трогательнымъ видомъ жертвы, произнесъ тихо:

— Я убитъ!

— Уже?.... вслухъ сказала она. Слава Богу! — и отворотилась въ другую сторону.

Вся мрачная поэзія Дантова «Ада» и «Чистилища» не достаточна даже для приблизительнаго изображенія того, что̀ происходило въ груди прекраснаго маркиза послѣ этого убійственнаго отвѣта. Бѣшенство заклокотало въ ней какъ лава въ подземныхъ пещерахъ Везувія, грозящаго землѣ своимъ гнѣвомъ. Онъ закусилъ губы, сжалъ кулаки подъ плащомъ, и говорилъ про себя: «О! никогда не прощу я тебѣ этого, негодная!.... Страшно отмщу я тебѣ за это!... Я отъ тебя не отстану! Не отдѣлаешься ты отъ меня своими гордыми презрѣніями! Всю жизнь мою буду преслѣ........»

— Я жду васъ съ чаемъ, сказала ему графиня Марія.

Закушенныя губы мгновенно превратились въ отлично милую улыбку.

— Сейчасъ буду! сказалъ онъ сквозь *оную*, — подавая руку, чтобы проводить до кареты.

— Скорѣе, скорѣе домой!....

Въ залѣ, графиня Марія сказала дочерямъ;

— Прощайте дѣти! Идите въ свои комнаты.—

Анна! ты устала, мой другъ: лягъ по-скорѣе въ постель.

Она очень нѣжно поцѣловала обѣихъ дочерей, которыя тотчасъ и удалились.

— Освѣтите немножко покои, сказала она потомъ слугамъ: и дайте чай.

— На кругломъ столѣ? спросилъ одинъ изъ оффиціантовъ, видя, что ея сіятельство ожидаетъ гостей.

— Нѣтъ, принесите въ чашкахъ, какъ-скоро пріѣдетъ маркизъ, отвѣчала она, стремглавъ спѣша въ уборную.

Въ нѣсколько минутъ, графиня Марія преобразовалась съ ногъ до головы. Прежній нарядъ исчезъ: она вышла въ свой прелестный маленькій будоаръ, въ восхитительномъ дезабильè, и живописно расположилась на софѣ. Будоаръ былъ освѣщенъ одной столовою лампой съ разноцвѣтнымъ экраномъ, въ которомъ было много бѣлаго и много алаго. Чудесное изобрѣтеніе!

Почти въ то же время вошелъ и маркизъ.

Пока слуги подавали чай, приходили и уходили, графиня Марія не питала никакой охоты возобновлять утренній разговоръ. Это продолжалось слишкомъ полчаса. Конференція шла вяло. Маркизъ былъ молчаливъ и задумчивъ: онъ что-то, какъ говорили его великіе предки, Римляне, «ворочалъ въ умѣ»: что-то страшное!..... Кажется, онъ рѣшался!.... Потомъ, бесѣда постепенно оживилась. Левъ пересѣлъ на софу, былъ уже возлѣ графини Маріи, но все-еще не приступалъ къ дѣ-

лу. Его прекрасной собесѣдницѣ стало очень досадно, зачѣмъ онъ теряетъ время.

— На чемъ же мы сегодня по-утру остановились? сказала наконецъ она. Помнится, на Италіи?

— Нѣтъ, еще нѣсколько далѣе, на счастіи всей жизни, отвѣчалъ маркизъ, и погрузился въ глубокую думу.

— Вы сегодня очень любезны!..... съ миленькимъ упрекомъ продолжала графиня, не дождавшись продолженія. Я васъ не узнаю! Возбуждать любопытство въ женщинѣ и не спѣшить удовлетворять его, это очень невѣжливо.

— Простите мнѣ, мой удивительный другъ! сказалъ маркизъ, нѣжно цѣлуя ея руку. Страданія сердца жесточе всѣхъ страданій; и когда они продолжаются столько времени, когда мы ими истерзаны и приближаемся къ той страшной минутѣ, съ которой должны они или удвоиться или превратиться въ восторги блаженства, то.... весьма естественно....

Онъ замолчалъ: я думаю, запутался, не умѣлъ окончить слишкомъ длиннаго періода.

— Вы настоящій ребенокъ! смѣясь, воскликнула графиня Марія. Давно уже замѣтила я въ васъ большую робость, но все же я думала, что вы нѣсколько лучше умѣете дѣлать свои дѣла....

Она, своей собственною шелковой ручкою, съ несказанною граціей погладила его по лбу, на которомъ мерцали капельки холоднаго поту. Маркизъ взялъ эту ручку между своихъ оледенѣвшихъ ладоней, посмотрѣлъ пристально въ глаза графинѣ, и сказалъ:

— Видите ль, какъ я дрожу?.... какія у меня руки?

— Мой бѣдный другъ!

— Изъ этого можете судить, какъ я терзаюсь внутри страхомъ, нерѣшимостью....

— Кто же виноватъ этому!

— Ну, такъ, могу ли говорить смѣло? Не ошибаюсь ли я въ васъ?....

— Говорите!.... Увидимъ.... Можетъ-быть, и не ошибаетесь!

— Помните ли ту плѣнительную картину счастія, которую составляли мы сегодня?

— Ну, да!....

— Въ которой мои заботливыя попеченія, моя преданность, привязанность.... попечительная заботливость....

— Помню, помню!.... (Ахъ! какой онъ несносный! подумала она: вотъ такъ мучитъ онъ меня уже шестнадцать мѣсяцевъ!)

— Она, вы сами понимаете, можетъ состояться только въ такомъ случаѣ, когда съ именемъ друга вы захотите соединить другое, еще нѣжнѣйшее, еще болѣе милое сердцу моему, имя....

— Ну, ну, говорите! сказала она въ волненіи. (Это слово «имя» испугало ее: имени-то она и не хотѣла!) Говорите, ради Бога!

— Имя вашего сына! хлопнулъ маркизъ, какъ молотомъ по наковальнѣ.

Ни одна фибра не пошевелилась въ лицѣ графини Маріи: даже улыбка осталась вся на-мѣстѣ; руки своей она не высвободила изъ рукъ маркиза: напротивъ, она еще ближе къ нему придвинулась.

— Говорите же, мой другъ, смѣлѣе! сказала она, глядя на него съ отличнымъ умиленіемъ. Не мучьте меня полу-словами!

— Я давно люблю, обожаю, одну изъ вашихъ дочерей. Вы не могли не замѣтить этого....

— Да, да!... я очень давно замѣтила, и, признаюсь, удивлялась, что, такъ долго посѣщая нашъ домъ, пользуясь моей искренней дружбою, вы досихъ-поръ не хотѣли открыться въ этомъ по-крайней-мѣрѣ передо мною.... (Должно признаться, присовокупила она въ душѣ, что эти мужчины удивительно глупы!)

— Я имѣлъ очень важныя причины не говорить съ вами до-сихъ-поръ. Теперь, я долженъ быть совершенно откровеннымъ. Я прошу васъ осчастливить меня рукой вашей прелестной, чудесной, несравненной....

Имя Анны уже дрожало на языкѣ его, но вдругъ гордыя слова презрѣнія, сказанныя въ ложѣ, и смертельный отвѣтъ, произнесенный ею на театральной лѣстницѣ, съ громовымъ трескомъ раздались въ его душѣ: бѣшенство и жажда мщенія снова забушевали въ его груди.... «Проклятая Катенька! какъ она меня здѣсь запутала!»

— Ну, ну, несравненной? повторила графиня Марія....

— Катерины, произнесъ маркизъ дрожащимъ отъ злости голосомъ.

— Кого?

— Вашей милой Катеньки.

«Это просто дуракъ!» воскликнула графина Марія въ душѣ, и примолвила вслухъ: — Вы ее любите?

— Обожаю!

— Она не красива.

— Что̀ нужды! Она такъ мила! такая добрая! кроткая! чувствительная! такихъ благородныхъ правилъ!... Это настоящій ангелъ. Я презираю красоту. Я терпѣть не могу прекрасныхъ женщинъ.

— Вы хорошо обдумали ваше предложеніе?

— О! я превосходно обдумалъ все.

Графиня съ чувствомъ пожала ему руку обѣими руками, скрыла глубоко въ душѣ насмѣшку, и сказала:

— Она ваша. Я убѣждена, что вы вполнѣ удостовѣрились въ чувствахъ моей дочери, прежде нежели сдѣлали мнѣ предложеніе, и что съ этой стороны препятствія быть не можетъ. Съ моей нѣтъ никакого: я всегда желала видѣть васъ членомъ моего семейства, и почитаю родство съ вами за честь для него. Съ мужемъ я поговорю. Повидайтесь съ нимъ завтра.

— Онъ завтра у меня обѣдаетъ.

— Такъ и очень кстати! онъ самъ принесетъ вамъ отвѣтъ. Впрочемъ отвѣтъ извѣстенъ и сегодня: я отвѣчаю за моего мужа. Онъ васъ обожаетъ, и вы, своимъ лестнымъ предложеніемъ, составили его полное счастіе.

Маркизъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, и поцѣловалъ руку своей тещи. Графиня обняла его какъ сына. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ огромную глупость, единственно съ досады — чтобы мстить Аннѣ — чтобы, вслѣдствіе какой-нибудь сцены съ нею, не довести себя до разрыва съ ея семействомъ — чтобы не лишиться этимъ возможности

удобно ее преслѣдовать — но глупость уже была невозвратима. Что̀ скажутъ пріятели, которые еще сегодня надъ нимъ смѣялись?... Что̀ скажутъ въ цѣломъ городѣ?... Эта мысль убивала его. Теперь надобно поддержать свой новый характеръ. Это будетъ довольно трудно!...

Ему поскорѣе нужно было уединеніе, чтобы собраться съ умомъ, съ разсудкомъ, съ мыслями. Поговоривъ еще съ четверть часа съ безцѣнною маменькою о разныхъ предметахъ, болѣе или менѣе относящихся къ главному дѣлу, онъ простился съ нею и уѣхалъ.

Графиня Марія чудесно выдержала свою роль. Она даже не дала замѣтить маркизу своего неизъяснимаго удивленія, когда онъ произнесъ имя Катеньки; она была съ нимъ нѣжна, любезна, очаровательна до самаго конца. Но когда онъ удалился, тогда-то разразилась гроза, тогда-то вспыхнули досада, злость, бѣшенство, на него, на себя, на дочерей, на мужчинъ, на всѣхъ, но особенно на своихъ глупыхъ или насмѣшливыхъ пріятельницъ, которыя, еще въ прошломъ году, таинственно поздравляли ее на-ухо съ «великолѣпною побѣдою» и подали ей первую мысль о томъ, будто этотъ человѣкъ влюбленъ въ ея сорока-лѣтнія прелести. Служанки первыя испытали неудобства обманутаго ожиданія барыни. Катенька, во время всей конференціи, такъ, изъ любопытства, простояла за шелковымъ занавѣсомъ дверей будоара: ка̀къ сама она изумилась предложенію, это я предоставляю оцѣнить живому воображенію читателей; но, когда маркизъ былъ уже далеко, она не

утерпѣла и придумала предлогъ, чтобы прійти къ матери, будучи увѣрена, что та поздравитъ ее съ женихомъ. Не тутъ-то было! Графиня Марія страшно выбранила дочь и прогнала ее спать.

Послѣ ухода Катеньки, она, не раздѣваясь, сѣла у столика передъ лампою, оперла пылающій лобъ на руку, тяжело вздохнула, и задумалась до неизмѣримой глубины. Какъ могла она ошибиться до такой степени?... Въ этомъ положеніи, она просидѣла съ часъ, неподвижно.

— Да какъ не ошибиться!... Всѣ обстоятельства рѣшительно доказывали.... Особенно эта непостижимая дружба съ мужемъ!... Можно ли съ нимъ быть дружнымъ безъ цѣли!... Ну, графъ Андрей! не забуду я тебѣ этой дружбы!...

Въ это самое время, графъ Андрей благополучно прибылъ въ будоаръ изъ дальняго путешествія въ одну изъ неизвѣстныхъ частей города. Графиня Марія напала на него.

— Гдѣ ты былъ до-сихъ-поръ?... Гдѣ это ты просиживаешь до двухъ часовъ ночи? Я здѣсь одна, а ты, въ твои лѣта, отецъ взрослыхъ дочерей, занимаешься волокитствомъ! Стыдъ! срамъ! пора бы ужъ перестать и вспомнить, что у тебя есть жена... Эй, смотри! я открою все, и надѣлаю тебѣ ужаснаго стыда! Когда счастіе дало тебѣ нѣжную, вѣрную и добродѣтельную жену, то имѣй же къ ней уваженіе. Еслибъ я захотѣла хоть немножко подражать другимъ....

Графъ Андрей преспокойно усѣлся въ креслахъ, вынулъ табакерку, и понюхалъ табаку.

— Что̀ ты это на меня смотришь съ такимъ любопытствомъ? вскричала жена.

— Я смотрю не на тебя, отвѣчалъ мужъ: а на твой прелестный нарядъ. Какъ это мило!... Я видѣлъ тебя въ театрѣ въ другомъ костюмѣ. Для кого ты такъ чудесно нарядилась?

— А ты какъ думаешь: для кого жены наряжаются дома, когда мужья не возвращаются къ нимъ до зари?

— Я смѣю думать, для любовниковъ.

— Именно! Такъ вотъ изволь же знать, что у меня былъ любовникъ. Я просидѣла съ нимъ, и, увѣряю тебя, препріятно, отъ возвращенія изъ театра почти до-сихъ-поръ. Онъ только-что ушелъ.

— Поздравляю!

— Поди, поглядись въ зеркало, и поздравь самого себя... Поди, посмотри, какъ это тебѣ къ лицу!

У графа Андрея немножко вытянулось лицо. Его какъ-будто-бы что̀-то укололо въ лобъ. Но онъ продолжалъ улыбаться.

— Теперь, послѣ столь откровеннаго признанія съ моей стороны, не угодно ли вамъ, сударь, объяснить мнѣ, гдѣ вы были и какъ проводили время?

— Ты, право, странная женщина, Марія!... Откуда вся эта туча упрековъ? За что̀ ты вдругъ вздумала сдѣлать на меня сегодня такое грозное нападеніе?... Гдѣ же я былъ? гдѣ могъ быть?... Я былъ тамъ, гдѣ бываю раза три въ недѣлю. Я былъ у маркиза.

— А!... у маркиза?... у твоего друга?

— Да!... Мы играли въ карты.

— Чтò жъ? ты выигралъ или проигралъ?

— Выигралъ, около тысячи.

— И, по обыкновенію, у маркиза?

— Да!... бòльшею частью у него. Онъ, вообще, очень несчастливо играетъ.

— Подари мнѣ эти деньги на бальное платье для Анны. Я совсѣмъ израсходовалась.

— Съ удовольствіемъ.

Графъ Андрей очень неохотно вынулъ изъ кармана бумажникъ и положилъ на столикъ. Жена взяла бумажникъ къ себѣ.

— Очень благодарю тебя, сказала она. Всегда такъ выигрывай у своего друга и дари мнѣ. Да чтò жъ ты не любопытенъ знать, съ кѣмъ я здѣсь сидѣла одна все это время?

— Ты говоришь, съ любовникомъ.

— Да! Но кто онъ таковъ? какъ его зовутъ?

— Ты навѣрное мнѣ не скажешь!

— Напротивъ, скажу! Откровенность за откровенность: долгъ платежомъ красенъ. Пока ты игралъ въ карты съ твоимъ другомъ маркизомъ у него, твой безцѣнный другъ маркизъ сидѣлъ все это время со мною, вотъ тутъ на софѣ, рядомъ со мною, и рука въ руку.

Я сказалъ, что это былъ для всѣхъ несчастный день! Графъ Андрей, никогда еще, со дня своего знаменитаго паденія, не находился въ такомъ ужасномъ замѣшательствѣ. Онъ сталъ оправдываться. Жена хохотала.

— Съ тобой нельзя говорить! сказалъ онъ наконецъ. Я объясняю, а ты хохочешь!... Прощай, я иду спать.

— Погоди!... выслушай до конца, каковъ твой другъ! Онъ сдѣлалъ мнѣ удивительное предложеніе.

— Предложеніе какого рода?

— Да такого рода, что онъ хочетъ жениться.

— На Аннѣ?

— Нѣтъ, не на Аннѣ. Какъ это можетъ быть, на Аннѣ?... Твой другъ, и на Аннѣ!... Ты не умѣешь цѣнить своихъ истинныхъ друзей!

— На комъ же?... на тебѣ?

— Еще удивительнѣе этого.

— Ну, такъ ужъ развѣ на мнѣ или на Катенькѣ?

— Именно. Вотъ безцѣнный другъ! Только одинъ ты умѣешь находить такихъ умныхъ друзей!.... Взять у друга дочь-красавицу не составляло бы большой заслуги: но освободить его отъ урода, на такой подвигъ въ состояніи рѣшиться одни только твои друзья, цвѣтъ всѣхъ друзей на свѣтѣ!

— Нѣтъ, это шутки!... я не вѣрю!... Теперь только я примѣчаю, что ты во все время надо мной насмѣхаешься. Ты, просто, дурачишь меня!... Тебѣ, не знаю за что̀, вдругъ стало досадно, что маркизъ такъ друженъ со мною, и ты издѣваешься надъ нашей дружбой, выдумываешь небылицы....

— Я ничего не выдумываю....

Она позвонила горничную и приказала позвать Катеньку.

— Какъ! неужели это правда?... И ты приняла его предложеніе?

— За себя и за тебя. Завтра ты съ нимъ обѣдаешь; я обѣщала, что ты самъ принесешь ему отвѣтъ, вполнѣ утвердительный, и своего сердеч-

наго друга расцѣлуешь какъ нѣжнаго сына. Не забудь же! Это уже кончено.

— Ахъ, Боже мой, что̀ ты сдѣлала! вскричалъ въ испугѣ графъ Андрей. Какъ это можно? Ты меня разоряешь! Если онъ вздумалъ сочетаться бракомъ съ нашей Катенькою, то онъ женится не иначе какъ изъ приданаго. Это ясно! Со своими оно ничего; но эти иностранцы — люди самые опасные: женясь, они хотятъ все дѣлать на бумагѣ, заставляютъ подписывать условія, документы. А подписавъ документъ, и говорить нечего, надо отдать имѣніе!

— Ну, такъ что̀жъ? возразила жена: отдашь!... пусть беретъ!... Развѣ между такими удивительными какъ вы друзьями можно считаться въ такихъ бездѣлицахъ?

— Однакожъ подумай только, Марія! съ трагическимъ жестомъ воскликнулъ графъ Андрей.

— Я уже хорошо подумала, сказала она съ злобной улыбкой, въ которой явственно отразилось удовольствіе женскаго мщенія. Прошу тебя, не дѣлай ему никакихъ затрудненій! Подписывай все безъ спора! Если ты пожалѣешь своего имѣнія, я отдамъ мое, отдамъ все, что̀ имѣю, до послѣдней пары чулковъ, лишь бы только этотъ бракъ состоялся. Я хочу, чтобы маркизъ женился непремѣнно на Катенькѣ, и ни на комъ болѣе. Онъ будетъ такъ счастливъ съ нею!... Увидишь!... Они созданы другъ для друга.... Твой другъ совершенно достоинъ такой подруги. О! это будетъ мое величайшее наслажденіе, смотрѣть на то, какъ его дѣлаетъ счастливымъ Катенька, этотъ несрав-

ненный ангелъ, котораго онъ обожаетъ! Прошу тебя, другъ, мой, умоляю, употреби всѣ свои усилія, весь твой умъ, все твое краснорѣчіе....

Она нѣжно поцѣловала мужа.

— Изволь! я исполню твое желаніе, сказалъ графъ Андрей въ совершенномъ недоумѣніи. Только признаюсь, еслибъ я не зналъ, что тебѣ иногда приходятъ въ голову странныя идеи, то, право, подумалъ бы, что это мистификація.

Явилась Катенька, полу-одѣтая. Въ этомъ нарядѣ она совершенно была похожа на летучую мышь. Родители объявили ей, что она невѣста прекраснѣйшаго жениха во всемъ городѣ.

Проходя мимо комнаты сестры, счастливая змѣя примѣтила свѣтъ. Она по-тихоньку отворила дверь и увидѣла Анну на колѣняхъ у кровати. Злополучная дѣвушка горячо молила Бога о ниспосланіи ей жестокой болѣзни, которая бы, или прекратила жизнь ея, или уничтожила красоту. Этотъ видъ нисколько не тронулъ ея каменнаго сердца.

— Видишь, ты, красавица! сказала она Аннѣ: вотъ я прежде тебя нашла себѣ мужа!

II.

Графиня Марія и графъ Андрей уже съ давняго времени спали въ разныхъ комнатахъ, которыя впрочемъ были раздѣлены только одною ванною. Изъ будоара, однѣ двери вели прямо въ спальню графини Маріи, другія, черезъ уборную и ванную, въ холостую комнату мужа. Графъ Андрей, какъ-скоро жена стала раздѣваться, уда-

лился этимъ естественнымъ путемъ къ своему цѣломудренному ложу, не понимая странныхъ затѣй супруги, и обдумывая, съ чего начать рѣчь къ другу послѣ столь неожиданнаго предложенія. Лучшимъ началомъ казалось ему — при первой встрѣчѣ воскликнуть: «Что̀ слышу?»; и очень жаль, что, на другой день, онъ совершенно забылъ эту могущественную фигуру старинной риторики, изобрѣтенную нарочно для тестей — потому-что рѣчь, которую произнесъ онъ, входя къ маркизу, была чрезвычайно плоха.

Графиня Марія, легши въ постель, надѣялась найти успокоеніе и сонъ въ чтеніи нѣсколькихъ страницъ новаго романа, но она не въ состояніи была прочитать десяти строкъ сряду. Книга безпрестанно выпадала изъ ея рукъ. Первая досада была, правда, вымѣщена на окружающихъ и, главное, на мужѣ, великомъ козлѣ отпущенія женъ, коварно обманутыхъ въ ожиданіи: но можетъ ли даже и этотъ чудесный бальзамъ исцѣлить глубокія раны, нанесенныя сердцу такимъ предательскимъ убійствомъ столь сладкой и столь продолжительной мечты, вѣроятно уже послѣдней мечты въ жизни?... Все кончилось!... и безконечная молодость, и вѣчно возраждающаяся надежда! Кончилось даже прошедшее! Незрѣлое безобразіе Катеньки уже сильнѣе ея просроченныхъ прелестей!... О! гдѣ то время, гдѣ то время?... Она горько заплакала. Въ такихъ случаяхъ, первая слеза, упадая на былое, обыкновенно оказываетъ дѣйствіе капли воды, просачивающейся въ нѣдрахъ земли на пласты самороднаго угля;

въ одно мгновеніе дѣлается странный взрывъ — вспыхиваютъ воспоминанія — сердце съ громомъ извергаетъ послѣднія желанія, послѣднее отчаяніе — въ душѣ, сдавленной тучами печали, пролетаютъ длинные огни сожалѣнія — жизнь пережигается, и вскорѣ, отъ всѣхъ ея золотыхъ сновидѣній, остается только сухой и безцвѣтный пепелъ.... Въ эту роковую ночь графиня Марія вызвала изъ мрака прошедшаго всѣ привидѣнія невоскресимыхъ минутъ своего блаженства — всѣхъ ихъ прижала къ сердцу и облила слезами — со всѣми простилась — потушила лампаду послѣдней любви своей, такъ долго теплившейся безъ пользы передъ безчувственнымъ истуканомъ — много рыдала при разставаніи съ послѣднею надеждою, много грустныхъ размышленій составила о жизни, людяхъ и счастіи, наконецъ уснула, завернувшись въ философическое презрѣніе къ счастію, людямъ и жизни.

Сонъ ея былъ тяжелый и тревожный: она часто видѣла волковъ, мужей, чудовищъ — стаю хищныхъ филиновъ (я думаю, это были сплетницы), терзавшихъ этотъ странный бракъ своими острыми и нечистыми клевами — прелестное обручальное кольцо, въ видѣ змѣи, обвившейся около пальца, которая вдругъ развернулась, запрыгала на ладони и сказала: «Не печалься! ты будешь отмщена!» — Катеньку, въ изступленіи кусающую своего мужа — огромный дубъ, среди пустой поляны, осыпанный вмѣсто жолудей брильянтами и букетами апельсиновыхъ цвѣтовъ, и, на одной вѣтви его, къ югу, маркиза, повѣсившагося

отъ счастія съ этимъ «ангеломъ», на другой, къ сѣверу, графа Андрея, повѣсившагося изъ дружбы къ маркизу — и множество подобныхъ вещей. Графиня Марія проснулась ранѣе обыкновеннаго, встала, велѣла причесать себя, и, надѣвъ пеньоаръ, легла на софѣ въ будоарѣ. Лицо ея было блѣдно, вѣки распухшія отъ слезъ, губы сухи и сини. Она состарѣлась въ одну ночь: теперь ей, рѣшительно, было сорокъ лѣтъ.

Вчера здѣсь, на этой софѣ, на этомъ же мѣстѣ.... Ахъ!... Но полно думать объ этомъ.... Боже мой, Боже мой! какъ быстро самое сладостное счастіе человѣческое измѣняется въ печаль и страданіе!... можно ли было ожидать?... Прочь, прочь, глупая мечта!... Этотъ человѣкъ смѣшонъ.... О! дуракъ!!! Однакожъ, странно! какъ это онъ рѣшился на такое предложеніе? для чего? по какимъ причинамъ? съ какою цѣлью?... По любви?... Этого быть не можетъ! Тутъ должно что̀-то скрываться. Но какъ узнать?... Разспросить дѣтей?... нѣтъ, неловко!... да и опасно!... Богъ знаетъ, что̀ могутъ подумать!... Однакожъ быть не можетъ.... А впрочемъ, чего добраго!... Ахъ, еслибъ узнать! Это очень любопытно.

Спустя нѣсколько минутъ, посвященныхъ этимъ горестнымъ воспоминаніямъ и соображеніямъ, Марія призвала къ себѣ Анну, подъ предлогомъ совѣщанія о новомъ платьѣ. Но это важное дѣло требовало съ обѣихъ сторонъ бо̀льшаго душевнаго спокойствія; страданіе отражалось тоже и въ лицѣ Анны. Мать посадила ее возлѣ себя, обняла и долго держала, прижавъ къ груди, цѣ-

луя, называя своимъ счастіемъ, своей надеждою, своимъ единственнымъ другомъ. Несчастіе, я думаю, нарочно создано Провидѣніемъ для того, чтобы заставлять людей быть добрыми, хоть на минуту. Анна была изумлена столь неожиданнымъ измѣненіемъ вчерашней жестокости въ эту образцовую нѣжность: по изрытому лицу матери, она не могла не примѣтить, что въ ея душѣ совершился какой-то переворотъ.

— Вы страдаете, милая маменька? спросила она съ участіемъ.

— Я нездорова, отвѣчала мать. Кажется, я немножко простудилась вчера въ театрѣ.

— Ваши руки очень жарки!

— Ничего, это пройдетъ.... я дурно спала.... Я много думала ночью о тебѣ, мой другъ.

— Добрая маменька!

— Я вчера тебя огорчила. Не сердись на меня за это, мой ангелъ: я исполняла тяжкую обязанность матери. Если теперь не извиняешь ты меня, то извинишь впослѣдствіи, когда сама будешь матерью. Свѣтъ часто упрекаетъ матерей въ жестокосердіи и забвеніи того, какъ имъ самимъ пріятно было въ юности слѣдовать голосу сердца и искать счастія тамъ, куда онъ указывалъ. Но, мой другъ!... свѣтъ не знаетъ великой тайны матерей: мы не можемъ сказать ему откровенно, что сердце насъ обмануло, что мы ошиблись слѣдуя его голосу, что горькій опытъ показалъ намъ все ничтожество льстивыхъ его обѣщаній.... Эту жестокую тайну должны мы хоронить въ глубинѣ души, притворяясь передъ свѣтомъ счастливыми

и даже хвастая своимъ счастіемъ передъ собственными нашими дѣтьми.... Иначе и нельзя: женщина живетъ тайною. Можемъ ли мы объявить кому-нибудь печальный выводъ изъ нашей жизни и опытности?... можемъ ли сказать, что ни одинъ изъ мужчинъ, которыхъ мы знали, не стоилъ сердца женщины?... я говорю объ умной женщинѣ.... о глупыхъ нечего говорить!... и что ни одинъ изъ тѣхъ, которыхъ обыкновенно видимъ около себя, не стòитъ ея любви?... Это ужасно сказать! Ты уже знаешь любовь, Анна.... Ты любишь?

— Да!... тихо отвѣчала дѣвушка, потупивъ глаза и краснѣя.

— Ну, такъ скажи теперь сама, продолжала графиня Марія: что̀ такое любовь?... наша любовь, любовь женщины? Скажи какъ чувствуешь. Твое чувство еще ново, свѣжо, не смѣшано ни съ какими другими страстями: ты еще легко можешь опредѣлить его.

— Ахъ, маменька! воскликнула Анна съ жаромъ: любовь женщины, это — чувство неизмѣримаго передъ нею и передъ всѣмъ остальнымъ свѣтомъ превосходства того существа, на которое безотчетный инстинктъ указалъ ей какъ на образецъ творенія. Это — глубокое и благоговѣйное сознаніе его врожденнаго могущества въ сравненіи съ ея слабостью, блаженство безпредѣльно удивляться такому чудесному человѣку, потребность ввѣрить ему свою судьбу, счастіе жить подъ его защитою, завидуемой всѣми женщинами, и гордиться его покровомъ передъ всѣми мужчи-

нами, вознаграждая его за эти неоцѣненныя блага неограниченною преданностью, вѣрностью, привязанностью, готовностью исполнять всѣ его желанія, доставлять ему всѣ наслажденія, облегчать его заботы, охранять покой и здоровье, утѣшать въ печали, всѣмъ жертвовать для его удовольствія....

— Я вижу, прервала мать въ волненіи, что ты любишь *истинною* любовью. О! такъ любить, такъ любить, это испытывать уже на землѣ — начало надземнаго блаженства.... (Она задумалась).... Да: всѣ мы такъ любимъ, когда любимъ *истинно!...* мы иначе и любить не можемъ!... Но горе тебѣ, дочь моя!... ты уже несчастна, какъ-скоро почувствовала ты въ душѣ такую любовь.... Мнѣ жаль тебя, Анна. Ты говоришь — сознаніе неизмѣримаго превосходства обожаемаго человѣка передъ собою и передъ всѣмъ на свѣтѣ! блаженство безпредѣльнаго удивленія!... Конечно, безъ этихъ двухъ условій, для женщины, нѣтъ истинной любви и, слѣдовательно, нѣтъ истиннаго счастія. Но кто изъ мужчинъ въ состояніи выдержать на опытѣ повѣрку съ собою того идеала, который мы опрометчиво начали обожать въ его образѣ? кто на дѣлѣ предъявляетъ намъ то исполинское превосходство, которое приписало ему наше воображеніе въ минуту зарожденія любви въ сердцѣ? кто оправдываетъ заранѣе пожалованное ему нами удивленіе?... Ахъ, другъ мой! вышедши замужъ, мы очень скоро, слишкомъ скоро, примѣчаемъ страшное ничтожество существа, которое въ пылкой мечтѣ поставили мы выше всего въ

мірѣ, для того, чтобы имѣть право поклоняться ему. Мы видимъ передъ собою человѣка, весьма обыкновеннаго, ничего незначащаго, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ; человѣка, который почти всегда издерживаетъ свое врожденное могущество, не на то, чтобы блестящимъ его употребленіемъ болѣе и болѣе воспламенять нашъ восторгъ и усиливать любовь, но чтобы угнетать нашу слабость мелочными притѣсненіями грубаго своенравія, гордости или тщеславія; человѣка, часто съ прекрасными качествами души и сердца, но отнюдь не такого удивительнаго и не такъ далеко превосходящаго насъ самихъ, какъ мы себѣ представляли, въ упоеніи страсти. Мы находились подъ волшебною властью чаръ собственнаго нашего воображенія, всегда склоннаго къ восторженности: теперь чары разсѣялись — начинается «разочарованіе». Ты слышала это слово; но еще не понимаешь его значенія: оно для женщины значитъ — конецъ всякаго счастія, и начало безконечнаго страданія, которое надобно скрыть въ душѣ и отъ глазъ домашнихъ наблюдателей и отъ проницательности всего свѣта. Мужчины гораздо счастливѣе насъ: имъ, для любви, достаточно нашей наружности; пока она цвѣтетъ и прельщаетъ ихъ чувственность, они могутъ любить насъ, не справляясь и не спрашивая о дальнѣйшемъ. Мы, другое дѣло!... Наружность ихъ для насъ ничего не значитъ. Мы, по-крайней-мѣрѣ сначала, ищемъ внутренняго, невидимаго, воображаемаго: принуждены предполагать, угадывать; и, несмотря на особенную про-

ницательность, которою вѣроятно для этого такъ щедро надѣлила насъ природа, мы всегда преувеличиваемъ, и безпрерывно ошибаемся въ нашихъ великолѣпныхъ предположеніяхъ. Безъ преувеличенія, для насъ нѣтъ любви; а съ той самой минуты, какъ мы открываемъ наше преувеличеніе, любовь по-необходимости начинаетъ потухать въ насъ. Вотъ почему ты видишь такое множество еще очень молодыхъ женщинъ, которыя уже перестали любить мужей своихъ и несчастны въ душѣ. Повѣрь мнѣ, мой другъ, женщинѣ гораздо легче заставить мужчину обожать себя безконечно, нежели самой любить его долгое время.

— Вы не допускаете, маменька, никакого исключенія?...

— Исключенія!... исключенія!... Въ томъ-то и бѣда, что каждая изъ насъ льститъ себя мыслію, будто ея избранный составляетъ исключеніе. Конечно, есть исключенія!... Но они въ общей массѣ такъ рѣдки, что ихъ и не должно принимать въ разсчетъ. Богъ одарилъ тебя умомъ и проницательностью, могу сказать откровенно, гораздо бо̀льшими нежели какъ я сама нѣкогда ожидала; твоя красота привлекаетъ къ тебѣ толпы молодыхъ мужчинъ: что̀ ты въ нихъ видѣла до-сихъ-поръ?

— Отчаянное ничтожество!

— Я была увѣрена! Умная женщина не можетъ его не видѣть. Если у нея есть сколько-нибудь проницательности, она должна, тотчасъ, съ ужасомъ примѣтить, что въ этомъ сборищѣ всякаго рода мужчинъ, которое называютъ образован-

нымъ свѣтомъ, въ этой огромной колодѣ фигуръ, обрѣзанныхъ подъ одну умственную мѣрку, вылощенныхъ и однообразно размалеванныхъ приторною любезностью, въ этомъ безконечномъ строю болѣе или менѣе блестящихъ посредственностей, которыя, выходя изъ рукъ парикмахера, считаютъ себя великими людьми, ей ровно некого любить. Это, можетъ быть, и весьма полезно для нашей нравственности; но оно ужасно, когда дѣло идетъ о выборѣ для себя покровителя и друга на всю жизнь. Кого выбрать?... За что̀ пожертвовать собою?... Ты каждый день видишь и слышишь, за что̀ бѣдныя дѣвушки продаютъ себя въ вѣчный плѣнъ, во что̀ принуждены онѣ влюбляться, когда сердце требуетъ любви, и какія причины сами назначаютъ своимъ «предпочтеніямъ». Онъ *любезенъ!* — онъ *милашка!...* а иная даже говоритъ — у него такой блестящій костюмъ!... Страшно подумать. Какъ-будто любезность или миловидность мужчины стоютъ того, чтобы для такихъ ничтожныхъ качествъ мы жертвовали ему собою, своей независимостью, невѣдѣніемъ всего дурнаго, и всей святынею душевной и умственной непорочности нашей!... Какъ-будто это условія вѣчной любви, которою должно усладиться вѣчное подданство!... Любезность! миловидность!... ахъ, Анна, какъ это еще далеко отъ того, какимъ сердце женщины представляетъ себѣ возлюбленное существо!... Ты сама сказала, какъ оно представляетъ его себѣ: къ кому же ты, изо всѣхъ нашихъ мужчинъ, можешь смѣло и безошибочно примѣнить этотъ идеалъ, тотъ, ко-

торый намъ такъ нуженъ для восторга, для удивленія, для преданности, однимъ словомъ для любви и счастія?... Не говори мнѣ объ исключеніяхъ: объ нихъ послѣ. Будемъ говорить вобще. Къ кому?

Анна печально вздохнула.

— Другъ мой, наша судьба быть всегда непонятыми! продолжала графиня Марія. Наша любовь, наше сердце, его счастіе, его потребности, все это для мужчинъ—земля неизвѣстная. Мы и они, это два различныя племени, чуждыя другъ другу и по языку и по понятіямъ. Свѣтъ существуетъ не знаю сколько уже тысячъ лѣтъ, и женщины все-еще для нихъ — *загадка!* Они это говорятъ и пишутъ откровенно. Между-тѣмъ, скажи сама: есть ли въ насъ что-нибудь загадочное? Это такъ просто!.... слабость, всегда готовая удивляться силѣ и, за блаженство удивленія, принести себя ей въ жертву. Но не иначе какъ за удивленіе!.... Ну, а мужчины никакъ не хотятъ понять этого. Я не говорю о бездушныхъ франтахъ и всѣхъ этихъ щеголяхъ, которыми наполнены гостиныя: даже умные мужчины, философы, тѣ, которые пишутъ романы, книги, всегда полагаютъ, будто мы любимъ чувственно, какъ они сами; будто одна ихъ особа, одна наружность, достаточна для внушенія намъ безконечной и безпредѣльной страсти; будто страсть, внушенная случайно, можетъ въ насъ продолжаться безъ счету годовъ и дней, не поддерживаясь удивленіемъ, первымъ началомъ нашей любви. Конечно, будучи повсюду, на каждомъ шагу, окружены

ничтожествами, женщины не могутъ откровенно говорить мужчинамъ, чего требуетъ отъ нихъ наше сердце: это значило бы сказать, что ни одного изъ этихъ сладкихъ и изящныхъ нулей мы не можемъ любить истинно и что они не должны полагаться на тѣ обыкновенныя предпочтенія по необходимости, которыя мы передъ ними называемъ любовью и которыя добродушно принимаются ими за чудеса истинной любви. Но многія умныя женщины, писавшія о любви, имѣли смѣлость ясно выразить имъ смыслъ нашего сердца, почти тѣми же словами, которыя употребила и ты по простому инстинкту любящей души, Что жъ! примѣтили ль, услышали ль они ихъ?.... Ни мало!.... Они и до-сихъ-поръ продолжаютъ твердить свое; ни одинъ изъ нихъ не догадывается, что и самый красивый мужчина, въ которомъ наше воображеніе не предполагаетъ никакого внутренняго превосходства, никакого повода къ удивленію его высокимъ достоинствамъ, не производитъ на насъ впечатлѣнія, что это даже — существо, противное намъ; и что мы вообще склонны предполагать въ красавцѣ скорѣе глупость, чѣмъ всякое другое качество. Правда, что многія дурочки между нами готовы при наружной красотѣ безотчетно предполагать въ мужчинахъ и внутреннюю: но мужчины должны бы понимать, что это—одно только глупенькое предположеніе, которое и тутъ имъ надлежитъ всѣми силами оправдать на дѣлѣ, подъ опасеніемъ такъ же быстро потерять даже и маленькую любовь дурочекъ, какъ быстро пріобрѣли ее по опрометчи-

вости ихъ воображенія или по ограниченности ихъ понятій. Можешь ли ты, Анна, влюбиться съ одного взгляда?

— Никакъ, маменька.

— Вотъ видишь!.... А они всѣ убѣждены въ противномъ. Они рѣшительно думаютъ, будто намъ довольно мелькомъ взглянуть на нихъ, чтобы обожать ихъ до гроба. Никакая женщина не можетъ влюбиться съ одного взгляда: это глупость, которой вѣрятъ только мужчины, потому что они именно такъ влюбляются. Ихъ любовь, мой другъ, ужасно положительна: они любятъ въ насъ только то, что̀ видятъ или воображвютъ видѣть, чисто одну наружность; въ самую глупую, злую и даже порочную женщину, лишь бы она была молода и красива, они готовы быть влюблены безъ памяти во всю жизнь. Внутреннія качества женщины для нашихъ господъ и повелителей ни по чемъ: они всегда надѣются сдѣлать изъ насъ, что̀ хотятъ, цѣнятъ одно только повиновеніе, а умъ нашъ они презираютъ. Но мы, мы, слабыя существа, не въ состояніи довольствоваться тѣмъ же съ ихъ стороны, чѣмъ они довольствуются съ нашей, и влюбляться въ нихъ прежде, чѣмъ-какое нибудь обстоятельство внушитъ намъ сильное понятіе объ ихъ исключительномъ превосходствѣ и ихъ правѣ на наше удивленіе. Такъ-то они насъ понимаютъ!.... Они судятъ объ насъ по себѣ. Кто изъ нихъ знаетъ или помнитъ, что имъ нужно стараться быть на опытѣ сходными съ идеаломъ мужчины, который мы въ нихъ полюбили, и воспламенять наше во-

ображеніе блестящимъ развитіемъ своего личнаго превосходства? Отсюда — такое множество разочарованій и замѣчаніе, безпрестанно повторяемое на всѣхъ языкахъ, что «браки по склонности сердца» большею частію несчастны. Добрые люди придумали разочарованіямъ другое названіе, довольно мудреное, и говорятъ, что бракъ по любви, или любовь въ бракѣ, скоро превращается въ сладкую и тихую дружбу. О тихости и сладости этой «дружбы» я не хочу спорить; но, во всякомъ случаѣ, это—сладкая и тихая дружба по неволѣ. Да и въ дружбѣ ли дѣло, когда сердце предалось въ плѣнъ за надежду на безпрерывные восторги любви?... Многихъ женъ упрекаютъ въ честолюбіи: порицаютъ за то, что онѣ всѣми средствами стараются подстрекать своихъ мужей къ личному возвышенію, къ искательству отличій или почестей, что даже сами иногда употребляютъ свои слабыя усилія, чтобы помочь имъ въ этомъ. Мой другъ, это самыя благородныя жены! Онѣ еще желаютъ любить своихъ мужей. Примѣтивъ ихъ ничтожество, онѣ хотѣли бы скрыть его отъ собственныхъ глазъ своихъ и принудить мужей быть истинными мужчинами хоть для виду, поставить ихъ выше другихъ хоть искусственнымъ образомъ, чтобы чѣмъ-нибудь питать въ ихъ пользу свое разочарованное воображеніе. Ты сама будешь честолюбива! Это несчастіе неизбѣжно для умной женщины при такомъ печальномъ отсутствіи настоящихъ мужчинъ въ образованномъ и изящномъ обществѣ. Черкешенки и Киргизки, одѣтыя въ грубыя ткани, въ тысячу

разъ счастливѣе насъ, которыя ходимъ въ ліонскихъ бархатахъ и валансіенскихъ кружевахъ. Посмотри на ихъ мужчинъ!... чудо!... Молодой человѣкъ и герой значитъ у нихъ одно и то же. Вся жизнь этихъ людей — непрерывный подвигъ, гдѣ отчаянная храбрость соединяется съ непостижимымъ искусствомъ, блестящее мужество съ изобрѣтательнымъ умомъ и великимъ характеромъ. Такихъ мужчинъ можно любить до безпамятства!... и любить неизмѣнно во всю жизнь, потому-что они безпрерывно возбуждаютъ удивленіе и восторгъ. Какая нужда, что они грубы и, можетъ-быть, тираны! Сердце женщины охотно прощаетъ всѣ этого рода недостатки такому мощному мужчинѣ: оно не прощаетъ ихъ только ничтожеству, которое хочетъ властвовать нами наравнѣ съ истиннымъ величіемъ, нисколько не ослѣпляя насъ своими доблестями. Я понимаю, какимъ образомъ многіе знаменитые разбойники, съ страшнымъ мужествомъ, умомъ и характеромъ, могли возбуждать въ своихъ подругахъ самую восторженную любовь! Не наше дѣло судить о справедливости или несправедливости поступковъ мужчинъ между собою: мы рождены только оцѣнивать ихъ относительное личное превосходство и находить счастіе въ обладаніи сердцемъ превосходнѣйшаго. Твой дѣдъ часто разсказывалъ, какъ вещь удивительную, что, во время войны между Англіей и ея колоніями въ Сѣверной-Америкѣ, когда малочисленные и неопытные въ войнѣ Американцы начали разбивать арміи могущественной Англіи, оказывая чудеса храбрости, ума, ге-

нія, всѣ Англичанки были влюблены въ Американцевъ, до того, что какой-то членъ парламента предложилъ издать законъ, подвергающій большой денежной пенѣ тѣхъ дамъ, которыя станутъ публично восхищаться доблестями и успѣхами враговъ. Дѣдушка и его слушатели находили это непостижимымъ. До такой степени нынѣшніе мужчины чужды всякаго правильнаго понятія о женскомъ сердцѣ! Они хотятъ, чтобы мы чувствовали ихъ умомъ! Была, была эпоха истинной любви въ Европѣ; но она прошла невозвратно: это — времена рыцарства. Я никогда не могла читать безъ трепета, безъ любви, описаній этого чуднаго общества восторженныхъ героевъ, когда каждый молодой дворянинъ считалъ долгомъ своего званія прежде всего стать человѣкомъ необыкновеннымъ и славнымъ, и, повязавъ на желѣзной рукѣ шарфъ «дамы своего сердца», устремлялся въ свѣтъ, чтобы заслужить ея вѣчную любовь подвигами геніальнаго мужества; когда поэты на перехватъ прославляли его невѣроятныя дѣянія и ея блестящую красоту, вѣрность и самоотверженіе; когда самъ герой часто бывалъ поэтомъ и въ одну пѣснь сливалъ безсмертную славу своей побѣды надъ сильнымъ врагомъ и своей побѣды надъ слабою подругою, гордясь вторымъ изъ этихъ великихъ торжествъ еще болѣе чѣмъ первымъ. То-то были мужчины!... А наши нынѣшніе?... Помнишь ли ты, какъ старый графъ Ф***, типъ утонченнаго свѣтскаго человѣка, года полтора тому назадъ, проповѣдывалъ, вотъ здѣсь рядомъ, въ этомъ кабинетѣ, великое правило по-

рядочнаго мужчины, члена хорошаго общества— быть похожимъ на дѣвушку, избѣгать всячески того, чтобы объ немъ много говорили въ публикѣ, дѣлать какъ-можно менѣе шуму и занимать какъ-можно менѣе мѣста? Ты не могла забыть этого разговора, потому-что онъ касался кого-то....

Анна покраснѣла.

— Я чуть не расхохоталась, продолжала графиня Марія: но, разумѣется, я должна была поддерживать его мнѣніе. Всѣ свѣтскіе мужчины такъ думаютъ. И этимъ надѣются они возбуждать въ насъ любовь страстную и неизмѣнную! Ты читала Эленшлегерова «Старкоттера»?

— Нѣтъ, маменька.

— Возьми у меня, и прочитай. Вотъ образецъ мужчины!... первый герой и первый поэтъ своего времени! умнѣйшій и храбрѣйшій изъ мужчинъ! Авторъ изобрѣлъ для него какую-то слезную исторію приторныхъ любовныхъ несчастій: онъ вовсе не понялъ положенія такого человѣка относительно къ любви. Я сказала это самому Эленшлегеру. Слѣдовало, напротивъ, изобразить его предметомъ обожанія всѣхъ женщинъ: я увѣрена, что всѣ Скандинавки съ ума сходили отъ Старкоттера, при одномъ его имени! Я понимаю, какъ были счастливы женщины, жившія во времена всѣхъ такихъ мужчинъ, какое блаженство заключалось тогда въ любви, брызжущей изъ сердца струями удивленія и восторговъ. Не угодно-ли, теперь, сравнить со Старкоттеромъ нашего чуднаго «льва», маркиза?... Вотъ ужъ настоящій герой для восторговъ женскаго сердца!

Мать и дочь засмѣялись. Аннѣ это сближеніе такъ понравилось, что она нѣсколько минутъ не могла унять своей веселости. Графиня Марія, отмѣтивъ въ умѣ весь эффектъ его, продолжала:

— Я не понимаю, какая женщина, даже и самая ограниченная, можетъ любить его болѣе трехъ часовъ! Съ нимъ, разочарованіе ужъ не заставитъ долго ждать себя! Сказать между нами, онъ ужасно глупъ....

Анна удивилась. Ея проницательность до-сихъ-поръ предполагала совсѣмъ другія чувства въ сердцѣ несчастной матери. Она единственно потому и не смѣла открыть ей преслѣдованій маркиза, что это могло только ускорить развязку, которой страшились ея гордость и ея дочерняя любовь. Анна поминутно дрожала за свою мать: этотъ человѣкъ былъ-бы въ состояніи тотчасъ выдать передъ нею свои вздохи къ дочери за искусное средство, придуманное для удаленія отъ дѣтей всякой мысли о страсти своей къ матери, которая по всѣмъ признакамъ отнюдь не была расположена отвергнуть ея съ презрѣніемъ. Анна, однакожъ, ни мало не обнаружила своего изумленія. Она только стала внимательнѣе. Когда рѣчь идетъ о мужчинахъ, женская взаимная недовѣрчивость мгновенно вторгается даже въ самыя нѣжныя сношенія между дочерью и матерью. Лишь-только прозвучало между ними имя маркиза, эти двѣ женщины уже зорко наблюдали другъ друга. Каждая хотѣла прочитать сокровенныя мысли другой. Графинѣ Маріи, большой дипломаткѣ, и которая всегда боялась проницательно-

сти Анны, нужна была эта несчастная и убійственная выходка противъ маркиза, для уничтоженія въ умѣ дочери вдругъ всѣхъ могущихъ существовать въ немъ догадокъ и подозрѣній; и, чтобы не ослабить эффекта брошенныхъ неожиданно словъ презрѣнія, она быстро отвела разговоръ къ прежнему предмету!

— Въ нынѣшнемъ обществѣ положеніе женщины очень незавидно, при всей нашей свободѣ, которую мужчины прославляютъ какъ самое великодушное пожертвованіе свое въ нашу пользу и прекраснѣйшее пріобрѣтеніе образованности. Къ чему намъ служитъ свобода?... чтобы имѣть всѣ возможные случаи сравнивать, предполагать лучшее въ другихъ и, вѣчно ошибаясь, переходить изъ одного горькаго разочарованія въ другое, еще болѣе горькое?... Ахъ, Анна! въ этой-то свободѣ, которая послѣ замужства приводитъ насъ въ безпрерывное соприкосновеніе съ множествомъ постороннихъ мужчинъ, заключается источникъ всѣхъ нашихъ страданій: отъ нея-то и происходятъ разочарованія. Ты, по обыкновенію, полюбила въ образованномъ человѣкѣ идеалъ всѣхъ мужскихъ совершенствъ; спустя нѣсколько мѣсяцевъ ты открываешь свою ошибку: этотъ идеалъ — существо обыкновенное, безъ величія, безъ высокихъ стремленій, безъ умственнаго могущества, съ пошлыми достоинствами и множествомъ несносныхъ недостатковъ, съ явственнымъ безсиліемъ и бездною гордыхъ притязаній. Между-тѣмъ ты окружена, и въ обществѣ и дома, другими мужчинами: они любезны,

почтительны, готовы къ состраданію.... Сравненіе неизбѣжно! Твой избранный скоро кажется тебѣ еще хуже нежели какъ онъ есть. Тоска! тайное отчаяніе! страшная и опасная борьба между долгомъ и прельщеніемъ! муки вѣрности или муки.... паденія!... О, это ужасно!... Многіе съ негодованіемъ говорятъ о восточномъ отдѣленіи женщины отъ всего свѣта: а я скажу тебѣ откровенно, что, по моему мнѣнію, неприступные теремы этихъ народовъ навѣрное были изобрѣтены, если не природою—лучшею нашею покровительницею—такъ самими женщинами, для собственнаго своего счастія; что это побѣда женщинъ надъ мужчинами. Я это сказала однажды въ Веймарѣ Гёте; но онъ, по своей мужской тупости или по гордости своего пола.... потому-что мысль моя была вовсе не лестна для господъ бритыхъ.... онъ меня не понялъ и полагалъ, что я шучу. Я вовсе не шутила! Заключеніе на всю жизнь въ роскошномъ и неприкосновенномъ убѣжищѣ составляетъ, бытьможетъ, мечту каждой умной женщины, которую, на свободѣ, опытность провела черезъ болѣе или менѣе длинный рядъ разочарованій. Де-Саси толковалъ мнѣ въ Парижѣ, что слово *гаремъ* собственно значитъ — «священное мѣсто», мѣсто исключительнаго царства женщины, гдѣ никакая власть не смѣетъ сопротивляться ея власти. Чего жъ лучшаго? Выходитъ, что на востокѣ женщины благородно искали себѣ у каменныхъ стѣнъ надежнаго покровительства и постояннаго счастія, которыхъ, на свободѣ, не могли доставить имъ мужчины!... Мужчины, согласясь на это съ

лишеніемъ для себя прелестей ихъ сообщества, только отдали должную справедливость своей коренной неспособности!... Я не вижу другаго средства избѣгнуть горестей неминуемаго разочарованія какъ совсѣмъ отдѣлиться отъ этой груды блестящихъ ничтожествъ, не знать и не видѣть никакихъ мужчинъ, кромѣ одного, взятаго на удачу.... потому-что свободный выборъ ни къ чему не ведетъ!... и глухими стѣнами отнять у себя всѣ средства къ сравненіямъ, которыя убиваютъ покой души и счастіе, и всегда такъ обманчивы. Тогда только, живя съ однимъ, не видя его мелочности въ сношеніяхъ съ другими и представляя его себѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ, станешь по-необходимости любить этого одного, постоянно и безъ помѣхи, станешь ждать съ тоскою его рѣдкаго появленія въ твоемъ неприкосновенномъ царствѣ, наслаждаться его присутствіемъ, сожалѣть объ его удаленіи, и будешь счастлива сердцемъ. Торжественное заключеніе, по мнѣ, въ тысячу разъ лучше охраняетъ достоинство и счастіе женщины, чѣмъ наша прославленная и совершенно мнимая свобода. Я часто сожалѣла, что не родилась Турчанкою. Свободный выборъ!... Да кого же выбирать? изъ чего? и на какой конецъ?... Конецъ одинъ, кого ни возьмешь! Прежніе браки черезъ свахъ, безъ предварительнаго знакомства съ женихомъ, совсѣмъ не такая глупость, какъ инымъ кажется. Это скорѣе умная и жестокая эпиграмма женщинъ на мужчинъ. Мужчина, по мнѣ, въ нашихъ образованныхъ обществахъ, никогда не выдержитъ

повѣрки съ идеаломъ, который мы въ немъ поселяемъ, начиная свободно любить. Самой ли потомъ двигать его къ осуществленію, чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь, нашей мечты, подстрекать къ искательству, толкать къ отличіямъ, чтобы прослыть честолюбивою?... Тогда ужъ лучше взять готовое отличное, или, по-крайней-мѣрѣ, отличившееся, хоть и не совсѣмъ молодое. Право, Анна!... это всего вѣрнѣе. Я тебѣ открываю мой искренній образъ мыслей. Мой долгъ — благовременно высказать тебѣ все, чему меня научили опытность и размышленіе, чтобы ты не обманывалась и не была обманута.

Теперь только поняла Анна, къ чему клонилась вся эта страстная и глубокомысленная диссертація: это было полное, но тонкое, искусное, прикрытое дипломатическими отступленіями и общими взглядами, оправданіе умной матери передъ умною дочерью въ дѣйствіяхъ, поступкахъ и правилахъ всей своей жизни. Графиня Марія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, была одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ того времени; она всегда умѣла увлечь слушателя своимъ живымъ и неожиданнымъ словомъ, мѣткимъ замѣчаніемъ и оригинальнымъ воззрѣніемъ на предметъ: въ этомъ же случаѣ, она совершенно очаровала Анну. Впервые говорила она съ дочерью, не какъ съ ребенкомъ, а какъ съ другомъ. Анна слушала ее съ такимъ восхищеніемъ, что забыла даже всю внезапность перемѣны въ ея обращеніи; и еслибы конецъ разсужденія не встревожилъ сердца дѣвушки, обвороженнаго дружескимъ довѣріемъ и

краснорѣчіемъ матери, она рѣшительно не знала бы, чему приписать это великолѣпное изліяніе души. Но читатели, которые со вниманіемъ слѣдовали за хронологіей этой исторіи, очень хорошо знаютъ, что Аннѣ тогда было уже двадцать лѣтъ, то есть, восемьнадцатый вначалѣ. Мать давно чувствовала, что имѣетъ въ ней наблюдателя и судью; что, при своей проницательности, Анна должна уже примѣчать сомнительныя отношенія маменьки къ своему супругу, соображать обстоятельства, составлять свои сужденія, и навѣрное видитъ все — какъ всегда видятъ женщины — не глядя на предметы. Непоколебимое притворство уже было-бы опасно. Благоразуміе требовало, скорѣе, представить такой дочери жизнь и ея дѣла съ той стороны, съ которой супружескія обстоятельства и житейскія правила матери показались бы ей совершенно естественными и логическими. Графиня Марія была такъ умна, что она не могла подражать примѣру обыкновенныхъ матерей, которыя, для назиданія своихъ дочекъ, безпрестанно ругаютъ мужчинъ передъ ними на-поваль, но не дѣйствуютъ на ихъ убѣжденіе. Не прибѣгая къ этому пошлому средству, она умѣла общими разсужденіями выместить на мужчинахъ свои обиды, вооружить дочь осторожностью противъ общаго врага, и вмѣстѣ дать ей тайный ключъ къ своей собственной жизни. Но Анна ошибалась, думая, будто уже вполнѣ постигла мать, имѣвшую передъ нею великое преимущество опытности и познанія человѣческаго сердца. Она даже напрасно испугалась послѣднихъ словъ ея о яв-

ной выгодѣ — «брать готовое отличное, хоть бы и не молодое», не полагаясь на невѣрныя блага свободнаго выбора. Напрасно отнесла это Анна къ вчерашнему тузу, опустила свои прекрасные глаза и печально вздохнула. Это только объясняло прежній образъ дѣйствованія, а отнюдь не будущее. Все, что̀ графиня Марія сказала Аннѣ, было бы совершенно потеряно, и, въ настоящихъ запутанныхъ обстоятельствахъ съ маркизомъ, она даже подвергалась опасности навсегда лишиться уваженія дочери, еслибы, съ разсчитаннымъ великодушіемъ не рѣшилась на измѣненіе прежней системы и не искала примириться поскорѣе съ обиженнымъ сердцемъ дѣвушки. Еще ночью приходили ей въ голову разныя подозрѣнія. Они сильно подтвердились при внезапномъ сравненіи новѣйшаго льва гостиныхъ съ великимъ витяземъ древней Скандинавіи: чистосердечный и продолжительный смѣхъ Анны ясно показалъ, что она глубоко презираетъ этого человѣка и, слѣдовательно, должна имѣть особенныя причины къ такому презрѣнію: Анна навѣрное знаетъ много касательно сущности вчерашняго предложенія!... Эта мысль мучила графиню Марію впродолженіи всей диссертаціи, но особенно встревожила ее съ минуты сильнаго эффекта сравненія. Она привлекла дочь въ свои объятія, крѣпко прижала ее къ груди, и сказала:

— Не печалься, милое дитя мое!... Мы еще не говорили объ исключеніяхъ. Вѣдь ты сама сказала, что есть исключенія?...

Дѣвушка трогательно посмотрѣла на мать

сквозь блестящую хрусталь двухъ раждающихся слезъ.

— Ты говорила о неизмѣримомъ превосходствѣ любимаго человѣка; объ упоеніяхъ, доставляемыхъ его славою; о блаженствѣ восторженнаго удивленія его врожденному могуществу.... Я согласна, что все это, хоть и гораздо рѣже, можетъ однакожъ существовать еще и въ наше время. Истинная любовь и ея чудесное, безконечное счастіе еще возможны. Я даже сама знаю одного мужчину.... и ты его знаешь еще лучше моего.... который могъ бы, хоть отчасти, осуществить это едва вообразимое счастіе....

Анна бросилась на шею къ матери и начала цѣловать ее, рыдая.

— Благодарю тебя, мой другъ, что ты меня такъ хорошо понимаешь! сказала графиня Марія, нѣжно утирая сладкія слезы дочери. Мы давно поняли бы другъ друга, еслибы ты имѣла болѣе довѣрія къ сердцу твоей матери....

Бѣдная дѣвушка зарыдала еще сильнѣе отъ этого упрека, который теперь казался ей вполнѣ заслуженнымъ.

— Не плачь, не плачь! воскликнула мать: я тебя прощаю!... ничего не помню!... Я отдаю всю справедливость его достоинствамъ.... Вчера я запретила тебѣ съ нимъ видѣться и говорить.... Теперь позволяю.

Анна, отъ радости, отъ счастія, отъ признательности къ матери, едва не лишилась ума.

— Я имѣю полное довѣріе къ твоимъ правиламъ и къ его благородству.... можете видѣться,

говорить, даже не скрывать другъ отъ друга взаимной привязанности: но далѣе не идите. Не допускай его ни подъ какимъ видомъ до рѣчи о своей любви и до формальнаго изъясненія.... Я — прошу тебя объ этомъ! Обѣщаешь?

— Обѣщаю! обѣщаю!...

— Скажу тебѣ откровенно, что еслибы онъ теперь, или въ скоромъ времени, сталъ просить у меня твоей руки, то на вашъ бракъ я не соглашусь. Я хочу прежде наблюдать васъ нѣсколько, увидѣть что̀ это за человѣкъ, что̀ это за любовь. То есть, не я стану наблюдать, а тебя поставлю.... можетъ-быть уже и поставила.... въ хорошей точкѣ для наблюденія. Если ты положительно удостовѣришься, что его можно любить безконечно....

— Вы сомнѣваетесь въ этомъ, маменька?

— Сомнѣваюсь.... Повторяю: мужчины почти никогда не выдерживаютъ повѣрки съ нашими идеалами! Помни хорошенько это. Смѣшно было бы умной и прекрасной женщинѣ, которая всегда можетъ найти себѣ мужа, опрометчиво бросаться въ пропасть, подобно какой-нибудь сентиментальной дурочкѣ! Можно подождать: вы еще молоды. Анна!.. мой милый ангелъ!... мнѣ кажется, что онъ не сто̀итъ тебя?

— Я не сто̀ю его, маменька!

— Ты?... ты не сто̀ишь мужчины?... Ха, ха, ха!... какъ ты простодушна!... Но это говоритъ не Анна, а любовь: я увѣрена, что Анна, безъ любви, нѣсколько лучше чувствуетъ достоинство своего пола и все неизмѣримое превосходство женщины передъ мужчиною. Въ любви это чувство

оборачивается вверхъ-дномъ: мужчины и умомъ своимъ не постигаютъ, какое тогда пожертвованіе приносимъ мы сознанію своей возвышенности и чистоты, начиная любить кого-нибудь изъ ихъ грубаго, нечистаго и порочнаго пола. Ну, да это — дѣло постороннее. Я думаю.... только думаю!... моя опытность невольно заставляетъ меня полагать.... что онъ тебя не стóитъ; но я очень желаю, чтобы мы съ тобою удостовѣрились въ противномъ. Это я ввѣряю времени и твоему уму.

Анна, съ пламенною признательностью и удивленіемъ къ маменькиной мудрости, поцѣловала руку графини Маріи, которая сказала ей наконецъ, что хочетъ нѣсколько отдохнуть послѣ безсонной ночи, проведенной въ размышленіяхъ *объ ея счастіи.* Она съ умысломъ предоставила дочери время выйти изъ будоара нѣсколько шаговъ; потомъ вдругъ кликнула ее обратно къ себѣ:

— Анна!... Анна!... воротись!... Я разговорилась съ тобою о разныхъ пустякахъ, и совсѣмъ забыла о самомъ важномъ дѣлѣ. Знаешь-ли ты великую новость?

— Какую, маменька?

— Твоя сестра выходитъ за-мужъ.

— Право?... Ну, я очень рада! Вчера, поздно, ложась спать, Катенька что-то намекнула объ этомъ, но я подумала, что она шутитъ.

— Какъ, шутитъ? Развѣ это извѣстіе было для тебя такъ неожиданно?

— Совсѣмъ неожиданно!... За кого же, маменька, выходитъ она замужъ?

— И этого ты не знаешь?

— Не знаю.

— Ну, такъ по-крайней-мѣрѣ угадываешь?

— Никакъ не могу угадать!...

— Да какъ же ты не можешь угадать?... Вотъ это странно! Я предполагала въ тебѣ болѣе наблюдательности.

Говоря это, мать съ жаднымъ любопытствомъ слѣдила за всѣми движеніями лица и голоса озадаченной дочери.

— Подумай немножко! прибавила она. Вспомни, сообрази!

— Ничего не припомню! отвѣчала Анна. Кажется, я никого не видала, кто бы за ней ухаживалъ; и, сколько мнѣ извѣстно, сама она не ожидала подобнаго событія.

— Ну, такъ ты ровно ничего не видишь, что̀ вокругъ тебя дѣлается! сказала графиня Марія съ хитрою улыбкою, глубоко соображая въ умѣ это странное невѣденіе Анны со вчерашними увѣреніями маркиза въ своей давней страсти къ «прелестной, чудной, несравненной Катенькѣ». Ты хочешь знать, за кого?

— Ахъ, да, маменька!... Это очень любопытно.

— За кого же какъ не за маркиза?

— За маркиза?... Быть не можетъ!

— Какъ, быть не можетъ?... Это тебя удивляетъ?

— Номножко!

— Отчего же это немножко удивляетъ тебя?

Анна невольно покраснѣла, и не хотѣла отвѣчать. Графинѣ Маріи этого было совершенно достаточно: она все поняла — всю глупость этого

человѣка — всю непростительность своей самоувѣренности — закусила губы и опустила вѣки — чтобы не захохотать отъ злобнаго наслажденія или не заплакать отъ досады — и, оправляя платье на своихъ ногахъ — испытанное средство закрыть безпорядокъ чувствъ въ лицѣ — сказала дочери:

— Сказать тебѣ правду, я и сама была «немножко» удивлена, когда вчера услышала объ этомъ. Я полагала.... мнѣ такъ казалось!... что онъ влюбленъ въ тебя, или по-крайней-мѣрѣ старается тебѣ понравиться.... Это и было причиною. почему я всегда оказывала ему столько вниманія и дружбы.... Но это продолжалось до безконечности, и могло наконецъ сдѣлаться неприличнымъ. Въ городѣ, какъ я третьяго-дня услышала, разсказываютъ, будто онъ сватается къ тебѣ, и многіе говорятъ утвердительно о скоромъ бракѣ вашемъ. Вчера, послѣ театра, я пригласила его къ себѣ, и заставила объяснить свои намѣренія: тутъ только я узнала, что причина его частыхъ посѣщеній нашего дома — Катенька, которую, по его увѣренію, уже давно онъ страстно любитъ.... Онъ просилъ насъ объ ея рукѣ: партія хороша; *мы* охотно согласились.

Мать и дочь не смотрѣли другъ на друга. Въ душѣ каждой изъ нихъ крутился вихрь тысячи мыслей, чувствъ, воспоминаній, догадокъ, сужденій. Графиня Марія была очень довольна оборотомъ, который удалось ей благовидно придать столь скользкому и вмѣстѣ столь любопытному для обѣихъ вопросу: это объясненіе, по ея мнѣнію, удовлетворительно разрѣшало все дѣло для

дочери, и прошедшее со всѣхъ сторонъ плотно было имъ закрыто. Анна, напротивъ, приведя въ порядокъ всѣ свои впечатлѣнія — сегоднишнія — вчерашнія — за третій день — за послѣднюю недѣлю — за всѣ шестнадцать или восемнадцать мѣсяцевъ.... Ну, право, я не понимаю, какое удовольствіе находятъ женщины обманывать другъ друга, когда это рѣшительно имъ невозможно! Для мужчинъ, непремѣнно нужно, чтобы всякое дѣло было изложено подробно, обстоятельно, отчетливо: они придаютъ чрезвычайную важность «*ясности* изложенія» — что̀, о мои любезные читатели! показываетъ великую тупость, неповоротливость и медвѣдеобразность нашего знаменитаго ума. Но женщины, поставленныя своимъ особеннымъ положеніемъ въ необходимость понимать все изъ полу-словъ, намековъ, аллегорій, взглядовъ, движеній фибръ въ лицѣ, измѣненій въ голосѣ, съ раннихъ лѣтъ пріобрѣтаютъ такой даръ догадливости, что въ новѣйшее время, изъ этого изумительнаго дара, создался даже «животный магнитизмъ», или искусство дурачить мужчинъ чудесами мнимаго сверхъ-естественнаго зрѣнія — глядя закрытыми глазами въ ихъ внутренность какъ въ графинъ съ водою, гдѣ плаваетъ гидростатическій чертенокъ — читая запечатанныя письма въ ихъ карманахъ — видя все сквозь ширмы, стѣны, горы, сквозь мужской умъ и другія еще болѣе плотныя и непрозрачныя вещи: и весьма примѣчательно, что, посредствомъ животнаго магнитизма, до-сихъ-поръ еще ни одинъ мужчина не прочиталъ ни малѣйшей записочки за женскимъ

корсетомъ, ни одинъ не увидѣлъ что̀ происходитъ внутри женщинъ и что̀ дѣлается у нихъ за стѣною — а онѣ читаютъ и видятъ все у мужчинъ! Это, по-мнѣ, верхъ совершенства. Я называю животный магнитизмъ — chef d'oeuvre насмѣшки женскаго остроумія надъ мужскимъ тупоуміемъ! Всѣ женщины болѣе или менѣе — магнитическія сомнамбулки: мужскія ясность и подробность изложенія кажутся имъ нестерпимыми длиннотами: вообще, чѣмъ темнѣе дѣло для мужчинъ, тѣмъ оно яснѣе для нихъ. Но это самое преимущество лишаетъ ихъ великаго наслажденія также удобно обмануть или провести другъ друга, не только для потѣхи, но даже и въ потребномъ случаѣ. Графиня Марія и Анна знали теперь на-перечетъ свою обоюдную исторію: та видѣла яснѣе дня, что маркизъ былъ влюбленъ въ Анну, былъ приведенъ въ отчаяніе ея презрѣніемъ и, второпяхъ, очертя голову, бросился въ пучину супружескаго счастія съ Катенькою; другая нисколько не сомнѣвалась, что онъ рѣшился на свою погибель въ припадкѣ бѣшенства за ея вчерашнюю жестокость въ театрѣ, и что вся эта грозная филиппика маменьки противъ глупости и коварства мужчинъ, это отдаленное оправданіе своихъ прежнихъ поступковъ, изумительная перемѣна въ обращеніи, внезапная снисходительность къ сердцу дочери, только-что растерзанному неумолимыми разсчетами честолюбія, были слѣдствіемъ той же непредвидимой развязки, которая наполнила обманутое сердце досадою, огорченіемъ и страхомъ. Понятно, что въ такомъ положеніи дѣла обѣ желали по-

скорѣе окончить этотъ тягостный разговоръ, который открывалъ каждой изъ нихъ болѣе, нежели сколько хотѣлось имъ знать. Графиня Марія сказала разсѣянно:

— Какъ ты думаешь, будетъ ли Катенька счастлива съ нимъ?

— Они.... они, кажется.... въ состояніи осчастливить другъ друга, сухо отвѣчала Анна.

— Я ночью нѣсколько разъ думала, не отказать ли ему.... Но никакъ нельзя!... по всѣмъ соображеніямъ, надо согласиться! Это — большое несчастіе, Анна. Туча сплетней обрушится на всѣхъ: ты, я, всѣ мы, будемъ растерзаны.... Богъ знаетъ, какія выдумаютъ исторіи для объясненія этого неожиданнаго брака!... Такова наша жизнь, мой другъ!... Терпѣніе!... Прощай, мнѣ надо отдохнуть.

Графиня Марія не уснула: она горько заплакала.

Анна задрожала, и ушла печальная. Не новыхъ клеветъ боялась она: она вздрогнула при мысли, что этотъ человѣкъ, входя въ семейство, получитъ средства мстить ей безконечно, преслѣдовать ее своей наглостью и опутывать сѣтями своего коварства. — «Такова наша жизнь!» повторила она, на порогѣ своей комнаты.

Она задумалась.

«Валеріанъ!... милый другъ!... спаси меня отъ этого чудовища!... Но какъ?... Въ тебѣ сомнѣваются!... время должно рѣшить!... О, люби, люби меня неизмѣнно!... пусть всѣ увидятъ тебя такимъ, какъ я вижу!...»

Софія явилась въ дверяхъ комнаты.

— Здравствуй, Анна!... Видишь, какъ я акку-

ратна.... Что̀ это съ тобою, мое сердце?... У тебя на глазахъ слезы?

Она быстро скинула шляпку съ головы и стала цѣловать бѣдную кузину.

— Что̀ тебѣ сдѣлали, мой другъ? Разскажи мнѣ все: кто какъ не я, долженъ тебя утѣшить въ горѣ? Кто больше моего любитъ тебя?... Говори что̀ случилось.... Ты испугала меня вчера!

— Ахъ, Софія! въ жизни бываютъ дни длиннѣе столѣтій; кажется, они никогда не кончатся: столько накопляется въ нихъ происшествій, опасеній, печалей, страданій! Вчерашній день былъ однимъ изъ такихъ дней для меня. Теперь я сама не знаю, какъ пережила его. Но то, что̀ я вчера хотѣла тебѣ сказать, сегодня уже безполезно повторять: такъ все измѣнилось со времени нашей встрѣчи въ театрѣ!... Не спрашивай меня о вчерашнемъ: мнѣ хотѣлось бы поскорѣе забыть этотъ ужасный день. Сегодня я желаю сказать тебѣ совсѣмъ другое, не менѣе важное для меня. Только, не знаю съ чего начать.... Катенька выходитъ замужъ за маркиза.

— За маркиза!... Что̀ ты говоришь!

— Да!... За него. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Ты знаешь, что они всегда были большіе друзья.

— Такъ! Но эта дружба казалась только заговоромъ противъ тебя.

— Что̀ же! бракъ будетъ его продолженіемъ.... Но Богъ съ ними! Перейдемъ къ другому. Я хочу тебѣ ввѣрить, одной тебѣ, великую тайну, отъ которой зависитъ моя судьба. Мы съ маменькой

только-что говорили объ немъ.... знаешь! Она какъ-то узнала о нашей взаимной привязанности, и сначала.... вчера.... очень противилась ей; но сегодня, къ удивленію моему, совершенно перемѣнила свое мнѣніе.

— Неужели?... Ахъ, какъ я рада!... Такъ чего же ты плакала? Ты должна быть счастлива.

— Я плакала не о томъ. Я очень счастлива, и за мое счастіе, если оно когда-нибудь осуществится вполнѣ, многимъ, весьма многимъ, буду обязана тебѣ. Никогда не забуду я твоего благороднаго участія и ангельскаго сердца. Маменька теперь позволяетъ мнѣ надѣяться, однакожъ съ условіемъ, которое можетъ быть тягостнымъ, но котораго я сама не могу не признать благоразумнымъ.

— Что̀ же это за условіе?

— Маменька, вообще, очень строго судитъ о мужчинахъ....

— Ну, и я объ нихъ не высокаго мнѣнія! Ужасть, что это за народъ!... Между нами будь сказано, ни ты, ни я, никто изъ насъ, навѣрное не жалѣемъ, что не родились мужчинами, не получили ихъ сердца, грубаго, жестокаго, исполненнаго гордости, упрямства, эгоизма. По-мнѣ, быть мужчиною.... это, просто, порокъ! Кого изъ нихъ я ни любила, о комъ ни мечтала, всегда оказалось — дрянь!...

— Однакожъ, кромѣ одного?

— Да!... конечно!... Одинъ онъ, какъ кажется, составляетъ исключеніе.

— А маменька и для него не дѣлаетъ исключенія.

Анна разсказала ей по-секрету условіе, положенное матерью: это было вѣрнѣйшее средство,

чтобы другъ Софіи, которая во всякомъ случаѣ была болѣе предана ему чѣмъ своей кузинѣ, на слѣдующій же день узналъ, отъ чего зависитъ ихъ общая судьба. Анна чувствовала необходимость предупредить его объ этомъ: она не сомнѣвалась, что Валеріанъ всегда окажется достойнымъ ея сердца; но, не имѣя въ виду никакой надежды, онъ могъ бы стараться заглушить въ себѣ страсть, которая бы казалась ему безполезною. Кузины еще много говорили объ немъ, о замужствѣ Катеньки, и объ одномъ молодомъ человѣкѣ, князѣ Леонидѣ К***, который, какъ казалось Софіи, имѣетъ виды на нее. Софія находила его любезнымъ — не болѣе — но признавалась, что готова выйти за него и безъ любви, если онъ попроситъ ея руки.

— Какъ же это будетъ, безъ любви? съ удивленіемъ спросила Анна.

— Да такъ! отвѣчала Соня: я рѣшилась не влюбляться болѣе. Мужчины не стоютъ мукъ любви и еще менѣе тѣхъ жестокихъ страданій, которыя нужно вынести, когда приходится разлюблять ихъ. Буду любить мужа, если можно, если найду его достойнымъ; а нельзя мужа, такъ уже никого. Любовь ужасно ослѣпляетъ: всегда предполагаешь въ мужчинѣ во сто разъ болѣе, нежели какъ есть въ самомъ дѣлѣ. Не влюблена, такъ и не ослѣплена: видишь что̀ берешь.... и тутъ можешь еще впослѣдствіи найти нѣсколько болѣе видимаго. Явная выгода! Маменька тоже вышла безъ любви, и была удивительно счастлива: она нашла несравненно болѣе, нежели какъ видѣла

первоначально; нашла человѣка чрезвычайно умнаго, снисходительнаго, нѣжнаго, благороднаго, который посвятилъ всю жизнь свою тому, чтобы заслужить ея благодарность, преданность, любовь. Будь она влюблена, папенька, можетъ-быть, не употребилъ бы тѣхъ усилій къ снисканію ея привязанности, которыя обезпечили ея счастіе. Маменька, ты знаешь, никогда не была хороша собою: напротивъ; между-тѣмъ она вполнѣ управляетъ однимъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей во всемъ городѣ; ея удовольствіе, покой, удобство — для него законъ, и онъ только тогда совершенно счастливъ, когда видитъ ее совершенно счастливою. Ихъ счастіе разливается и на добрыхъ людей, связанныхъ съ ними узами дружбы и взаимнаго уваженія. Твой ненаглядный, напримѣръ, который тоже чрезвычайно уменъ и очень въ состояніи судить о людяхъ, часто говоритъ мнѣ, что одинъ видъ этой прекрасной жизни наполняетъ его чувствомъ тихаго и безстрастнаго блаженства, и что онъ ничего не желаетъ такъ пламенно какъ видѣть меня со-временемъ въ положеніи моей маменьки. Она мнѣ предоставила полную свободу выбора и не хочетъ давать совѣтовъ; говоритъ: «У тебя есть умный другъ, посовѣтуйся съ нимъ». Онъ, съ своей стороны, весьма одобряетъ моего новаго обожателя. Ему кажется, что я не должна пренебрегать этой партіи, и что, принявъ ее, вѣроятно не буду имѣть причинъ къ раскаянію. Этого довольно. Я послѣдую его совѣту. Если еще, притомъ, сохраню его дружбу и твою, то во всемъ мірѣ не будетъ женщины

счастливѣе меня, и безъ любви для перваго начала. Любовь мнѣ ужъ надоѣла!

— Я не ожидала отъ тебя такой философіи! сказала Анна, пораженная словами молодой кузины, которыя такъ совпадали съ разсужденіемъ ея опытной матери.

— То есть, ты почитала меня слишкомъ сентиментальною для такой прозаической развязки? возразила Софія.

— Немножко! отвѣчала она, улыбаясь.

— А крайности? сказала Софія, надѣвая шляпку передъ зеркаломъ. Наше дѣло — переходить изъ одной крайности въ другую. Въ этомъ жизнь. Какъ ты находишь мою новую шляпку?

— Чудесна!... Постой, я тебѣ поправлю твои ленты.... А моей новой ты еще не видала?

— Покажи, покажи!...

И онѣ пустились важно разсуждать о тряпкахъ, забывъ въ одно мгновеніе страсти, печаль, любовь, горе, счастіе и всѣхъ жениховъ вселенной.

Наконецъ Софія уѣхала.

Что̀ дѣлала Катенька, что̀ дѣлалъ маркизъ, во время любопытной драмы, происходившей въ сердцахъ матери и дочери?

Катенька, разумѣется, была въ восхищеніи. Подслушивая достопамятное объясненіе между маркизомъ и графиней Маріей, она не видала ни ихъ лицъ ни движеній, и когда маркизъ неожиданно назвалъ ее вмѣсто Анны, она, естественно, отнесла эту очаровательную перемѣну собственныхъ именъ къ дѣйствію своей послѣдней, патетической бесѣды съ несчастнымъ обожателемъ

сестры. Она едва не упала на колѣни за занавѣсомъ, въ благоговѣйномъ удивленіи его великодушію и возвышенному образу мыслей. Что̀ за человѣкъ! какая деликатность! какое благородство! какой великій характеръ!... Не давъ ей нисколько замѣтить глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго этою бесѣдою, онъ, силою могущественной воли, вдругъ заглушилъ въ себѣ страсть къ недостойной, оцѣнилъ все превосходство Катеньки, предпочелъ драгоцѣнныя качества ея нѣжной души и добраго сердца всѣмъ непрочнымъ прелестямъ красоты, и тогда какъ она, бѣдная дѣвушка, дѣйствовала въ пользу неблагодарной сестры, то есть, на зло ей, онъ, этотъ чудесный человѣкъ, показавъ видъ, будто идетъ немедленно исполнить ея дружескій совѣтъ, пошелъ и потребовалъ руки своего безкорыстнаго и преданнаго друга! Маркизъ С*** показался Катенькѣ величайшимъ изъ маркизовъ, не исключая изъ числа ихъ даже Брута-Стараго и Сципіона-Африканскаго.

И вотъ какъ образуются самыя противоположныя понятія объ одномъ и томъ же человѣкѣ! Вотъ отъ кикихъ странныхъ оптическихъ обмановъ зависятъ наши удивленіе и отвращеніе къ ближнему! Вотъ какъ самый ничтожный мужчина можетъ иной показаться украшеніемъ своего пола! Свѣтъ, просто, мышеловка: да еще какая!... Представьте себѣ только, какъ жестоко попался маркизъ! Въ одиннадцать часовъ утра, онъ сидѣлъ передъ своимъ тоалетнымъ столикомъ, съ бритвою въ рукѣ, и съ лицомъ, намазаннымъ пѣною

неаполитанскаго мыла, глядѣлся въ зеркало, и думалъ: — «Конечно, по красотѣ, мы не чета другъ другу.... Но зато она не влюблена въ меня. Это большая выгода для мужа съ такимъ прекраснымъ лицомъ, каково мое! (Онъ еще разъ намылилъ свое лицо). Катерина по-крайней-мѣрѣ не станетъ мучить меня своей ревностью: она дастъ мнѣ немножко простора, чувствуя сама огромную несоразмѣрность нашихъ наружностей: а съ моей красотою, когда захочу, всѣ прекрасныя женщины — мои!...» А ровно въ одиннадцать часовъ, Катенька.... вы знаете, что удивленіе — начало женской любви!... Катенька была уже влюблена въ нежданнаго жениха и, чистя свои толстые ногти, клялась выцарапать ими глаза несравненному, если онъ пріятно посмотритъ на другую женщину! — Прошу покорно жить на такомъ предательскомъ свѣтѣ!

Еще не вѣдая о своемъ новомъ бѣдствіи, маркизъ провелъ ночь ужасно, ни-чуть не лучше графини Маріи. Что̀ происходило ночью въ его умѣ?... Не могу знать. Я глупыхъ умовъ не историкъ. Сила въ томъ, что къ-утру онъ уже былъ спокоенъ и совершенно готовъ жениться на Катенькѣ — хоть сейчасъ! — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Можно однакожъ замѣтить мимоходомъ, что въ то самое время, какъ графиня Марія думала, не отказать ли ему, онъ, въ своей постели, размышлялъ, не обратить ли сдѣланнаго предложенія въ шутку; но одинаковая причина, мщеніе — великое удовольствіе слабыхъ — окончательно убѣдила обоихъ. Графиня Марія рѣшилась непремѣн-

но женить его на злой и гадкой дочери, въ наказаніе за непростительную глупость, на основаніи которой этотъ человѣкъ не умѣлъ ни оцѣнить, ни даже примѣтить ея прекрасной любви и смѣлъ предпочесть всѣмъ выгодамъ обладанія сердцемъ умной и опытной женщины «любовь какой-нибудь дѣвчонки» — слогъ умныхъ и опытныхъ женщинъ. Маркизъ рѣшился непремѣнно жениться на Катенькѣ, чтобы обезславить гордую красавицу и столкнуть ее въ пропасть униженія, изъ которой уже такъ легко провалиться самой въ бездны порока. Онъ очень хорошо зналъ, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ, въ обществѣ и въ городѣ, гдѣ уже за него выдавали Анну, будто-бы страстно влюбленную въ его особу, молва объ этой внезапной перемѣнѣ невѣстъ; въ какое быстрое движеніе придутъ змѣиные языки, раздразненные столь чуднымъ слухомъ; сколько яду будетъ извержено на невинность по поводу загадочнаго событія, носящаго на себѣ всѣ признаки соблазна. Онъ даже съ удовольствіемъ разсчитывалъ его послѣдствія для своего жестокаго врага. Первая мысль объ этомъ промелькнула въ его головѣ на театральной лѣстницѣ, когда онъ въ бѣшенствѣ сжалъ кулаки подъ плащемъ. Потомъ онъ поколебался: хотѣлъ-было насильно жениться на Аннѣ, полагаясь на положительное увѣреніе Катеньки, что сестра ея не окажетъ ни малѣйшаго сопротивленія рѣшенію матери. Потомъ мы видѣли, какими неизбѣжными судьбами былъ онъ доведенъ до своего отчаяннаго предложенія. Потомъ опять поколебался. Наконецъ храбро отважился: и честь,

и жажда мщенія, и гнусныя надежды озлобленной страсти, не дозволяли воротить конченнаго. Роль маркиза въ сплетняхъ, которыя грозили немедленно взвиться столбомъ въ воздухѣ, была очень проста. На всѣ нескромные вопросы истинныхъ и ложныхъ друзей онъ могъ отвѣчать разными полусловами, которыхъ общій выводъ представлялъ бы тотъ смыслъ, что ему никакъ нельзя было поступить иначе, желая поступить благородно — смыслъ удивительный, потому-что онъ вполнѣ выгораживаетъ виновнаго, обвиняетъ всѣхъ не обвиняя никого, и каждому позволяетъ толковать дѣло по точному благоусмотрѣнію своего личнаго остроумія. Постороннимъ легко было сказать, что будучи коротко знакомъ и друженъ съ семействомъ, онъ благоразумно избралъ ту изъ двухъ дочерей, которой качества души и сердца обѣщаютъ лучше обезпечить его домашнее счастіе. Этотъ второй намекъ, кромѣ своей невинности, представлялъ еще ту выгоду, что онъ былъ столько же убійственъ для характера красавицы, сколько первый могъ быть пагубенъ для ея чести. Человѣкъ, такъ хорошо обдумавшій свое затруднительное положеніе, имѣетъ полное право сѣсть бриться. Маркизъ такъ и сдѣлалъ. Я не стану мѣшать ему.

Но, чтобы не возвращаться поминутно къ этому человѣку, котораго я не люблю, долгомъ считаю доложить тутъ же, что, относительно къ сплетнямъ, послѣдствія сдѣланнаго въ пользу Катеньки предложенія превзошли всѣ разсчеты маркиза и всѣ опасенія графини Маріи. Не только Анна,

и она, но даже.... кто бы подумалъ!... даже и самъ графъ Андрей ничтожно погибъ въ этомъ достопамятномъ наводненіи соблазнительныхъ исторій, которому подобнаго не запомнятъ старожилы. Никогда еще изобрѣтательность человѣческаго ума не являлась въ такомъ лучезарномъ блескѣ, какъ по случаю вдругъ представшей ему необходимости объяснить странную женитьбу прекраснаго маркиза, которая состоялась черезъ два мѣсяца послѣ. Изъ полутораста тысячъ удивительныхъ исторій, много было «достовѣрныхъ», но «самою достовѣрною» наконецъ признана одна, та, которую съ такимъ искусствомъ разсказывалъ графъ Ф***, старый разсказчикъ анекдотовъ. Это былъ его chef-d'oeuvre. Я не умѣю такъ разсказывать.

Анна, какъ извѣстно, влюблена теперь въ маркиза — такъ почти, но гораздо лучше, говорилъ разсказчикъ въ дружескихъ кругахъ, когда не было дѣвицъ. Но она неудачно избрала время: влюбилась наконецъ тогда, какъ онъ, примѣтивъ ея неусыпное кокетство съ молодыми людьми и разныя непохвальныя обстоятельства въ ея поведеніи, разлюбилъ глупую и вѣтренную красавицу и перевелъ страсть свою на мать, женщину умную и еще вполнѣ обворожительную, хотя, сказать между нами, ей уже давно не тридцать пять лѣтъ. Графиня Марія, какъ извѣстно, пламенно любила прекраснаго льва съ перваго знакомства, но она великодушно уступала его своей дочери, покуда видѣла, что дочь ему нравится; теперь обстоятельства измѣнились: она могла взять его себѣ, не нарушая материнскаго долга, и взяла. Нѣсколь-

ко времени наслаждались они самымъ очаровательнымъ счастіемъ. Графъ Андрей, какъ извѣстно, человѣкъ весьма недальняго ума, не подозрѣвалъ ничего: онъ полагалъ, будто его задушевный другъ все-еще имѣетъ виды на Анну. Но Анна вскорѣ примѣтила похищеніе, и, по этому случаю, между матерью и дочерью вышла страшная сцена въ тотъ самый день, когда она была такъ блѣдна и такъ разстроена въ театрѣ. Эта злая и мстительная дѣвушка, дурная дочь, дурная сестра, нашла даже средство возбудить подозрѣнія въ отцѣ, который, какъ извѣстно, чрезвычайно щекотливъ на эти вещи, ревнивецъ первой руки, тиранъ хуже Синей-Бороды, хоть и очень вольнодумный мужъ въ то самое время. Невозможно вообразить, сколько эта несчастная женщина терпитъ отъ его ужаснаго характера. И какъ примѣрно переноситъ она все это! При чужихъ, всегда мила, весела, кротка, привѣтлива. Никогда ни малѣйшаго упрека! Никто еще не видалъ въ ея лицѣ досады, не слышалъ отъ нея ни одного слова жалобы въ минуты самыхъ сильныхъ огорченій. Свѣтъ никогда не умѣетъ оцѣнить истинной добродѣтели: сколько на бѣдную графиню Марію взведено было клеветъ, сколько выдумано небылицъ, между-тѣмъ какъ она изнемогала подъ игомъ домашняго угнетенія!... Не извинительно ли, что эта рѣдкая женщина, настоящая страдалица, искала наконецъ себѣ утѣшенія въ любви съ человѣкомъ умнымъ и благороднымъ?... (Въ этомъ мѣстѣ исторіи, всѣ тридцати-пяти-лѣтнія женщины, прежде называвшія ее наглою кокеткою, подносили свои прелест-

но вышитые платки къ глазамъ, во-первыхъ, чтобы показать платки, во-вторыхъ, чтобы утереть слезы). Но злость дочери не допустила ей долго упиваться блаженствомъ, быть-можетъ единственнымъ въ ея жизни: графъ Андрей рѣшился поймать жену на самомъ блаженствѣ, чтобы оправдать свои прежнія гоненія и имѣть причину къ новымъ преслѣдованіямъ. Поймать было трудно. Любовники принимали весьма искусныя мѣры: графиня Марія, неусыпно наблюдаемая ревнивымъ мужемъ, могла безопасно видѣться съ маркизомъ только въ своемъ домѣ, гдѣ всѣ слуги — шпіоны графа Андрея. Эти люди находили для себя двойную выгоду благопріятствовать госпожѣ и обманывать господина; притомъ, они ей преданы безусловно, и ненавидятъ своего капризнаго и скупаго барина. Въ самыя рѣшительныя минуты его подозрѣній они всегда вводили его въ просакъ. Графъ Андрей не сталъ имъ вѣрить и самъ принялся за дѣло. Въ день знаменитаго событія, онъ сказалъ женѣ, будто отозванъ куда-то на важную игру.... графъ Андрей, какъ извѣстно, иногда любитъ шибко поиграть въ карты!... и что вѣроятно не возвратится до четырехъ или пяти часовъ утра. Любовники поспѣшили воспользоваться отсутствіемъ аргуса: они такъ рѣдко находили удобные случаи!... Маркизъ прямо изъ театра отправился къ графинѣ. Молодой Т*** самъ слышалъ, какъ она, на театральной лѣстницѣ, сказала ему тихо, дрожащимъ голосомъ: «Я жду васъ къ чаю!» Но ревнивецъ не поѣхалъ играть въ карты. Пока жена была въ театрѣ и слуги одни

спали, другіе разошлись по своимъ комнатамъ, онъ устроилъ дома злодѣйскую засаду. Вышедши черезъ главный подъѣздъ къ своему экипажу, онъ воротился пѣшкомъ, черезъ заднiй дворъ и въ кухню, по черной лѣстницѣ; взялъ у повара сито и нѣсколько муки, и тонко усѣялъ ею полъ какого-то корридора, которымъ, при нападенiи на будоаръ съ главной стороны, черезъ гостиныя, непрiятель могъ, по первому знаку предательницъ-горничныхъ, безопасно ускользнуть черезъ спальню жены. Сдѣлавъ это, онъ, черезъ кухню и заднiй дворъ, отправился обратно къ своему экипажу, оставленному въ отдаленной улицѣ, и уѣхалъ въ городъ. Въ разсчитанное время, о полуночи, графъ Андрей вдругъ появился въ домѣ, безъ удару въ колокольчикъ, и безъ экипажа, чтобы не дѣлать шуму у подъѣзда: говорятъ, будто онъ прошелъ черезъ подвалъ, который приказалъ дворнику оставить незапертымъ. Пылая местью, идетъ онъ прямо въ свой кабинетъ, находящiйся, какъ извѣстно, въ нижнемъ этажѣ; схватываетъ пару заряженныхъ пистолетовъ и шпагу, взбѣгаетъ по парадной лѣстницѣ, на которой лампы уже были потушены, и, черезъ рядъ темныхъ комнатъ, тихо подходитъ къ будоару, взводя курки дрожащими руками и со злобною радостью готовясь умертвить на-мѣстѣ невѣрную жену и коварнаго друга, измѣнницу и ея обольстителя.... (Я не умѣю разсказывать такъ живописно; но когда графъ Ф*** разсказывалъ эту исторiю, то у его тридцати-пяти-лѣтнихъ слушательницъ въ этомъ мѣстѣ сердце замирало отъ страху: онѣ трепета-

ли; онѣ уже видѣли, какъ этотъ тигръ, графъ Андрей, купается въ крови несчастныхъ жертвъ своихъ). Но, къ счастію несчастныхъ жертвъ, тигръ самъ невольно подалъ имъ изъ гостиной вѣсть о своемъ приближеніи, уронивъ со стукомъ одинъ изъ пистолетовъ на полъ. Въ одно мгновеніе ока свѣтъ погасъ въ будуарѣ и, когда графъ Андрей, отъискавъ пистолетъ, ощупью прибылъ туда со всѣми орудіями мщенія, тамъ уже никого не было. Пока онъ сходилъ въ свою комнату за свѣчою, графиня Марія успѣла раздѣться и лечь въ постель. При появленіи его съ огнемъ въ спальнѣ, жена уже представляла видъ спящей и проснулась, съ отличнымъ испугомъ, отъ шуму и свѣту, которые онъ принесъ съ собою. Можно себѣ представить фигуру графа Андрея, съ пистолетомъ подъ мышкою, съ пистолетомъ за пазухой, со свѣчой въ одной рукѣ, со шпагой въ другой, съ блѣднымъ лицомъ, сверкающими глазами, парикомъ, вставшимъ на дыбы, и ртомъ, разинутымъ отъ великаго изумленія, что жена спитъ спокойно въ безлюдной пустынѣ супружескаго ложа, тогда какъ онъ зналъ навѣрное, что маркизъ въ домѣ! Жена расхохоталась. Это однакожъ не помѣшало ревнивцу отправиться прямо въ корридоръ, усыпанный мукою. О удивленіе!... никакихъ слѣдовъ изъ спальни!... Но слѣдовъ не было оттого, что маркизъ по ошибкѣ попалъ въ другой проходъ, ведущій къ комнатамъ горничныхъ; долго блуждалъ въ этой узкой тѣснинѣ, не находя выхода; наконецъ, черезъ какую-то пустую комнату, вышелъ уже въ другомъ концѣ неизбѣжнаго мучнаго кор-

ридора, не зная самъ, гдѣ находится. Ему казалось, будто теперь слѣдуетъ взять влѣво, чтобы пробраться на малую лѣстницу, и онъ пошелъ въ этомъ направленіи, которое по-несчастію было противоположное настоящему. Когда графъ Андрей показался со свѣчою въ дверяхъ корридора со стороны спальни графини, маркизъ съ другаго конца шелъ прямо въ спальню, на встрѣчу грозному врагу. При видѣ этого страшнаго вооруженія, злополучный другъ обоихъ супруговъ окаменѣлъ на-мѣстѣ. Смерть, неизбѣжная смерть, ожидала его черезъ двѣ минуты!... Дверь какой-то боковой комнаты была возлѣ него: онъ отворилъ ее и скрылся туда. То была комната Катеньки!... Она читала книгу въ постели. «Не шевелитесь!... молчите!... спасите меня!... спасите вашу благородную и невинную мать!» съ отчаяніемъ сказалъ онъ испуганной дѣвушкѣ: «она и я погибнемъ, если вы не примете на себя всей вины за мое здѣсь присутствіе!» Одной секунды достаточно было чудесному уму и ангельскому сердцу этой удивительной дѣвушки, чтобы понять въ чемъ дѣло, и рѣшиться на пожертвованіе собою. Графъ Андрей въ это время проходилъ мимо ея комнаты, продолжая свои разъисканія до самаго конца корридора: онъ примѣтилъ слѣды мужскихъ ногъ, сталъ разсматривать со вниманіемъ и убѣдился, что они направлены извнѣ и оканчиваются у задняго выхода трехъ отдѣльныхъ комнатъ, занимаемыхъ Катенькою и ея гувернанткою. Графъ Андрей съ шумомъ вторгается въ эту комнату. Маркизъ сидитъ подлѣ Катеньки и нѣжно цѣлуетъ ея руку.—

«Что̀ вы здѣсь дѣлаете?» заревѣлъ тигръ въ бѣшенствѣ. — Я пришелъ къ вамъ, мой безцѣнный другъ, просить этой обожаемой руки, спокойно отвѣчалъ маркизъ, и, бросаясь на колѣни, прибавилъ, трагическимъ тономъ: — Благословите, о великодушнѣйшій изъ людей, нашу чистую любовь и наши надежды.... и прочая. Графъ Андрей расплакался, бросилъ на полъ шпагу, пистолеты и подсвѣчникъ, и утвердилъ дѣло своимъ благословеніемъ.

— Какой прекрасный характеръ, эта скромная Катенька! восклицали слушательницы. Какая благородная душа!... Мать и сестра ее угнетали, а она, при первомъ словѣ, принесла себя въ жертву за нихъ!

Заплативъ должную дань удивленія Катенькѣ, онѣ разбирали положеніе прекраснаго маркиза, и, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, всегда оказывалось, что, конецъ концовъ, жертва здѣсь, не Катенька, а маркизъ. Какъ горячо сожалѣли онѣ объ его участи!... Онъ принужденъ безвинно жениться на такомъ уродѣ!... Въ пылу душевнаго состраданія, всѣ тридцати-пяти-лѣтнія женщины, сердца вообще нѣжныя и благотворительныя, хотѣли сдѣлать въ его пользу подписку: каждая должна была пожертвовать десятью процентами своихъ лишнихъ прелестей, чтобы какънибудь украсить Катеньку для усладденія горькой жизни этому бѣдному человѣку. Но подписка не состоялась — по трудному тридцать-пятому году — и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ: многія разсудили въ душѣ, что если ужъ

жертвовать своими прелестями, такъ лучше подождать немножко и пожертвовать прямо маркизу: это — вѣрнѣе.

Наконецъ приступили къ разбору всѣхъ подробностей происшествія.

— Какія глупости! говорила вполголоса графиня Ф***, урожденная старая княжна Лоло, вдругъ вставая съ мѣста съ одною или двумя изъ своихъ умнѣйшихъ пріятельницъ. Я не хочу ихъ и слушать! Не постигаю, кому охота выдумывать такія смѣшныя исторіи!... Мнѣ очень жаль, что мой мужъ ихъ повторяетъ, повѣривъ словамъ мадамъ П***, своей старинной пріятельницы, которая будто-бы знаетъ все черезъ свою тетку. Говорятъ, будто ея старая тетка узнала всѣ эти подробности отъ мамзель Пику, Катенькиной гувернантки, прогнанной графомъ Андреемъ по этому случаю. Я не вѣрю!... Можетъ-быть, нѣкоторыя обстоятельства и справедливы, но, вообще, вся исторія очень похожа на одинъ изъ тѣхъ подложныхъ анекдотовъ, которые обыкновенно разсказываются за истинные послѣ подобныхъ семейныхъ приключеній. По мнѣ, дѣло гораздо проще: этотъ бракъ, я увѣрена, устроенъ самой Анною!... Она, конечно, очень любитъ маркиза; но ей хочется еще пококетничать съ молодыми мужчинами, и притомъ она боится итальянской ревности своего прекраснаго обожателя. Маркизъ, съ своей стороны, какъ умный человѣкъ, не можетъ не видѣть, что она — страшная кокетка и дѣвушка очень вольныхъ правилъ, подобно своей матери. Ему тоже страшно связываться бракомъ

съ нею. Такъ зачѣмъ и жениться, при такихъ обстоятельствахъ съ обѣихъ сторонъ!... Не ближе ли выдать за него свою гадкую сестру?... Родство прикроетъ фамиліарность, сестра будетъ замужемъ, а они, двѣ нѣжныя души, которыя такъ хорошо умѣютъ оцѣнить другъ друга, могутъ, безъ тяжелыхъ цѣпей слишкомъ опаснаго для себя брака, быть навсегда связаны трогательной симпатіей. Не правда ли?... Какъ вы объ этомъ думаете?... Я.... готова поклясться, что это вещь обдуманная и условленная между ними!

Умнѣйшія изъ пріятельницъ графини Ф***, урожденной княжны Лоло, были совершенно согласны съ ея остроумнымъ и глубокомысленнымъ замѣчаніемъ и усвоили себѣ ея мнѣніе.

Это только одна изъ полутораста тысячъ исторій. Я прошу извиненія у всякаго, кому она могла показаться немножко длинною; но она была необходима, чтобы показать, какъ люди унизили, посрамили и растерзали чистую и благородную Анну за ея превосходство передъ посредственностью; какой убійственный ядъ безпрерывно изливаетъ общество, это вѣче злости, на жизнь несчастныхъ женщинъ, одаренныхъ красотою; и какъ жестоко себя и васъ обманываютъ неосторожные сочинители, выводя подобныхъ женщинъ на сцену единственно для того, чтобы разсказывать вамъ напыщенно-пошлую повѣсть объ ихъ первой и послѣдней страсти, ихъ любовныхъ восторгахъ, сердечныхъ страданіяхъ и неизбѣжномъ блаженствѣ въ объятіяхъ прекрасныхъ, страстныхъ и ничтожныхъ юношей, превращенныхъ въ заклю-

ченіе въ самые обыкновенные мужья. Какъ-будто для такихъ женщинъ, обреченныхъ жертвъ общества, внѣ слезъ любви, внѣ мученій страсти, никакихъ другихъ слезъ и мученій не изготовлено судьбою! Какъ-будто онѣ живутъ въ пустынѣ, а не есть натуральные центры, вокругъ которыхъ кипятъ всѣ людскія жажды, всѣ вожделѣнія, всѣ гнусныя и хорошія страсти! Какъ-будто жизнь ихъ, чудная смѣсь великихъ бѣдствій и великихъ наслажденій, не составляетъ, наравнѣ съ жизнію геніальныхъ мужчинъ, одного изъ любопытнѣйшихъ явленій нравственнаго и общественнаго міра!

Послѣ этой исторіи, не трудно будетъ понять, даже и самымъ неопытнымъ въ жизни, какъ создались всѣ прочіе мерзкіе анекдоты, которыми злословіе убило доброе имя и отравило всѣ наслажденія Анны. Несчастная дѣвушка, безпрестанно поражаемая новыми кинжалами, изнемогла подъ бременемъ душевныхъ страданій. Всю ея отраду составляла безконечная нѣжная мысль о Валеріанѣ. Любовь ея усиливалась при каждомъ внезапномъ ужаленіи сердца людскою злостью и при каждомъ новомъ успѣхѣ милаго. Поджигаемая съ одной стороны жестокими огорченіями, съ другой постояннымъ дѣйствіемъ на воображеніе, любовь дошла наконецъ до восторженности. Эта степень страсти сопряжена съ большими муками сердца. Для Анны она была вдвойнѣ тягостна, несмотря на всѣ очарованія надежды, указанной матерью въ отдаленности. Слава Валеріана увеличивалась: все, что̀ было съ теплымъ

сердцемъ, и душою, способною къ возвышеннымъ наслажденіямъ, восхищалось его геніемъ, кричало, шумѣло. Эти похвалы, невольно повторяемыя даже людьми каменными, наполняли душу ея самымъ роскошнымъ упоеніемъ и воспламеняли всѣ капли крови въ сердцѣ, гордомъ своей любовью къ такому человѣку. Но сама Анна видѣла необходимость тщательно скрывать отъ людей свои чувства: она знала, что ей позволяютъ наслаждаться, только пока не знаютъ, что это составляетъ для нея наслажденіе, и что, съ минуты открытія драгоцѣнной тайны, всѣ силы злословія устремятся на этотъ новый пунктъ дѣйствія. Похвалы умолкнутъ. Прольются потоки клеветы. Новыя исторіи будутъ выдуманы — объ немъ для ней и для матери — объ нихъ для него — и самая даже надежда на счастіе навсегда погибнетъ. Необходимо было оградить дозволенныя свиданія и бесѣды съ Валеріаномъ чрезвычайною осторожностью и придать имъ видъ простыхъ случайностей, встрѣчающихся только изрѣдка.

Къ этой пыткѣ должно присовокупить другую, заключавшуюся въ обѣщаніи, данномъ матери. Обрадованная ея снисходительностью, Анна, въ первое время, не разочла всей жестокости условія, дозволяющаго любить другъ друга, но вовсе не говорить между собою о любви. Спустя нѣсколько времени, это условіе сдѣлалось для нея стѣснительнѣе тяжелыхъ цѣпей преступника. Не столько мучился жаждущій Танталъ, когда вода вѣчно уходила отъ изсохшихъ губъ его, лишь-только онъ къ ней наклонялся. Не столько изну-

рительно взбираться изо всей силы на утесъ и всегда оставаться въ одной точкѣ. За каждое слово милаго, которымъ бы онъ удостовѣрилъ ее въ безконечной неизмѣнности своего чувства и укрѣпилъ надежду на будущее счастіе, она заплатила бы годами своей остальной жизни. Но Валеріанъ, уже предваренный Софіею о сущности обѣщанія взятаго матерью, почиталъ долгомъ своей чести не употреблять во зло довѣрія къ себѣ графини Маріи. Обращаясь съ Анною какъ съ любимымъ и уважаемымъ другомъ, и доказывая ей свою безпредѣльную привязанность явнымъ желаніемъ заслужить въ каждомъ поступкѣ ея одобреніе, тонкимъ предугадываніемъ малѣйшихъ ея желаній и совершенною покорностью ея волѣ, онъ былъ, и съ нею, и даже съ Софіей, крайне остороженъ во всѣхъ выраженіяхъ, касающихся настоящаго и будущаго. Бѣдная дѣвушка жила въ самой мучительной неизвѣстности насчетъ его намѣреній, которыхъ она не имѣла никакого средства проникнуть. Графиня Марія была всегда необыкновенно любезна съ Валеріаномъ, и у себя дома, и вездѣ, гдѣ только съ нимъ встрѣчалась. Но въ то же время она умѣла съ удивительною ловкостью помѣшать почти каждому удобному свиданію его съ Анною, нисколько не давая имъ замѣтить этого. Она охотно разсуждала съ дочерью о Валеріанѣ, освѣдомлялась объ успѣхахъ ихъ чувствъ: ее съ участіемъ разспрашивала о чемъ они въ послѣднее время говорили между собою, его упрекала за слишкомъ рѣдкія посѣщенія своего дома въ такіе часы, когда бы она сама

и ея семейство могли вполнѣ насладиться прелестью его общества и заслужить его дружбу. Но всякій разъ какъ, по ея разсчету, молодые люди навѣрное надѣялись улучить случай къ свободной и продолжительной бесѣдѣ, обстоятельства, управляемыя умомъ графини Маріи, стекались такъ естественно, что ожидаемое блаженство становилось невозможнымъ и что даже некого было обвинить за его разрушеніе. Надлежало захватить обстоятельства врасплохъ, чтобы они, въ замѣшательствѣ, и изъ уваженія къ приличію, согласились на обоюдное удовольствіе молодыхъ людей въ родительскомъ домѣ.

Гораздо чаще, и безопаснѣе отъ злословія, могли они видѣться у мадамъ Б***, то есть, у Софіи, которая и въ отсутствіе матери принимала у себя Валеріана какъ общаго друга, и какъ своего роднаго брата. Хлопоты Катенькиной свадьбы сначала отвлекли-было вниманіе графини Маріи. Анна въ это время часто навѣщала Софію и проводила иногда цѣлые дни у своей доброй и благородной тетки, которую она съ каждымъ днемъ обожала болѣе и болѣе. Невозможно было, однакожъ, употреблять во зло этого удобства: добродушная Софія всѣми силами благопріятствовала неожиданнымъ встрѣчамъ и отдѣльнымъ бесѣдамъ своей кузины и своего друга; но она могла этимъ навлечь на себя неудовольствіе своихъ родителей, которые не жаловали графини Маріи и положили у себя правиломъ не вмѣшиваться въ ея крутыя дѣла. Анна просила Софію предупредить мать свою о сущности и цѣ-

ли этихъ неожиданныхъ встрѣчъ, и сама рѣшилась ей открыться. Сестра графа Андрея, женщина рѣдкая по уму и качествамъ сердца, счастливая въ супружествѣ и, слѣдовательно, умѣвшая сочувствовать молодымъ сердцамъ въ ихъ мечтахъ о счастіи, душевно любила Анну, которая съ своей стороны знала черезъ Софію, что мадамъ Б*** тайно принимаетъ живѣйшее участіе въ положеніи и судьбѣ своей прекрасной племянницы. При первомъ удобномъ случаѣ — это было наканунѣ свадьбы Катеньки, когда Анна уже предвидѣла скорый конецъ своей временной свободѣ — она со слезами на глазахъ разсказала тетушкѣ о своей страстной любви, своихъ мученіяхъ, о жестокомъ испытаніи, предписанномъ условіемъ матери, о надеждахъ и опасеніяхъ сердца, и просила ея содѣйствія: одно оно могло вывести бѣдную страдалицу изъ этого тягостнаго состоянія и осуществить пламенную мечту ея, безъ чего жизнь, среди этого позора, была бы для нея только чашею горечи и яду. Она зарыдала. Тетка приняла это трогательное признаніе со всею теплотою чувствъ нѣжной матери и обѣщала свою помощь.

Мадамъ Б***, дѣйствительно, объяснилась съ Валеріаномъ. Дружески упрекнувъ его за недостатокъ довѣрія къ себѣ въ дѣлѣ, столь близкомъ ея сердцу, когда рѣчь идетъ объ общемъ счастіи его и ея племянницы, она просила, или, скорѣе, приказала откровенно высказать свои чувства и мысли. Валеріанъ, покраснѣвъ и смутившись, признался, что онъ любитъ Анну до безу-

мія; что эта любовь поглотила все его существованіе; что она причиняетъ ему ужасныя страданія, которыя навѣрное окончатся неиначе какъ его смертью; что если въ немъ есть какое-нибудь желаніе, кромѣ постояннаго усилія снискивать привязанность и уваженіе достойныхъ друзей своихъ, такъ это — желаніе, пламенное, непреложное, посвятить всю жизнь свою составленію счастія этой чудесной женщины; но что онъ имѣлъ весьма уважительную причину не тревожить дружбы и добраго сердца мадамъ Б*** разговоромъ объ этомъ печальномъ предметѣ. Мадамъ Б*** непремѣнно хотѣла знать эту уважительную причину. Валеріанъ сопротивлялся. Она настаивала.

— Ну, такъ выслушайте меня, наконецъ сказалъ онъ. Я не говорилъ, потому-что эту страсть, которой по-несчастью не умѣю противиться, я почитаю совершенно безполезною. Прежде я зналъ положительно, что графиня Марія мѣтила гораздо выше меня. Теперь я увѣренъ, что она обманываетъ дочь свою. Я знаю весьма немного: мнѣ извѣстно только то, чтò нашъ ангелъ, Софія, изъ участія къ моимъ страданіямъ, сообщила мнѣ изъ своихъ разговоровъ съ Анною; но то, чтò знаю, во всѣхъ отношеніяхъ похоже на мистификацію. Чтò значитъ это условіе, которое графиня Марія положила нашему счастію?... Любить и ничего не говорить! Это можетъ быть хорошо для начала. Но когда же будетъ конецъ этому началу? когда начало конца?... Очевидно, никогда! Если графиня Марія хочетъ лучше узнать меня, она

могла бы достигнуть этой цѣли, не теряя столько драгоцѣннаго времени. Нѣтъ ничего проще и легче въ природѣ какъ узнать меня, мое ничтожное существо и все, что̀ до него касается: сто́итъ только спросить у сестры своего мужа, у родной тетки своей дочери, у васъ, да еще коео-чемъ освѣдомиться у вашего супруга, котораго уму, знанію людей и совѣстливости, кажется, можно повѣрить. Нравственность, характеръ, привычки и домашнія обстоятельства того, кто гордится именемъ лучшаго друга сестры графа Андрея и его зятя, не могутъ быть тайною для графини Маріи даже на однѣ сутки. Если, напротивъ, она желаетъ только удостовѣриться, какъ велика моя любовь и можно ли на нее полагаться, то, въ-отношеніи ко мнѣ, я нахожу это желаніе совершенно излишнею роскошью любопытства со стороны графини Маріи, когда она вовсе не испытывала такого же любопытства въ-отношеніи къ другимъ женихамъ: графиня Марія, какъ вамъ извѣстно, не-разъ готова была выдать дочь свою за людей, никогда не видавшихъ Анны, и обожаетъ браки по приличіямъ. Откуда вдругъ такое уваженіе къ чувствамъ сердца, такой почетъ счастію, исключительно на нихъ основанному?... Согласитесь, что это болѣе чѣмъ подозрительно. Если, наконецъ, затрудненіе состоитъ, не въ нашей любви, и не въ счастіи Анны, а собственно въ томъ, могу ли я, на случай прекращенія любви и счастія, быть для дочери графини Маріи предметомъ брака по приличіямъ, тогда это — дѣло другое! Не мнѣ рѣшать подобный вопросъ. Мое самолю-

біе не можетъ, и не должно, быть его судьею. Но скажите мнѣ, однакожъ.... это вопросъ простаго любопытства!... еслибы я, въ свое время, имѣлъ счастіе, о которомъ теперь горько сожалѣю.... счастіе такъ же хорошо оцѣнить рѣдкія качества души и сердца вашей очаровательной дочери, какъ теперь ихъ знаю, и просилъ у васъ ея руки.... говорите откровенно!... согласились ли бы вы назвать меня своимъ сыномъ?

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться? сказала мадамъ Б***, протягивая руку къ своему молодому другу.

— Благодарю!... отвѣчалъ Валеріанъ, съ чувствомъ пожавъ эту руку: никогда не забуду вашего благороднаго отвѣта!... Ахъ!... вы еще увеличили имъ мое сожалѣніе.... могу сказать, мое отчаяніе!... Но, послѣ этого, дѣло графини Маріи рѣшается само собою: женихъ, приличный для племянницы графа Андрея, приличенъ, очень приличенъ, и для его дочери. Смѣю думать, что это ясно. Однимъ словомъ, пожалѣйте обо мнѣ!... пожалѣйте объ этой удивительной дѣвушкѣ!... жестокая мать играетъ нашими страданіями. Она вовсе не намѣрена выдать Анну за меня: я это вижу! Спросите у Софіи: я слышалъ, что, открывъ какимъ-то непонятнымъ образомъ нашу взаимную привязанность, графиня Марія оказала къ ней глубочайшее презрѣніе. Потомъ она вдругъ измѣнила свое мнѣніе: какъ? для чего? по какому поводу?... ничего не знаю! Но, видно, такъ нужно. По-несчастію, я не могу объясниться съ Анною: рѣчь о любви запрещена намъ подъ смертною

казнью; а она, бѣдная дѣвушка, при всей своей проницательности, не видитъ лицемѣрства матери; можетъ-быть, не хочетъ видѣть его, со страху, съ отчаянія. Посудите же теперь о нашемъ положеніи! Выносимо ли оно?

Мадамъ Б*** грустно задумалась.

— Что̀ же вы намѣрены дѣлать? спросила она.

— Самъ не знаю!... быть-можетъ, съ ума сойду! сказалъ онъ, схватываясь за лобъ, съ судорожнымъ движеніемъ глубокой душевной боли. Я давно бы уѣхалъ отсюда на край свѣта, пропалъ бы безъ-вѣсти, зарылъ бы свое горе въ пескахъ Аравійской Пустыни, еслибъ не опасался разорвать этимъ сердца несчастной Анны.... неузнанной, оклеветанной, преслѣдуемой завистливою женскою посредственностью и развратнымъ мужскимъ тщеславіемъ. Несчастіе — что, при всей своей душевной силѣ, мужчина такъ слабъ подлѣ безсильной женщины!... и даже, чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ слабѣе!... Я чувствую, что она безпредѣльно властвуетъ надо мною; что я прикованъ тысячью крѣпкихъ цѣпей къ ея слабой волѣ, къ ея нѣжнымъ желаніямъ; что причинить ей малѣйшее страданіе употребленіемъ моей воли, твердости или силы, было бы для самого меня постыднѣе чѣмъ явиться бездушнымъ трусомъ передъ мужчиною; что ея восхищеніе — жизнь моя, ея восторгъ—лучшее мое отличіе, и всякое мной, моимъ трудомъ, моей силой, доставленное ей удовольствіе — мое верховное счастіе; что нѣтъ на землѣ живѣйшаго наслажденія, высшаго блажен-

ства, какъ съ благоговѣніемъ созерцать и охранять этотъ храмъ всего прекраснаго, всего чистаго, непорочнаго, возвышеннаго и сладкаго въ человѣческой природѣ, всего, что̀ не могло войти въ мой грубый составъ, и что̀ Провидѣніе, для полноты и прелести жизни, занявъ у высшихъ существъ, помѣстило здѣсь, въ ней, въ этомъ чудесномъ твореніи; что оно кличетъ меня сердцемъ къ себѣ и желаетъ, чтобы я взялъ его подъ свою защиту противъ опасностей страстей и тлѣтворнаго прикосновенія порока; что мое сердце изсохнетъ, моя душа помрачится, мои силы завянутъ, если она не освѣжитъ этого сердца своей нѣжностью, не прояснитъ этой души свѣтомъ своего взгляда, не будетъ возбуждать этихъ силъ къ дѣятельности, къ могуществу, къ славѣ своимъ одобреніемъ.... Я не могу разстаться съ нею!

— Я васъ люблю болѣе, чѣмъ когда-нибудь! сказала мадамъ Б***. Люблю, когда мужчина такъ говоритъ о своей любви! Вотъ истинная мужская любовь! Вотъ любовь настоящаго мужчины, любовь сильнаго и великаго существа!... Признаюсь, когда глаза ваши заблистали; когда вы стали одушевляться при описаніи своего чувства, я боялась, что вы непремѣнно примѣшаете сюда «безумные порывы страсти», «пожары чувствъ», «бурныя желанія», «вихри восторговъ», «ады» да «волканы» въ груди, и прочія глупости, о которыхъ вы, господа мужчины, благоволите разсказывать намъ въ стихахъ и прозѣ, когда желаете изобразить силу своей любви, или свою грязную

чувственность выдать за «*истинную* любовь». Я рада видѣть, что вы чувствуете именно такъ, какъ долженъ чувствовать мужчина, который знаетъ свое мужское дѣло и уважаетъ въ предметѣ своего обожанія себя и самый предметъ. Будучи женщиною душой и тѣломъ, и гордясь этимъ, я вполнѣ постигаю, какъ счастлива была бы моя племянница съ такимъ какъ вы человѣкомъ и съ такой любовью въ его сердцѣ. Я готова употребить всѣ мои силы, чтобы привесть въ дѣйствіе ваше общее счастіе. Только, право, не знаю, какъ это сдѣлать!

— Помогите, если можете!

— Когда вы меня просите объ этомъ, то я имѣю право говорить отъ вашего имени и присовокупить къ этому мои совѣты. Но если ваши замѣчанія основательны, то все будетъ безполезно. Моя невѣстка — чрезвычайно умная и пріятная женщина: я отдаю полную справедливость многимъ ея качествамъ; но, по-несчастію, она во зло употребляетъ свой страшный умъ, употребляя его всюду, и, притомъ, тысяча мелкихъ разсчетовъ и искусственныхъ страстей заглушаютъ въ ней голосъ сердца и инстинктъ женщины. Ей нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ: каждое дѣло имѣетъ у ней два конца.

— Но къ вамъ она, какъ кажется, питаетъ особенное уваженіе.

— Потому-что принуждена, что такъ надобно по многимъ причинамъ: между прочимъ она боится и моего вліянія на своего мужа, который очень любитъ меня и нѣкогда имѣлъ ко мнѣ большое

довѣріе. Но на моего брата нельзя полагаться: онъ слабъ и на все смотритъ глазами жены. Я поговорю съ Анною: она должна разсказать мнѣ откровенно все, что̀ знаетъ, и мы увидимъ, что̀ можно будетъ сдѣлать. Въ крайнемъ случаѣ я буду совѣтовать вамъ просить моего мужа, котораго я, разумѣется, предварю обо всемъ: онъ не откажетъ ни вамъ ни мнѣ въ своемъ содѣйствіи; авторитетъ его былъ великъ, но, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ какъ графиня Марія вдругъ увидѣла въ необыкновенной красотѣ Анны могущественное средство къ поправленію дѣлъ своего честолюбія, мой мужъ, кажется, значительно упалъ въ ея мнѣніи.

— Благодарю васъ отъ всей души за ваше доброе и теплое участіе, сказалъ Валеріанъ, грустно вздыхая.

— Не печальтесь, мой другъ, примолвила мадамъ Б***. Если я не помогу, то должна по-крайней-мѣрѣ утѣшить васъ обоихъ. Но позвольте мнѣ замѣтить одно: я нахожу, что вы слишкомъ снисходительны къ прихотямъ своей предполагаемой тещи, и придаете излишнюю важность предписаннному ею условію, не говорить въ любви о любви. Кто же сдерживаетъ такія условія?... Зачѣмъ вы сами не объяснитесь съ Анною о томъ, что̀ касается до васъ обоихъ? Можетъ-быть, вы мучите себя напрасными подозрѣніями!

— Я считаю себя обязаннымъ, отвѣчалъ Валеріанъ, въ точности исполнить желаніе ея матери, потому-что, по моему убѣжденію, она только обманываетъ ее ложною надеждою.

— Однакожъ, возразила мадамъ Б***, когда она позволила дочери любить, то уже тѣмъ самымъ отказалась отъ права распоряжаться ея рукою вопреки ея сердцу.

— Да развѣ могла она запретить ей любить? воскликнулъ Валеріанъ.

— И то правда! примолвила мадамъ Б***. Запрещеніе только поселило бы въ дочери осторожность и недовѣрчивость, а графиня Марія, какъ кажется, теперь чувствуетъ большую нужду сблизиться съ нею. Послѣ замужства Катеньки, онѣ остались однѣ, съ глазу на глазъ, и лицомъ къ лицу.... Однакожъ не приходите еще въ уныніе. Успокойтесь на-время. Увидимъ, какую она теперь приметъ систему. Обстоятельства новы и любопытны.

Положеніе мадамъ Б***, послѣ этого разговора, было весьма затруднительно. Ея великодушное сердце давно уже простило Валеріану свою личную обиду, нанесенную жестокою недогадливостью въ-отношеніи къ прошедшимъ чувствамъ ея дочери. Страданіе племянницы и молодаго друга глубоко тронуло ее: она воспламенилась желаніемъ оказать покровительство этой чудесной любви; ей бы хотѣлось, и привести два любящія сердца въ болѣе прямое сообщеніе между собою, и искусно устранить преграды, поставляемыя матерью ихъ союзу. Но какъ, прежде всего, отвѣтствовать на довѣренность Анны извѣстіемъ, которое убьетъ ее? какъ сказать ей, что Валеріанъ почитаетъ этотъ союзъ за невозможный и надежду дочери на счастіе за обманъ матери?... Какимъ

образомъ потомъ напасть на графиню Марію, такъ, чтобы она не могла увернуться лицемѣрными отговорками о необходимости подождать, посмотрѣть, узнать, удостовѣриться? Она сообщила мужу важное извѣстіе о любви молодыхъ людей и просьбѣ Валеріана, и убѣждала его ходатайствовать вмѣстѣ въ пользу столь достойнаго человѣка и несчастной ихъ племянницы. Онъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на желаніе обожаемой жены, но, узнавъ всѣ подробности ея бесѣды съ Валеріаномъ, былъ того мнѣнія, что успѣхъ болѣе чѣмъ сомнителенъ.

Спустя нѣсколько дней, Анна, воспользовавшись утреннимъ выѣздомъ графини Маріи къ новобрачнымъ, прибѣжала къ теткѣ узнать о послѣдствіи. Она дрожала отъ любопытства и страха. Добрая тетка, осыпавъ ее надеждами и поцѣлуями, потребовала прежде всего полной откровенности. Она сперва выслушала съ нѣжнымъ вниманіемъ скромныя объясненія Анны на всѣ свои вопросы о мнѣніяхъ и отзывахъ матери; потомъ совершенно увѣрила ее въ любви Валеріана, въ его возвышенномъ образѣ мыслей, въ его искреннемъ желаніи посвятить себя ея счастію, наконецъ въ своей собственной готовности содѣйствовать къ нему по возможности; но присовокупила:

— Теперь, мой другъ, все зависитъ отъ тебя....

Анна встревожилась.

— Какъ отъ меня? быстро сказала она: надѣюсь, не отъ меня, а отъ него!... отъ его постоянства!...

— Въ его постоянствѣ не сомнѣвайся, отвѣчала тетка. Онъ никогда не перестанетъ любить тебя. Это одна изъ тѣхъ душъ, которыя нелегко воспламеняются любовью, потому-что умѣютъ чувствовать ее глубоко и истинно, но которыя также сохраняютъ ее навсегда въ себѣ, ощутивъ однажды. Успѣхъ, говорю, зависитъ отъ одной тебя. Маменька позволила тебѣ любить его, быть имъ любимою, видѣться и говорить съ нимъ безпрепятственно. По-мнѣ, это значитъ, что пока ты станешь упрямиться въ своемъ желаніи не имѣть мужемъ никого другаго кромѣ него, маменька обѣщаетъ тебѣ не распоряжаться твоей рукою ни въ чью пользу....

— Что̀ вы говорите, милая тетенька! съ отчаяніемъ вскрикнула Анна и, закрывъ лицо руками, зарыдала. Не продолжайте! не продолжайте!... я понимаю, что̀ вы хотите сказать. О! я несчастная!...

Мадамъ Б*** старалась успокоить ее, утѣшить, ободрить.

— Чего ты плачешь, дитя! примолвила мадамъ Б***. Ну, такъ заупрямься, и дѣло съ концомъ! Развѣ это дурно?... На всякой великій успѣхъ нужно только отважиться.... Анна! есть въ тебѣ отвага?

— На упрямство, тетенька? спросила она съ чудесной улыбкой, которая вдругъ засіяла на ея лицѣ сквозь обильныя слезы, какъ сіяетъ солнце сквозь крупный дождь, выглянувшее изъ-за тучи.

— Ну, да! на упрямство!... да только на порядочное упрямство! шутливо сказала мадамъ Б***.

— И вы сомнѣваетесь, тетенька? спросила она, смѣясь отъ всего сердца. Вѣдь я не въ шутку женщина!

— Ну, такъ поддержи достойно славу нашего пола! весело продолжала тетка. Отличись, для благой цѣли!... Кромѣ-того, въ упрямствѣ, я думаю, есть свое наслажденіе. Мужчины даже выдаютъ его въ себѣ за большую добродѣтель, называя «твердостью характера». Пройдутъ годъ, два, три, четыре года; тебѣ будетъ около двадцати пяти лѣтъ; женихи станутъ являться рѣже; маменька начнетъ опасаться, что ты останешься въ дѣвахъ, и захочетъ поспѣшить твоимъ замужствомъ.... Этотъ женихъ всегда вѣренъ!... Я, покамѣстъ, не вижу другаго средства.

Лицо Анны помрачилось.

— Четыре года — четыре столѣтія! грустно замѣтила она, и слезы опять поструились изъ ея глазъ.

— А если не хочешь ждать, то я сейчасъ отправляюсь къ сестрицѣ и поговорю съ нею, возразила тетка. Валеріанъ уполномочилъ меня просить твоей руки отъ его имени.

— Возможно-ли!... онъ говорилъ съ вами объ этомъ?... онъ вамъ поручилъ?... ахъ, тетенька! моя добрая тетенька! воскликнула дѣвушка внѣ себя отъ радости, бросаясь къ ней на шею, обнимая, цѣлуя. Тетенька, тетенька, какъ я счастлива!... какое произнесли вы слово!... Чтȯжъ вы съ самаго начала не сказали мнѣ этого?... Онъ меня такъ любитъ!... Я умру отъ счастія!... Я себя не помню!...

И вдругъ она задумалась, глубокій вздохъ вырвался изъ груди, двѣ слезы задрожали на великолѣпныхъ черныхъ глазахъ, которые за мгновеніе были — жизнь, радость и волшебство — ночь и солнце — огонь и бархатъ.

— Я пріѣду къ вамъ завтра поутру исполнить его порученіе, сказала мадамъ Б***.

— Нѣтъ, не пріѣзжайте, тетенька! печально возразила она, и долѣе не могла удержаться, зарыдала. — Что̀ я говорю, несчастная! воскликнула она, спустя минуту: пріѣзжайте! пріѣзжайте!... пусть я васъ увижу, моего ангела-хранителя!... Но не говорите маменькѣ ни слова! Она откажетъ, рѣшительно откажетъ!... и я погибну.... Погибну!... Онъ разстанется со мною послѣ этого. Маменька мнѣ сказала: «Ни теперь, ни въ скоромъ времени!...» и, вѣрно.... вѣрно, никогда!

Она стала рыдать такъ сильно, что Софія, работавшая въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ, прибѣжала въ испугѣ къ ней на помощь. Мать и дочь начали дружно утѣшать страдалицу.

— Какая ты забавная, Анна! говорила между прочимъ Соня, нѣжно цѣлуя кузину и утирая слезы ея своимъ платкомъ: маменька тебѣ говорила, что надо заупрямиться!... а ты, напротивъ, плачешь!... Я тебя увѣряю, что немножко-таки поупрямиться — очень, очень полезно. Зачѣмъ же ты не хочешь?... Дѣлай, какъ тебѣ говорятъ! Всѣ дѣвицы упрямятся. Это принято!...

Анна ничего не слышала: откинувъ голову на заднюю подушку креселъ, она, въ отчаяніи, почти въ безпамятствѣ, только повторяла, сквозь

рыданія: «Вѣрно никогда!... о, вѣрно никогда!»

Въ общемъ замѣшательствѣ и говорѣ, ни одна изъ этихъ трехъ женщинъ, скопившихся въ тѣсную группу, не слыхала швейцарскаго звонка, и ни одна не замѣтила, что между-тѣмъ Валеріанъ вошелъ въ кабинетъ и въ грустномъ удивленіи стоялъ нѣсколько времени позади матери и дочери, склонившихся надъ Анною. Анна, которой кресла были обращены къ дверямъ, поднявъ случайно глаза, обремененныя слезами, первая увидала его: она вдругъ судорожно вздрогнула, вскрикнула, и на-мгновеніе лишилась чувствъ. Тетка и двоюродная сестра отскочили. Послѣдовала неизъяснимая безмолвная сцена, въ которой три дѣйствующія лица нѣсколько минутъ пристально, съ изумленіемъ и горестью, смотрѣли другъ на друга — Софія вперивъ сквозь двѣ слезы неподвижный взоръ въ глаза нежданнаго посѣтителя и одной рукою, какъ-будто съ упрекомъ, указывая ему на Анну. Валеріанъ стоялъ какъ окаменѣлый на томъ же мѣстѣ, гдѣ остановился войдя въ комнату. Наконецъ Анна начала приходить въ себя. Она раскрыла глаза и, устремивъ на милаго взоръ, полный любви и душевной боли, протянула къ нему руку. Онъ подошелъ. Она снова закрыла глаза, и сказала дрожащимъ, едва внятнымъ голосомъ:

— Я васъ люблю.... Теперь говорите все!... Я первая нарушила запрещеніе моей матери.... мое слово.... Я заслужила ея проклятіе.... пусть оно убьетъ меня!... все-равно! О, ужъ вѣрно, никогда!...

Валеріанъ уже давно бросился съ восторгомъ на эту драгоцѣнную руку и, преклонивъ колѣно, покрывалъ ее поцѣлуями.

Анна только повторяла: — Никогда, мой другъ!... никогда!...

Мать и дочь плакали.

— Анна!... о мой идолъ!... удивительнѣйшая изъ женщинъ! говорилъ онъ изъ глубины взволнованной души: люблю васъ, люблю безпредѣльно, люблю свыше моей жизни и наравнѣ съ моей честью.... и клянусь передъ Богомъ, передъ вами, передъ тѣми, которые здѣсь насъ слышатъ.... клянусь любить васъ вѣчно, одну васъ, и никого болѣе!...

Счастіе вспыхнуло въ ея лицѣ и разлилось по тѣлу неизъяснимою сладостью. Она внутренно горѣла отъ удовольствія. На тонкихъ, розовыхъ губахъ, расцвѣла плѣнительная улыбка. Но глаза не смѣли смотрѣть на возлюбленнаго.

— О никогда, никогда, съ жаромъ продолжалъ онъ, садясь возлѣ нея: никогда эти уста, которыя теперь съ чистѣйшею любовью прикладываются къ вашей рукѣ, не произнесутъ клятвы другой женщинѣ!... Вы, или никто въ свѣтѣ!... И пусть эта рука, которою я держу вашу, будетъ посрамлена между людьми, если она отдастся кому-либо кромѣ васъ. (Она нѣжно пожала его руку.) Взгляните на меня, Анна!...

Она медленно подняла свои великолѣпныя вѣки и устремила на Валеріана взоръ, сладкій, теплый, чистый, взоръ души непорочной и восторженной, лучащійся свѣтомъ, любовью, блаженствомъ, пре-

данностью: потомъ вдругъ покраснѣла — какъ-будто опомнилась — выскочила изъ креселъ и, быстро надѣвая шляпку, произнесла въ сильномъ волненіи:

— Прощайте, прощайте!... Я сумасшедшая!... Простите меня, милая тетенька!... вы однѣ умѣете сочувствовать и прощать!... Софія! ты знаешь, какъ я несчастна....

И она была уже внѣ кабинета. Стрѣлою мчалась она черезъ рядъ комнатъ, торопливо натягивая на лицо вуаль, запутавшійся на шляпкѣ. Валеріанъ въ безпамятствѣ гнался за нею черезъ всю смежную гостиную. Тетка и кузина, растроганныя зрѣлищемъ этой раздирающей сцены, невольно устремились вслѣдъ за нимъ. Они всѣ трое звали Анну обратно къ себѣ. Софія пробѣжала за нею до передней. Ея уже не было: она уѣхала.

Мадамъ Б***, Софія и Валеріанъ воротились, взволнованные, печальные, изумленные. Словно тяжкій сонъ пронесся передъ ихъ глазами. Нѣсколько минутъ они ничего не говорили. Потомъ началась бесѣда, еще грустнѣе молчанія. Валеріанъ былъ убитъ. Мадамъ Б*** вздыхала о крутомъ характерѣ своей невѣстки. Софія очень негодовала на Анну: «Дѣвица лѣтъ двадцати, и не умѣетъ порядочно поупрямиться.... это смѣшно! говорила она: да еслибы мнѣ подала маменька такой хорошій совѣтъ, я бы такъ заупрямилась, что.... право!...» Общій результатъ совѣщанія былъ тотъ, что нѣтъ почти никакой надежды.

Когда графиня Марія возвратилась домой, Анна лежала на своей постели, блѣдная, холодная какъ

ледъ, безчувственная. Столько быстрыхъ переходовъ втеченіи одного часа изъ однихъ крайнихъ чувствъ въ другія, противоположныя, совершенно исчерпали ея силы. Неожиданная встрѣча съ Валеріаномъ въ минуту отчаянія потрясла весь составъ ея. Нарушеніе слова, даннаго матери, налегло свинцовымъ вѣсомъ на эту честную душу. Она и не замѣтила, какъ и когда мать вошла въ комнату. Графиня Марія нѣжно освѣдомилась о состояніи любезной дочери. Та сказалась нездоровою. Мать сначала не обратила большаго вниманія на это, по ея мнѣнію, легкое разстройство.

Ночью, страшные сны, предвѣстники болѣзни, безпрерывно терзали тревожный сонъ дѣвушки. Она почувствовала первый жаръ лихорадки.

На слѣдующій день она была уже очень больна. Графиня Марія обезпокоилась. Она послала за домашнимъ врачомъ, и достойный сынъ Эскулапа съ перваго взгляда узналъ, что это — простуда — болѣзнь *простуда* — такая ужъ болѣзнь! — Когда мадамъ Б*** пріѣхала къ своей невѣсткѣ, она и графъ Андрей, только-что пріѣхавшій изъ города въ зловѣщемъ расположеніи духа и печальный какъ старая шляпа, сидѣли противъ кровати дочери, въ глубокомъ молчаніи. Графиня приказала просить сестру въ комнату больной Анны.

Засѣданіе было невесело. Мадамъ Б***, знавшая дѣвичью медицину немножко лучше мудраго доктора, тотчасъ поняла причину болѣзни. Анна устремила поблекшій взоръ на свою добрую тетку.

Слезы навернулись на глазахъ ея. Она дружески подала ей руку, которую та нѣжно пожала и положила на одѣяло. Мать потомъ взяла эту горячую руку между своихъ ладоней, и начала ее ласкать, ободряя больную. Анна нѣсколько разъ съ нерѣшимостью раскрывала и закрывала свои сухія и дрожащія губы.

— Ты хочешь что̀-то сказать, душа моя? заботливо спросила мать

— Да! прошептала смѣтливая дѣвушка слабымъ голосомъ. Прокляните меня маменька!... я — непослушная дочь.

Графиня Марія страшно смутилась.

— Я сказала ему вчера.... въ безпамятствѣ.... сказала при тетенькѣ.... что люблю его.... о! люблю всею душою!... И онъ сказалъ мнѣ то же.... Теперь уже ничто̀ насъ не разлучитъ!... Если я умру....

— Ахъ, мой другъ! воскликнула графиня въ безпокойствѣ: да кто же думаетъ разлучать васъ?... Ты знаешь, что̀ я тебѣ сказала!... Я не отрекаюсь отъ моего слова.... Я тебѣ позволила!

— Если я умру.... отъ этого.... повторила Анна: если Богъ въ своемъ милосердіи позволитъ умереть.... то простите меня.... но если мнѣ суждено еще жить, такъ я уже рѣшилась: я буду жить только для него одного!... Ничто въ свѣтѣ не заставитъ меня.... Никто кромѣ него не будетъ моимъ....

— Милая Анна! вполголоса сказала мать въ совершенномъ замѣшательствѣ — присутствіе мадамъ Б *** уже поставляло ее въ жестокое затрудненіе, а тутъ еще она примѣтила, что и у сердитаго

графа Андрея лицо все болѣе и болѣе вытягивается и ротъ раскрывается шире и шире отъ любопытства и страшнаго удивленія — мой другъ! дитя мое! умоляю тебя, не безпокойся ни объ чемъ!... Выздоровѣй только поскорѣе.... Все будетъ по твоему желанію, которое въ то же время и мое собственное.... Мы послѣ поговоримъ объ этомъ.

— Нѣтъ, тонко возразила больная дѣвушка: я хочу говорить теперь, при тетенькѣ и при папенькѣ.... Можетъ-быть я умру.... Тетенька вамъ скажетъ, отъ чего.... она все видѣла....

Графиня Марія, еслибъ могла, удушила бы дражайшую дочь свою въ эту минуту, чтобъ только прекратить подобный разговоръ. Вслѣдствіе чего, и обняла она ее самонаинѣжнѣйшимъ образомъ, начала цѣловать, просить о сохраненіи душевнаго спокойствія, толковать пользу молчанія въ болѣзни, убѣждать въ необходимости сна, и, того ради, подвинувъ одѣяло до самаго рта больной, увела мужа и золовку изъ комнаты.

Мадамъ Б*** шла впереди; графиня Марія за нею; графъ Андрей составлялъ аріергардъ и багажъ. Но онъ ускорилъ шаги, чтобы поровняться съ женою.

— Марія! что̀ это значитъ?... отъ чего больна Анна?

— Ничего!... такъ!...

— Какъ, такъ?... Да это совсѣмъ не такъ! Она больна. Она страдаетъ душевно.... Я хочу знать!

— Ничего!... пустяки.... глупости первой любви, которыя скоро пройдутъ.

— Остановись!

Онъ удержалъ жену за руку въ корридорѣ, между-тѣмъ какъ сестра ушла одна въ покои.

— Остановись, и объясни мнѣ сейчасъ все, что̀ случилось.

— Что̀ это! что̀ это!... Какой ты это принимаешь тонъ со мною?

— Тонъ, къ какому ты до-сихъ-поръ почитала меня неспособнымъ!... тонъ твоего мужа и отца моихъ дѣтей!... Ты меня водила за носъ двадцать два года: я это знаю!

— Что̀жъ дѣлать, когда я умнѣе тебя!

— Чувствительно благодаренъ за твой умъ!... Твоему-то уму обязанъ я всѣми моими долгами, которые, не забудь, сдѣланы просто въ угожденіе твоему честолюбію. Изъ твоего же ума иро-истекли всѣ тѣ глупости, которыми посрамили мы себя въ Эмсѣ и повсюду за-границей. Твой-то умъ, Богъ знаетъ, изъ какихъ непостижимыхъ разсчетовъ, сочинилъ этотъ несчастный Катенькинъ бракъ, которымъ ты разорила меня вконецъ и, въ-добавокъ, обезславила мой домъ. Уши вянутъ, когда послушаешь, что̀ вездѣ говорятъ вокругъ меня! Сегодня былъ я въ публичномъ аукціонѣ, и тамъ люди, вовсе мнѣ незнакомые, разсказывали про насъ такія вещи, что я чуть не умеръ отъ стыда на-мѣстѣ и бѣжалъ стремглавъ, опасаясь, чтобы меня не узнали. Теперь я понимаю, почему прежніе добрые знакомцы отъ меня отворачиваются, и ты никогда не находишь дома своихъ пріятельницъ!... Гдѣ намъ думать о возвышеніи послѣ такого соблазна?... Надъ нами

смѣются! насъ презираютъ! Все это — твой умъ, Марія! Нѣтъ, я долѣе не потерплю твоихъ проказъ. Я тебѣ докажу свой характеръ. Ничего не хочу!... уѣду въ деревню!... Говори, въ кого влюблена Анна?... Съ твоего позволенія, я наконецъ вмѣшаюсь въ мои дѣла, и самъ стану ихъ обдѣлывать. Я знаю твое жестокое сердце, и не позволю тебѣ убивать моей дочери!

Эта страшная гроза такъ неожиданно обрушилась на голову графини Маріи, она показала ей прежняго барана, нынче наэлектризованнаго негодованіемъ мужа, съ такой новой и опасной стороны, и въ нѣсколько мгновеній высыпала на нее градъ такихъ убійственныхъ обстоятельствъ, что умная женщина, при всемъ своемъ умѣ, была впрахъ разбита ею. Она испугалась и поблѣднѣла: къ счастію, въ корридорѣ было довольно темно, и мужъ не примѣтилъ ея страха; а то бы онъ, чего добраго, ободрясь началомъ побѣды, первый разъ въ жизни явился великимъ мужемъ. На-скоро собравъ растревоженныя мысли, она возразила, съ изряднымъ хладнокровіемъ:

— Я, право, думаю, мой другъ, что ты сегодня.... не въ своемъ умѣ!... Ты совершенно забываешься!... Глупцы разсердили тебя какими-то гнусными сплетнями въ публичномъ аукціонѣ, куда тебѣ и ходить несовсѣмъ прилично, а ты вымещаешь на невинной женѣ свою неумѣстную досаду. Надѣюсь, monsieur le comte, что не здѣсь мѣсто объясняться со мною, и прошу васъ припомнить себѣ званіе благовоспитаннаго человѣка. Прошу не дѣлать мнѣ сценъ въ корридорахъ!

Этотъ отвѣтъ нѣсколько поколебалъ мужа, поднявшагося на ходули. Но графъ Андрей самъ чувствовалъ, что онъ — sublime!... и, не надѣясь, въ другой разъ, и въ другомъ болѣе свѣтломъ мѣстѣ, вознестись до такой высоты, не хотѣлъ отказаться отъ выгодъ нечаяннаго нападенія. Жена великолѣпно удалялась. Онъ, съ достоинствомъ и твердостью истинно классическаго мужа, снова остановилъ ее и сказалъ:

— А я прошу васъ отвѣчать мнѣ здѣсь!... Это, напротивъ, самое удобное мѣсто для того, что̀ вы называете сценою: здѣсь никто насъ не улышитъ и не увидитъ. Корридоръ ли это, зала, или улица — все-равно: вы обязаны отвѣчать мнѣ вездѣ, гдѣ я ни спрошу, о вашемъ поведеніи и о моихъ дѣтяхъ. Хотите ли, чтобы я заставилъ васъ отвѣчать при моей сестрѣ?... Желаю знать, что̀ вы дѣлаете съ Анною, и въ кого она влюблена?

Дѣло по-минутно принимало видъ болѣе и болѣе грозный и мрачный: графъ Андрей былъ, рѣшительно, неподражаемъ. Никогда еще не являлъ онъ столь героической твердости духа, никогда не восходилъ до такой силы супружескаго краснорѣчія. Это былъ — обманываемый женою Демосѳенъ! Это былъ — Цицеронъ, нечаянно встрѣтившійся съ Катилиною въ темномъ корридорѣ римскаго сената и, тутъ же, громящій противника, спасающій отечество безсмертною рѣчью: «Доколѣ будешь ты водить насъ за носъ, Катилина?...»

Несмотря на притворное хладнокровіе, и на всѣ пріемы величія, по-несчастію совершенно потеряннаго за недостаткомъ въ приличномъ освѣщеніи,

графиня Марія дрожала передъ мужемъ, ничтожествомъ, игрушкою ея остроумія. Обыкновенная жена начала бы теперь ссориться: случай, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень удобный къ тому, чтобы провозгласить мужа «тираномъ», «тигромъ», «чудовищемъ» — расплакаться — и даже упасть въ обморокъ. Но это значитъ — вести войну съ ничтожествомъ, а не управлять имъ. Графиня Марія, по одному уже сознанію своего ума, не могла унизиться до такой пошлой и невѣрной стратегіи. Она чувствовала необходимость явиться кроткою, уступчивою, слабою — между-тѣмъ тонко провести мужа — и, въ заключеніе, торжественно оставить его въ дуракахъ по случаю этой дерзновенной твердости. Этимъ только средствомъ, и уже навсегда, могла она опять овладѣть его непокорнымъ умомъ. Мысль геніальная! Но какъ осуществить ее?... Графиня Марія терялась въ безплодныхъ соображеніяхъ, тогда какъ тиранъ ждалъ отвѣта.

— Ты не отвѣчаешь?... а! ты не хочешь мнѣ отвѣчать? произнесъ тигръ кровожаднымъ голосомъ.

— Что̀ такое? о чемъ вы спрашиваете? спросила тихая и сладкая овечка.

Чудовище пробормотало: — Ммъ!

Видно, ему не понравилась невинная разсѣянность несчастной жертвы угнетенія.

— Отчего больна Анна?

— Вы слышали, что отъ любви!

— Въ кого она влюблена?

— Въ одного, по имени, Валеріана....

— Въ того, что̀ стихи сочиняетъ?

— Почему я знаю, что̀ онъ сочиняетъ!... Я не читала его сочиненій. Въ того, котораго вы знаете.

— Въ друга моей сестры?... Я выдаю за него мою дочь!

Этакое рѣшительное «чудовище»!... Жена съ трудомъ удержалась отъ смѣху.

— Это ужъ какъ вамъ угодно! проворковала мягкая голубка передъ хищнымъ коршуномъ. Рѣшеніе зависитъ вполнѣ отъ вашей верховной воли. Я больше не вмѣшиваюсь въ это дѣло. Я, съ моей стороны, никогда не противилась ихъ взаимной склонности, и даже обѣщала Аннѣ уговорить васъ къ согласію на ея счастіе. Теперь я не скажу ни слова!... Дѣлайте какъ хотите.

Тиранъ былъ обезоруженъ. У тигра вдругъ обломались всѣ когти. Чудовище закрыло всѣ свои пасти, проглотивъ снотворную лепешку Энея. Они, всѣ трое, рѣшительно не знали что̀ сказать — какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго вопроса, предложеннаго графомъ Андреемъ:

— Такъ зачѣмъ же она больна?...

— Не знаю.

— Что̀ такое случилось у моей сестры?

— Не знаю.

Чудовище снова вспылило.

— Вы ничего не знаете!... Вы все хотите обманывать меня!... Я объяснюсь съ сестрою!

— Извольте объясниться.

— Она мнѣ все скажетъ!

— При этомъ случаѣ и я сама буду рада узнать.

— Я съ ней устрою все дѣло!... Вы всегда ста-

рались разлучить и поссорить меня съ этой удивительною женщиной, лучшимъ другомъ моей молодости, котораго я такъ нѣжно любилъ, которому я столько обязанъ.... Я не допущу до этого!

И онъ сердито прыгнулъ черезъ спальню въ кабинетъ жены, гдѣ между-тѣмъ мадамъ Б*** скучала одна, ожидая скораго появленія отставшихъ на пути супруговъ. Жена поспѣшила за нимъ, хохоча въ душѣ, но боясь, въ то же время, чтобы онъ второпяхъ не надѣлалъ «глупостей».

По первому вопросу брата, мадамъ Б*** разсказала подробно все происшествіе, котораго она и Софія были свидѣтельницами. Графъ Андрей расплакался, и сталъ обнимать сестру, припоминая ей свою первую любовь, въ которой она была его повѣренною и утѣшительницею. Жена, при этомъ, оказала столько участія къ разсказу сестрицы и такъ искусно дѣйствовала своимъ батистовымъ платкомъ, что растроганный тиранъ бросился обнимать и жену. Онъ забылъ все прошедшее: взялъ руку жены и ласкалъ ее какъ любовникъ, когда сестра, съ своимъ плѣнительнымъ женскимъ чувствомъ, описывала имъ прекрасную любовь Анны и Валеріана; расхваливалъ сестрѣ доброе сердце своей Маріи, и внутренно уже сожалѣлъ о жестокой несправедливости нападенія своего въ корридорѣ на «этого ангела». Жена стиснула губы, чтобъ не улыбнуться. Онъ былъ въ ея власти!

— Теперь, когда ужъ ты такъ добръ, братецъ, продолжала мадамъ Б***: и когда твоя жена говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ отъ тебя все зави-

ситъ, то позволь мнѣ досказать до конца. Этотъ милый, благородный молодой человѣкъ поручилъ мнѣ просить васъ о рукѣ Анны. Мой мужъ и я, присоединяемся всею душою къ его просьбѣ, въ которой заключено все счастіе твоей дочери. Согласенъ ли ты?...

Графъ Андрей торопли́во сталъ искать своей табакерки — понюхалъ табаку — и пристально посмотрѣлъ въ глаза женѣ, какъ-бы спрашивая что̀. Онъ опасался сказать не впопадъ и явственно умолялъ ее о помощи.

— Я думаю, мой другъ, сказала графиня Марія, что ты согласенъ!... Если я должна вѣрить тому, что̀ ты сейчасъ говорилъ мнѣ въ корридорѣ, то ты совершенно согласенъ!

— Да! да!... я совершенно согласенъ! воскликнулъ графъ Андрей.

— Но я полагаю, душа моя, продолжала графиня, что мы должны просить сестрицу, чтобы, покамѣстъ, нѣсколько времени, не было объ этомъ рѣчи. Анна теперь больна: это могло бы ее встревожить.... докторъ предписываетъ ей величайшее душевное спокойствіе.

— Да!... Анна теперь очень больна! примолвилъ Андрей: вы сами видѣли, сестрица!

— Между-тѣмъ, продолжала жена, есть и другое, очень печальное, обстоятельство, которое сдѣлало бы рѣчь о такомъ важномъ дѣлѣ чрезвычайно тягостною въ эту минуту для насъ обоихъ, но въ особенности для моего добраго Андрея....

Графъ Андрей напрягъ всѣ свои слуховые нервы: ему стало весьма любопытно узнать, что̀ это

за печальное обстоятельство, которое такъ тягостно для него въ эту минуту.

— Я буду совершенно откровенна съ вами, милая сестрица. Вы лучшій нашъ другъ: кому какъ не вамъ должны мы ввѣрить наши огорченія?... Вы знаете, сколько труда, сколько заботъ, стоило мнѣ приведеніе къ благополучному концу дражайшей мечты нашей Катеньки. Бѣдное дитя было влюблено въ маркиза со дня перваго съ нимъ знакомства, и, чувствуя свою немиловидность, глубоко затаило въ душѣ несчастную страсть. Одна я знала объ ея страданіяхъ. Богъ знаетъ, какихъ не употребляла я средствъ любезности и дружбы, чтобы привязать маркиза къ нашему семейству и показать ему Катеньку съ самой выгодной стороны. Наконецъ я успѣла. Но, въ то самое время, какъ надѣялась я быть счастливою счастіемъ дочери, людская злоба поразила насъ въ самое сердце. Вы навѣрное слыхали о тѣхъ отвратительныхъ клеветахъ, которыя посыпались отвсюду на нашъ домъ по случаю этого брака. Онѣ не могутъ не возбуждать нашего негодованія и не огорчать насъ до крайности. Мой бѣдный мужъ приходитъ въ отчаяніе. Провожая васъ сюда, мы остановились въ корридорѣ и говорили объ этомъ. Андрей не видитъ другаго средства какъ поскорѣе уѣхать отсюда, въ глушь, въ деревню; и, хотя мнѣ и очень жаль оставить столицу, я нахожу, что онъ говоритъ весьма умно и что его желаніе совершенно справедливо. Мы ѣдемъ въ деревню, и очень скоро. Я очень люблю и уважаю вашего Валеріана: это человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, милый и оча-

рователъный, и для моей Анны я не желаю достойнѣйшаго друга. Для насъ съ Андреемъ совершенно достаточно того, что вы и вашъ мужъ знаете и любите его. Но молодые люди очень мало знакомы другъ съ другомъ. Позвольте же родителямъ поступить въ этомъ случаѣ по своему благоразумію: ни Валеріанъ не постигъ хорошо свойствъ сердца и характера Анны, ни Анна — сердца и характера Валеріана. Мы желали бы, чтобы онъ нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣхалъ къ намъ въ деревню на нѣсколько недѣль. Пригласите его отъ нашего имени. Тамъ они сблизятся, лучше поймутъ себя, удобно изучатъ свои характеры, и мы кончимъ ихъ дѣло семейно. Это идея моего мужа. Помнѣ, она чрезвычайно умна. А впрочемъ, въ нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ, и не остается другаго средства. — Андрей, мой другъ! такъ ли я изложила то, чтò ты мнѣ говорилъ въ корридорѣ?

— Совершенно такъ, душа моя!... слово въ слово! воскликнулъ графъ Андрей, въ безпредѣльномъ удивленіи уму своей супруги, и въ восторгѣ отъ похвалъ, возданныхъ передъ сестрою его собственной мудрости, и подумалъ: «Вотъ умная женщина! Этакія удивительныя вещи мнѣ и въ голову бы не пришли! Я только хотѣлъ ихъ думать, впослѣдствіи, хорошенько сообразивъ всѣ обстоятельства: а она мигомъ ихъ угадала и высказала все такъ хорошо и справедливо, какъ-будто самъ я обдумалъ!... Умна, нечего сказать! Когда уѣдетъ сестрица, я на колѣняхъ буду просить у моей Машеньки прощенія, за то что такъ глупо обидѣлъ ее въ корридорѣ».

И вы, сударыни, жалуетесь на мужей! И вы говорите объ ихъ тиранствѣ, эгоизмѣ, жестокосердіи! И вы еще не довольны графами Андреями?... Боже мой, Боже мой, какая несправедливость! Чѣмъ графъ Андрей для васъ неудобенъ? чѣмъ онъ вамъ не хорошъ, онъ, этотъ типъ огромнаго большинства современныхъ мужей?... Вы слишкомъ взыскательны. Ни на одной изъ одиннадцати планетъ не найдете существъ добрѣе нашихъ земныхъ мужей. Я не вѣрю, чтобы на землѣ водились мужья-тираны, мужья-тигры, мужья-чудовища. Въ первый разъ, какъ будете въ театрѣ при представленіи такой пьесы, гдѣ жена обманываетъ мужа на-голову и потомъ, за свои продѣлки, попадаетъ въ бѣду, въ большое несчастіе — оглянитесь въ ложахъ вашихъ на мужей: они всѣ плачутъ!... они говорятъ: «Бѣдная женщина!...» они даже не довольны, когда жена мало или неловко обманываетъ ихъ собрата, критикуютъ пьесу, и доказываютъ, что если бы эта женщина поступила — не этакъ — а вотъ такъ — то и не попала бы въ бѣду!... Это фактъ. Я самъ видѣлъ. Можно ли желать чего-либо добродушнѣе и удобнѣе этихъ людей?... Они явственно созданы для того, чтобы ихъ обманывали! Я самъ — мужчина; наивно сознаться въ этой горькой истинѣ я готовъ: но я не люблю несправедливости! Напримѣръ, графиня Марія, умная женщина: помните ли, какъ краснорѣчиво толковала она своей дочери про «рабство» женъ, про «иго» брака, про «угнетенія» мужей-ничтожествъ?... Боже мой! ей ли, умной женщинѣ, жаловаться на иго, угнетенія,

рабство, когда она дѣлаетъ изъ мужа все, что̀ угодно! когда онъ рабъ ея! онъ несетъ иго, онъ стенаетъ подъ угнетеніемъ мягкимъ, нѣжнымъ, пахучимъ, но тяжелымъ угнетеніемъ! Во что̀ обратился его знаменитый coup d'autorité?... Стыдно сказать! Я плачу.

Верхъ совершенства, со стороны графини Маріи, состоитъ здѣсь именно въ томъ, что мужъ почиталъ себя полнымъ побѣдителемъ; что онъ, несмотря на раскаяніе въ своей вспышкѣ, былъ чрезвычайно доволенъ собою и, въ-заключеніе, подумалъ: «Какъ бы ни было, а таки не мѣшаетъ показать иногда женѣ примѣръ своей власти въ домѣ!»

Бѣдняжка! Между-тѣмъ какъ онъ полагалъ, что все состоялось по его желанію и они уѣзжаютъ по его верховной волѣ, которой жена, видя его твердость, не осмѣлилась оказать сопротивленія; между-тѣмъ какъ, провожая сестру до подъѣзда, онъ увѣрялъ ее, что самъ непремѣнно пригласитъ Валеріана къ себѣ въ деревню, и былъ увѣренъ, что дочь уже выдана имъ замужъ, жена, оставшаяся въ кабинетѣ, смѣялась отъ всей души надъ его ограниченностью. Она легла на свой любимый маленькій диванъ, протянула ноги, уныло подперла голову рукою, и расположилась въ самомъ живописномъ видѣ угнетеннаго достоинства супруги. «А!!.. ты хочешь самъ собою, своей властью, выдавать моихъ дочерей замужъ? сказала она про себя: ты хочешь здѣсь приказывать?... А вотъ увидимъ!»

Графъ Андрей поспѣшно воротился въ кабинетъ и сѣлъ возлѣ жены.

— Андрей!... что̀ это за мода, такъ обращаться съ женою? сказала она полу-строгимъ, полу-убитымъ голосомъ. Что̀ я сдѣлала? Чѣмъ я у тебя заслужила такое грубое и жестокое обращеніе? Да и гдѣ ты это выучился такому деспотизму?... Ты настоящій тиранъ!

— Прости!... извини, мой другъ!

Графъ Андрей началъ цѣловать ей ноги. Она слегка его оттолкнула — поджала ноги подъ себя — и надулась. Онъ упалъ на колѣни, и, всею силою своего краснорѣчиваго слова, умолялъ жену о прощеніи, признавая вполнѣ ея умъ, кротость, удивительное и незаслуженное повиновеніе.

— Ты тигръ!

Онъ еще убѣдительнѣе сталъ просить о помилованіи, обвиняя себя въ глупости, и отдавая всю справедливость ея мудрости, великодушію, непостижимому дару предугадывать и заранѣе исполнять его будущія мысли и еще неродившіяся желанія.

— Ты чудовище!

Онъ началъ плакать — плакалъ и просилъ — клялся исправиться и цѣловалъ руки — до тѣхъ поръ, пока негодующая супруга не смягчилась и не разтрогалась.

— Ну, я тебя прощаю! сказала она: но съ условіемъ.

— Все сдѣлаю, что̀ тебѣ угодно! все на свѣтѣ!

— Уѣдемъ поскорѣе отсюда! Уѣдемъ сейчасъ!... завтра!... черезъ три дня!... черезъ не-

дѣлю!... лишь-только Анна будетъ здорова!... Вырви меня изъ этого ада! увези въ пустыню! спрячь куда хочешь!... Я умру, если останусь здѣсь однѣ лишнія сутки.... Бѣдный мой Андрей! тебя огорчаютъ изъ-за меня!... Ахъ, я давно знала всѣ эти мерзкіе слухи, эти безсовѣстныя сплетни и черныя клеветы. (Она еще ровно ничего не знала!). Но я надѣялась, что они утихнутъ, не дойдя до тебя. Я хотѣла перенести втайнѣ, одна, всю непріятность, собрать въ мое сердце весь ядъ людской злобы и не допустить его до тебя....

— Какъ ты добра! какъ ты великодушна!... Благодарю тебя, Марія, за всѣ твои самопожертвованія.... Да! моя жизнь прекрасно протекла съ такимъ другомъ!... Ты, своимъ умомъ и сердцемъ, всегда умѣла составить мое полное счастіе.

— А ты свое счастіе хотѣлъ разрушить однимъ капризомъ!

— Я былъ дуракъ!

— То-то и есть.... Но я все забыла. Оставимъ это. Я желала скрыть отъ тебя всѣ гнусные разсказы, которыми зависть и легкомысліе терзаютъ нашу честь и оскверняютъ твое имя; но теперь, когда твое спокойствіе отравлено ими, когда ты, мой другъ, обиженъ, и хочешь уѣхать — умоляю тебя! — не перемѣняй своего благороднаго намѣренія! Поѣдемъ, поѣдемъ! Мы съ тобою вездѣ будемъ счастливы. У тебя есть прекрасный предлогъ къ скорому отъѣзду: вѣдь надо же тебѣ отдѣлить имѣніе для Катеньки! Скажи всѣмъ, что ѣдешь за этимъ, и что я не хочу оставаться здѣсь одна безъ тебя, и увези меня: исторгни своей

твердостью твою бѣдную Марію изъ этой черной лужи злословія! стряхни съ себя эту грязь незаслуженнаго позора, униженія, безчестія!...

Она принялась плакать, ласкать, цѣловать — говорила такъ краснорѣчиво — такъ искусно преувеличивала будущія послѣдствія сплетней для него, для дочери, для всего дома — что графъ Андрей, прослезившійся до насморку и напуганный до-нельзя, воспламенился яростнымъ усердіемъ къ немедленному отъѣзду и на слѣдующій день не смѣлъ выйти пѣшкомъ на улицу, опасаясь, что всѣ станутъ указывать на него пальцами. Въ тотъ же вечеръ отданы приказанія, и въ цѣломъ домѣ начались сборы въ дорогу. Отъ Анны, по совѣту графини Маріи, положено скрывать эти приготовленія, по причинѣ ея болѣзни. Болѣзнь была опасна. Въ первый день докторъ окрестилъ ее «простудою». На слѣдующее утро, бредъ, тошнота, судороги въ желудкѣ, сухой капель, страшное выраженіе лица, испугали эскулапа. Четыре врача, изъ самыхъ мудрыхъ, были приглашены на совѣщаніе. Рѣшено, по-секрету, что это — начало чахотки, хотя, впрочемъ, признаки совсѣмъ необычайны и непонятны. Домашній докторъ, однакожъ остался, втайнѣ, при своемъ мнѣніи, что это — хроническое воспаленіе крови въ артеріяхъ въ видѣ острой невральгіи, и прописалъ больной, по своему уму, полторы сажени спасительныхъ цѣлебныхъ средствъ. Графиня Марія осталась при своемъ: что это — пустяки — любовь — пройдетъ! Графъ Андрей, на печаль и на приготовленія, требовалъ десяти-дневнаго срока. Но, при

чудесной распорядительности жены, вышло, что, въ четвертый день, уже все было готово, и дѣло стало только за Анною. Въ день перваго выхода дочери изъ комнаты, они могли уѣхать. Графиня Марія увѣряла, что это даже будетъ полезно ея здоровью, которое, за городомъ, въ одно мгновеніе укрѣпится отъ чистаго и теплаго воздуха апрѣльскихъ дней.

— Однакожъ, мой другъ, говорилъ графъ Андрей, нельзя же намъ ѣхать такъ скоро: надобно было бы теперь подумать о приданомъ, кое-что̀ купить, заказать....

— Я уже заказала все, что̀ нужно! Остальное можно будетъ выписать. Сестрица охотно всѣмъ займется по первому нашему письму. А впрочемъ приданаго можно и вовсе не дѣлать.

— Какъ такъ?

— Да такъ! Поэты терпѣть не могутъ приданаго. Они всегда женятся на-чистоту. Имъ нужны только сердце да хижина.

— Вотъ это хорошо! воскликнулъ графъ Андрей. А ты, душенька, отвергала такого безцѣнаго жениха!

— Я.... отвергала? Когда?

— Ну, ужъ признайся, что тебѣ не очень хотѣлось отдать ему Анну, и что, еслибъ *я* не вмѣшался въ дѣло, ты оставила бы его на бобахъ. Ты хитрила! Я знаю!

— Вотъ ты совсѣмъ ничего не знаешь! Я, въ душѣ, очень желала этого брака; но я боялась тебя: я думала, что онъ не сходенъ съ твоими видами, и что ты никогда на него не согласишься.

— Какъ ты ко мнѣ несправедлива, Машенька! важно говорилъ мужъ. Чего же ты меня боялась?... Какъ тебѣ не стыдно! Развѣ я когда нибудь отказывалъ въ малѣйшемъ твоемъ желаніи?...

А между-тѣмъ онъ былъ въ восхищеніи отъ мысли, что жена его боялась.

Правъ графъ Андрей!... три и четырекраты правъ! Жизнь его протекла прекрасно съ такимъ другомъ! Быть вѣчно водимымъ за носъ и вѣчно воображать себя самовластнымъ въ чаду искусной лести, о! это верхъ земнаго блаженства!

Графъ Андрей, тайно отъ жены, которая находила опаснымъ умножать горячку дѣвушки мыслями о мужѣ, пробрался однакожъ въ комнату Анны и, по-секрету, увѣрилъ больную, что все кончено: судьба ея рѣшена, согласіе дано со всѣхъ сторонъ, и свадьба назначена имъ въ августѣ. Дѣвушка вдругъ стала поправляться, и въ осьмой день болѣзни могла уже встать съ постели.

Докторъ приписалъ ея быстрое выздоровленіе цѣлебному могуществу своихъ аптечныхъ стклянокъ, которыя остались всѣ нераскупоренными подъ кроватью Анны, и, для пользы медицинской практики, послалъ во «Всеобщій Журналъ врачебнаго знанія» подробное описаніе этой удивительной болѣзни, а равно и чудеснаго дѣйствія своихъ мудрыхъ лекарственныхъ составовъ.

Валеріанъ, извѣщенный сестрою графа Андрея о рѣшительномъ объявленіи больной Анны и отвѣтѣ ея родителей, нѣсколько ободрился. Лучъ надежды и радости освѣтилъ его измученную

душу. Мадамъ Б*** теперь не сомнѣвалась въ успѣхѣ, хотя и страшилась новыхъ хитростей своей невѣстки: во всякомъ случаѣ онѣ, по ея мнѣнію, должны были неминуемо разбиться объ упрямство дѣвушки въ любви и о положительное желаніе отца. Валеріанъ каждый день навѣдывался о здоровьѣ своей возлюбленной. Графиня Марія приказала принимать его, если онъ явится во время ея отсутствія. Но, опасаясь, чтобы и тутъ графъ Андрей не сказалъ своему будущему зятю чего-нибудь лишняго, она, и на эти случаи, всегда такъ распоряжалась своимъ мужемъ, чтобы его никогда не было дома въ тѣ часы, когда могъ пріѣхать Валеріанъ. Передъ нимъ она соблюдала трогательный видъ убитой, растерзанной, озабоченной болѣзнію Анны и приготовленіями къ необходимому путешествію. Она приглашала его поспѣшить пріѣздомъ къ нимъ въ деревню — въ началѣ іюля — даже скорѣе, въ половинѣ іюня — и на долгое время; говорила много, и съ глубокимъ чувствомъ, о своемъ желаніи обезпечить полное счастіе дочери, о блаженствѣ истинной любви, о безцѣнныхъ преимуществахъ союза съ человѣкомъ необыкновеннымъ, съ существомъ высшаго разряда, съ мужемъ высокаго ума и великой души; говорила все, что̀ только можно сказать, чтобы возбудить вѣрную надежду, воспламеняя воображеніе тысячью тонкихъ и любезныхъ намековъ, но не обязывая себя ничѣмъ положительнымъ. Влюбленный поэтъ былъ очарованъ и вполнѣ увѣренъ въ скоромъ и благополучномъ окончаніи своихъ мученій. Болѣзнь Анны и не-

пріятное положеніе ея родителей въ обществѣ совершенно оправдывали въ его умѣ эти стѣснительныя проволочки. Впрочемъ, во все продолженіе болѣзни, ему удалось только дважды застать графиню дома и быть принятымъ. Мадамъ Б***, ея мужъ, и Софія, раздѣляли его увѣренность и радость.

Графъ Андрей завернулъ однажды поутру къ своей сестрѣ. Она только-что разсталась съ Валеріаномъ. Почтенный мужъ своей супруги былъ въ отчаяніи, что не пожаловалъ нѣсколько раньше и не встрѣтился у сестрицы съ своимъ любезнымъ зятемъ: онъ ужасно досадовалъ на Валеріана, что этотъ молодой человѣкъ пріѣзжаетъ всегда навѣдываться о здоровьѣ своей невѣсты въ такое время, когда его, отца, хозяина, верховнаго распорядителя, нѣтъ дома. При такомъ удобномъ случаѣ, графъ Андрей не утерпѣлъ: онъ похвастался передъ сестрою, которая часто шутила надъ его блаженствомъ подъ каблукомъ жены, что — сказать между нами — но только этого не должно пересказывать никому въ свѣтѣ!— безъ его личнаго вмѣшательства, изъ любви Анны и Валеріана не вышло бы ничего путнаго: мученія молодыхъ людей длились бы до безконечности; жена, по боязни и по скромности, не хотѣла ничего ему сказать: но онъ, своей проницательностью, разгадалъ тайну, и ему одному принадлежитъ честь и слава успѣха; онъ все привелъ въ ясность, все рѣшилъ, все устроилъ; онъ — своей твердостью — своей супружеской и отцовской властью.

Это признаніе ужасно встревожило сестру. Она очень желала знать, какъ братецъ успѣлъ достигнуть такого блестящаго результата.

Графъ Андрей долженъ былъ сказать, что онъ имѣлъ, по этому случаю, маленькую непріятность съ женою: когда они, вышедши изъ комнаты Анны, отстали отъ сестрицы въ корридорѣ, онъ, властью, данною ему отъ Бога, храбро и неустрашимо напалъ на свою супругу: явилъ необыкновенный примѣръ твердой воли и великаго характера — приказалъ — и все мигомъ пришло въ ясность, порядокъ, покорность, повиновеніе. О! ему стоитъ только, изрѣдка, показать себя въ своемъ настоящемъ видѣ....

— Какъ! прервала сестра въ испугѣ: ты сдѣлалъ сцену своей женѣ?

— Да, важно отвѣчалъ онъ: нельзя же иначе! Есть случаи....

— Ты употребилъ въ дѣло свою власть?

— Ну, да! Какъ и всегда употребляю, когда нужно, съ достоинствомъ, но, увѣряю тебя, съ вожделѣннымъ успѣхомъ.

— И жена оказала тебѣ повиновеніе?

— Удивительное!

— Ахъ! бѣдный мой Андрей! вскричала мадамъ Б*** въ отчаяніи: теперь ты пропалъ совершенно!... Ну, теперь все потеряно!

— Какъ?... что̀?... воскликнулъ испуганный супругъ.

— Послушай, мой милый Андрей, сказала она: въ такомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о судьбѣ, о счастіи, можетъ-быть о жизни, твоей

дочери и моей племянницы, мы должны говорить откровенно. Не хочу ссорить тебя съ женою послѣ двадцати-двухъ лѣтъ спокойнаго супружества; но я обязана сказать тебѣ, какъ первый твой другъ, что ты непозволительно слабъ въ своемъ домашнемъ быту. Марія не управляетъ тобою.... это было бы ничего: каждая умная женщина должна управлять своимъ мужемъ; вы безъ этого жить не можете: я тоже управляю.... говорю, не управляетъ тобою, а играетъ твоей слабостью и непроницательностью, дѣлаетъ изъ тебя все, что̀ ей ни вздумается, даже иногда посмѣшище....

Графъ Андрей сталъ вертѣться въ креслахъ отъ досады. Сестра продолжала:

— Ты употребилъ съ нею свою власть? принудилъ ее къ повиновенію?... Ну, смотри, держись теперь, мой другъ!... Она проведетъ тебя! Теперь она поставитъ себѣ долгомъ своей чести не допустить до этого союза, именно потому, что ты вздумалъ приказывать, быть властелиномъ въ домѣ, и употребить свою волю тамъ, гдѣ скорѣе слѣдовало прибѣгнуть къ просьбамъ и угожденіямъ. Неужели ты думаешь, что она теперь уступитъ тебѣ даромъ свое двадцати-двухлѣтнее владычество? Нѣтъ, любезный братецъ, ты долго прожилъ съ женою, и много зналъ женщинъ, а еще понятія не имѣешь о женщинѣ. Ну, да впрочемъ всѣ вы таковы! Догадливость и проницательность не ваше дѣло: вы знаете только—идти напереломъ, прямо, какъ быки, сквозь плетни и заборы, ломая все передъ собою своимъ рогатымъ самолюбіемъ, и ничего не видя вокругъ; не видя

что на ваше самолюбіе разставлены повсюду нашею хитрою слабостью сѣти, силки, западни, а мѣстами и вырыты ямы. Мы хитры, братецъ!... по-крайней мѣрѣ, хитрѣе тебя!

— Ты мнѣ открываешь глаза, Софія! молвилъ графъ Андрей, какъ-бы озаренный внезапнымъ свѣтомъ. Ты всегда была моимъ истиннымъ и единственнымъ другомъ. Да!... точно!... теперь, какъ ты сказала и я сообразилъ разныя обстоятельства, то самъ я вижу, что меня безпрерывно обманываютъ....

— А ты развѣ никогда не обманываешь?

— Я!... это дѣло другое! Для мужчинъ, это ничего!... Мои маленькіе обманы не разстраиваютъ никакого семейнаго дѣла. Но я примѣчаю, что Марія, въ самомъ дѣлѣ, кажется, очень часто употребляетъ во зло мое добродушіе. Ну, да теперь ужъ этому — конецъ: о! съ-тѣхъ-поръ, какъ я примѣтилъ....

Сестра расхохоталась.

— Какъ *ты* примѣтилъ? повторила она. Неужели ты въ первый разъ примѣчаешь!... Да ты, мой другъ, много разъ примѣчалъ, что тобой играютъ.... я могла бы даже напомнить тебѣ случаи.... но послѣ того ты всегда забывалъ и преспокойно ложился въ старую колею, чтобы по тебѣ ѣздили по-прежнему.

— Это могло быть прежде, отвѣчалъ мужъ, обливаясь пóтомъ отъ этого знойнаго разговора: но впередъ, даю тебѣ слово, не будетъ. Вотъ лишь-только пріѣду домой....

— Упаси тебя, Господи! сказала сестра. Ты,

пріѣхавши домой, хочешь «показать себя въ своемъ настоящемъ видѣ?»... не правда-ли?... Ахъ, какой вы удивительный народъ!... Покажи только, что примѣчаешь, такъ съ той минуты ничего не примѣтишь, и опять будешь блаженствовать подъ каблукомъ. Такъ проходитъ вся ваша жизнь. Такъ прошла и твоя. Это общая ваша судьба, господа мужья. Не сердись за это на свою жену: вы такъ созданы, и она дѣлаетъ свое дѣло.

— Ну, а я такъ буду дѣлать мое дѣло! твердо сказалъ графъ Андрей, утирая лобъ платкомъ.

— Какое? спросила мадамъ Б***.

— Я, безъ дальнихъ околичностей, самъ выдамъ Анну за Валеріана: вотъ тебѣ моя рука!

— Я не беру!... Ты обѣщаешь по-напрасну.

— Какъ по-напрасну? вскричалъ супругъ, вскакивая съ креселъ въ страшномъ негодованіи. За кого ты меня принимаешь, Софія? Я чучело, что̀-ли, въ моемъ домѣ?... Я тебѣ клянусь!... даю тебѣ мое честное слово!... назовешь меня безчестнымъ человѣкомъ!... я не графъ Андрей, если, нынѣшнимъ же лѣтомъ, шестнадцатаго августа, въ день моего рожденія, не съиграю ихъ свадьбы у меня въ деревнѣ!

— Дай-то Богъ! сказала мадамъ Б***; но я не вѣрю.

— Не вѣришь?... не вѣришь?... мнѣ ты не вѣришь? вскричалъ онъ, вспыливъ еще болѣе. А вотъ я тебѣ докажу!... Ѣду сейчасъ, прямо отсюда, ѣду самъ къ Валеріану, и объявлю ему, что отнынѣ онъ — мой сынъ. Ѣду!... Гдѣ онъ живетъ?

— Не дѣлай этого, Андрей! возразила сестра: ты себя окомпрометируешь!... Если дѣло по какому-нибудь случаю не состоится, ты будешь.... смѣшонъ!

Смѣшонъ! — окомпрометируешь! — Эти два слова произвели надъ графомъ Андреемъ дѣйствіе молніи, упавшей въ двухъ шагахъ съ удушливымъ сѣрнымъ дымомъ и оглушительнымъ трескомъ. Жена властвовала надъ нимъ всю свою жизнь посредствомъ этихъ двухъ магическихъ словъ. Онъ боялся ихъ какъ чумы. Когда она ихъ произносила, бѣдный графъ Андрей всегда со страхомъ прибѣгалъ подъ защиту ея ума, и тогда она ворочала имъ какъ мячикомъ. Онъ испугался, задумался, и пріунылъ.

— Такъ чтòжъ вы думаете, сестрица? сказалъ онъ наконецъ печальнымъ голосомъ: нѣтъ спасенія?...

— Спасенія, я думаю, нѣтъ никакого, равнодушно отвѣчала она.

— И ты мнѣ ничего не присовѣтуешь?

— Напротивъ, я подамъ тебѣ очень хорошій совѣтъ. Будь спокоенъ, и положись во всемъ на случай. Неужели ты думаешь, что ты умнѣе случая?

Графъ Андрей, съ досады, началъ быстро ходить по комнатѣ.

— Проклятіе!... вскричалъ онъ съ гнѣвомъ. Жизнь!... жизнь!... Чортъ возьми!... Покорнѣйше прошу жениться послѣ этого!... составлять счастіе женщины!... хлопотать объ ея дѣтяхъ!... чтобы вѣкъ свой быть игрушкою бабьей хитрости!... и узнать объ этомъ на старости лѣтъ!...

— За что̀ же ты сердишься братецъ? шутливо замѣтила мадамъ Б***. Согласись самъ: вѣдь тебѣ было пріятно это состояніе игрушки, ворочаемой гладкими, пуховыми руками? Ты въ немъ былъ счастливъ; ты наслаждался.

— Это правда! отвѣчалъ онъ. Я былъ очень счастливъ въ моемъ супружествѣ.

— Такъ зачѣмъ же ты пеняешь на то, что тобой управляютъ, если это обезпечиваетъ твое наслажденіе и само по себѣ иначе быть не можетъ?

— Зачѣмъ я пеняю?... зачѣмъ?... Да затѣмъ, что оно досадно!

— Пустяки!... Вотъ я тебѣ скажу одну великую истину: это вещь дознанная и несомнѣнная, что мужчина, чѣмъ онъ выше умомъ и сердцемъ, тѣмъ свободнѣе даетъ владѣть собою женщинѣ и тѣмъ легче управлять имъ.

— О! въ этомъ ты совершенно права! воскликнулъ онъ такъ громко, съ точнымъ восторгомъ человѣка, вдругъ сдѣлавшаго важное открытіе, что сестра закашлялась, чтобъ не разсмѣяться.

Замѣчаніе мадамъ Б*** очень обрадовало и совершенно утѣшило бѣднаго графа Андрея: въ такомъ случаѣ, онъ былъ — геній, онъ имѣлъ право поставить себя выше Александра Великаго! Графъ Андрей помирился съ своей судьбою — судьбою, общею всѣмъ графамъ Андреямъ — но все-еще ходилъ по комнатѣ въ глубокомъ раздумьѣ.

— Что̀жъ? рѣшительно, Софія, ты не видишь никакого средства? вдругъ спросилъ онъ сестру.

Говори же, пожалуйста!... Я, право, съ ума сойду!.. Ты женщина: ты должна знать, что̀ тутъ дѣлается. Я въ вашихъ хитростяхъ ровно ничего не смыслю: вѣдь не я выдумалъ женщинъ.... Какъ мнѣ проникнуть и понять, что̀ здѣсь около меня затѣвается!

— Конечно, мой другъ, не тебѣ проникнуть и понять женщину, сказала мадамъ Б***: ты — другаго народа, ты — мужчина. Противъ тонкой женщины надо поставить другую тонкую женщину: это — единственное средство. Если угодно, поручи мнѣ маленькое наблюденіе за этимъ дѣломъ: но только ужъ самъ не вмѣшивайся въ него, ни съ своей твердостью, ни съ супружескою властью: все испортишь!

— Хорошо! Богъ съ вами! дѣлайте что̀ хотите! я умываю руки! быстро произнесъ графъ Андрей въ досадѣ вновь огорченнаго самолюбія. Проказничайте по своему усмотрѣнію! Обманывайте другъ друга вволю! Обманывайте меня вдвоемъ! Ворочайте мной какъ угодно! Водите меня за носъ, нынѣ, завтра, и во вѣки вѣковъ! Терзайте, тормошите меня! Я для васъ болванъ. Я вамъ обреченный козелъ отпущенія.... О, Боже мой!... жизнь! супружество!... да это — адъ!... Лучше бы я родился поденщикомъ! Лучше бы мнѣ....

Онъ схватилъ шляпу.

— Отчего же ты приходишь въ такое отчаяніе? нѣжно спросила сестра, смѣясь. Когда поручилъ мнѣ наблюденіе, такъ будь спокоенъ и полагайся на твоего природнаго друга, который вскормился у одной груди съ тобою и никогда

тебя не обманывалъ. Вспомни, Андрей, какъ ты нѣкогда любилъ меня и какое имѣлъ ко мнѣ довѣріе въ горяхъ и въ радостяхъ твоихъ: и раскаявался ли ты когда-нибудь въ этомъ? Пока ты не женился, я не хотѣла выходить замужъ: и, еслибъ ты не рѣшился на женитьбу, я осталась бы съ тобою, зная, что одинъ ты существовать не можешь. Кажется, я представила тебѣ довольно доказательствъ моей приверженности, и въ нашей молодости, и потомъ нерѣдко въ твоихъ домашнихъ заботахъ, когда ты ввѣрялъ ихъ мнѣ....

Графъ Андрей заплакалъ. Одною рукой онъ быстро выхватилъ платокъ изъ кармана, другою.... но некуда было дѣвать шляпы: онъ надѣлъ шляпу на голову, и другой рукою нѣжно обнялъ сестру, прижалъ ее къ себѣ, началъ цѣловать, благодарить, просить о дружеской защитѣ въ своемъ горѣ.

Жены часто жалуются на жестокость мужей: а между-тѣмъ нѣтъ существа жесточе «умной жены», овладѣвшей въ бракѣ какою-нибудь мужскою посредственностью, однимъ изъ тѣхъ добродушныхъ созданій, которыхъ «умныя женщины» называютъ — une nullité. Какъ безчеловѣчно играютъ онѣ ими! какъ гордо презираютъ ихъ, даже лаская, лелѣя и ограждая ихъ наслажденіе! и какъ прискорбно, какъ грустно, видѣть иногда нравственное униженіе этихъ добряковъ, доводимыхъ до слезъ, до отчаянія, отъ стыда передъ собою! Онѣ думаютъ, будто этимъ людямъ, точно такъ же какъ мышамъ, которыми играютъ кошки, и въ умъ никогда не приходитъ сообразить

свое положеніе. — Ничего! — мужчина! — грубое существо! — что̀ онъ понимаетъ? — Посмотрѣли бы онѣ на графа Андрея, рыдающаго у своей сестры!... Ну, да это не смягчитъ ихъ.

Мадамъ Б*** плакала вмѣстѣ съ нимъ: плакала о своемъ несчастномъ братѣ, который, однакожъ, въ обыкновенное время, полагалъ себя счастливымъ въ своемъ супружествѣ — потому-что не стѣсняли его свободы, не безпокоили его мелочами, и даже рѣдко бранили. Неужели «умная жена» не могла сдѣлать ничего благопристойнѣйшаго изъ этого «ничтожества»? Когда ей такъ легко было, презирая, дѣлать изъ него все, что̀ угодно, чего не сдѣлала бы она изъ того же самаго человѣка, уважая въ немъ достойное уваженія? Никто лучше мадамъ Б*** не зналъ прекрасныхъ качествъ его добраго и честнаго сердца, и она имѣла справедливую причину плакать, что графиня Марія не умѣла оцѣнить ихъ въ своемъ мужѣ и, во всю жизнь, гордо видѣла въ немъ только une nullité, созданную для жестокихъ игръ своего высокомѣрнаго ума. Осушивъ слезы брата, мадамъ Б*** сказала:

— Вотъ я ободрю тебя: представлю тебѣ доказательство, что я тоже хитра, и что, наблюдая сама за твоими пользами, я не дамъ обмануть тебя въ такомъ важномъ случаѣ. Ты уѣзжаешь?

— Да.

— По твоей собственной волѣ?

— А, право, ужъ я и самъ не знаю! У меня голова кружится въ этомъ вихрѣ продѣлокъ.

— Такъ я же тебѣ скажу, что тебя, мой другъ,

увозятъ отсюда, чтобы вмѣстѣ увезти Анну отъ Валеріана, за котораго никакъ не хотятъ выдать ея. Это удивительное, какъ ты называешь, повиновеніе — западня на твое самолюбіе. Васъ увозятъ!

— Боже мой! воскликнулъ графъ Андрей: это правда!... ты угадала!... Ну, такъ и есть! Теперь я самъ вижу, что не я выдумалъ это путешествіе. Я только погрозилъ, что уѣду въ деревню....

— А твоя жена, вышедши ко мнѣ, тотчасъ составила изъ угрозы полный и обстоятельный планъ и приписала его тебѣ? Не такъ ли?

— Точно такъ!... Ты, Софія, право, умна какъ чортъ; но въ то же время ты добра какъ ангелъ.... въ томъ-то и разница! Ну, хорошо, что ты мнѣ это открыла: такъ я же теперь не поѣду!

— Напротивъ, поѣзжай! Не показывай ни мало, что ты разгадалъ уловку: а то могутъ выдумать что̀-нибудь по-тоньше этой маленькой хитрости; такъ, что ты и не замѣтишь, какъ все дѣло вдругъ будетъ разстроено небозвратно. Поѣзжай! Доставь своей женѣ удовольствіе удавшейся хитрости. Остальное увидимъ впослѣдствіи. А теперь ступай по своимъ дѣламъ; не оставайся слишкомъ долго у меня: вѣдь твоя жена знаетъ, что я не глупѣе ея!

Графъ Андрей простился съ сестрою, и уѣхалъ въ городъ. Мадамъ Б*** тотчасъ отправила записочку къ Валеріану, прося его повидаться съ нею вечеромъ. Объясненіе ихъ было очень печально для молодаго человѣка: кратковременное сіяніе надежды, проливавшее столько счастія, ра-

дости, восторга, на все его существованіе, настоящее и будущее, вдругъ исчезло, и въ душѣ снова наступилъ страшный мракъ. Валеріанъ самъ согласился, что въ обращеніи графини Маріи съ своимъ будущимъ зятемъ, уже принятымъ по частному согласію съ сестрою, его представительницею, есть много загадочнаго: она избѣгаетъ всякаго упоминанія о взаимной любви молодыхъ людей, и дѣйствуетъ только сентиментальными аллегоріями, которыя могутъ подавать надежду, но, въ сущности, ничѣмъ ея не обязываютъ; слова «бракъ», «свадьба», строго исключены изъ словаря ея любезности, и она никакъ не допускаетъ Валеріана къ изъясненію своихъ положительныхъ намѣреній.

— Что же вы думаете дѣлать? спросила мадамъ Б***: поѣдете ли къ нимъ въ деревню?

— Надо поѣхать! отвѣчалъ онъ. Я приглашенъ отцомъ и матерью черезъ васъ, да и сама она взяла съ меня слово; она такъ любезно настаиваетъ на моемъ пріѣздѣ, и съ такимъ увлеченіемъ говоритъ объ удовольствіи, о радости, о счастіи, которыя доставитъ имъ мое пребываніе съ ея семействомъ въ роскошной сельской тишинѣ, о наслажденіи....

— Обмануть васъ, подхватила мадамъ Б***: обидѣть и унизить васъ жестокою насмѣшкою, расторгнуть знакомство съ вами навсегда посредствомъ вашего стыда и негодованія, когда вы, увлекшись сентиментальными аллегоріями, пріѣдете съ блестящими надеждами въ пустой домъ. Гдѣ вы сгонитесь съ нею? Я могу напередъ на-

чертать вамъ ея маршрутъ. Она будетъ переѣзжать изъ имѣнья въ имѣнье; здѣсь расхворается отъ сыраго воздуха, тамъ станетъ умирать отъ скуки или приходитъ въ отчаяніе отъ неудобства жить, и наконецъ уѣдетъ Богъ знаетъ куда. Мужъ не удержитъ ея. Я, сколько было можно, предостерегла моего брата; но онъ ужасно слабъ съ нею: она обольститъ его, убѣдитъ въ необходимости, увлечетъ съ собою на край свѣта. Впрочемъ, я просила моего брата не сопротивляться ей ни въ чемъ: надо ей доставить удовольствіе прятаться отъ васъ все лѣто и не оглядываясь уходить отъ преслѣдователя, между-тѣмъ какъ никто не станетъ гнаться за нею. Вы не поѣдете!... если меня любите! Она хочетъ посмѣяться надъ вами: посмѣйтесь же надъ нею! Когда она увидитъ себя разгаданной и презираемой, вами, обществомъ, собственною своей дочерью, гордость ея не перенесетъ этого униженія: тогда сама она возвратится сюда, и будетъ искать примиренія, потому-что, конецъ концовъ, противъ любви дочери, любви однажды одобренной ею, и одобряемой отцомъ, она не можетъ ничего сдѣлать. Она знаетъ, что, если эта любовь продлится, рано или поздно ей надобно будетъ оставить всѣ хитрости и подвергнуться судьбѣ своей. Для своего удовольствія, она можетъ только завертѣть мужемъ до такой степени, что наконецъ этотъ бракъ сдѣлается ему противнымъ, и онъ рѣшительно не захочетъ его: тогда она захочетъ, и заставитъ мужа исполнять уже свою волю. Для васъ это все-равно. Но теперь ей предстоятъ два средства къ

отклоненію союза, неудовлетворяющаго ея жажды власти и значенія въ обществѣ, и на которомъ еще мой неловкій братъ вздумалъ — какъ на бѣду! — настаивать своей супружескою властью!... Она надѣется, что, или любовь дочери угаснетъ.... но это невѣроятно, хоть и возможно; или вы сами, обидѣвшись мерзкою мистификаціей, которую она вамъ готовитъ, откажетесь отъ всѣхъ своихъ намѣреній. Выдержите же съ нею роль умнаго мужчины: такіе надменные характеры всегда должно брать презрѣніемъ. Хитрецы пуще всего боятся быть разгаданными. Вы были у нея раза два со времени болѣзни Анны: больше не ходите! О состояніи здоровья моей племянницы вы можете узнать всегда въ моемъ домѣ; а я ужъ найду средство успокоить ее насчетъ вашего объ ней забвенія. Аннѣ мы скажемъ все, что̀ нужно и что̀ можно сказать: она — догадливая дѣвушка! Письма ея къ намъ, вѣроятно, будутъ перехватывать, но бывшая гувернантка Катеньки, которая ѣдетъ съ ними, нѣкогда воспитывала мою Софію: она пріѣзжала сегодня къ намъ прощаться, и дала мнѣ слово регулярно дважды въ мѣсяцъ писать къ ней или ко мнѣ. Изъ ея писемъ мы увидимъ, гдѣ графиня будетъ находиться въ тѣ мѣсяцы, на которые она васъ приглашаетъ въ деревню своего мужа. Одобряете ли вы мысль мою?... Говорите!

Слова умной и опытной женщины оставили глубокое впечатлѣніе въ умѣ Валеріана. Тысяча грустныхъ мыслей, жестокихъ опасеній, неясныхъ надеждъ, вспыхнули въ его душѣ и овладѣли

воображеніемъ. Противъ столь разсудительныхъ совѣтовъ и замѣчаній возраженіе было невозможно. Онъ только вздохнулъ.

Предсказаніе мадамъ Б*** сбылось буквально. Едва Анна была въ состояніи сойти съ лѣстницы, ее посадили въ карету и увезли. Мадамъ Б*** приказала Софіи написать къ своей кузинѣ, что Валеріанъ пріѣдетъ къ нимъ, непремѣнно, двадцатаго іюня. По разсчету разстояній, это письмо должно было дойти, до мѣста своего назначенія, четырнадцатаго или пятнадцатаго числа. Въ началѣ іюля Софія получила извѣстіе отъ своей бывшей гувернантки, что графиня Марія со всѣмъ своимъ семействомъ внезапно переѣхала въ другое, отдаленное, имѣніе, на-канунѣ того дня, въ который слѣдовало ожидать пріѣзда Валеріана. Въ то время она уже совершенно возстановила-было графа Андрея противъ этого брака: такъ искусно умѣла она дѣйствовать на своего добродушнаго мужа, что онъ уже, онъ, зачинщикъ, торопилъ ее поскорѣе уходить отъ несноснаго зятя, а она какъ-бы сопротивлялась его желанію, представляя ему неловкость подобнаго бѣгства. Управляющему имѣніемъ поручено было немедленно донести графинѣ, какое впечатлѣніе произведетъ въ гостѣ это неожиданное отсутствіе хозяевъ, и передать въ точности всѣ слова его. Управляющій долженъ былъ пригласить Валеріана отъ имени графа и графини къ двадцатому іюля въ то имѣніе, куда они отправились. Еслибы влюбленный молодой человѣкъ, какъ должно было предполагать, принялъ это новое приглашеніе, графиня уже зара-

нѣе готовила ему во второмъ помѣстьѣ такой же насмѣшливый пріемъ, какой встрѣтилъ онъ въ первомъ.

Мадамъ Б*** тогда еще не знала всѣхъ этихъ подробностей плана своей изобрѣтательной невѣстки; но радость великаго торжества надъ первою хитростью, такъ вѣрно угаданною съ одного взгляда, внушила ей желаніе доставить себѣ огромное удовольствіе крошечнаго женскаго мщенія за обиду своего любимца. Она, черезъ Софію, заставила одну изъ пріятельницъ Анны написать къ ней другое письмо, съ интереснымъ намекомъ, что въ обществѣ много толкуютъ объ ея скоромъ бракѣ, и что, вслѣдъ за полученіемъ этого посланія, она будетъ обрадована внезапнымъ появленіемъ своего жениха, разумѣется, въ новомъ убѣжищѣ ея почтенныхъ родителей. Это письмо тотчасъ отправили въ то имѣніе, куда спряталась графиня Марія. Мадамъ Б*** вполнѣ была увѣрена, что она перехватываетъ также всѣ письма, адресованныя къ дочери, и на этомъ обстоятельствѣ основала весь разсчетъ эффекта вторичнаго извѣстія. Она не ошиблась. Едва графиня Марія пріѣхала во второе помѣстье, какъ новое письмо къ дочери было доставлено въ собственныя руки маменьки. На слѣдующій же день она ускакала оттуда въ противоположную сторону, измученная, больная, и не отдохнувъ порядочно отъ трудовъ предшествовавшей дороги. Не знаю, въ какой степени справедливы дальнѣйшія подробности этой вполнѣ заслуженной мистификаціи: я думаю, что

она тѣмъ и кончилась; но мадамъ Б *** не удовольствовалась этимъ.

Въ обществѣ дѣйствительно говорили уже о скоромъ бракѣ Анны и Валеріана. Маркиза С ***, бывшая Катенька, разсказала мужу объ ихъ любви, начавшейся, какъ видно изъ журнала сестры, въ тотъ же день, какъ онъ и Валеріанъ впервые увидѣли ее у мадамъ Б ***. Маркизъ пустилъ это важное извѣстіе между своихъ пріятелей, чтобы убѣдить ихъ, что онъ никогда не думалъ, и не могъ думать объ Аннѣ, давнымъ-давно влюбленной въ другаго человѣка. Самъ Валеріанъ, въ немногочисленные дни своей достовѣрной надежды, не находилъ нужды скрывать ея отъ ближайшихъ друзей; а мадамъ Б *** имѣла даже нѣкоторые виды на то, чтобы всѣ знали, что рука Анны положительно обѣщана Валеріану обоими родителями, что свадьба должна совершиться лѣтомъ, въ деревнѣ, и она нисколько не выдавала этого за тайну.

Теперь — время пользоваться; и она сообщила одной испытанной сплетницѣ, состоявшей въ тѣсныхъ связяхъ съ графиней Лоло, великую новость о неожиданномъ сопротивленіи графини Маріи условленному браку, единственно по поводу сцены, сдѣланной ей мужемъ; о хитростяхъ, которыя придумала она для разстройства уже совершенно рѣшенаго дѣла; о томъ, какъ она хотѣла посмѣяться надъ Валеріаномъ, и какъ искусно Валеріанъ, проникнувшій ея продѣлки, издали мистифировалъ мастерицу. Въ тотъ же день извѣстіе, еще теплое, было поднесено, по-принадлеж-

ности, злой насмѣшницѣ. Лоло немедленно, и уже съ украшеніями, довела его до свѣдѣнія мужа, стараго разсказчика анекдотовъ, и графъ Ф***, исправивъ и пояснивъ многія обстоятельства, сочинилъ изъ него чудесный анекдотъ, который онъ разсказывалъ весь круглый августъ мѣсяцъ — и еще хватило на половину сентября — анекдотъ презабавный — достовѣрное преданіе о томъ, какъ все лѣто, съ начала апрѣля по вчерашній день, Валеріанъ, письмами отъ разныхъ лицъ, гонялъ по бѣлу-свѣту графиню Марію, снарядившуюся обмануть его и своего тирана-мужа, и загналъ за тридесять земель: гонялъ жестоко, немилосердо, невообразимо — гонялъ изъ конца въ конецъ, изъ имѣнія въ имѣніе, изъ одного города въ другой: куда она ни пріѣдетъ — пафъ! — письмо отъ кого-нибудь, съ извѣщеніемъ, что зять уже только въ двадцати верстахъ, и письмо отъ него, что завтра, ровно въ полдень, онъ расцѣлуетъ ручки своей безцѣнной тещѣ; она дальше — письма за нею — она за-море — та же вѣсть приходитъ по подводному телеграфу, только-что устроенному однимъ Англичаниномъ — и теперь неизвѣстно куда дѣвалась: а Валеріанъ и съ мѣста не трогался!... Жаль, право, что я не умѣю такъ разсказывать! Но, коротко сказать, графиня Марія была кругомъ осмѣяна. Всѣ надъ нею смѣялись. Вы, помнится, тоже?... Я — навѣрное! Какъ не смѣяться?

Мадамъ Б*** говорила Валеріану, котораго эти разсказы нѣсколько встревожили:

— Ничего!... Одинъ лишній анекдотъ не отяготитъ ея плечъ. Вынесутъ!

Ахъ!... любезные и благоразумные читатели! вздыхаю я теперь, а не смѣюсь: не доведи Господи, навлечь на себя самое маленькое, самое капельное мщеніе доброй женщины! Графиня Марія находилась тогда, то есть, осенью, въ одномъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ. Адресъ ея былъ всегда извѣстенъ въ домѣ мадамъ Б***. Добрая невѣстка сообщила его — такъ! — стороною! — ненарокомъ! — какъ можно, чтобы нарокомъ?! — «лучшей изъ пріятельницъ» графини Маріи. Доставъ этотъ драгоцѣнный адресъ, «лучшая изъ пріятельницъ», чтобы немножечко, слегка, кольнуть «лучшую изъ пріятельницъ» черезъ тридесять земель, тотчасъ же, подъ видомъ преданности, описала ей, съ достодолжными оговорками и негодованіями, убійственный слухъ, распространившійся въ обществѣ о дальнихъ и поспѣшныхъ странствіяхъ графини Маріи и объ ихъ причинѣ.

Графиня Марія, по причинѣ внезапнаго бѣгства своего изъ втораго имѣнія, весьма долго не получала письма изъ перваго, и она не знала, какое именно впечатлѣніе произвелъ въ женихѣ пріѣздъ его на свадьбу въ пустой домъ. А очень любопытно было-бы знать!... Наконецъ это вожделѣнное письмо приходитъ въ южный приморскій городъ.—Это чтò? Женихъ вовсе не пріѣзжалъ!... И писемъ никакихъ въ полученіи отъ него не имѣется!... Да чтò же это значитъ?...

Если обмануть — сладко, то обмануться, со-

гласитесь сами, не можетъ имѣть того же вкуса. Графиня Марія нашла его даже очень горькимъ. Но какъ этого страннаго случая нельзя было объяснить ничѣмъ достовѣрнымъ, то, помучившись нѣсколько разными правдо- и неправдо-подобными догадками, она успокоилась до-времени. На слѣдующее утро, между-тѣмъ какъ ей расчесывали волосы, она сочиняла въ умѣ проектъ назидательной рѣчи къ влюбленной дочери. «Видишь, «Анна!.. видишь!... не имѣла ли я основательной «причины не желать этого брака?... Не правду ли «говорила я тебѣ, что этотъ человѣкъ не стóитъ «твоего сердца?... Вотъ онъ и вовсе не пріѣзжалъ «къ тебѣ! Ты уѣхала, онъ и забылъ обо всемъ. «Эта великолѣпная любовь прошла у него въ три «мѣсяца отсутствія. Отсутствіе, мой другъ! от«сутствіе!... нѣтъ такой сильной, такой пылкой «любви, отъ которой бы она не угасала.... особен«но у этихъ негодныхъ мужчинъ! Ихъ чувствен«ность надо безпрерывно возбуждать видомъ «своихъ прелестей: удались только отъ нихъ на «минуту, такъ они — къ другой! Поблагодари те«перь меня за мою проницательность. Повѣрь мнѣ, «Анна: сердце матери никогда не обманываетъ!... «Оно тотчасъ проникло этого человѣка. И побла«годари также, что я спасла тебя отъ стыда, отъ «униженія ждать не дождаться недостойнаго вѣ«тренника. Я была убѣждена, я навѣрное знала, «что онъ не пріѣдетъ! Ты, можетъ-быть, серди«лась на меня за то, что я увезла тебя изъ де«ревни, въ которую онъ торжественно обѣщалъ «къ намъ пріѣхать? А я увезла нарочно: чтобы

«не сказали, будто ты ждала его, а онъ тебя от-«вергъ. Забудь поскорѣе неблагодарнаго! Заплати «ему презрѣніемъ!... Вотъ скоро откроется третья «зимняя кампанія. Мы возвратимся въ столицу.... «провинція мнѣ уже надоѣла!... и тамъ я найду «тебѣ жениха.... жениха по моему сердцу, кото-«рое.... никогда не обманываетъ».... Что̀ это?

— Письмо съ почты, ваше сіятельство.

Проектъ рѣчи остался неконченнымъ. Въ этомъ мѣстѣ, именно на словѣ «не обманываетъ», ей отдали письмо отъ «лучшей изъ пріятельницъ». Не моимъ слабымъ способностямъ предпринимать обстоятельное описаніе сперва изумленія графини Маріи, потомъ смертоноснаго дѣйствія летучаго яда, заключеннаго въ тысячѣ тоненькихъ жалъ этого дружескаго посланія. Страшно даже подумать: та, которая надѣялась посмѣяться, осмѣяна сама, обличена, предана презрѣнію!... Несчастная женщина была уничтожена. Она даже не могла плакать.

Черезъ три или четыре дня, все семейство уже было на обратномъ пути въ столицу. Надобно привести это въ ясность какъ-можно скорѣе!...

— Что̀ это, душенька, ты стала такъ молчалива? спросилъ мужъ, просыпаясь отъ безконечнаго сна. Ты во всю дорогу не говоришь ни сло̀ва?

— Я оберегаю твое счастіе, мой милый Андрей.... Спи, мой ангелъ!... Я знаю, что ты любишь спать.

Онъ опять уснулъ, и добрая жена не нарушала его блаженства.

Отсутствіе Анны было настоящимъ несчастіемъ для Валеріана. Въ это мучительное отсутствіе

исполненное сомнѣній и любви, отчаянія и мечтаній, и покрытое мглою неодолимой тоски, совершился въ жизни его переворотъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на всю будущность. Валеріанъ сначала служилъ въ военной службѣ. Отличившись на этомъ поприщѣ при многихъ случаяхъ, когда случаи прекратились, онъ вышелъ въ отставку. Уже въ то время онъ извѣстенъ былъ знатокамъ какъ молодой поэтъ съ большимъ дарованіемъ. Восхищеніе товарищей, похвалы тогдашнихъ мастеровъ искусства, и сильное чувство своего естественнаго призванія, внушили ему желаніе искать умственныхъ отличій. Онъ рѣшился, какъ тогда говорили, посвятить себя музамъ. Нѣкоторыя изъ первыхъ его произведеній были напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, подъ вымышленными именами, и возбудили всеобщее вниманіе. Но, какъ человѣкъ съ истиннымъ талантомъ, какъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ, или несчастныхъ, людей, внутри которыхъ геній вѣчно держитъ свой безжалостный факелъ, ярко освѣщая вѣрныя впечатлѣнія внѣшнихъ красотъ въ умѣ и безсиліе матеріи, стремящейся ихъ выразить, онъ видѣлъ всю слабость того, чему обыкновенные судьи наиболѣе удивлялись въ этихъ блестящихъ опытахъ. Онъ былъ недоволенъ собою; чувствовалъ, что оно можетъ и должно быть лучше; надѣялся на помощь отъ бо́льшей опытности, и далъ себѣ слово не прельщаться чарами печати, доколѣ не достигнетъ той точки искусства, которую геніальные люди всегда видятъ уже у себя подъ рукою, и которая всегда усколь-

заетъ изъ-подъ руки, приводя ихъ въ безпрерывное отчаяніе. Онъ работалъ много, но не многое показывалъ своимъ довѣреннымъ друзьямъ: естественно, это немногое возбуждало въ нихъ восторгъ; они, какъ всегда бываетъ, списывали себѣ эти чудесныя созданія робкаго и недовѣрчиваго таланта, читали въ обществахъ, передавали знакомымъ, и въ три или четыре года возникъ одинъ изъ тѣхъ примѣровъ колоссальной рукописной славы, которые такъ обыкновенны въ лѣтописяхъ поэзіи. Друзья негодовали на упрямство Валеріана, не рѣшавшагося отдавать труды свои въ печать. Для удовлетворенія ихъ настойчивости, и для личнаго своего опыта, онъ напечаталъ сперва только сто экземпляровъ избранныхъ своихъ стихотвореній, для раздачи своимъ пріятелямъ и знакомымъ, надѣясь, года черезъ три, когда произведетъ что̀-нибудь истинно сильное и великое, сдѣлать другое, болѣе важное, изданіе для публики. Въ этомъ-то промежуткѣ времени застала его любовь къ Аннѣ. Когда воображеніе воспламенено такимъ могущественнымъ чувствомъ, когда талантъ возбужденъ желаніемъ заслужить одобреніе возлюбленнаго судьи, вся душа, вся жизнь изливаются изъ человѣка, чтобы выразиться въ произведеніи его силы. Анна, своей чудною красотою и своимъ необыкновеннымъ умомъ, безспорно, имѣла большое вліяніе на огромное усиленіе и таланта и славы Валеріана. Въ это время онъ произвелъ двѣ удивительнѣйшія свои поэмы, которыя наполнили шумомъ городъ и предмѣстія. Энтузіасты провозглашали его первымъ поэтомъ

своего времени. Онъ уже былъ ясное солнце родной словесности: оставалось только взойти на небо и занять свое мѣсто — и да покланяется толпа новому своему свѣтилу.

Валеріанъ полагалъ, что теперь уже можно ввѣриться печати, и, дѣйствительно, въ отсутствіе Анны онъ занялся приготовленіемъ трудовъ своихъ къ изданію. Первые листы приведенной въ порядокъ рукописи были отданы въ типографію, когда молва о женитьбѣ Валеріана доставила обиженной его славою посредственности неожиданный и весьма удобный случай вылить ему прямо въ сердце весь ядъ своего мщенія. Зависть пресмыкающихся тщеславій, и глупость, извѣстная подъ названіемъ свѣтскаго ума, безпрерывно терзали бѣднаго поэта съ самаго начала его извѣстности, запуская свои нечистые когти во всѣ обстоятельства его жизни, во всѣ дѣйствія, слова̀ и отношенія. Безъ великой чувствительности нельзя сдѣлать ничего хорошаго въ искусствѣ: она — родникъ прекраснаго; она же — и мрачная пещера мукъ, куда ползутъ всѣ змѣи озлобленной бездарности, чтобы язвить такихъ людей и причинять имъ страданія, незнаемыя и невообразимыя для другихъ душъ. Много разъ уже Валеріанъ тайно приходилъ въ отчаяніе отъ этого мерзкаго и неусыпнаго преслѣдованія: но въ настоящемъ случаѣ оно рѣшительно вывело его изъ терпѣнія. Самыя отвратительныя исторіи были пущены въ ходъ объ его отношеніяхъ къ прекрасной невѣстѣ и къ ея родителямъ. Одна изъ прелестнѣйшихъ балладъ его изображала ночное сви-

даніе съ невѣрною любовницею и поединокъ двухъ братьевъ-соперниковъ при свѣтѣ луны, прерванный появленіемъ привидѣнія, которое вдругъ возстало между ними изъ могилы, находившейся подъ ихъ ногами, и приняло въ свою грудь ихъ удары. Этотъ трогательный вымыселъ перетолковали самымъ гнуснымъ образомъ, и, должно замѣтить, между толкователями находились, по положенію, и такъ-называемые «пріятели автора». Увѣряли, будто знаменитая баллада не что̀ иное, какъ поэтическое описаніе истиннаго приключенія, случившагося съ самимъ поэтомъ: невѣрная любовница — Анна; братья-соперники — Валеріанъ и маркизъ С***, а привидѣніе — графиня Марія — которой-таки порядочно досталось при этомъ случаѣ отъ обоихъ зятей!...

Какъ ни жестоко былъ огорченъ Валеріанъ этою язвительною клеветою, которую, разумѣется, тотчасъ довели до его свѣдѣнія сами же «пріятели автора», онъ, конечно, перенесъ бы ее, вооружась презрѣніемъ къ низости, если бы дѣло шло только объ немъ и о настоящемъ: но сердце у него облилось льдомъ, когда онъ сообразилъ, что это только начало гоненій. Теперь преслѣдуютъ его единственно мужчины, между-тѣмъ какъ женщины еще покровительствуютъ и защищаютъ. Что̀ жъ будетъ, когда онъ женится на Аннѣ, знаменитой красавицѣ? Да тогда противъ нихъ поголовно ополчатся двѣ союзныя злобы — злость всѣхъ мужчинъ, которые считаютъ себя умными, и злость всѣхъ женщинъ, которыя считаютъ себя прекрасными — то есть, злоба всеобщая, вселен-

ская, безпредѣльная какъ мірозданіе!... Долженъ ли онъ, за себя, подвергать Анну этому приращенію унизительнаго бѣдствія, отъ котораго она уже столько страдаетъ, и еще будетъ страдать, за свое личное превосходство?... Конечно, нѣтъ! Эта мысль овладѣла его измученною душою. Неразъ уже, въ прежнихъ своихъ огорченіяхъ, хотѣлъ онъ сорвать съ своихъ плечъ тяжелую мантію славы и бросить ее зависти на пожраніе. Теперь онъ рѣшился. Поступокъ казался ему великодушнымъ. Онъ пріостановилъ печатаніе; приказалъ принести къ себѣ всѣ изготовленные оттиски; употребилъ почти цѣлую осень на разъѣзды къ тѣмъ, кому далъ первую свою книгу, прося каждаго о возвращеніи полученнаго экземпляра и обѣщая замѣнить его новымъ, болѣе исправнымъ, изданіемъ, которое уже печатается; вытребовалъ обратно всѣ свои рукописи отъ своихъ друзей, пріятелей и знакомцевъ; собралъ всѣ свои поэтическія бумаги, и мужественно приготовился къ великому жертвоприношенію. Въ ту самую минуту Анна въѣзжала въ столицу, и сердце ея сильно билось отъ радости, при видѣ этихъ стѣнъ, освященныхъ для нея присутствіемъ и славою обожаемаго человѣка.

Въ тотъ же вечеръ Валеріанъ получилъ записку отъ мадамъ Б***, съ извѣстіемъ о благополучномъ возвращеніи бѣглецовъ; каждое ея слово дышало торжествомъ: наша взяла! пріѣзжайте поскорѣе! — Валеріанъ бросилъ все, и поѣхалъ. Мадамъ Б***, внѣ себя отъ радости, поздравила его съ полнымъ успѣхомъ. Она уже все знала.

Маменька очень нездорова: она еще не видалась съ любезною сестрицею; но Софія уже была у Анны, и Анна, вмѣстѣ съ нею, пріѣзжала на нѣсколько минутъ къ тетенькѣ. Графиня Марія съ нѣкотораго времени необыкновенно ласкаетъ свою дочь, часто говоритъ съ нею о Валеріанѣ какъ о неизбѣжномъ мужѣ, и совершенно на все согласна.

— Теперь моя роль кончена, продолжала мадамъ Б***: я должна дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ. Надо изгладить всѣ непріятныя впечатлѣнія, произведенныя въ обществѣ этимъ несчастнымъ побѣгомъ, и возстановить честь сестрицы. Отнынѣ мы съ ней удивительные друзья!... потому-что она имѣетъ надобность въ моей помощи и защитѣ. Мнѣ не остается ничего болѣе какъ подать вамъ послѣдній совѣтъ: не торопитесь объясняться съ нею; притворитесь обиженнымъ и холоднымъ; сдѣлайте ей одинъ визитъ, и исчезните на нѣсколько времени. Мы будемъ ловить васъ обѣ вмѣстѣ. Я думаю, это очень лестно для молодаго человѣка?...

— Какъ же! воскликнулъ Валеріанъ, смѣясь, и цѣлуя руку своей покровительницѣ. Но говорите мнѣ объ Аннѣ.... Что̀ она? любитъ ли меня еще?

— О! безъ памяти! отвѣчала мадамъ Б***. Она съ перваго слова спросила у Софіи, думаете ли вы объ ней, не забыли ль, любите ли, и потомъ прибѣжала еще ко мнѣ, будто-бы поцѣловать меня, собственно же разспросить, какъ, сколько, какимъ образомъ, въ какомъ видѣ, до какой степени, вы ее любите. Но возвратимся къ дѣлу: намъ нужно бы условиться въ томъ, что̀ мы должны говорить

графинѣ Маріи, чтобъ не вышло разногласія..... Но вы будете говорить то же самое, что̀ я скажу ей завтра!... А что̀ я скажу, того еще и сама не знаю. Все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Ну, такъ теперь все рѣшено. Дѣлайте приготовленія къ свадьбѣ. Сыграемъ двѣ свадьбы вмѣстѣ. Софья, наконецъ.... но вы навѣрное знали объ этомъ еще прежде меня!... приняла своего князя К***. Этимъ я обязана вамъ. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы она вышла за этого милаго и достойнаго человѣка; но, видя, что моя мечтательница не воспламеняется къ нему любовью, я совѣстилась давать ей совѣты. Я всегда отсылала ее на совѣщаніе къ вамъ, какъ своему повѣренному и другу. Посторонній совѣтъ, въ такихъ случаяхъ, и безпристрастнѣе, и убѣдительнѣе материнскаго. Я знала навѣрное, что, тогда какъ я трудилась для васъ, вы трудились для меня. Теперь благодарю васъ за содѣйствіе. Я очень довольна благополучнымъ окончаніемъ всѣхъ нашихъ дѣлъ. Этотъ день вдвойнѣ для меня радостенъ. Я увѣрена, что моя Софія будетъ совершенно съ нимъ счастлива.— Прощайте, мой добрый племянникъ!... или, какъ нѣкогда я надѣялась называть васъ.... мой сынъ! прибавила она съ чувствомъ, подавая ему руку: не тѣмъ, такъ другимъ образомъ, все же вы составили ея счастіе!...

Они разстались, оба, растроганными. Въ гостиной счастливый женихъ прекраснѣйшей изъ невѣстъ встрѣтился съ Софіей, которая поджидала его на проходѣ. Они сѣли, и долго, долго разговаривали между собою: у нихъ было столько пред-

метовъ для сообщенія другъ другу! Когда Валеріанъ уходилъ —

— Погодите, сказала ему Софія: я вамъ принесу вашу книгу. Я нашла ее сегодня у Анны. Она никакъ не хотѣла отдавать; но я увѣрила ее, что вы непремѣнно возвратите ту же самую, исправивъ тѣ мѣста, которыя хотите исправить. Вы меня не обманываете?... вы возвратите?

— Непремѣнно! отвѣчалъ Валеріанъ. Можете ли вы сомнѣваться?

Софія побѣжала въ свою комнату, и черезъ минуту принесла драгоцѣнную книгу.

— Это наша общая книга, съ Анной, сказала милая дѣвушка, раскрывая переплетъ: но одна вещь въ ней принадлежитъ мнѣ исключительно!

Она оторвала первую чистую страницу, съ собственноручною подписью Валеріана — *Моему прелестному юному другу, Софіи Б****,— сложила эту бумажку, и, спрятавъ ее за корсетъ, отдала книгу неумолимому автору.

Валеріанъ уѣхалъ съ своей добычею. Это былъ послѣдній экземпляръ въ чужихъ рукахъ, и онъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Теперь вся слава великаго человѣка была заперта въ его спальнѣ.

На другой день графиня Марія, уже успокоенная дочерью насчетъ неизмѣнности чувствъ и намѣреній Валеріана, прислала сама къ нему слугу съ извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ. Посланному приказано было прибавить отъ себя: «А мы васъ ждали, сударь, все лѣто въ деревнѣ!» И слуга еще къ этому прибавилъ такую глупую улыбку,

что въ первое мгновеніе Валеріанъ смутился: онъ подумалъ, что это правда!

Къ счастію, когда глупая улыбка исчезла, Валеріанъ примѣтилъ, что этотъ болванъ настроенъ. Чтò отвѣчать ему?... Онъ рѣшился отдѣлаться шуткою, которая вскорѣ много послужила въ его пользу.

— Я сбился съ дороги, отвѣчалъ онъ. Да скажи мнѣ, любезнѣйшій: гдѣ же ваша деревня? Я ѣздилъ, ѣздилъ все лѣто: нигдѣ не могъ отыскать!

— Какъ можно, сударь! воскликнулъ изумленный лакей: наша деревня!... извѣстное мѣсто!... Всякій мальчикъ знаетъ!

— Ну, ужъ такъ случилось! примолвилъ Валеріанъ. Видно, графиня дала мнѣ невѣрный адресъ, или я поѣхалъ не въ ту сторону. Поблагодари графиню и графа за извѣщеніе. Я очень радъ, что они пріѣхали, и буду у нихъ завтра.

Слова Валеріана, переданныя графинѣ Маріи, глубоко укололи ее: они ясно показали, что женихъ, предложенный теткою дѣвушки и прелиминарно принятый родителями, дѣйствительно подозрѣваетъ маменьку въ двуличности и обманѣ. Но, съ другой стороны, она утѣшилась мыслью, что, по-видимому, онъ не очень сердитъ, когда самъ шутитъ надъ своимъ приключеніемъ, и что, слѣдовательно, легко можно будетъ съ нимъ помириться и все исправить.

Въ двѣнадцать часовъ мадамъ Б*** пріѣхала съ мужемъ и дочерью. Графъ Андрей одѣвался внизу, въ кабинетѣ, и мосьё Б*** вошелъ прямо къ нему. Графиня Марія, нелицемѣрно больная

отъ ужасныхъ осеннихъ дорогъ, приняла свою золовку и племянницу въ спальнѣ. Двѣ гостьи усѣлись передъ постелью больной. Анна была въ своихъ комнатахъ. Послѣ непродолжительной бесѣды о приключеніяхъ путешествія и о важнѣйшихъ городскихъ новостяхъ, о близкой свадьбѣ Софіи и объ ея женихѣ, графиня Марія завела сама рѣчь о Валеріанѣ. Она любопытствовала знать, думаетъ ли онъ еще объ Аннѣ, не произвело ли ея отсутствіе какого-нибудь измѣненія въ его намѣреніяхъ, все ли онъ такъ же влюбленъ, какъ былъ передъ ея отъѣздомъ, и прочая; и, получивъ самый удовлетворительный отвѣтъ по всѣмъ статьямъ, вдругъ спросила:

— Скажите мнѣ, милая сестрица: чтò это за мерзости выдумали здѣсь въ мое отсутствіе?... и ктò это ихъ выдумалъ?... Вы не можете не знать этихъ пасквилей, когда я узнала объ нихъ въ другомъ концѣ свѣта!

Софія тихонько встала, и ушла къ Аннѣ.

— Ктò ихъ выдумалъ, я, право, не знаю, отвѣчала мадамъ Б***: но вѣрно тò, что не я, не мой мужъ, и не Валеріанъ. Мы, напротивъ, можетъ-быть — три единственные человѣка во всемъ городѣ, которые искренно старались не вѣрить этой сплетнѣ и защищали васъ всѣми силами. Я говорила всѣмъ, что моя невѣстка не способна къ такому черному поступку; говорю то же самое и теперь всякому, кто только повторяетъ гнусный анекдотъ, вдругъ распространившійся по всему городу въ ваше отсутствіе, которое здѣсь называли вашимъ «побѣгомъ», и всегда буду говорить.

— Благодарю васъ, добрая сестрица, сказала графиня Марія. Защищайте меня, пожалуйста, отъ такихъ отвратительныхъ подозрѣній! Ваше слово много значитъ въ обществѣ.... Ну, можно ли такъ подло преслѣдовать невинную и благородную женщину?... Я дала вамъ слово: могу ли я измѣнить его?

— Вы очень хорошо сдѣлали, замѣтила мадамъ Б***, что поспѣшили воротиться. Какъ-скоро васъ увидятъ, и увидятъ Валеріана съ вами, всѣ толки умолкнутъ.

— Но зачѣмъ же онъ не пріѣхалъ къ намъ въ деревню? спросила графиня Марія.

— Не осмѣлился, отвѣчала золовка. Слухи были такъ обстоятельны, разсказъ подкрѣпляли какими-то письмами отъ вашихъ сосѣдей, конечно, подложными, гдѣ положительно упоминалось о вашемъ отъѣздѣ въ другія имѣнія, что Валеріанъ наконецъ поколебался: несмотря на усердный и благородный способъ, какимъ онъ защищалъ васъ передъ всѣми, я и до-сихъ-поръ не могу переувѣрить его, что вы никуда не уѣзжали.

— Мы уѣзжали, подхватила графиня, въ южныя провинціи, но уже въ концѣ августа, не дождавшись нашего дорогаго гостя. Сдѣлайте же мнѣ одолженіе, убѣдите его въ томъ, что его обманули мои враги! Спросите у моихъ людей, у моего мужа, у всѣхъ: они вамъ скажутъ, гдѣ мы были и какъ провели время.

— Помилуйте, сестрица!... довольно того, что вы говорите.

— Нѣтъ, я хочу чтобы вы и сами удостовѣ-

рились, и удостовѣрили того, чье уваженіе всегда для меня будетъ дорого. По-несчастью, я теперь больна, и не въ состояніи съ нимъ видѣться. Моя болѣзнь можетъ продлиться. Возьмите, мой другъ, это дѣло на себя: я даю вамъ полную довѣренность.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Но не безпокойтесь объ этомъ такъ много! Съ влюбленными легко сладить....

— Какъ-скоро я буду здорова, прибавила графиня, онъ можетъ самъ прямо объясниться со мною и попросить руки моей дочери. Онъ будетъ принятъ съ радостью: удостовѣрьте его въ этомъ.

— Я только не желала бы, сказала она понизивъ голосъ, чтобы онъ говорилъ съ моимъ мужемъ прежде чѣмъ со мною. Андрей весною чрезвычайно желалъ этого брака: потомъ раздумалъ, обидѣвшись не-пріѣздомъ молодаго человѣка по нашему приглашенію. Но онъ добрый человѣкъ: мы съ вами легко уговоримъ его, когда будетъ нужно. Теперь безполезно было бы вступать съ нимъ въ объясненія....

— Войдите!... войдите!... ничего! раздался голосъ графа Андрея въ дверяхъ. Марія! нашъ братецъ здѣсь.

— Войдите, сказала графиня Марія своему деверю.

Начались обнятія и привѣтствія. Разговоръ былъ прерванъ на нѣсколько минутъ. Потомъ графиня Марія обратилась къ мужу.

— Андрей! скажи, мой другъ, сестрицѣ: гдѣ мы были до конца августа?

— Гдѣ же мы могли быть? спросилъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ, которое совсѣмъ не удалось ему. Мы были въ своей деревнѣ ждали все время гостей, которые къ намъ не пріѣхали.

— Вотъ видите, сестрица! сказала графиня Марія: вы сами слышали!

Она позвонила и приказала позвать къ себѣ дочь. Анна тотчасъ явилась вмѣстѣ съ Софіей.

— Что̀ ты тамъ дѣлаешь, мой другъ? зачѣмъ не приходишь къ твоей доброй теткѣ и твоему дядѣ? спросила мать, какъ-будто не зная, что дочь была у нихъ вчера.

— Мы уже видѣлись, маменька! отвѣчала Анна, и весело поздоровалась съ родными.

— Приди ко мнѣ по-ближе, мой ангелъ, продолжала графиня Марія. — Анна! на твою мать клевещутъ; злоба преслѣдуетъ ее на каждомъ шагу. Теперь вздумали утверждать, будто я угнетаю дражайшія чувства твоего сердца. Такъ я же тебѣ объявляю, при твоей теткѣ, при дядѣ, при отцѣ, при Софіи, при всѣхъ, кто̀ хочетъ слышать, что даю тебѣ полную свободу располагать своимъ сердцемъ и своей рукою. Тотъ только получитъ мое согласіе на бракъ съ тобою, кто сперва удостоится твоего! Слышала ли ты?

— Слышу, маменька! отвѣчала дочь въ восторгѣ, и бросилась обнимать маменьку.

— Какая твоя маменька добрая! воскликнула Софія, со слезами на глазахъ: совершенно какъ моя! — Тетенька! но вы позволите Аннѣ бывать у насъ въ это время?... Послѣзавтра мое рожденіе: отпустите ее ко мнѣ на весь вечеръ!

— Съ большимъ удовольствіемъ, моя милая Софія! ласково отвѣчала графиня Марія. Анна можетъ ѣздить къ своей теткѣ когда ей угодно: она тамъ — какъ у своей матери.

Сестра графа Андрея не находила приличнымъ оставаться долѣе: графиня Марія сказала все, что̀ было нужно для благовиднаго оправданія себя: всякое лишнее слово могло только поставить въ затрудненіе дипломатку, запутавшуюся въ свои собственныя сѣти. Мадамъ Б*** простилась съ нею очень нѣжно, и сказала вполголоса:

— Будьте спокойны! Считайте это дѣло конченнымъ. Надѣюсь, что наши дѣти будутъ счастливы.

Счастливый, какъ Нуширеванъ, покорившій новое царство, и получившій новый поцѣлуй отъ Нури-джиганы, Валеріанъ, которому все это черезъ часъ было передано, пріѣзжалъ на слѣдующій день къ графинѣ Маріи; но она никого не принимала, а графа не было дома. Онъ оставилъ имъ визитныя карты и уѣхалъ.

Анна мылась и бѣлила свою атласную кожу двое сутокъ, чтобы понравиться милому при первой встрѣчѣ послѣ столь продолжительной разлуки. Она находила себя черною, гадкою, ужасною: между-тѣмъ рѣдко бывала она такъ прекрасна какъ въ день рожденія своей кузины. Валеріанъ обѣдалъ у мадамъ Б***, и Анна уже застала его тамъ, пріѣхавши въ восемь часовъ. Кромѣ него были тутъ маркизъ С*** съ женою, и еще нѣсколько человѣкъ гостей. Но собраніе быстро умножалось: безпрерывно пріѣзжали новые

гости, особенно, множество дѣвицъ, подругъ и пріятельницъ Софіи. Она и женихъ ея были главными предметами вниманія. Поздравляли и шептались, шептались и поздравляли: конца не было шептаніямъ и поздравленіямъ. Въ такомъ состояніи общества любовныя объясненія невозможны: Валеріанъ и Анна съ трудомъ успѣли сказать нѣсколько словъ другъ другу, и только глаза ихъ взаимно передавали себѣ радость и счастіе быть наконецъ вмѣстѣ.

Предвидя, что станутъ танцовать, Анна благовременно притворилась томною, усталою отъ дороги, не въ силахъ пошевелить ногами; и Софія, которая тотчасъ поняла ее, пригорюнилась такъ мило, что можно было заплакать, глядя на это обиженное грёзовское личико, мелькающее въ группахъ и разсказывающее всѣмъ молодымъ людямъ: «Какое несчастіе!... кузина Анна не можетъ танцовать сегодня!» Лишь-только начались танцы, кузина Анна очень ловко заняла въ смежной гостиной мѣсто самое удобное для безмятежной бесѣды, надѣясь, что Валеріанъ скоро ее отыщетъ. Спустя нѣсколько минутъ, эта надежда вполнѣ осуществилась.

Что̀ они сказали другъ другу съ самаго начала, что̀ послѣ сказали, что̀ еще хотѣли сказать и не осмѣлились, какъ сердца ихъ бились, какъ груди вздувались, глаза горѣли, голоса̀ дрожали, этого не нужно здѣсь прописывать: это давно напечатано. Но вотъ новая и нигдѣ еще не обнародованная часть ихъ разговора.

— Ну, теперь скажите, что̀ вы произвели въ

мое отсутствіе? спросила Анна. Дайте мнѣ прочитать. Должно быть чудесно!

Лицо Валеріана помрачилось. Онъ тяжело вздохнулъ.

— Я началъ-было то, о чемъ я вамъ говорилъ, отвѣчалъ онъ: но это уже не существуетъ. Я былъ слишкомъ несчастенъ въ ваше отсутствіе. Всѣ возможныя непріятности и огорченія обрушились на меня разомъ. Я проклялъ тотъ день, когда впервые употребилъ умъ свой на творенія мысли. Душа была полна незнаемыхъ красотъ: онѣ стремились излиться; я увлекся невольно. Я не искалъ славы; я даже убѣгалъ ея: люди навязали ее на меня насильно; сами они подняли меня на своихъ восторгахъ выше своихъ головъ.... и какъ безчеловѣчно поступили они со мной потомъ! На искусственной высотѣ, которую они для меня создали, я сдѣлался цѣлью, въ которую ихъ страсти начали метать въ меня грязью и ядомъ. Зависть ихъ тотчасъ змѣей обвилась около меня, и стала по-минутно жалить свою жертву въ самыя чувствительныя мѣста ея сердца. Злоба и клевета избрали меня предпочтительнымъ предметомъ своего преслѣдованія: онѣ вторгались въ самыя невинныя мои наслажденія, въ самыя дорогія и священныя связи, въ дружбу, въ кровную любовь. Я увидѣлъ враговъ себѣ даже въ моихъ родныхъ братьяхъ!... Спокойствіе послѣднихъ дней моей матери было отравлено безпрерывными доносами на мое поведеніе, мою безнравственность и, однажды, на мое сумасшествіе.... Кто знаетъ, даже, не сократили-ль они ея прекрасной жизни!..

Эта толпа дала мнѣ славу!... но она не оставила на мнѣ ни чести ни имени! Прошедшимъ лѣтомъ даже ваше имя, чистая и удивительная Анна, осмѣлились они таскать въ грязи вмѣстѣ съ моимъ. И когда думаешь, что это только начало!... Можно ли опредѣлить всю массу страданій, которая ждетъ меня въ будущемъ?... Вся жизнь должна протечь въ такихъ же огорченіяхъ, и можетъ-быть еще въ страшнѣйшихъ. Остервененіе ничтожествъ, за мое слабое превосходство передъ ними, за то, что я нѣсколько вышелъ изъ ихъ темныхъ рядовъ, навѣрное, готовитъ мнѣ болѣе положительныя несчастія. Многіе, до меня, уже сдѣлались его жертвами.... Я могъ бы назвать примѣры. Чтȯ могу я противъ людей? Два нуля, изъ этой толпы, равные другъ другу, въ случаѣ незаслуженнаго оскорбленія, въ правѣ очистить кровью свои обиды. У меня и это отнято! Я не равенъ тѣмъ, которые меня всегда и отвсюду оскорбляютъ. Я имъ не братъ. Они исключили меня изъ среды своей, поставили меня выше себя, и я — ихъ мишень, ихъ собственность. Мнѣ невозможно драться со всѣми. Анна!... мой другъ!... взгляните на меня!... не опускайте вашихъ прекрасныхъ глазъ!... не печальтесь!... Не мнѣ печалить васъ! Я долженъ, напротивъ, посвятить всю жизнь мою охраненію вашего покоя, наслажденія, счастія. И впередъ вы уже не будете огорчены бѣдствіями, которыя до-сихъ-поръ я испытывалъ и которыя могли бы, еслибъ это продолжалось, отразиться на васъ, помрачить ваше блаженство, и когда-нибудь его уничтожить даже. Очень есте-

ственно, что въ моихъ соображеніяхъ будущаго, мысль о вашей безопасности, о вашемъ безпрерывномъ счастіи и безтревожномъ удовольствіи, всегда тѣсно связывается съ мыслью о собственной судьбѣ моей. Я обязанъ былъ подумать объ этомъ. Не пугайтесь болѣе, для своего положенія, тѣхъ страшныхъ неудобствъ, которыми было окружено мое. Они уже уничтожены, и никогда не возвратятся. Причина къ нимъ устранена. Я удавилъ эту ничтожную славу собственными моими руками. Мое неизданное безсмертіе.... я самъ умертвилъ его! Я вытребовалъ обратно мои сочиненія, всѣ бумаги, всѣ рукописи, отъ тѣхъ, у кого они находились, вырвалъ у нихъ даже ихъ собственные списки, собралъ все, что̀ было у меня, и сжегъ. Я съ злобною радостью глядѣлъ, какъ горѣла кровь моя, мои внутренности, моя жизнь, та чистѣйшая и драгоцѣннѣйшая часть жизни, которую израсходовалъ я неосторожно на эти мучительныя изліянія мысли: самъ я горѣлъ въ этомъ красномъ огнѣ; но вмѣстѣ со мной горѣла и зависть, горѣла и людская злоба, клевета, наглость. Отъ всего этого осталась только горсть чернаго пепла. Я бросилъ его людямъ черезъ окошко: моя слава и ихъ страсти разсѣялись по воздуху. Мы теперь чисты, и друзья! Теперь отъ меня не существуетъ въ свѣтѣ ни одной строчки: а если что̀ гдѣ-нибудь существуетъ, я отъ этого отказываюсь.... Я уже отказался.

— Духъ у меня сперся въ груди!... сказала Анна, блѣдная какъ смерть, удерживая и стараясь скрыть отъ свидѣтелей свое внутреннее волне-

ніе. Я оледенѣла!... я не имѣла силы произнести ни одного слова во время вашего разсказа!... Какъ? вы сожгли и мою книгу?... ту, которую дала мнѣ Софія?... по которой я съ восторгомъ наблюдала красоты вашей души и училась любить васъ?

— Все! твердо отвѣчалъ Валеріанъ. Къ чему вамъ эта книга? Подарите мнѣ эту игрушку! Она ничтожна, и теперь уже безполезна. Я найду въ самомъ себѣ, въ моемъ сердцѣ, тысячу средствъ вознаградить васъ за эту ничтожную потерю: но писать ужъ не стану!... Для нашей общей безопасности въ будущемъ необходимо было уничтожить всѣ слѣды того, что̀ уже причинило мнѣ столько глубокихъ ранъ и впослѣдствіи навлекло бы гнусныя гоненія на насъ обоихъ. Ваше сердце видѣло, что̀ я могу.... и оно теперь видитъ, отъ чего добровольно отказываюсь.... для вашего блага. Жертва для моего самолюбія велика: я этого не скрываю; но цѣль ея, и то чувство, съ какимъ она принесена, заслуживаютъ вашего одобренія. Я теперь совершенно спокоенъ: никто не станетъ преслѣдовать вашей невинности за меня. Прочь слава! прочь этотъ удушливый дымъ, блестящій во мракѣ искрами и огнемъ, и разсѣвающійся отъ перваго порыва вѣтра!... Я вхожу въ толпу, смѣшиваюсь съ темными ничтожествами, и исчезаю у нихъ изъ вида. Одно только ваше сердце будетъ умѣть отличить меня тамъ отъ нихъ. Но я ничѣмъ уже отъ нихъ не отличаюсь, и за эту вѣжливость съ моей стороны они простятъ мнѣ даже величайшее изъ благъ, благо достойное всеобщей зависти.... обладаніе вашимъ сердцемъ. Мое

жертвоприношеніе ужъ извѣстно въ городѣ. Многіе изъ вчерашнихъ враговъ моихъ сегодня уже мнѣ лучшіе друзья. Они даже сами принимаютъ трудъ поравнять меня съ собою и навсегда устранить подозрѣніе, будто я былъ, или въ-состояніи быть выше ихъ какими-нибудь достоинствами: распустили молву, будто-бы я держалъ у себя одного молодаго человѣка, который писалъ стихи для меня за деньги, а я только выдавалъ ихъ за свои; разсказываютъ подробно, какъ мы съ нимъ разсорились по причинѣ моей неустойки; какъ онъ погрозилъ обличить меня, и какъ я, со страху, собралъ отвсюду всѣ мнимыя мои произведенія и истребилъ ихъ. Я охотно прощаю имъ новую, но уже послѣднюю, клевету: это — клевета примиренія между нами! Они хотятъ посредствомъ ея разрушить мою прежнюю славу до основанія, и мѣсто, гдѣ она стояла, засѣять пескомъ, чтобы отнынѣ впредь не было между нами никакой разницы. Нѣтъ людей добрѣе во всемъ мірѣ, какъ эти «злые люди»: нужно только умѣть угодить имъ! Черезъ недѣлю цѣлая половина города будетъ дружна со мною. За что̀, спрашиваю, не любить меня?... Я достоинъ обожанія! Я уступилъ мѣсто тѣмъ, которыхъ прежде заслонялъ собою и которые, естественно, на меня бѣсились. Я теперь не похищу у нихъ ничьего вниманія моимъ присутствіемъ; уваженіе и похвалы, которыя расточались передо мною, останутся на ихъ долю; глупѣйшій изъ нихъ теперь умнѣе меня.... О! мы отнынѣ искренніе и неразлучные друзья!...

Бесѣда ихъ прервана была на-время приходомъ

къ Аннѣ нѣсколькихъ дѣвицъ, которыя страхъ сожалѣли, что она не можетъ танцовать съ ними. Плутовки!

Когда танцы возобновились, Валеріанъ и Анна могли снова свободно бесѣдовать о своихъ дѣлахъ. Анна сказала:

— Истребленіе моей драгоцѣнной книги я охотно вамъ прощаю. Все, что̀ въ ней заключалось, я могу найти въ душѣ вашей, въ вашемъ сердцѣ. Цѣню, цѣню, несказанно цѣню, тѣ благородныя побужденія, которыя довели васъ до такого высокаго самоотверженія, самопожертвованія, самоубійства.... Но мнѣ кажется, мой другъ, что вы слишкомъ много для меня сдѣлали....

— Какъ, слишкомъ много? воскликнулъ онъ. Могу ли я, жертвуя даже моей жизнію, сдѣлать для васъ слишкомъ много?

— Жизнь ничего не значитъ, отвѣчала дѣвушка. Всѣ въ состояніи пожертвовать жизнію, потому-что она есть у всякаго. Но слава водится у немногихъ.... только у избранныхъ.... и жизнь дана имъ для того, чтобы они прославились.

— Замѣчаніе ваше, моя удивительная Анна, совершенно справедливо, примолвилъ Валеріанъ: но если сообразить, что̀ такое жизнь и слава вмѣстѣ, то сто̀итъ ли носить два такія бремени?

— Это правда, сказала Анна. Но все же вы слишкомъ много для меня сдѣлали. Вы просите меня впередъ уже не пугаться неудобствъ, зависти, озлобленія, гоненій, клеветъ, которыя всегда преслѣдуютъ превосходство и его славу. Да я никогда ихъ не пугалась!... Вы видите, что

я, слабая женщина, мужественно переношу тѣ изъ нихъ, которыя судьба опредѣлила на мою долю?... Чего пугаться? Великая жизнь безъ великой борьбы невозможна.

Валеріанъ задумался.

— Я не упрекаю васъ за то, чтò вы сдѣлали, продолжала Анна: вы дали мнѣ этимъ такое доказательство любви своей, какого я никогда не ожидала. Счастлива, слишкомъ счастлива я, что умѣла возбудить въ васъ такую любовь. Но мнѣ досадно, что вы рѣшились на такое самопожертвованіе, не посовѣтовавшись со мною или не подумавъ о томъ, что я тоже люблю васъ и что это можетъ огорчить меня.

Валеріанъ сталъ оправдываться.

— Не оправдывайтесь, сказала она. Я не сержусь на васъ....

Анна остановилась: я скажу вамъ послѣ, чтò она подумала въ этомъ мѣстѣ.

— Вы примирились теперь съ мужчинами, весело прибавила она, совершенно измѣняя тонъ: но.... вы разсорились съ женщинами.

Валеріанъ встревожился.

— Какъ! и съ вами? воскликнулъ онъ.

— Со мной, нѣтъ, отвѣчала Анна. Я была бы слишкомъ неблагодарна.

— Вы любите меня еще?... съ жаромъ спросилъ онъ. Любите ли вы меня, такого какъ я есть?... Говорите!

— Люблю, люблю, произнесла Анна дрожащимъ голосомъ, удерживая слезы, готовыя вырваться изъ глазъ. Не волнуйте меня теперь такими во-

просами: на насъ смотрятъ.... Оставьте меня на-время.... дайте успокоиться.... Подите говорить съ другими.

Валеріанъ удалился въ страшномъ безпокойствѣ.

Теперь, о любезные мои читательницы и читатели! я скажу вамъ вещь такую изумительную, что всѣ вы будете уничтожены; вещь для васъ неслыханную, неправдоподобную, невозможную, непостижимую умомъ читательскимъ; вещь, о которой никто еще не говорилъ вамъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ — происшествіе, такое невѣроятное, что, клянусь, не найдете ничего ему подобнаго ни въ одной повѣсти, ни въ одномъ романѣ, даже историческомъ, потому именно, что оно самое естественное и ежедневно случается со всѣми. Я пожертвую даже интересомъ моего разсказа, но скажу эту чудную вещь, то есть, чистую скажу правду — скажу всю правду, какъ она есть и была — до послѣдней капли истины. Чего мнѣ бояться!... Я утомилъ васъ этимъ длиннымъ и скучнымъ романомъ вседневной жизни; его герои измучили васъ своими страданіями: мое слабое искусство не умѣло придать имъ занимательности; вы давно уже зѣваете; если не ошибаюсь.... кажется, вы уже и спите. Вотъ я же разбужу васъ громовымъ извѣстіемъ: героиня разлюбила героя!... Слышите ли? Анна перестала любить Валеріана!... Дѣлайте со мною, что̀ хотите. Можете въ куски изорвать мою книгу: но что̀ правда, то правда!... Я говорю сущую истину, какъ она происходила, и какъ вѣчно будетъ происходить на

землѣ. И лучшаго доказательства не могу вамъ представить въ томъ, что это не повѣсть, а дѣло, какъ сказалъ откровенно, безъ утайки, по чистой совѣсти, что — разлюбила — и конецъ! Виноватъ ли я, что сочинители романовъ и повѣстей, просто для поддержанія интереса въ своихъ разсказахъ, немилосердо обманываютъ васъ, добродушныхъ читательницъ и читателей, описывая вамъ во всю книгу непремѣнно одну, безконечную, и все первую любовь, которая у нихъ всегда оканчивается свадьбою или смертью?... Герои канули въ могилу или въ брачное ложе! — и сочинителево дѣло въ шляпѣ. Это принято въ печати: другая развязка, въ искусствѣ писать, почитается невозможною; но въ жизни оно совсѣмъ не принято. Первая любовь оканчивается бракомъ или смертью?... Доблестные мужи пера изволятъ шутить надъ нами: или они не умѣютъ писать, когда боятся, сказавъ истину, уронить интересъ своей книги! У насъ, на свѣтѣ, въ жизни, первая любовь оканчивается почти всегда, просто, ничѣмъ; и я нахожу, что это самое лучшее окончаніе.

Да! да! сочинители романовъ и повѣстей такъ пріучили васъ къ своимъ ложнымъ понятіямъ о своей ложной первой любви, что вы, навѣрное, полагали, когда графиня Марія согласилась на бракъ Анны и Валеріана, что это уже конецъ исторіи, развязка. Вы сами понимаете, что я, смысля кое-что въ грамотѣ, очень легко могъ бы воспользоваться этимъ согласіемъ и заключить разсказъ бракомъ, еслибы не питалъ никакого уваженія къ истинѣ. Развязка была бы хороша;

вы были бы довольны. Но я обманулъ бы васъ! А къ этому я не способенъ. Я продолжалъ, изъ пламенной любви къ правдѣ; и если рѣшаюсь продолжать еще далѣе, то единственно потому, что обожаю истину. Вотъ, примѣрно сказать, и теперь, когда я чистосердечно признался, что Анна разлюбила Валеріана: вы, бьюсь объ закладъ, полагаете, слѣдуя все тѣмъ же ложнымъ понятіямъ доблестныхъ мужей пера, что мнѣ нельзя здѣсь не распрощаться съ вами: первая любовь угасла — интересъ конченъ — повѣсти уже нѣтъ — не объ чемъ и говорить болѣе.... Боже мой, какъ вы забыли жизнь! какъ вы мало наблюдали внутренній міръ дѣвицъ! Теперь-то и начинаются настоящая повѣсть и самый сильный интересъ: тутъ-то и пойдутъ разочарованія, пустоты въ сердцѣ, тоска, утѣшители, вторая любовь — третья — четвертая, и прочая — смѣсь двухъ-трехъ любвей, классификація различныхъ дѣвичьихъ любвей, ихъ виды, ихъ степени — а тамъ далѣе любовь въ бракѣ, любовь за бракомъ: нѣтъ, это такъ интересно, что, ужъ извините, я продолжаю — изъ уваженія къ истинѣ....

На чемъ мы остановились?... Помнится, на томъ, что Анна просила Валеріана удалиться на-время, и что онъ удалился въ страшномъ безпокойствѣ.

Къ безпокойству имѣлъ онъ очень побудительныя причины. Загадочный тонъ Анны во все время втораго разговора — смѣсь холодности и печали, веселости и важности — весьма изумилъ бывшаго великаго человѣка. Многія изъ ея выраженій могли казаться двусмысленными. Особен-

ный оттѣнокъ вѣжливости явственно скрывалъ какія-то недосказанныя мысли, а это послѣднее — «люблю, люблю» — произнесено было такимъ смущеннымъ голосомъ, что оно почти равнялось сомнѣнію въ своихъ собственныхъ чувствахъ. Спокойныя и мѣткія замѣчанія дѣвушки глубоко уязвили самолюбіе Валеріана. Какъ эти мысли не пришли ему въ умъ прежде?... Самъ онъ удивлялся. Но это очень просто: на свое великодушное самопожертвованіе онъ глядѣлъ мужскимъ умомъ — а она посмотрѣла на него своимъ женскимъ сердцемъ, и всѣ великолѣпные разсчеты ума, на которыхъ оно основывалось, оказались ложными и смѣшными. При всей тонкости и ясности своихъ понятій, Валеріанъ, по-несчастію, судилъ о женщинѣ, какъ судятъ всѣ мужчины, по своимъ собственнымъ чувствамъ, желаніямъ и потребностямъ. Онъ увлекся общимъ убѣжденіемъ мужскаго тщеславія, будто женщина любитъ въ мужчинѣ, просто, его особу. Теперь самъ онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ большую несообразность, которою могутъ восхищаться мужскія вещественность и положительность, но которая не въ состояніи явиться такимъ же чудомъ твердости и силы характера глазамъ женщины, олицетворен-наго воображенія. Но Валеріанъ еще не зналъ всей обширности своего несчастія. Онъ умеръ бы на-мѣстѣ, еслибы подслушалъ тайную мысль Анны послѣ словъ:

— Не оправдывайтесь; я не сержусь на васъ....

«Я васъ презираю!» подумала она, въ дополненіе къ этому изустному отвѣту.

Когда черезъ четверть часа возвратился онъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Анну, ея уже тамъ не было. Онъ окинулъ взоромъ всѣ комнаты. Но Анны не было нигдѣ. Она удалилась въ уборную своей тетки, бросилась тамъ въ кресла и, закрывъ лицо руками, погрузилась въ печальныя размышленія. Потокъ слезъ вдругъ потопилъ ея чудесное лицо. Отчаяніе овладѣвало ею. Она встала и начала ходить по комнатѣ. Нѣсколько разъ клала она руку на сердце, какъ-будто спрашивала его о чемъ-то или что̀-то хотѣла удержать въ немъ. Наконецъ, вздохнувъ глубоко, подошла она къ двери, и вдругъ остановилась въ раздумьѣ. Простоявъ такъ болѣе двадцати минутъ, съ неподвижностью статуи, она вздрогнула, приняла рѣшительный видъ, и вышла обратно къ собранію. Мечты ея валились одна за другой, какъ пожелтѣвшіе листья дерева, когда солнце уже отняло у нихъ свой величественный лѣтній свѣтъ и свою живительную теплоту. Она съ ужасомъ увидѣла, что идолъ, скрытый въ золотомъ туманѣ волшебства, мало-по-малу разоблачается, и что вокругъ него уже нѣтъ того блестящаго, великолѣпнаго вѣнца радужныхъ лучей, въ которомъ онъ явился ея воображенію, когда сердце въ восторгѣ впервые поклонилось ему. Слава, величіе исчезли, удивленіе людей прекратилось: остался.... обыкновенный человѣкъ! Это уже не онъ. Тотъ былъ мощенъ и великъ. Того втайнѣ завидовали ей всѣ женщины. Тѣмъ могла она гордиться. А этотъ.... ничто! Нѣтъ, это какой-то совсѣмъ другой мужчина! Этого, кажется, никогда она не любила.

Когда, входя въ комнаты, увидѣла она его изъдали въ группѣ нѣсколькихъ мужчинъ, она почти не узнала въ немъ своего Валеріана. Онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ мужчинъ! Гдѣ всѣ тѣ прелести, которыхъ такое множество видѣли въ немъ очарованные глаза ея?... Онъ неловокъ.... безобразенъ.... онъ дурно держится.... Онъ даже былъ смѣшонъ!... смѣшонъ какъ исполинъ, продавшій себя въ рабство пигмеямъ за горсть сластей!

Она посмотрѣла на него на разстояніи двадцати шаговъ, и воротилась.

Тетка ея и нѣсколько дамъ сидѣли въ гостиной. Она присѣла подлѣ тетки.

— Вы печальны, Анна? спросила ее мадамъ Б***. Вы не танцуете?

— Я еще измучена дорогой, уныло отвѣчала она, и вдругъ, поднявъ голову, прибавила, съ веселымъ лицомъ: — Но я буду танцовать!

Спустя нѣсколько минутъ, она ушла въ залу и танцовала три кадриля.

Наконецъ Валеріанъ встрѣтился съ нею, когда она уже спѣшила уѣхать раньше всѣхъ другихъ, ссылаясь на нездоровье матери.

— Я имѣлъ несчастіе огорчить васъ, сказалъ онъ печально: можетъ-быть навлечь на себя вашъ справедливый гнѣвъ. Мое самопожертвованіе....

— Послушайте, мой другъ, живо прервала она: я скажу вамъ откровенно мое мнѣніе, то есть, мнѣніе моего женскаго сердца. Великій мужчина даетъ намъ въ себѣ слишкомъ много уже тѣмъ самымъ, что онъ великъ, и самопожертвованія съ

его стороны неумѣстны. *Мы*, женщины, можемъ, *мы* даже должны, жертвовать собою въ его пользу за тѣ огромныя преимущества, которыя находимъ для себя въ его любви. Самопожертвованія — принадлежность слабости. Это — наше дѣло, мое. Чтò вы сдѣлали?... Я теперь недостойна васъ!... Чтобы быть равною вамъ въ великодушіи и взаимно оградить ваше спокойствіе отъ неудобствъ клеветы, зависти, злословія, мнѣ теперь слѣдовало бы вылить бутылку кислоты на мое бѣдное лицо. Хотите ли вы этого?

— Боже мой! Анна! чтò вы это говорите? вскричалъ несчастный женихъ.

— Я говорю то, чтò чувствую, возразила она. Вы... малодушны!

Валеріанъ окаменѣлъ.

Она убѣжала; потомъ, воротилась къ нему.

— Простите меня, мой другъ!... я жестока! сказала она, со слезами на глазахъ. Дайте мнѣ руку.... Мы должны остаться навсегда друзьями: мы оба.... несчастны!

Валеріанъ опомнился: при имени несчастія твердость и достоинство возвратились къ нему. У него было столько ума и столько приличія въ глубоко почувствованной винѣ, что онъ не сталъ ни оправдываться, ни молить помилованія. Они пожали руку другъ другу и разстались.

Онъ, изъ бездны отчаянія, проводилъ милую глазами до дверей, и сказалъ, когда она исчезла: — Солнце закатилось!...

Софія побѣжала за кузиною и хотѣла еще удержать ее.

— Не могу! не могу! отвѣчала Анна: я ѣду плакать.... Я буду плакать всю ночь!...

— Ахъ, Боже мой! что̀ такое у васъ случилось? вскричала испуганная Соня.

— Спроси у Валеріана, сказала Анна: онъ тебѣ все разскажетъ.... Ты слышала, что̀ моя маменька объявила мнѣ третьяго-дня въ твоемъ присутствіи?.... Повтори ему это. Онъ не долженъ просить моей руки у маменьки, пока напередъ не получитъ моего согласія. Я увижу, не буду ли любить его завтра.... послѣзавтра.... черезъ недѣлю. Буду всѣми силами стараться!.. Теперь я очень сердита. Прощай!

Она уѣхала. Софья воротилась, съ печальнымъ лицомъ, къ своимъ подругамъ, думая про себя: «Вотъ и разочарованіе!... Ахъ!... Боже мой! кто лучше меня знаетъ эту чуму дѣвицъ!... Ея маменька правду говоритъ, что лучшій изъ мужчинъ никогда не выдерживаетъ, на опытѣ, повѣрки съ нашимъ идеаломъ!»

III.

Между-тѣмъ какъ рокъ, своимъ неумолимымъ ножомъ, неожиданно поражалъ въ сердце двѣ безпечныя жертвы, веселившіяся у Софіи, графъ Андрей, дома, сидѣлъ у постели больной жены и слушалъ разсужденія о будущемъ счастіи дочери.

Я сказалъ — и вы помните — что графиня Марія успѣла возстановить его противъ Валеріана. Этого достигла она самымъ простымъ обра-

зомъ. Графъ Андрей не любилъ стиховъ: онъ не понималъ ихъ, и говорилъ это откровенно. Съ словами «стихотворецъ» и «сочинитель» соединялись въ умѣ его понятія о чемъ-то смѣшномъ, нищенскомъ и неблагородномъ. При первой его шуткѣ надъ какимъ-то уѣзднымъ Гораціемъ, бездарнымъ и грязнымъ стихоплетомъ, который написалъ оду на пріѣздъ ихъ сіятельствъ въ свои помѣстья, она строго замѣтила ему всю неумѣстность насмѣшекъ надъ этимъ бѣднымъ пресмыкающимся, когда самъ онъ выбралъ себѣ въ зятья человѣка того же цеха, стихотворца, сочинителя. Графъ Андрей былъ столько же гордъ, сколько добродушенъ и недалекъ умомъ: это злое сближеніе Валеріана съ деревенскимъ риѳмачомъ вонзилось ядовитою стрѣлою въ его самолюбіе. Жена тотчасъ примѣтила смертоносное дѣйствіе своего сарказма и стала горько соболѣзновать о томъ, что такой умный и прекрасный человѣкъ какъ Валеріанъ имѣетъ несчастіе заниматься ремесломъ этого низкопоклоннаго нечесы и быть извѣстнымъ въ обществѣ также подъ именемъ «стихотворца» и «сочинителя». Нѣсколько словъ высокомѣрнаго презрѣнія, нѣсколько язвительныхъ остротъ, ловко пущенныхъ въ стихотворный народъ, довершили ударъ. Всѣ предостереженія и совѣты мадамъ Б*** были забыты. Графъ Андрей ужаснулся при мысли, что онъ чуть-чуть не выдалъ Анны за *риѳмача*, и добрую сестру почти сталъ считать своимъ врагомъ. Жена непримѣтно усиливала его добродушное отчаяніе. Имѣть въ родѣ своемъ «стихотворца», всѣ вели-

колѣпныя надежды честолюбія окончить нѣсколькими риѳмами, и красоту Анны промѣнять на идиллію, показалось ему наконецъ посрамленіемъ своего имени и послѣднею степенью сумасшествія. Онъ тѣмъ сильнѣе воспламенялся противъ своей несчастной идеи, что жена, въ то же время, насмѣшливо увѣряла, будто онъ обожаетъ стихи, выдаетъ дочь за Валеріана, какъ въ «Метроманіи», единственно по страсти своей къ стихотворству и, во всякомъ случаѣ, ему ужъ на роду написано быть тестемъ какого-нибудь осмѣиваемаго сочинителя. Когда графъ Андрей торопилъ ее уѣзжать изъ деревни, то онъ спасался, просто, отъ стиховъ. И, благополучно спасшись, въ пылу торжества онъ уже не зналъ мѣры своему острословію: ему казалось, будто онъ раздавилъ голову гидрѣ и вырвалъ съ корнемъ пырей стихотворства изъ благородной почвы общества. Онъ безъ милосердія насмѣхался надъ стихотворцами. Жена, даже и послѣ письма отъ «лучшей изъ пріятельницъ», когда уже обстоятельства совсѣмъ измѣнились, не хотѣла выводить его изъ заблужденія насчетъ Валеріана, котораго не понималъ онъ достоинствъ, смѣшивая его съ пошлыми производителями риѳмованнаго вздора: это заблужденіе такъ легко было, въ нужномъ случаѣ, разсѣять простымъ объясненіемъ знаменитости зятя, навязаннаго злой судьбою! Уже въ дорогѣ прозорливая жена остановила его остроты однимъ словомъ — «окомпрометируешь себя!» Графъ Андрей сталъ тише травы.

Теперь дѣло дотого приняло совершенно дру-

гой видъ, что графиня Марія казалась даже тронутою постоянствомъ и силою любви Анны и Валеріана. Дальнѣйшее сопротивленіе было неумѣстно и вовсе невыгодно: хитрость не удалась; самолюбіе было раздавлено жестокими ударами; желаніе восторжествовать надъ тѣмъ, что̀ она называла «черною клеветою», требовало поскорѣе пристыдить злословіе и показать свою невинность въ самомъ яркомъ свѣтѣ; притомъ, среди огорченій самолюбія и желаній перехитрить злословіе, заговаривало по-временамъ и сердце матери; и теперь она отъ всей души желала этого брака. Мужъ, къ величайшему ея удовольствію, еще дѣлалъ возраженія. Она ихъ опровергала. Побѣда, разумѣется, осталась за нею. Въ концѣ вечера, графъ Андрей уже былъ такъ увлеченъ краснорѣчіемъ и напитанъ понятіями своей остроумной супруги, что самъ онъ, вмѣстѣ съ нею, заботливо составлялъ планъ скорой женитьбы и перваго счастія новобрачныхъ. Положено было, что первый сынъ Анны и Валеріана непремѣнно будетъ называться Андреемъ. Это имя не совсѣмъ нравилось графинѣ Маріи; но мужъ крѣпко настаивалъ на своемъ условіи, и жена, съ прелестною уступчивостью, согласилась на него — изъ усердія къ пользамъ своего пола — желая ему, чтобы родъ графовъ Андреевъ никогда не переводился на землѣ!

Когда Анна возвратилась домой, родители ея уже спали. Уединеніе, вѣрнѣйшій другъ несчастныхъ, нужно было бѣдной дѣвушкѣ: она поспѣшно раздѣлась, сорвала съ себя послѣднія украше-

нія, и бросилась въ постель. Долго удерживаемыя слезы, съ страшною силою, брызнули изъ глазъ, съ которыхъ вдругъ спала волшебная завѣса, и сдавленное въ груди отчаяніе разрѣшилось продолжительными рыданіями.

Гдѣ тотъ чудесный человѣкъ, котораго ея воображеніе украсило, для безконечныхъ восторговъ сердца, всѣми совершенствами сильной и великой души и поставило выше всѣхъ людей? Онъ самъ себя уничтожилъ! Онъ самъ создалъ для себя паденіе, и упалъ постыдно! Слабость ея, въ безпредѣльномъ удивленіи, покорилась могуществу необыкновеннаго мужчины: а онъ, слабое и робкое существо, испугался собственнаго своего могущества, бѣжалъ отъ своего таланта, и спрятался во мракѣ ничтожества отъ своей славы. Душа ея была прельщена великолѣпіемъ его внутренней мужеской красоты: а эта внутренняя красота обезображена самымъ отвратительнымъ недостаткомъ—малодушіемъ. У него достало твердости воли и характера только.... на постыдный побѣгъ отъ самого себя. Нѣтъ, онъ не мужчина! Онъ всего боится! Онъ робѣетъ и передъ своей силою и передъ безсиліемъ другихъ! Можно ли любить мужчину, котораго непремѣнно будутъ презирать всѣ благородныя и возвышенныя сердца между мужчинами?... надъ которымъ даже самыя ничтожества будутъ тайно смѣяться, явственно превознося его за поступокъ, устранившій у нихъ изъ виду чужое превосходство?... Этотъ смѣшной подвигъ мнимой философіи, за который обрадованная посредственность станетъ торжественно

выхвалять его—черное и неизгладимое пятно на его лучезарной душѣ, обреченной отнынѣ тьмѣ и презрѣнію. Эти похвалы — жестокая обида, и обида вполнѣ заслуженная, за которую онъ даже и мстить не въ правѣ. Можно ли любить мужчину, который прячется отъ самого себя во мракѣ безславія, и свое спокойствіе выше цѣнитъ чѣмъ сладостное дрожаніе сердца избранной подруги при отголоскахъ его славнаго имени? Можно ли любить мужчину, который уничтожается передъ своими врагами, дружится съ гнусною завистью, ползаетъ передъ нею, угождаетъ ея прихотямъ, вмѣсто того, чтобы выжечь у ней глаза блескомъ своего величія и раздавить ее мощною ногою? Можно ли любить мужчину, который, имѣя всѣ средства удивлять свѣтъ и свою подругу — цѣлыхъ два свѣта — подвигами своей силы, быть первымъ мужчиною, потрясать сердца, возбуждать любовь и гордость въ ней, любовь и зависть въ другихъ женщинахъ, старается, напротивъ, трогать ее смѣшными пожертвованіями и ждетъ любви отъ участія къ своей пугливости и своимъ страданіямъ? Такъ дѣлаютъ только слабые! Можно ли любить мужчину-труса? Нѣтъ, это невозможно!... Для благородной Анны, которая *умѣетъ любить*, это рѣшительно невозможно. Онъ трусъ!... онъ жалокъ!... и самъ себя, добровольно, дѣлаетъ жалкимъ въ глазахъ всего свѣта!... О Валеріанъ, Валеріанъ! какъ жестоко обманулъ ты сердце предавшагося тебѣ существа, которому имя «слабость»! У тебя нѣтъ смѣлости бороться за себя со страстями людей: какую же защиту противъ

нихъ доставишь ты ему?... Это сердце не можетъ уже имѣть безусловнаго довѣрія къ тебѣ. Одну ли славу твою оно въ тебѣ любило?... Нѣтъ, не упрекай его такъ легкомысленно; несправедливости не прибавляй къ малодушію. Оно любило въ тебѣ идеалъ мужчины — полный идеалъ — все это удивительное нравственное сіяніе — всю эту чудную гармонію мужскихъ совершенствъ и преимуществъ, которая такъ сильно очаровала ея пылкое воображеніе и отъ которой нельзя отдѣлить ни одной частицы, не разрушивъ цѣлаго, не помутивъ его блеска, не разстроивъ волшебства, не произведя разочарованія. Она любила все, что̀ въ тебѣ есть — все вмѣстѣ — ни однимъ видимымъ качествомъ менѣе: напротивъ, многими невидимыми качествами болѣе — потому-что ея сердце дополняло видимое еще тѣми неизбѣжными достоинствами, которыя, втайнѣ, естественно соединяются съ явственными преимуществами, служа имъ основаніемъ, и безъ которыхъ видимое было бы только обманъ и блестящее ничто. Твоя слава предполагала твердый и великій характеръ: ты вынулъ славу изъ этого гармоническаго цѣлаго, и, сквозь темную пустоту, глазамъ подруги явились, во всемъ безобразіи, мученія робкой и пугливой души. Не говори, что въ тебѣ ничего не измѣнилось, что для любви женщины ты сохранилъ въ себѣ всю свою теплоту и нѣжность, что ты остался совершенно такимъ же, каковъ былъ прежде, исключая пустаго, наружнаго блеска славы. Снаружи теперь въ тебѣ — славою менѣе, но внутри — малодушіемъ болѣе. Этого пят-

на не сотрешь съ себя ничѣмъ въ свѣтѣ. Ты въ состояніи и теперь еще писать такіе же прекрасные стихи: но, не твоя способность писать прекрасные стихи восхищала Анну въ полнотѣ совершенствъ составленнаго ею идеала: ее восхищало то волшебное дѣйствіе, какое эта способность оказывала въ людяхъ, то трепетное удивлевленіе, съ какимъ они покорялись твоему слову, тотъ восторгъ, какой невольно зажигала въ нихъ лучезарная мысль твоя. Твоя магическая сила объяла ея слабость. Гдѣ она теперь?... Пиши стихи безъ славы!... будь смѣшонъ, какъ смѣшны всѣ тѣ, которые ихъ пишутъ, не производя ими еще никакого отголоска въ душахъ!... Геній — сила въ дѣйствіи, а не сила въ усыпленіи. Въ тебѣ теперь не только нѣтъ славы, но даже нѣтъ и генія, который питается славою и умираетъ безъ этой пищи. Будь втайнѣ малодушенъ, если такъ создала тебя природа — но оставь за собою хоть славу снаружи: сердце Анны не уважало бы тебя, но оно могло бы еще, простя тайный недостатокъ, любить тебя вполовину, за удивленіе людей къ твоему могучему генію. Ты изломалъ мѣрило своего превосходства, поровнялся съ ничтожествами, укрылся въ ихъ темныхъ рядахъ, объявилъ своей возлюбленной, что «теперь глупѣйшій изъ этихъ нулей умнѣе тебя», и требуешь, чтобы ея сердце отъискивало тебя между ними! Эгоистъ!.... себялюбивый мужчина!... настоящій мужъ еще въ женихахъ!... Ты, однакожъ, сказалъ сущую правду: всѣ они теперь умнѣе тебя; но какъ не побоялся

ты убить бѣдной дѣвушки этими ужасными словами?....

Простите бѣднаго Валеріана! Онъ сумасбродъ; онъ жалокъ; онъ вполнѣ смѣшонъ; онъ поступилъ жестоко.... его нельзя любить; но извинить можно. Слѣпота мужчинъ неизлечима въ этомъ отношеніи: даже самые умные между нами не въ силахъ освободиться отъ ложнаго понятія, почерпаемаго въ общей нашей чувственности и въ личномъ тщеславіи каждаго, будто одна наша особа, безъ всякихъ прикрасъ доблести, совершенно достаточна женщинѣ для ея любви и блаженства. Вы услышите отъ очень ученыхъ мужей, что другой любви, кромѣ чувственной, они и не постигаютъ въ природѣ. Никто изъ нихъ не сообразитъ, что если мужская любовь, любовь силы, основывается чисто на чувственности, или такъ-называемомъ *сердцѣ*, то любовь слабости, любовь женщины, должна, по-необходимости, по коренному дуализму природы, проистекать совсѣмъ изъ другаго начала — изъ души — изъ *воображенія* — и образовать съ нею двѣ противоположности. Никто не подумаетъ, что двѣ однородныя любви не могли бы составить никакого наслажденія, что двѣ чувственности тотчасъ бы опротивѣли другъ другу и взаимно оттолкнулись, какъ отталкиваются два одноименныя электричества, что все счастіе, заключенное природою въ страсти двухъ существъ различнаго пола, зависитъ единственно отъ сліянія этихъ двухъ противоположностей, такъ мудро, такъ чудесно соображенныхъ ею. Я не могу, и не хочу, дѣлать Валеріана умнѣе всѣхъ

насъ: когда онъ рѣшился на свою великую глупость, на свое нравственное самоубійство, понятія его объ этихъ предметахъ были совершенно мужскія; онъ тоже, какъ и очень ученые мужи, не понималъ, что истинная любовь женщины, отъ сотворенія свѣта и донынѣ, обитаетъ вся въ свѣтломъ чертогѣ ея волшебнаго воображенія, несмотря на постоянныя усилія порока и романа развратить ее, унизить и низвести вмѣстѣ собою въ нечистыя подземелья чувственности. Высокія стремленія, слава, удивленіе, личное величіе, казались ему не нужными для любви Анны, когда самъ онъ, своей особою изволитъ быть тутъ, налицо. Она полюбила его однажды: слѣдственно будетъ и должна любить всегда, каковъ бы онъ ни былъ, малъ или великъ. Боже мой! да такимъ образомъ жены никогда не разлюбляли бы своихъ мужей!....

Въ чемъ собственно состояло знаменитое приношеніе Валеріана счастію и спокойствію Анны, приношеніе, которое онъ, въ высокопарномъ слогѣ мужскаго эгоизма, назвалъ «великодушнымъ самопожертвованіемъ»? Разберемъ безпристрастно. Струсивъ передъ презрѣнною клеветою, испугавшись неудобствъ зависти для себя, онъ уничтожилъ свою славу для того, чтобы эти неудобства не смущали впослѣдствіи тихаго блаженства Анны. Но одинъ онъ все тутъ выигрывалъ: Анна—ничего! Права ея на спокойствіе и счастіе непреложны при всѣхъ положеніяхъ умнаго и благороднаго мужа. Развѣ и при славѣ—не его обязанность вполнѣ оградить ея спокойствіе? Развѣ

не долженъ онъ былъ во всякомъ случаѣ обезпечить ей такое же наслажденіе безоблачнымъ счастіемъ? Развѣ не на то онъ мужъ, чтобы собою заслонить отъ нея всѣ горести и невзгоды? При славѣ, дѣло нѣсколько труднѣе; безъ славы, оно легче, но лучше только для него. Отказываясь отъ славы, онъ одному себѣ облегчалъ трудъ жизни. Но зато сколько высокихъ наслажденій безчеловѣчно отнималъ онъ у Анны этимъ робкимъ, себялюбивымъ отказомъ? Она надѣялась носить славное и уважаемое имя: это имя теперь должно сдѣлаться предметомъ обиднаго состраданія. Она могла тщеславиться своимъ выборомъ: теперь ей надобно будетъ стыдиться за дѣтское паденіе своего малодушнаго мужа. Всюду, гдѣ бы она ни появилась объ-руку съ великимъ и знаменитымъ человѣкомъ, ее ожидали радость и уваженіе согражданъ, трепетъ всеобщаго любопытства, восторгъ толпы: теперь она повсюду встрѣтитъ только насмѣшливый шопотъ.

Да гдѣ же и тѣ выгоды, которыя Валеріанъ, въ озлобленіи на внутреннія мученія досадующей зависти, обѣщалъ *себѣ* отъ уничтоженія своей славы? Я ихъ не вижу! Анна съ перваго взгляда примѣтила ихъ пустоту. Его славы нѣтъ; но остается ея красота, которая тоже—слава и сама собою въ состояніи навлечь на нихъ обоихъ страшныя, гораздо важнѣйшія, неудобства: клевета злобы, гоненія зависти, дерзости порока, стыдъ, обиды, мщенія, несчастія, все это ждетъ мужа знаменитой красавицы, отнынѣ извѣстнаго только подъ именемъ ея мужа. И замѣтьте, какого мужа: че-

ловѣка, изъ великихъ людей разжаловавшаго себя въ ничтожества! мужа, лишеннаго всякаго личнаго величія! Однажды замѣченное малодушіе непремѣнно усилитъ наглость посягателей. Можно ли разсудительно ввѣрить защиту своей знаменитой красоты человѣку, оробѣвшему передъ великимъ даромъ неба, посланнымъ ему судьбою, и передъ собственною своей знаменитостью? Чтобы достигнуть того безмятежнаго спокойствія, которое онъ такъ обожаетъ, нужно было бы, послѣ уничтоженія его славы, уничтожить еще и красоту Анны: и она очень хорошо замѣтила ему, съ живостью оскорбленнаго сердца, что теперь ей «остается только вылить бутылку кислоты на свое бѣдное лицо»! Но на это онъ бы не согласился. Онъ эгоистъ!..... мужчина! У Анны хладнокровно вырвалъ онъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ сокровищъ ея любви, одинъ изъ самыхъ свѣжихъ и самыхъ пахучихъ цвѣтовъ ея жизни: а ей ни подъ какимъ видомъ не позволилъ бы лишить себя своего главнаго наслажденія!

Не говорите мнѣ болѣе о Валеріанѣ! Я надѣялся, и вы, нѣжныя мои читательницы, надѣялись тоже, что онъ облагородитъ собою породу мужей, что онъ возвыситъ ихъ сословіе, что мужнее тиранство будетъ истреблено па землѣ: помните ли, какъ прекрасно говорилъ онъ теткѣ Анны о своей любви, о пламенномъ желаніи доставлять подругѣ жизни всѣ возможныя наслажденія, и о великомъ страхѣ причинить ей малѣйшее огорченіе употребленіемъ своей воли или силы? — а на-дѣлѣ вышло, что онъ — мужчина, какъ тысячи другихъ муж-

чинъ — существо пошлое, капризное, лѣнивое, ищущее только своихъ удобствъ, жестокое—обѣщаетъ много, говоритъ чудесно, а между-тѣмъ, обманываемый кореннымъ эгоизмомъ своего пола, ищетъ обмануть свою подругу его высокопарными софизмами — увѣренъ въ возвышенности своихъ чувствованій, и тутъ же, преспокойно, сбирается быть однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ мужей—еще только женихъ, а уже тиранъ, тигръ и чудовище! Не будь Анна такъ умна и такъ благородно проницательна, не обладай она ясновидѣніемъ истинной любви, онъ и вправду увѣрилъ бы бѣдную дѣвушку, какъ всегда увѣряютъ васъ мужчины, и какъ мосьё Валеріанъ изволилъ увѣрить даже самого себя, что это — дѣйствительное, и очень великодушное, самопожертвованіе въ пользу ея спокойствія и счастія. Спору нѣтъ, онъ очень милъ; но все-таки — носорогъ! настоящій мужъ въ зародышѣ!

Соберитесь съ терпѣніемъ. Я начинаю разсуждать, и буду разсуждать до-упаду. Дѣло слишкомъ важно.

Валеріанъ, что̀ ни говорите, былъ разительный образецъ огромнаго множества тѣхъ молодыхъ мужчинъ, которыхъ блестящее начало подаетъ самыя великолѣпныя надежды, но только на короткое время, и изъ которыхъ женщины, въ эти свѣтлыя минуты, создаютъ себѣ обманчивые идеалы мужскаго совершенства, чтобы потомъ заплатить слезами и горемъ за свое заблужденіе. Вся разница между Валеріаномъ и этими молодыми людьми состоитъ въ томъ, что этотъ убилъ себя

нравственно уже въ лучахъ знаменитости, а тѣ убиваютъ себя еще до полученія перваго вѣнка славы. Грустно и страшно проникать взоромъ въ темныя пропасти человѣчества; но мы уже блуждаемъ въ нихъ съ самаго начала этой исторіи: такъ ужъ остановимся на-мгновеніе передъ одною изъ мрачнѣйшихъ пещеръ нашей природы, гдѣ обитаетъ безсиліе мужской организаціи. Загляните въ святилища науки; полюбуйтесь на это цвѣтущее и пылкое юношество, отъ восемнадцати до двадцати двухъ или трехъ лѣтъ возраста: какое множество дарованій! сколько свѣтлыхъ и сильныхъ головъ! сколько благороднаго порыва ко всему прекрасному, высокому и славному! Сердце радуется при видѣ этой массы блестящаго цвѣта человѣчества; вы уже предвидите новую эпоху свѣта и славы на землѣ, и ждете той минуты, когда эти волны свѣжаго и кипучаго генія разольются по ея поверхности, чтобы омыть и обновить планету. Тщетное ожиданіе! Все это утонетъ въ пучинахъ лѣни, эгоизма и безхарактерности. Едва одинъ или два таланта всплывутъ при этомъ ежегодномъ крушеніи надеждъ человѣчества и выйдутъ гдѣ-нибудь на берегъ. Я не женщина, а самъ часто бывалъ влюбленъ въ эти чудесныя проявленія внутренней мужской красоты, и самъ составлялъ изъ нихъ идеалы великихъ мужчинъ. Увы! и мои идеалы были также разбиты впрахъ разочарованіемъ! Увлеченные восторгомъ, вы украшаете ихъ будущность самыми дорогими цвѣтами мечты, вы стараетесь утвердить ихъ въ благомъ намѣреніи отличиться,

подстрекаете ихъ самолюбіе, руководите неопытность; вы готовы даже употребить свои усилія, чтобы помочь ихъ успѣхамъ; они работаютъ, рвутся, сгораютъ желаніемъ удивить свѣтъ собою — идутъ — пошли! Нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ же засіяли въ высотѣ яркими метеорами и озарили подъ собою болѣе или менѣе обширное пространство. Другіе еще во мракѣ поднимаются на воздухъ. Привѣтствуйте ихъ! Рукоплещите! Вотъ мужчины! вотъ истинные представители силъ своего пола! Но, спустя нѣсколько лѣтъ, вдругъ сталкиваетесь вы случайно съ ними гдѣ-нибудь на узкой и темной тропинкѣ жизни. Боже мой! они ли это?... Узнать невозможно!... Пошлость пошлостей, и всяческая пошлость! Все свое благородное одушевленіе, весь энтузіазмъ къ прекрасному и великому, всѣ лучи своего мгновеннаго свѣта и будущаго торжественнаго сіянія, продали они за блестки тщеславія или за мелочныя житейскія выгоды. Первыя усилія уже измучили ихъ, первыя трудности ихъ испугали: они уже не парятъ, но ползаютъ; священный огонь потухъ въ ихъ слабой груди, и мужество совершенно ихъ оставило. Всѣ пружины новой и сильной души распустились, и колеса этого чудеснаго механизма, разобщенныя между собою, идутъ врозь или стоятъ неподвижно, покрытыя ничтожною пылью Понятія ихъ огрубѣли; страсти приняли жалкое и нерѣдко прискорбное направленіе; чувственность и эгоизмъ овладѣли опустѣлымъ умомъ и увлекли его съ собою въ безславныя бездны «нѣги», или, по-просту, лѣни. Мужчины ли это?...

Едва-ли! Внутри ихъ уже нѣтъ ничего истинно мужскаго. Въ нихъ не видно ни твердости духа, ни сильной воли, ни того желѣзнаго терпѣнія, которое должно обитать въ каменной груди мужчины и составлять нераздѣльную часть его генія. Они ищутъ только легкаго и удобнаго. Наслажденіе сдѣлалось идоломъ ихъ сердца и верховнымъ закономъ ихъ логики: этотъ мерзкій тиранъ мучитъ ихъ безконечно, и они, въ терзаніяхъ своихъ, мучатъ все, что̀ только слабѣе ихъ самихъ. Я не знаю, во всей природѣ, ничего печальнѣе этого зрѣлища!... Прежнія блестящія способности, прежнія дарованія, однакожъ, живутъ въ нихъ еще: но эти люди уже не хотятъ пошевелиться, чтобы привесть въ дѣйствіе свою внутреннюю силу, или малодушно жалуются на судьбу, тогда какъ отъ нихъ самихъ зависѣло бы и теперь еще покорить ее себѣ, еслибъ въ нихъ была рѣшимость, воля и терпѣніе, достойныя мужчины. Повальная болѣзнь и гибель нашего пола — недостатокъ твердой воли надъ собою. Увы! нашъ почтенный Валеріанъ принадлежалъ къ разряду этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, этихъ падучихъ звѣздъ человѣчества, которыя возгораются только для того, чтобы освѣтить свое паденіе. Своимъ отчаяннымъ поступкомъ онъ даже поставилъ себя въ челѣ разряда. Онъ еще не имѣетъ недостатковъ и пороковъ этихъ людей: но онъ будетъ имѣть ихъ; отъ такого прекраснаго начала можно ожидать всего на свѣтѣ. Тотъ, кто умышленно скрылся изъ виду у людей, затѣваетъ что-то неблагородное. Нѣтъ, какъ вамъ

угодно, сударыни: если Анна, послѣ этого, захочетъ выйти за него замужъ, то, несмотря на все ея желаніе и не взирая на согласіе графини Маріи и ваше — графа Андрея мы тутъ не считаемъ — я на этотъ бракъ не согласенъ! Кажется, я тоже имѣю какой-нибудь голосъ въ этомъ дѣлѣ!

А впрочемъ, жените ихъ когда угодно. Но я ужъ не отвѣчаю за послѣдствія!... Я умываю руки.

Можете ли, спрашиваю, вы сами любить его?... Анна не можетъ: она совершенно согласна съ моимъ мнѣніемъ о сущности его поступка.

Нѣтъ, и вы не можете! Его никакъ нельзя любить женщинѣ со свѣжимъ сердцемъ. Развѣ, паче чаянія, онъ исправится?... Тогда, другое дѣло!

Исправиться въ малодушіи?... Легко ли это? Возможно ли это?

Мужчинѣ, одному, это чрезвычайно трудно, почти невозможно. Но здѣсь-то начинается великая роль женщины. Здѣсь-то всякіе разные ученые должны, снявъ парики, поклониться въ-землю удивительному соображенію природы. Сила безсильна безъ слабости! Слабость назначена укрѣплять силу! Одна только женщина можетъ исправить малодушнаго мужчину. Одно только чудесное вліяніе ея «первой любви» въ состояніи вырвать грубаго и лѣниваго себялюбца изъ грязнаго логовища чувственности и сдѣлать изъ него человѣка, истиннаго и могучаго мужчину. Къ этой великой нравственной цѣли, за которою стоятъ всѣ успѣхи, вся образованность, все благосостоя-

ніе человѣчества, приспособлено ея воображеніе, ея сердце, вся ея любовь — первая — лучшая — истинная — органическая любовь. Инстинктъ воспроизведенія, или любовь животная, служитъ ей уже только продолженіемъ и дополненіемъ, и, сначала, онъ всегда заглушенъ въ женщинѣ самою природою, которая для этого и создала стыдливость, скромность и чистоту: эти небесныя качества не имѣли бы цѣли на землѣ, еслибы настоящая любовь женщины, послушавшись мудрецовъ, изображала собою, подобно мужской, просто, одну животную сторону организма, одинъ инстинктъ размноженія племени: онѣ вѣдь не даны мужчинѣ!... Почему же природа дала женщинѣ инстинктъ избирать въ мужчинѣ, для любви, предпочтительно его молодость? Изъ разсчетовъ чувственности?... Неправда! Потому-что, въ первой молодости, мужчина, какъ мы видѣли, обыкновенно одушевленъ высокими стремленіями, подаетъ самыя блестящія надежды на свое будущее, и еще обѣщаетъ сдѣлаться похожимъ на идеалъ мужчины. Природа знаетъ великій порокъ его пола — недостатокъ твердой воли надъ собою — и, прежде чѣмъ эта страшная болѣзнь истребитъ высокія стремленія, она подоспѣваетъ къ нему съ «первою любовью» женщины, основанною на идеалѣ, съ мечтою и ласкою нѣжной слабости, чтобы подстрекнуть его и не допустить силы до паденія. Мудрая и благая мѣра!... Жаль только, что и она не всегда удается.

Молчите же, грубые матеріялисты! Поклонники плоти и праха, не ваше дѣло судить о женщинѣ!

Полноте, великія свѣтила романа, разсказывать намъ эти противоестественныя исторіи о первой любви красавицъ къ вашимъ пламенно-ничтожнымъ Владимірамъ: они физіологически не возможны. Вы сами не знаете о чемъ говорите. Молчите, и слушайте: я стану разсуждать о первой любви. То, что̀ вы называете «первою» любовью, удивляясь ея постоянству и силѣ, не что̀ иное какъ любовь, еще не разбившаяся о разочарованіе — не имѣвшая случая разбиться: а которая она любовь, первая или десятая, того вы сами не знаете. И это самое торжественное доказательство, что женщина — уже почти не тѣло, а мечта, воображеніе; что это — совершеннѣйшее произведеніе природы; что она — не организмъ, остановленный вполовинѣ своего развитія, но организмъ, доведенный до ближайшей точки матеріи къ духу, до крайняго предѣла утонченія и облагороженія вещества въ человѣческой формѣ, а мужчина, напротивъ, есть организмъ, переросшій эту мѣру тонкаго и слишкомъ нѣжнаго совершенства, огрубѣлый до матеріяльной чувственности и силы, и назначенный къ охраненію этого совершенства, этого истиннаго типа человѣка — назначенный строить дома, ткать бархатъ и кружево, рыться въ землѣ за золотомъ и алмазами, хлопотать, драться, судить, рядить, рубить дрова и производить нѣмецкую философію, словомъ, исправлять всѣ черныя работы на землѣ, которыхъ послѣдній и конечный результатъ — безопасность, благо и наслажденіе женщины, а тамъ и облагороженіе самого мужчины черезъ хорошо охраненную и счаст-

ливую женщину. Умная, благородная, прекрасная и счастливая женщина: вотъ верхъ человѣчества! вотъ цвѣтъ природы! вотъ существо!... Поставьте рядомъ съ нею самаго отборнаго мудреца, самаго ученаго Платона, и сравните: — глупецъ — дрянь — и horreur!... Она проведетъ его на каждомъ шагу. Она сто разъ въ день поставитъ его въ дураки. Тотъ мужчина и великъ умомъ, тотъ изъ насъ и геній, кто, при огрубѣніи матеріи, въ переросшихъ для силы формахъ, случайно сохранилъ въ ней быстроту и тонкость женскаго ума, подвижность, колоритъ и богатство женскаго воображенія. Первая любовь?... понимаете вы ее! Загляните, безъ предубѣжденій своей чувственности, въ юное и свѣжее сердце: первая мечта всякой дѣвушки — о великомъ человѣкѣ, о могучемъ и славномъ мужчинѣ, которому бы она, въ естественномъ страхѣ за свое нѣжное совершенство, могла ввѣрить себя съ энтузіазмомъ и безпредѣльнымъ удивленіемъ. Въ этой мечтѣ заключена и первая, истинная, безусловная любовь ея, со всѣми своими восторгами, блаженствами и чарами. Эта любовь всегда идеальна. Если мечта не сбудется, если она поблекнетъ, завянетъ и разсѣется передъ безцвѣтною дѣйствительностью вашего свѣта, первая любовь улетаетъ вмѣстѣ съ волшебною мечтою. Тогда, грустное и тоскующее сердце остается открытымъ для «утѣшителей» для Влидиміровъ съ товарищи, для всѣхъ условныхъ и второстепенныхъ любвей, заваждаемыхъ уже простою необходимостью быть кѣмъ-нибудь охраняемою на землѣ — другими словами, быть

кѣмъ-нибудь любимою и любить на-удачу кого бы то ни было. Всѣ эти любви уже не истинны, какъ бы горячи онѣ ни были вначалѣ. Онѣ крайне непрочны, капризны, взыскательны, и всегда готовы перейти на другой предметъ, если тотъ, на который онѣ упали — monsieur Woldémar et Comp., — не постарается хоть нѣсколько приблизиться къ первому идеалу и питать душу удивленіемъ. Тотъ же самый рядъ явленій повторяется и въ такомъ случаѣ, когда первая мечта тотчасъ найдетъ себѣ приложеніе въ окружающемъ мірѣ, и сокрушится потомъ о разочарованіе, съ страшною болью для обманувшейся души. Но первая, идеальная, истинная любовь женщины никогда не умираетъ; ея не могутъ заглушить никакія второстепенныя страсти: потому-что она органическая и на ней основано, втайнѣ, все благосостояніе человѣчества, вещественное, нравственное и умственное — она можетъ вспыхнуть уже послѣ второй, третьей, пятой и десятой любви — можетъ даже вспыхивать нѣсколько разъ въ жизни, всякій разъ какъ передъ глаза предстанетъ такой могучій, славный и удивительный мужчина. Одна она, изъ всѣхъ любвей, великая, полная и восторженная любовь. Въ ней одной заключается безусловное блаженство женщины. Всѣ прочія любви — только суррогатъ этой, коренной — подражанія — поддѣлки — чувства, исправляющія должность любви. Люди на нихъ женятся, но искусство не должно ими заниматься. Вся исторія Анны есть и будетъ развитіе и подтвержденіе этихъ непре-

ложныхъ истинъ. Теперь вы знаете мою мысль. Но я все-еще разсуждаю.

Я буду разсуждать до безконечности.

Не думаетъ ли, напримѣръ, monsieur Valérien, или, какъ Софія называла его впослѣдствіи — *ce vilain* Valérien! — *ce méchant* Valérien — блаженствовать на этомъ свѣтѣ съ супругою, которая станетъ любить его «изъ участія»? Вотъ странный молодой человѣкъ! Судьба послала ему любовь за доблесть — чудную, великую любовь! — а онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы промѣнять ее на взбитые сливки — на любовь изъ участія — дѣлается маленькимъ, незримымъ, жалкимъ, представляется угнетеннымъ и несчастнымъ, приноситъ самопожертвованія, вымаливаетъ слезы для своихъ малодушныхъ страданій, поцѣлуя для своего покойнаго величія, улыбки для своего новаго званія ничтожества! И когда подумаешь, что онъ промѣнялъ ее изъ тщеславія, единственно по самонадѣянности! Надобно же умному мужчинѣ такъ тонко понимать женщину. Сердце женщины — вѣчная доброта, это правда, и участіе — одинъ изъ главныхъ источниковъ любви ея. Почти всѣ мужчины почерпаютъ въ этомъ обильномъ источникѣ. Когда у нихъ нѣтъ настоящихъ несчастій, они изобрѣтаютъ себѣ искусственныя горя и терзанія: прежде всего, горько жалуются на людей и судьбу, которые будто-бы ихъ не узнали; если этого мало, то пускаются въ архитектуру и трагедію: строятъ у себя въ груди бумажные «ады» и «волканы», мучатся, кривляются, плачутъ, блѣд-

нѣютъ, худѣютъ, ложатся въ постель, приходятъ въ отчаяніе, покупаютъ кинжалы, приставляютъ ко лбу незаряженные пистолеты — иногда и заряжаютъ одно дуло — но тогда ужъ не приставляютъ. Стыдно смотрѣть!... Но штука почти всегда удается. Это, конечно, гораздо легче чѣмъ удивлять свѣтъ собою и получить сердце, полное восторга, въ награду за наличное превосходство. Но каковы средства, такова и любовь. Послушай же, Валеріанъ! Анна добра, удивительно добра; прибавивъ къ твоему самопожертвованію нѣсколько архитектуры и трагедіи, ты тронешь ея сердце — она будетъ любить тебя изъ участія къ твоему горестному, ужасному положенію — но, еще не обсохнетъ это перо, это солнце еще не закатится, какъ вымоленная страданіемъ любовь перейдетъ въ простое состраданіе, а завтра, не далѣе какъ завтра, состраданіе превратится въ презрѣніе. Я не Брамбеусъ, если это не правда! Несчастія, паденія — не мужское дѣло. Предоставь ихъ женщинамъ. Хочешь ли быть *истинно* любимымъ!... Женщина, чтобъ быть прекрасною и очаровать твою чувственность своей наружностью, должна мужественно терпѣть и страдать. Это основное правило ея тоалета прилагается во всей точности и къ мужчинѣ, когда рѣчь идетъ о прочномъ очарованіи ея воображенія и объ истинной любви. Терпи, страдай, трудись, борись мужественно со страстями людей и рокомъ, чтобы превзойти другихъ: тогда будешь прекрасенъ въ глазахъ ея! Уже ея дѣло — усладить твое страданіе, уврачевать твои раны, разлить тайную прелесть на твое мучитель-

ное существованіе, наполнить его внутреннимъ блаженствомъ и, если нужно, даже пожертвовать собою, для утѣшенія тебя въ бѣдѣ. Это — ея непреложное право. Она дорожитъ имъ безконечно, потому-что безъ него перестаетъ она быть настоящею женщиною: лишается возможности развить свое женское величіе и, становясь, просто, страдательнымъ предметомъ мужской чувственности, унижена въ сознаніи своего собственнаго достоинства.

Узнайте же наконецъ женщину и ея высокое назначеніе въ природѣ. Она послана на землю одушевлять васъ къ славнымъ дѣламъ, поддерживать въ великихъ трудахъ, и за мужественное терпѣніе дарить сокровищами своей чудесной души. Безъ нея, здѣсь, не было бы ничего ни великаго ни славнаго. Посмотрите на общество! посмотрите, какъ слаба и непостоянна любовь ея въ тѣхъ классахъ, гдѣ богатство способствуетъ къ праздности мужчины и тѣлесная лѣнь увлекаетъ его въ умственное бездѣйствіе, и какія чудеса своей силы являетъ она въ тѣхъ отрасляхъ общества, которыхъ мужчины принуждены дѣлать огромныя усилія, чтобы отличиться отъ толпы и трудною борьбою достигнуть личнаго возвышенія! Узнайте, говорю, женщину, и, когда пишете исторію ея любви, ея сердца, старайтесь возвратить ей законный санъ въ человѣчествѣ, настоящее мѣсто въ природѣ, и неприкосновенныя права въ нравственномъ мірѣ, попранныя вашею чувственною грубостью. Выкиньте изъ головы пошлую мысль, будто вы — владыки творенія.

Она — царица природы, а вы только ея тѣлохранители, работники и намѣстники. Все на землѣ дѣлается или черезъ нее или, окончательно, для нея. Она — настоящій человѣкъ: вы — только его подпора, стража, ограда, и бумажный колпакъ. Ея первая любовь — первая пружина образованности, успѣховъ и величія рода человѣческаго. Все идеальное, возвышенное и славное сосредоточено въ этомъ основномъ чувствѣ, которое царствуетъ надъ нравственностью, какъ духъ надъ плотью. Самая идея нравственности проистекаетъ изъ женщины. Эти истины ужасно обидны для нашей мужской гордости; многіе изъ мужчинъ не захотятъ имъ вѣрить; иные даже разсердятся: ну, да въ томъ ли дѣло, когда рѣчь идетъ объ истинѣ?... Я увѣренъ, что ни одна умная женщина, понимающая хоть нѣсколько свое сердце, не станетъ оспаривать того, чтò я имѣлъ честь сказать объ ея полѣ и о первой любви, по моему крайнему разумѣнію: а чтò касается до мужчинъ, то — пусть ихъ сердятся! — пусть хоть всѣ вмѣстѣ ополчатся на меня!... Развѣ я ихъ боюсь?

«Которые пишете исторію сердца и любви женщины»: это, какъ кажется, относится къ сочинителямъ повѣстей и романовъ?... Я буду разсуждать и объ нихъ.

Я чрезвычайно уважаю всѣхъ этихъ мудрыхъ и великихъ мужей, но какъ дѣло пошло на откровенность, то ужъ скажу смѣло и то, чтò думаю объ ихъ чудесныхъ произведеніяхъ. Дѣло очень важно для всѣхъ васъ, сударыни. Оно касается основаній вашего владычества и вашего счастія.

По моему крайнему разумѣнію, нѣтъ рода въ литературѣ — не исключая даже поздравительныхъ стиховъ — болѣе смѣшнаго, ложнаго, уродливаго, болѣе противнаго искусству, прекрасному и, слѣдственно, нравственности, какъ новѣйшій романъ. Ни Греки, ни Римляне не писали романовъ. Первые романы создались въ средніе вѣка. Аравитяне на Востокѣ положили имъ начало, и вскорѣ нашли себѣ подражателей у западныхъ народовъ, предавшихся бедуинскому рыцарству. Этотъ новый родъ словесности, какъ всегда случается въ искусствѣ, первоначально вылился изъ предчувствія великой нравственной истины и, въ первую минуту, выражалъ собою, еще въ грубыхъ формахъ, идею здравую и совершенно согласную съ природою. Чтò видимъ мы въ *хикаетѣ* восточныхъ и въ *романѣ* рыцарскихъ народовъ Европы? какая ихъ общая и самая разительная черта?— Торжественное вліяніе женщины и ея первой любви на совершеніе славныхъ дѣлъ и образованіе великихъ мужчинъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ, «героини» — необыкновенныя красавицы, какъ и въ новѣйшемъ романѣ; но «герои» — отнюдь не «страстные и прелестные» Владиміры, а настоящіе герои, истинно геніальные мужчины, великіе люди, которые, изливая свой геній на главное и почти единственное занятіе мужчинъ того времени, ищутъ славы и совершаютъ самые невѣроятные подвиги, чтобы удостоиться любви чистой и скромной красавицы. Въ этомъ положеніи своей основной идеи, романъ вполнѣ соотвѣтствовалъ высокой цѣли искусства, которая состоитъ въ

облагороженіи человѣка посредствомъ впечатлѣній прекраснаго: онъ равно былъ полезенъ и женщинамъ и мужчинамъ — первымъ показывая настоящее назначеніе ихъ красоты и ея чудесную силу въ человѣчествѣ — вторыхъ одушевляя къ мужественному употребленію своихъ способностей блестящими примѣрами торжества твердой воли, терпѣнія и неустрашимости въ борьбѣ съ судьбою, всегда готовою отдать своему побѣдителю славу между людьми и сердца̀ красавицъ. Если бы романъ продолжалъ донынѣ идти тѣмъ же путемъ, онъ стоялъ бы теперь въ челѣ словесности и искусства, на-ряду съ исторіей. Но что̀ онъ теперь? Стокъ нечистыхъ семейныхъ сплетней! Что̀ въ немъ дѣлаютъ люди? Ѣдятъ, пьютъ, гуляютъ, играютъ въ карты, разсматриваютъ мебель, считаютъ деньги, плутуютъ, ссорятся безъ мужества за вздоры, стрѣляются безъ храбрости за пустяки. Что̀ дѣлаютъ герои? Тоже, что̀ люди, но только, на-придачу, эти два признанныя ничтожества бросаютъ страшные огненные взгляды другъ на друга, любятся безъ толку и отчета, горятъ, пылаютъ, цѣлуются, вздыхаютъ, плачутъ, падаютъ то въ бѣло-каленые восторги, то въ звѣрскія отчаянія, дѣлаютъ всѣ возможныя глупости, и, въ заключеніе, бросаются безъ славы въ супружество или въ могилу. Это — воображеніе! это — прекрасное!... Спрашиваю: можно ли придумать что̀-нибудь мелочнѣе и пошлѣе такой словесности и такого искусства? Можно ли въ вѣкѣ, который прославляетъ себя ученымъ и наблюдательнымъ, дойти до такихъ превратныхъ и смѣшныхъ по-

нятій о женщинѣ, ея первой любви, и ихъ назначеніи на землѣ? Во всѣхъ этихъ книгахъ, не исключая и тѣхъ, которыя, считаются за «очень нравственныя», я вижу одно направленіе: онѣ всячески стараются низвести женщину къ чувственности и поровнять ея эѳирныя мечты съ топорною мужскою страстью. Онѣ стѣсняютъ понятія женщинъ, ограничивая кругъ нравственнаго дѣйствія красоты и занимая ихъ только пустыми дѣлами пустыхъ людей. Онѣ унижаютъ ихъ передъ ними же, изображая женщину существомъ безтолковымъ, мелочнымъ, чувствительнымъ къ одной наружности, чуждымъ всякихъ возвышенныхъ стремленій, и самовластно даря ея первую любовь, драгоцѣнный залогъ всего великаго, безцвѣтнымъ ничтожествамъ за смазливое лицо, дрянную дуэль и нѣсколько качествъ сердца, годящихся только для хозяйства: какъ-будто съ этихъ господъ, будь они Владиміры или Волдемары, не довольно второй или третьей любви!... Онѣ, эти книги, обманываютъ женщинъ и дѣлаютъ несчастными, внушая имъ ложныя понятія о сущности ихъ любви и ихъ счастія. Въ послѣднее время сочинители романовъ вдругъ вздумали возвеличить женщину: и чѣмъ же?... новымъ униженіемъ ея достоинства! Они стали представлять «великими женщинами» тѣхъ погибшихъ женъ, которыя, измѣнивъ ничтожнымъ мужьямъ, берутъ себѣ ничтожныхъ любовниковъ и рѣшаются быть имъ героически вѣрными. Какъ вы себя чувствуете сударыни, въ этихъ прекрасныхъ роляхъ, которыя разъигрываете въ занимательныхъ твореніяхъ на-

шего умнаго воображенія?... Европейцы возвратили вамъ свободу: но они, хуже Татаръ, мучатъ и угнетаютъ васъ своимъ романомъ! Турчанка, читая «*Мигръ у Магъ*» въ глухомъ гаремѣ, навѣрное, тысячу разъ болѣе гордится своимъ саномъ женщины и болѣе сознаетъ въ себѣ могущества красоты, нежели вы, читая «Mathilde, ou Les Mémoires d'une jeune femme». А не угодно ли полюбоваться на чудесное дѣйствіе нашего романа на мужчинъ? Знаете ли вы во всей природѣ что̀-нибудь лѣнивѣе и ничтожнѣе европейскаго мужчины, предавшагося чтенію романовъ?... Вотъ, что̀ я думаю о новѣйшемъ романѣ, по крайнему своему разумѣнію.

Я долженъ былъ сказать все это. Длинны ли коротки ли, скучны ли или веселы мои разсужденія, но они тѣсно и неразрывно связаны съ предметомъ. Необходимо нужно привесть, наконецъ, въ ясность великій вопросъ о первой любви и счастіи, потому-что, какъ я замѣтилъ, весьма многія дѣвицы и молодыя женщины, при всемъ ихъ желаніи, *не умѣютъ любить:* онѣ всѣми силами раздуваютъ въ себѣ холодный искусственный огонь, чтобы «обожать» кого-ни-попало единственно изъ соперничества, оттого что видятъ подругъ своихъ влюбленными; не знаютъ своей необычайной, вещественной и нравственной важности въ чинѣ творенія, не умѣютъ даже составить себѣ порядочнаго идеала мужчины, не знаютъ кого и за что̀ велѣно имъ любить, не могутъ отдать себѣ отчета въ собственныхъ своихъ чувствованіяхъ, и не понимаютъ, въ чемъ, по закону природы, со-

стоитъ то знаменитое «счастіе», о которомъ по-обязанности мечтаетъ всякая женщина: до такой степени понятія ихъ смущены, инстинктъ пола искаженъ, воображеніе разстроено и унижено лжеумствованіями новѣйшаго романа! Нужно было съ точностью опредѣлить всѣ эти статьи также и для того, чтобы поставить Анну, съ ея первою любовью, и Валеріана, послѣ его малодушнаго поступка, въ надлежащихъ для каждаго изъ нихъ точкахъ передъ основными инстинктами человѣческаго сердца, и рѣшить, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Романы увѣрили васъ, сударыни, будто ваше сердце, полюбивъ однажды мужчину первою любовью, которую они представляютъ «безотчетною» и проистекающею изъ неясныхъ чувственныхъ источниковъ, уже не можетъ разлюбить его, что̀ бы онъ ни сдѣлалъ: когда особа и сердце остаются тѣ же, то, по ихъ убѣжденію, честь женскаго сердца требуетъ отъ васъ вѣчной и неизмѣнной любви для этого человѣка. Такое ученіе очень удобно для лѣни и эгоизма мужчинъ, и не мудрено, что они столько хлопочутъ объ утвержденіи его въ вашемъ образѣ мыслей; но природа имѣетъ на вашу первую любовь гораздо высшіе и благороднѣйшіе виды, и если только голосъ ея еще не заглушенъ въ душѣ, то она не позволитъ долѣе любить лѣнивое и чувственное ничтожество, лишь-только его малодушіе и склонность къ праздному наслажденію будутъ замѣчены врожденною проницательностью женщины. Вы дотого запутаны въ сѣти коварнаго мужскаго романа, что стараетесь и сами увѣрять насъ, будто

любите только однажды въ жизни и не въ состояніи разлюбить того, кому разъ отдали свое сердце: а между-тѣмъ — выслушайте меня хорошенько!— между-тѣмъ въ непреложномъ правѣ вашемъ казнить разлюбленіемъ природа помѣстила ваше собственное величіе и великое средство исправлять мужчину! Что значили бы вы безъ этого права? Берегитесь! Романъ хочетъ отнять его у васъ. Ваши намѣстники, въ прекрасномъ царствѣ женщины на землѣ, совершенно похожи на визирей Великой Бухаріи, которые, убѣдивъ своихъ довѣрчивыхъ повелителей никогда не смѣнять себя, порабощаютъ ихъ своей власти. Ваши тѣлохранители, которые страхъ не любятъ борьбы съ судьбою, залили чернилами слова «La plus belle au plus *vaillant*», въ древнемъ романѣ, и теперь стараются они стереть съ любви до послѣдней буквы, символъ вашего могущества и истиннаго счастія, эту торжественную надпись природы на вашемъ сердцѣ: любовь прекраснѣйшей принадлежитъ доблестнѣйшему! Ваши работники, посредствомъ своего новаго романа, которому вы только пугливо подражаете, когда сами берете перо въ свои слабыя руки, положительно стремятся къ тому же, къ чему всегда и вездѣ стремились мужчины — чтобы искоренить въ васъ любовь, основанную на идеалѣ истиннаго мужчины, какъ тягостную для своей лѣни, какъ жестокій и постоянный упрекъ своему ничтожеству, какъ главное орудіе вашего безусловнаго владычества надъ ихъ поломъ, за которое, отъ сотворенія міра и донынѣ, воюютъ они съ вами то силою то хи-

тростью — чтобы эту волшебную любовь замѣнить безотчетною чувственностью — и чтобы васъ, царицъ природы, васъ, повелительницъ всего этого бородатаго пола, обратить наконецъ въ своихъ работницъ — въ хозяекъ по дому и нянекъ для дѣтей — въ аккуратныхъ и трудолюбивыхъ Нѣмочекъ — въ пошлыхъ матушекъ безъ поэзіи и блеску. Берегитесь!... я васъ предостерегаю — я — вашъ старинный доброжелатель — вашъ вѣрный и покорный слуга, баронъ Брамбеусъ.

Конецъ разсужденіямъ. Пора возвратиться къ Аннѣ и Валеріану. Процессъ ихъ конченъ. Дѣло рѣшено и подписано. Виновный наказанъ. Этому молодому человѣку прочитали мы такое нравоученіе, котораго, надѣюсь, по смерть онъ не забудетъ. Впрочемъ, это очень здорово для молодыхъ людей.

Размолвка Анны съ своимъ женихомъ глубоко опечалила Софію и все ея семейство. Послѣднія слова взволнованной кузины встревожили добрую дѣвушку, и она нѣсколько разъ глазами искала вокругъ себя Валеріана, чтобы спросить у него о причинѣ ссоры; но онъ уже не появлялся въ залѣ, и вскорѣ исчезъ даже изъ собранія. Софія однакожъ недолго мучила себя догадками. Когда гости начали разъѣзжаться, ея князь Леонидъ, которому она упомянула о своей печали, нѣсколькими словами уничтожилъ ея недоумѣніе. Онъ уже слышалъ отъ короткихъ пріятелей Валеріана о подачѣ имъ въ отставку отъ званія великаго человѣка по неудовольствіямъ съ дураками, и едва доложилъ онъ объ этомъ Софіи, какъ благород-

ная дѣвушка пришла въ такое негодованіе на своего знаменитаго друга, что и не нужно было искать другихъ причинъ для объясненія гнѣва и печали Анны. Она тотчасъ разсказала все своей матери. Мадамъ Б*** сначала не хотѣла вѣрить возможности такого сумасбродства со стороны столь умнаго человѣка, но основательность извѣстія была подтверждена и княземъ Леонидомъ и еще нѣсколькими, уѣхавшими, мужчинами: они слышали то же самое въ городѣ и даже читали въ одной газетѣ отреченіе Валеріана отъ своего псевдонима и, слѣдовательно, отъ своихъ напечатанныхъ сочиненій.

Это странное обстоятельство подало поводъ къ важному и продолжительному разсужденію. Отецъ Софіи коротко и рѣзко объявилъ свое мнѣніе о новомъ Лейзевицѣ и о всѣхъ Лейзевицахъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, которыхъ число, по-несчастію, безконечно: онъ называлъ такихъ людей солдатами съ оружіемъ въ рукахъ, но безъ мужества въ груди, измѣнниками своему призванію, отечественной славѣ и человѣчеству. Мадамъ Б*** была въ бѣшенствѣ: чувствуя, по своему собственному сердцу, что Анна не можетъ въ такомъ человѣкѣ уважать мужчины, и предвидя неминуемый разрывъ между ними, она тѣмъ болѣе была огорчена поступкомъ Валеріана, что въ тотъ же вечеръ говорила всѣмъ своимъ пріятельницамъ объ немъ и о своей племянницѣ какъ о женихѣ и невѣстѣ.

На слѣдующее утро, Софія, безпокоясь о своей бѣдной кузинѣ, поѣхала къ ней около полудня.

Анна провела ночь и все утро въ ужасныхъ мученіяхъ сердца и совѣсти. Все, что мы здѣсь думали съ вами о Валеріанѣ, она передумала тысячу разъ, съ начала до конца: каждый разъ сострaданіе, потокомъ слезъ, смывало съ души эти горькія думы, и, спустя мгновеніе, онѣ опять струились изъ ранъ разорваннаго сердца и снова заливали душу горечью. Но въ истинной любви нѣтъ середины: человѣкъ любитъ безпредѣльно, или вовсе не любитъ; едва любовь въ немъ поколебалась — какъ-будто палецъ злаго колдуна прошелъ по душѣ и протянулъ роковую черту по ея видѣніямъ: все волшебство исчезло, и нѣтъ возможности возстановить его. Анна дѣлала тщетныя усилія, чтобы снова зажечь священный огонь, который такъ долго и такъ благоговѣйно хранила она въ святилищѣ души своей: жертвенникъ былъ опрокинутъ!... разбитый съ презрѣніемъ кумиръ не могъ сотворить чуда!... Она приходила въ отчаяніе, ломала руки, и призывала мщеніе неба на свою голову.

— Софія! Софія! вскричала она, бросаясь, съ блѣднымъ лицомъ и страшнымъ взоромъ, на встрѣчу къ входящей двоюродной сестрѣ и судорожно схватывая ее за обѣ руки: ты сказала?... ты все сказала ему?

— Нѣтъ, я его не видала, спокойно возразила Софія.

— Я спасена! съ глубокимъ вздохомъ воскликнула Анна. — Я спасена!... тихо повторила она, опускаясь въ кресла и закрывая лицо руками. —

Не говори ему ничего. Онъ несчастенъ.... Онъ долженъ быть ужасно несчастенъ!

— Если ты не хочешь, отъ твоего имени, я не скажу ничего, примолвила Софія: но мнѣ не смѣй онъ попадаться на глаза!... Я его уничтожу!... Этакой злой!... этакой обманщикъ!... Онъ, навѣрное, сжегъ и мою книгу.... Я его ненавижу! А ты, любишь ли ты его еще?

— Нѣтъ, отвѣчала Анна едва внятнымъ голосомъ.

— Чтожъ ты теперь думаешь дѣлать?

— Пожертвовать собою! съ живостью сказала она: отвѣчать ему самопожертвованіемъ!... Дѣло пошло на самопожертвованія!

— Какъ такъ? Развѣ глупость, которую сдѣлалъ, онъ называетъ самопожертвованіемъ?

— Безъ-сомнѣнія.

— Самопожертвованіемъ для кого?

— Разумѣется, для меня.

— Ну, вотъ они всегда такъ! съ жаромъ воскликнула Софія. Боже мой! что за ужасный полъ, эти мужчины! Что ни сдѣлаютъ изъ тщеславія, изъ лѣни, изъ эгоизма, все выдаютъ за великодушіе, за подвигъ, за самоотверженіе. Сдѣлай милость, объясни мнѣ это. Я не понимаю!

Анна въ немногихъ словахъ повторила содержаніе великолѣпной рѣчи Валеріана.

— Да развѣ ты просила его объ этомъ? замѣтила Софія. Развѣ онъ не знаетъ, что онъ, его слава и все, что въ немъ есть, принадлежатъ тебѣ, а не ему? Вотъ странный человѣкъ! распоряжается, не спросясь, твоимъ добромъ какъ

своей собственностью!... приноситъ въ жертву то, что̀ составляетъ лучшее его украшеніе, то, на чемъ основывается право его на всеобщее удивленіе!... и приноситъ, не узнавъ напередъ, доставитъ ли его жертва удовольствіе тебѣ!... не разсудивъ даже, что̀ ты отъ нея выиграешь!... А онъ-то много выигралъ! Тебя обидѣлъ. Папа̀ не уважаетъ его.... рѣшительно не уважаетъ. Маменька смѣется надъ нимъ какъ надъ школьникомъ, называетъ пустымъ человѣкомъ. А я....

— Твои родители не уважаютъ его! прервала Анна съ жестокою радостью, и поцѣловала кузину за извѣстіе. Ты — моя благодѣтельница, Софія!... Онъ потерялъ уваженіе такихъ людей!... О! онъ долженъ быть очень несчастенъ!... Довольно; я больше не хочу знать: я рѣшаюсь.

— На что̀?

— Скажи ему, когда съ нимъ увидишься, что я горько сожалѣю о моей вчерашней живости, что я страдаю!... Да, да! я рѣшилась!

— На что̀, мой другъ?

— Скажи, что я все забыла.... все!... что я его прощаю.... что сама, на колѣняхъ, молю его о прощеніи за то огорченіе, которое причинила ему, объявивъ такъ откровенно мое мнѣніе объ его малодушномъ поступкѣ. Я рѣшилась!

— Да на что̀ же? Выйти за него?

— Быть вмѣстѣ съ нимъ презираемою и несчастною! Отдать мою жизнь человѣку, котораго уже не люблю и не уважаю.... если это правда, что онъ безъ меня жить не можетъ! Скрыть отъ него мой стыдъ, мои страданія, и посвятить себя

его утѣшенію, его спокойствію, его счастію, изъ благодарности за то, что̀ онъ для меня сдѣлалъ!... чтобы удовлетворить несчастнаго собою за все, чего онъ опрометчиво для меня лишился!

Слезы заблистали на глазахъ Софіи. Она нѣжно обняла Анну и сказала:

— Ты ангелъ!... ты удивительна!... Богъ далъ тебѣ душу и сердце, которыхъ люди никогда не поймутъ и не оцѣнятъ.... Да! онъ несчастенъ! очень несчастенъ!... и, однакожъ, заслуживаетъ быть счастливымъ! Душа у него прекрасна; сердце благородно: жаль только, что онъ мужчина!... то есть, эгоистъ.... который, и въ любви, думаетъ прежде всего о себѣ, о своемъ удобствѣ и своемъ наслажденіи. Ну, да всѣ они таковы! Посмотримъ, каковъ-то будетъ мой Леонидъ: изъ предосторожности, я не стану любить его до самой свадьбы: а тамъ — увидимъ — пусть заслужитъ!...

Анна между-тѣмъ горько плакала.

— Не плачь, душа моя! продолжала добрая Соня. Дай мнѣ свою чудесную ручку: мы съ тобою равны. Вотъ мы теперь обѣ выходимъ замужъ безъ любви....

— Нѣтъ, мы не равны! съ живостью прервала Анна. Твой никому не далъ права презирать себя!

Она зарыдала отъ стыда и отчаянія. Софія всѣми средствами старалась утѣшить ее: говорила, что она можетъ еще полюбить Валеріана впослѣдствіи; что, онъ можетъ еще, современемъ, исправить свою ошибку, заслужить вновь уваженіе свѣта и ея собственное; что, при этихъ усло-

віяхъ, и съ его поэтическою, восторженною любовью, она, безъ-сомнѣнія, будетъ совершенно счастлива и станетъ снова гордиться своимъ выборомъ. Анна не раздѣляла блистательныхъ надеждъ Софіи на будущее: она слишкомъ глубоко была проникнута чувствомъ настоящаго униженія, и въ благородной душѣ своей слышала только страшный голосъ долга, повелѣвавшаго пожертвовать собою для вознагражденія человѣка, который, безразсудно, но не безъ добраго намѣренія, сдѣлалъ себя и ее несчастными. Все, чего желала она себѣ какъ величайшаго блага, заключалось въ скромной надеждѣ, что никто, кромѣ Софіи, не будетъ знать объ ея несчастіи и никто не станетъ сожалѣть объ ней; и Софія дала ей слово не говорить никому въ свѣтѣ о положеніи ея сердца, особенно не говорить ничего своимъ родителямъ и Катенькѣ. Анна заклинала ее употребить все вліяніе свое и матери, чтобы совершенно успокоить Валеріана, чтобы изгладить изъ его души непріятное впечатлѣніе вчерашней откровенности какъ слѣдствія мимолетной досады, и привести его чувства въ прежнее состояніе, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствовать съ полною довѣрчивостью, по внушенію и разсчету собственнаго своего сердца. Добрая дѣвушка обѣщала въ точности исполнить всѣ ея великодушныя желанія.

Гораздо труднѣе было для Анны скрыть свои настоящія чувствованія отъ проницательной матери, чѣмъ отъ Валеріана. Графинѣ Маріи страхъ хотѣлось знать, видѣлась ли она вчера съ своимъ

женихомъ, какъ онъ расположенъ къ будущей тещѣ, и все ли такъ же нравится дочери послѣ долговременной разлуки. Несмотря на всѣ старанія Анны затаить свое горе въ непроницаемой глубинѣ души, опытный взглядъ матери, по измѣненію въ чертахъ и голосѣ, по глазамъ безъ огня, по слишкомъ частому упоминанію о счастіи безъ счастія во всемъ лицѣ, различилъ въ ней признаки внезапнаго охлажденія. Но Анна увѣряла, что она можетъ быть счастлива съ однимъ только Валеріаномъ, и графиня Марія не дала ей замѣтить своихъ подозрѣній.

Когда Софія сказала своей матери, что Анна уже вовсе не гнѣвается на Валеріана и обожаетъ его по-прежнему, мадамъ Б*** удивилась. — Ты знаешь, замѣтила она дочери, что я ненавижу семейный деспотизмъ; но если бы это случилось съ тобою и ты, послѣ такого поступка со стороны твоего жениха, хотѣла за него выйти, я, впервые и въ одномъ этомъ случаѣ, употребила бы власть матери: я бы тебѣ не позволила!... Анна будетъ сожалѣть о своемъ ослѣпленіи.... Но каждый имѣетъ право быть счастливымъ по своему разумѣнію. Теперь ужъ это — не мое дѣло.

Софія ничего не отвѣчала. Она видѣла, что, въ ту минуту, напрасно было бы просить мать о дальнѣйшемъ покровительствѣ для бѣдной Анны.

Валеріанъ три дня сряду не являлся въ домѣ мадамъ Б***. Анна умирала отъ безпокойства. Это продолжительное отсутствіе, столь необыкновенное съ его стороны, начало наконецъ тревожить доброе сердце ея тетки. Софія еще умножи-

ла опасенія своей матери удачнымъ замѣчаніемъ, что, послѣ жестокаго и неожиданнаго упрека Анны, этотъ молодой человѣкъ можетъ рѣшиться на что̀-нибудь отчаянное. Она, по своей преданности Валеріану, невольному отголоску прежней пылкой любви, искренно желала выдать за него Анну, и столько имѣла довѣрія къ качествамъ его души и сердца, что не сомнѣвалась даже въ ихъ будущемъ счастіи. Употребляя это слово «счастіе», какъ всѣ дѣвушки, какъ почти всѣ люди на свѣтѣ, безъ опредѣленнаго значенія, Софія наконецъ возбудила въ матери участіе къ судьбѣ своихъ злополучныхъ друзей. Дѣло шло о скорѣйшемъ успокоеніи Валеріана насчетъ чувствъ Анны. Мадамъ Б*** уговорила своего мужа заѣхать къ нему, посмотрѣть, что̀ онъ дѣлаетъ и зачѣмъ глазъ не кажетъ.

Если Анна была несчастна, если она жестоко страдала, то не трудно вообразить, какъ провелъ эти три ужасные дня Валеріанъ, неосторожный виновникъ общаго горя. «Малодушенъ»!... это слово безпрерывно гремѣло въ его ушахъ. Оно — одно это слово — лишь-только Анна произнесла его — открыло умному человѣку всю бездну новаго положенія, которое онъ себѣ изготовилъ между людьми. Оно въ одно мгновеніе ока уничтожило все волшебное зданіе доказательствъ и выводовъ ума, ослѣпленнаго досадою на вражду бездарности, всѣ льстивыя наущенія эгоизма, который, по-несчастію или, правильнѣе, по-обыкновенію, умѣлъ очень искусно воспользоваться его ослѣпленіемъ. Оно сорвало съ мелкой робости

огромный плащъ великодушія, расписанный пестрыми самопожертвованіями, въ который нарядилъ ее эгоизмъ, и бросило его подъ ноги врожденному благородству. Прежнее величіе и нынѣшнее ничтожество предстали лицомъ къ лицу. Валеріанъ покраснѣлъ. Блѣдность, нѣга и презрѣніе къ «безумной толпѣ» еще не были изобрѣтены въ то время: отецъ Софіи нашелъ поэта убитымъ горестными размышленіями и стыдомъ за самого себя передъ собою. Валеріанъ не принималъ ближайшихъ своихъ друзей. Онъ даже не смѣлъ показаться въ городѣ. Неизвѣстность о расположеніи сердца Анны послѣ первой вспышки негодованія, страхъ ея гнѣва и, что̀ еще ужаснѣе, ея презрѣнія, мысль объ ея печали, страданіяхъ, несчастіи, повергали его въ страшное отчаяніе. Онъ часто вдругъ вскакивалъ съ мѣста, повторялъ послѣднія слова ея — «Мы оба несчастны!» — ходилъ по комнатамъ въ безпамятствѣ, и не зналъ что̀ предпринять для исходатайствованія ея прощенія. Прибытіе друга, всѣми уважаемаго, было для него благодѣяніемъ: онъ почувствовалъ себя поднятымъ изъ униженія однимъ уже присутствіемъ почтеннаго и умнаго человѣка, который, казалось, не отвергалъ его и, по-прежнему, удостоивалъ своей дружбы.

Отецъ Софіи былъ очень ласковъ и любезенъ съ новымъ ничтожествомъ, прежде-бывшимъ знаменитымъ человѣкомъ. Валеріанъ ничего не говорилъ ему о своей ссорѣ съ славою, и тотъ даже не заводилъ объ ней рѣчи. Неизмѣнное уваженіе, какое важный и пожилой сановникъ оказывалъ

своему молодому другу несмотря на измѣнившіяся обстоятельства, мало-по-малу ободрило бѣднаго Валеріана: онъ немножко развеселился и сталъ надѣяться. Отсутствіе было приписано нездоровью. Отецъ Софіи оставилъ мнимаго больнаго, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ выздоровѣетъ завтра къ обѣду, къ великой радости своихъ искреннихъ друзей.

На слѣдующій день, Валеріанъ дѣйствительно къ нимъ отправился; но, умный мужчина, онъ теперь боялся ума мадамъ Б***, и выбралъ такое время, чтобы не застать ея дома, желая сперва повидаться съ Софіей и узнать отъ нея, что̀ объ немъ думаютъ. Она, по старому обычаю, приняла его въ отсутствіе матери — приняла съ радостью, какъ всегда — но, на этотъ разъ, для лучшаго пріема, надулась передъ зеркаломъ, и взяла работу въ руки.

Начало хорошо. Но я опасаюсь за это свиданіе. Софія не довольно умна для такихъ щекотливыхъ объясненій. Лучше бы онъ обратился прямо къ матери; въ рукахъ этой умной женщины самолюбіе его разстаяло бы въ сахарный сиропъ; черезъ полчаса бесѣды, свѣтъ явился бы ему любаго цвѣта — зеленымъ, краснымъ, оранжевымъ—даже полосатымъ, еслибы это было пріятно его глазамъ. Но эта страсть мужчинъ—имѣть болѣе довѣрія къ такимъ женщинамъ, которыхъ они почитаютъ «дурочками» и которыя все-таки тоньше ихъ!

Разговоръ никакъ не завязывался. Софія на

всѣ дружескія учтивости давала только односложные отвѣты.

— Вы печальны? спросилъ наконецъ Валеріанъ.

— Напротивъ.

— Вы веселы?

— Напротивъ.

— Ну, такъ вы сердиты!...

— Я не хочу говорить съ вами.

— Скажите, по-крайней-мѣрѣ, чѣмъ навлекъ я на себя ваше неудовольствіе.

— Вы злой!

— Въ какомъ смыслѣ принимаете вы это слово?... Злой «злой»? или добрый «злой»?

— Вы обманщикъ!

— Вотъ этотъ эпитетъ нѣсколько яснѣе. Но, милая Софія, онъ ужасенъ въ устахъ друга!

— Гдѣ моя книга?

— Ваша книга?

— Да! моя книга!... Конечно, моя!... Та, которую выпросили вы у меня на самое короткое время, для исправленія, обѣщавъ непремѣнно возвратить ее въ цѣлости!... Гдѣ она?

— Я возвращу ее, лишь-только вы перестанете сердиться на меня.

— Возвратите?... Какъ вы можете возвратить ее? Вы только увеличиваете свое преступленіе, прибавляя ложь къ обману. Развѣ я не знаю, чтȯ вы съ нею сдѣлали? Анна вчера разсказала мнѣ все.... все!... понимаете?

— Если она все вамъ разсказала, то, вѣроятно, не забыла упомянуть и о томъ, что, съ своей стороны, она уже простила меня за уничтоженіе этой

книги. Надѣюсь, что вы не захотите отстать отъ нея въ милосердіи и въ снисходительности къ....

— Анна слаба! Анна ослѣплена любовью и вашимъ льстивымъ краснорѣчіемъ! воскликнула Софія съ поддѣльною живостью. Анна слишкомъ добра для васъ! Она посердилась, и все забыла. Но я, я никогда не забуду вашего коварства. Я вамъ — врагъ на всю жизнь!

— Вы слишкомъ жестоко наказываете меня за мою мгновенную необдуманность.... за мою глупость, печально возразилъ Валеріанъ, обрадованный въ душѣ извѣстіемъ о великодушіи Анны. Могу ли на колѣняхъ молить васъ о помилованіи?

— Нѣтъ, не можете! сурово возразила Софія.

— Такъ видно, сердце у вашей кузины гораздо добрѣе вашего, хитро замѣтилъ Валеріанъ, рѣшаясь употребить въ дѣло свою мужскую тонкость, чтобы заставить ее больше и опредѣлительнѣе говорить объ Аннѣ, тогда какъ дѣвушка только играла его непроницательностью; она притворялась неумолимою, чтобы разительнѣе показать любовь Анны и лучше увѣрить его въ неизмѣнности ея чувствованій.

— О! моя кузина гораздо добрѣе меня, воскликнула она. Этотъ ангелъ даже не умѣетъ сердиться! Я — другое дѣло: я зла; я мстительна. Притомъ она умнѣе меня. Я глупенькая?... не правда-ли?... Она, такъ уже знаетъ, что отъ мужчинъ не должно требовать совершенства: а я вотъ не дошла еще до этой мудрости съ вами! Я ожидала отъ васъ невозможнаго, невѣроятнаго, баснословнаго: нѣсколько уваженія къ чувствамъ

женщины!... Какое право имѣли вы отнимать самопроизвольно у нея вашу славу — ея радость— ея наслажденіе?... Вы — тиранъ!... вы будете ужаснѣйшій деспотъ!... Мудрено ли, что, въ первую минуту, потерявъ въ будущемъ властелинѣ своей судьбы одну изъ очаровательнѣйшихъ сторонъ его, она обнаружила нѣсколько печали и досады?... Но это не продолжалось у нея и четверти часа. Она вскорѣ начала сожалѣть о томъ, что огорчила васъ упрекомъ, и на другой день уже не думала о своей потерѣ, помнила только то, что, вѣроятно, вы страдаете, и любила васъ снова всею своей прекрасною любовью. Анна — удивительная женщина! Я далеко не такъ добра. Будь я на ея мѣстѣ, сдѣлайте вы мнѣ такую обиду, какую сдѣлали Аннѣ, я.... да я!... ну, ужъ я знаю, какъ бы я поступила съ вами!

— Ахъ!... тяжело вздохнулъ онъ изъ глубины стѣсненной груди: пощадите меня, несчастнаго! пощадите!... умоляю! Неужели думаете вы, что я вовсе не чувствую моего преступленія?... что мою чувствительность надо возбуждать жестокимъ наказаніемъ?... вы, которая знаете мое сердце, всю мою любовь къ Аннѣ, всю мою дружбу къ вамъ и вашему семейству?... Прощеніе Анны — жизнь моя, моя отрада, мое блаженство: но можете ли вы полагать, что этимъ все для меня кончено? что самъ я прощаю себя? что я могу пренебрегать справедливые упреки другихъ? что ваше уваженіе ничего не значитъ въ нашемъ счастіи? Пощадите меня: я слишкомъ несчастенъ!

— Вы несчастны?... съ печальнымъ чувствомъ

повторила она, бросая работу въ сторону, и протягивая руку къ Валеріану. Ну, я васъ прощаю. Мы друзья по-прежнему. Извините меня за то, что̀ я вамъ сказала: я слишкомъ люблю Анну и должна была сказать то, что̀ чувствую. Теперь все забыто. Сдѣлайте только ее счастливою. Вы видите, какое у нея удивительное сердце.

— Вижу, вижу! грустно примолвилъ Валеріанъ, задумался, и, въ разсѣянности, невольно повторилъ роковыя слова Анны: «Мы оба несчастны!» Спустя нѣсколько мгновеній — Скажите мнѣ откровенно, продолжалъ онъ, какъ-бы просыпаясь отъ тяжкаго сна: что̀ обо мнѣ думаютъ ваша маменька, вашъ папа̀?

— Что̀ они объ васъ думаютъ?... разсѣянно повторила съ своей стороны Софія. Какъ, что̀ они думаютъ? Они васъ любятъ!... Они любятъ васъ какъ роднаго сына, я люблю какъ брата, и всѣ мы думаемъ только о вашемъ счастіи. Имъ, такъ же какъ мнѣ, какъ Аннѣ, какъ всѣмъ, въ первое время было нѣсколько прискорбно, что вы пожертвовали своимъ прекраснымъ геніемъ, своей славой, нашей общею славою, въ пользу гнусной зависти, вознегодовавъ на ничтожныхъ враговъ; но это нисколько не помѣшало имъ любить и уважать васъ по-прежнему. — Послушайте, мой добрый, прекрасный другъ! быстро спросила она, довершая этимъ вопросомъ разстройство человѣка чувствительнаго, уже встревоженнаго предъидущими неосторожными выраженіями не слишкомъ дальновидной дѣвушки: неужели нѣтъ возможности исправить этой ошибки? возстановить все въ преж-

немъ видѣ?... Я увѣрена, что вы знаете наизусть всѣ свои творенія. Напишите вновь все такъ, какъ было, и напечатайте! Что̀ вамъ стоитъ посидѣть нѣсколько дней, припомнить, написать. Я сама помогу вамъ: у меня память хороша, и я тотчасъ скажу вамъ, когда что̀ будетъ не такъ.

— Этого никогда я не сдѣлаю! важно отвѣчалъ Валеріанъ. Отказываться, уничтожать, презирать, потомъ воскрешать уничтоженное и гоняться за презираемымъ: этого невозможно!... этимъ я далъ бы противъ себя такую улику въ безхарактерности, что всѣ вы имѣли бы полное право презирать меня: теперь, вы меня только не уважаете....

— Кто вамъ сказалъ это? вскричала испуганная Софія.

— Я вамъ говорю, твердо сказалъ онъ.

— Неправда!

— Я вижу въ вашемъ сердцѣ.

— Вы насъ обижаете!...

И она заплакала, отъ печали о неудачѣ, отъ досады на свою неловкость, отъ стыда быть разгаданною мужчиной. Страхъ и ужасъ — когда, въ дружескомъ объясненіи, умный мужчина, съ своей врожденною непроницательностью, и недовольно умная женщина, съ своей недальновидностью, станутъ подниматься на тонкости: они всегда поранятъ себѣ сердца̀, оцарапаютъ самолюбія, и разойдутся недовольными другъ другомъ и сами собою. То ли дѣло — умная женщина? Чудо, какъ она ворочаетъ вами!... Любо ворочаться!

Мадамъ Б***, возвратясь въ это время изъ го-

рода съ грузомъ покупокъ для приданаго, застала дочь въ слезахъ.

— Маменька! сказала Софія, увидѣвъ ее: выбраните его порядочно! Онъ смѣетъ говорить мнѣ въ глаза, что мы его не уважаемъ!

Мать смутилась, покраснѣла, и показала видъ, будто ея не слышитъ. Она засыпала Валеріана покупками и привѣтствіями, чудесными кружевами, и тонкими, еще тоньше кружева, упреками за пятидневное отсутствіе, мечущими огонь брилліантами и искрящимися насмѣшкою вопросами объ его здоровьѣ, называя, то — пустымъ блескомъ счастія, другое — ребячествами молодой любви.— «Первое правило для сохраненія здоровья въ цвѣтущемъ состояніи, прибавила она, не мучить тѣхъ, которыя насъ любятъ» — и, принявъ тонъ женщины, опытной въ дѣлахъ жизни, тонъ рѣшительный и безапелляціонный, который всегда обезоруживаетъ молодаго мужчину и дѣлаетъ его послушнымъ руководству безъ обиды самолюбію, тотчасъ поставила своего гостя въ надлежащее самодовольство. Пользуясь измученнымъ состояніемъ его души, она, чтобы успокоить и утѣшить несчастнаго, непримѣтно развращала его мужество презрѣніемъ къ тому, что̀ не составляетъ непосредственнаго счастія. Волосъ крѣпости былъ вырванъ изъ головы недавняго Сампсона, такъ, что онъ и не примѣтилъ этого. Еслибъ ему дали въ руки кудель и веретено, онъ сейчасъ началъ бы прясть, хоть дѣло происходило и не совсѣмъ у Омфалы. Но такова сила женщины! «Нѣтъ божества кромѣ «Аллаха! и нѣтъ ни крѣпости ни силы кромѣ какъ

«у Аллаха!» восклицалъ мудрый Мореходъ-Синдбадъ: «велика и удивительна хитрость мужчины, «но хитрость женщины въ тысячу тысячъ разъ «больше и удивительнѣе!» Валеріанъ наконецъ забылъ прошедшее, снова презиралъ славу, снова былъ малодушенъ, и наслаждался своимъ ничтожествомъ.—«Я выкину этотъ блескъ въ окошко!» сказала мадамъ Б***, взявъ горсть алмазовъ со столика: «будете ли вы любить меня менѣе?» Онъ поцѣловалъ ей руку, и заговорилъ о счастіи какъ философъ, то есть, какъ эгоистъ, или, все-равно, какъ человѣкъ, который неспособенъ понимать счастіе. Не знаю, говорилъ ли я вамъ, что философы — не мужчины?... Это, однакожъ, правда: я видѣлъ въ цареградскомъ Სералѣ два полка философовъ, бѣлыхъ и черныхъ; ихъ употребляютъ къ стороженію гарема: удивительные философы!... Заговорилъ о любви какъ человѣкъ любимый, объ Аннѣ какъ обладатель сердца прекраснѣйшей изъ женщинъ. Мадамъ Б*** только до этого и хотѣла довести его. Теперь онъ былъ по уши въ настоящемъ элементѣ своего пола — по уши въ мужскомъ тщеславіи, которое все относитъ къ себѣ, и внѣ себя ничего не видитъ. Онъ былъ именно въ томъ положеніи, въ которомъ гордость умной женщины любитъ видѣть мужчину, потому-что тогда она водитъ его за носъ, играетъ имъ какъ куклою, и наслаждается его униженіемъ. Когда мужъ находится въ этомъ блаженномъ состояніи, то изъ него дѣлаютъ что̀ хотятъ; когда — холостякъ, то изъ него дѣлаютъ мужа. Результатъ все тотъ же.

Мужъ мадамъ Б*** пріѣхалъ уже въ то время

когда Валеріанъ совершенно примирился съ своей судьбою и былъ безпредѣльно счастливъ въ искусныхъ рукахъ его жены. Онъ придалъ дорогому гостю еще болѣе самоувѣренности, наводя всегда разговоръ на предметы, которые могли внушить Валеріану довѣріе къ самому себѣ, и осторожно избѣгая дотронуться до слишкомъ еще чувствительнаго самолюбія, такъ жестоко разбившагося при обрушеніи сводовъ величія, на которыхъ еще недавно была написана Слава съ золотою трубою. Князь Леонидъ К*** явился только за четверть часа до обѣда. Этотъ не умѣлъ дѣйствовать такъ же искусно: онъ дотого обласкалъ будущаго любезнаго свояка, столько оказывалъ ему вниманія, почтенія, дружбы, что, во всякое другое время, Валеріанъ увидѣлъ бы въ этой преувеличенной вѣжливости явственное усиліе скрыть свое сострадание къ его положенію. Но теперь онъ находился въ своемъ элементѣ, подъ могущественнымъ вліяніемъ чаръ мужскаго тщеславія — теперь онъ ничего не могъ различить сквозь покровъ наружности, и жадно прибиралъ къ себѣ все, что̀ льстило его самолюбію и заставляло забыть о паденіи. Жалкое существо — мужчина, однажды запятнавшій себя малодушіемъ! Онъ — игрушка всѣхъ, и даже своя собственная!

Словомъ, слѣдуя каждый своимъ понятіямъ о счастіи женщины, всѣ такъ усердно и такъ благонамѣренно работали надъ несчастіемъ Анны, что даже и послѣднія подозрѣнія въ охлажденіи ея сердца — если они еще существовали — должны были исчезнуть изъ души Валеріана, возвращен-

наго къ полной довѣрчивости къ себѣ и къ своей невѣстѣ. За обѣдомъ, князь Леонидъ К*** и онъ уже твердо и дружно составляли планы для будущаго, разсуждая о томъ, какъ они весело будутъ жить на свѣтѣ, женившись, одинъ на прелестной Софіи, а другой на несравненной Аннѣ. Въ ихъ собраніи, одна только мадамъ Б*** ясно понимала, въ чемъ состоитъ это счастіе; но она была обманута Софіей.

Князь Леонидъ уѣхалъ вскорѣ послѣ обѣда. Родители Софіи и она сидѣли передъ каминомъ въ кабинетѣ мадамъ Б***. Валеріанъ ходилъ по комнатѣ, и остановился передъ письменнымъ столомъ хозяйки, на которомъ, между множествомъ игрушекъ, стоялъ красивый акварельный портретъ Анны. Онъ взялъ этотъ портретъ въ руки, и началъ разсматривать его. Долго и задумчиво смотрѣлъ онъ на эти дорогія и чудесныя черты — наконецъ заплакалъ — поцѣловалъ портретъ — и осторожно поставилъ его на-мѣсто. Мадамъ Б***, которая, разсказывая о своей утренней экспедиціи въ магазины, непримѣтно слѣдила взоромъ за движеніями Валеріана, поспѣшила указать мужу и дочери на этотъ актъ лицелобзанія, за которымъ послѣдовало извлеченіе платка изъ кармана. Они улыбнулись всѣ трое.

Аллахъ! Аллахъ! велика и удивительна сила умной старухи: но въ тысячу тысячъ разъ больше и удивительнѣе сила умной, молодой и прекрасной дѣвушки!... какъ это явственно будетъ доказано недовѣрчивому читателю слѣдующимъ примѣромъ.

— Что̀ вы тамъ дѣлаете? сказала мадамъ Б***

Валеріану. Подите сюда, и присядьте возлѣ насъ. Поговоримте о дѣлѣ.

Валеріанъ быстро спряталъ платокъ въ карманъ, и подошелъ къ камину.

— Когда поѣдете вы къ графинѣ Маріи? продолжала мадамъ Б***, лишь-только онъ усѣлся въ кресла. Она мнѣ вчера сказывала, что завтра или послѣ - завтра надѣется уже быть въ состояніи принимать своихъ друзей. Вамъ бы слѣдовало явиться прежде прочихъ. Не откладывайте; не мучьте бѣдной Анны....

— Я уже не увижу Анны! произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, скрывая слезы, которыми снова глаза его наполнились. Сейчасъ, у вашего письменнаго стола, я простился съ нею.... навсегда!

— Что̀ вы это говорите? вскричала мадамъ Б*** въ испугѣ.

Софія поблѣднѣла. Отецъ ея съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Валеріана.

— Я рѣшился, отвѣчалъ онъ, подавляя въ себѣ волненіе: рѣшился окончательно.... произнесъ клятву передъ этимъ портретомъ.... Не смущайте меня, несравненные друзья мои, въ добромъ намѣреніи: скорѣй, помогите мнѣ исполнить его съ твердостью и честью. Васъ особенно боюсь я, мадамъ Б***: вы соблазнили меня сегодня вашими остроумными взглядами на жизнь и свѣтъ, ослѣпили картиною блаженства, сопряженнаго съ обладаніемъ такою женщиною какъ Анна, и я снова сдался - было злѣйшему врагу моему.... малодушію. Не вовлекайте меня болѣе въ такое унизительное положеніе. Это блаженство, добрая мадамъ Б***, невоз-

можно! Анна.... уже меня не любитъ! Я вижу это моимъ сердцемъ. Если же еще любитъ, то уже совсѣмъ не такъ, какъ любила: она меня не уважаетъ!... не можетъ уважать!... я самъ себя не уважаю! Что̀ я теперь?... кто я?... Я смѣшонъ!... Вы это чувствуете такъ же хорошо какъ я. И развѣ я не понимаю, что̀ такое, по своей дружбѣ, дѣлаете вы теперь со мной? Вы всячески стараетесь возвысить бѣднаго Валеріана въ собственномъ его мнѣніи, опасаясь, чтобъ я не презиралъ себя столько же, сколько далъ другимъ права презирать меня! Если вы искренно желаете мнѣ блага, то, лучше, будьте откровенны со мною: одна только истина можетъ еще спасти меня. Не опасайтесь обидѣть меня ею; самолюбіе для меня не существуетъ: я упалъ слишкомъ низко!... Одинъ взглядъ на этотъ портретъ, на эти благородныя черты, былъ достаточенъ, чтобы уничтожить всѣ льстивыя мечты, которыми я еще сегодня и самъ себя обманывалъ и вы меня обманывали. Я не достоинъ любви Анны! Я вспомнилъ все, что̀ она мнѣ сказала въ день рожденія вашей милой Софіи, и убѣдился снова, что она не можетъ любить меня. Я вспомнилъ то ужасное состояніе, въ какомъ она меня покинула, когда, здѣсь, въ зеленой комнатѣ, стоялъ я, ничтожнѣйшій изъ людей, печально провожая ее глазами и стыдясь себя, ея, людей, всего свѣта, послѣ того какъ въ нѣсколькихъ словахъ открыла она мнѣ все мое малодушіе. Эта удивительная молодая особа дала мнѣ страшный урокъ въ обязанностяхъ званія мужчины, но урокъ спасительный. Я никогда его не забуду. Слова ея

вѣчно будутъ звучать въ моихъ ушахъ. Одна только любовь женщины была въ состояніи произнести ихъ. Никто изъ васъ не сказалъ бы мнѣ ихъ, несмотря на вашу прекрасную дружбу. Да еслибъ вы и сказали, ваши слова не произвели бы во мнѣ такого дѣйствія! Если я исправлюсь, если когда-нибудь сдѣлаюсь я человѣкомъ, этимъ буду обязанъ единственно Аннѣ и ея любви. Онѣ вдвоемъ обнаружили мнѣ, во всей наготѣ, во всемъ безобразіи, главный недостатокъ моей души и моего характера, который я такъ тщательно и такъ искусно скрывалъ отъ самого себя, отсутствіе твердой воли — склонность къ лѣни и наслажденію — робость передъ малѣйшимъ препятствіемъ къ моему спокойствію — однимъ словомъ.... малодушіе. Теперь я вижу, какъ этотъ ужасный недостатокъ не дозволялъ мнѣ развить во всей силѣ и того дарованія, которымъ Богъ надѣлилъ меня; вижу, что̀ могъ бы я сдѣлать, чѣмъ могъ бы сдѣлаться, и какъ слабы были мои усилія въ сравненіи съ моими способностями. Изъ меня ничего бы не вышло: я это чувствую! Я погрязъ бы въ лѣни и удовольствовался легкими успѣхами, просто, для удовлетворенія мгновенныхъ прихотей моего самолюбія. Говорятъ, будто твердость воли зависитъ отъ упражненія въ волѣ. Я испытаю это на себѣ. Не мѣшайте мнѣ быть мужчиною. О прошедшей потерѣ нечего и думать: надо поискать другихъ отличій въ будущемъ, чтобы вычеркнуть изъ памяти людей тотъ страшный, постыдный упадокъ духа, въ которомъ я находился, и который теперь, въ эту минуту, мнѣ самому кажется

невѣроятнымъ и непостижимымъ. Я прощаюсь съ вами.

Онъ всталъ.

— Куда же вы? что̀ хотите дѣлать? вскричала мадамъ Б***, которая во все время этой рѣчи сама себя не понимала.

— Завтра по-утру уже меня здѣсь не будетъ, твердо отвѣчалъ Валеріанъ. Я не останусь въ этомъ городѣ долѣе того времени, какое нужно для написанія двухъ трехъ писемъ къ моимъ пріятелямъ: я скажу имъ, и попрошу сказать всѣмъ, что мой сумасбродный поступокъ — единственная причина разрыва моего съ домомъ вашего брата; что одинъ я виноватъ; что Анна отвергла меня съ презрѣніемъ. Куда я уѣду, что̀ намѣренъ дѣлать, объ этомъ и не спрашивайте. Забудьте обо мнѣ, доколѣ я не сдѣлаюсь достойнымъ вашего уваженія. Передъ этимъ портретомъ далъ я себѣ слово, не посмотрѣться ни одного разу въ зеркало, пока буду ощущать на лицѣ стыдъ за мое малодушіе. Анна, которую, изъ пропасти моего добровольнаго униженія, я смѣю любить.... болѣе чѣмъ когда-либо.... (Голосъ у него вдругъ задрожалъ, и онъ заплакалъ).... которую я, можетъ-быть, сдѣлалъ несчастною....

— Но вы теперь дѣлаете ее еще несчастнѣе! прервала мадамъ Б***. Она васъ любитъ!

— Нѣтъ! она меня не любитъ!... она не можетъ любить меня!... возразилъ Валеріанъ. Я очень хорошо помню, что̀ она мнѣ сказала: «Мы должны разстаться друзьями; мы оба несчастны». Въ ту минуту мы уже разстались съ нею навсегда. Те-

перь она, если еще любитъ меня, то любитъ только какъ несчастнаго друга.... а если увѣряетъ васъ въ противномъ, такъ это новая побудительная для меня причина удалиться отсюда какъ-можно скорѣе: она готова пожертвовать собою. Я ее знаю!... И знаю также себя: я лишусь передъ нею всего моего мужества!... Нѣтъ, нѣтъ! прощайте!... не удерживайте меня!... Одно только ей скажите: я желаю, чтобы она ни одного разу и не вспомнила обо мнѣ, если мое существованіе исчезнетъ въ безвѣстности; если же Богъ благословитъ мои усилія, если когда-нибудь мое имя дойдетъ до нея очищеннымъ отъ пятна малодушія, то я завѣщаю ей мысль, которая безъ-сомнѣнія будетъ пріятна ея благородному сердцу, мысль, что она одна сдѣлала изъ меня человѣка.... Сохраните, мадамъ Б***, этотъ портретъ Анны въ память нынѣшняго вечера и вашего преданнаго друга: безъ него, я бы не рѣшился.

— Я не могу не одобрять такихъ превосходныхъ чувствованій, люблю, уважаю васъ за нихъ, сказала она: но мнѣ кажется, что вы дѣлаете новую опрометчивость. Зачѣмъ уѣзжать такъ скоро?... Погодите, подумайте, посмотрите: можетъ-быть, это и не нужно; можетъ-статься, черезъ два три дня вы сами измѣните свои намѣренія.

— Не уѣзжайте! примолвила Софія умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, мой другъ, возразилъ отецъ ея, обращаясь къ женѣ: долгъ истинныхъ друзей, напротивъ, не допустить до измѣненія такихъ прекрас-

ныхъ намѣреній. — Я, старикъ, клонясь уже къ могилѣ, и имѣя всѣ поводы обожать покой и бездѣйствіе, благословляю васъ на твердость и терпѣніе, сказалъ онъ Валеріану. Слѣдуйте великодушнымъ внушеніямъ своей рѣшимости; не слушайте женщинъ: если онѣ дѣлаютъ насъ истинными мужчинами, онѣ же насъ и развращаютъ. Одна только твердая воля образуетъ великіе характеры и ведетъ къ великимъ успѣхамъ. Съ нею, при вашемъ умѣ, при вашихъ отличныхъ способностяхъ и возвышенныхъ чувствованіяхъ, жизнь ваша можетъ еще украситься дѣйствіями, которыми всѣ мы, вмѣстѣ съ вами, будемъ радоваться и гордиться. Я отъ всей души поздравляю васъ съ такимъ образомъ мыслей и такими намѣреніями....

Онъ всталъ, чтобы обнять и поцѣловать Валеріана.

Наступила тяжкая минута прощанія. Софія плакала. Родители ея также не могли разстаться безъ слезъ съ человѣкомъ, который давно уже заступалъ для нихъ мѣсто нѣжнаго сына, и котораго они такъ искренно любили. У одного только Валеріана, одушевившагося упованіемъ на самого себя, глаза были сухи, хотя сердце глубоко было растрогано привязанностью этого почтеннаго семейства и опечалено чувствомъ горькаго одиночества, которое для него начиналось съ той минуты. Безъ друзей, безъ любви, безъ всего, чтò составляетъ радость жизни, онъ шелъ въ свѣтъ, одинъ съ своимъ мужествомъ, между чужихъ людей и незнакомыхъ страстей, съ которыми предстояла ему

новая борьба. Такова тяжкая судьба мужчины. Но малодушенъ тотъ, кто ея пугается!

— Благородный молодой человѣкъ! невольно воскликнула мадамъ Б***, когда онъ уѣхалъ.

— Но я очень радъ, замѣтилъ мужъ ея, что небо вдохнуло въ него эту мужественную рѣшимость и что дѣло тѣмъ кончилось: съ графиней Маріей, никогда нельзя знать, что̀ ожидаетъ человѣка, котораго судьба отъ нея зависитъ. Можно ли сказать, что̀ еще она ему готовила?

Онъ ушелъ отдыхать. Софія удалилась въ свои комнаты. Мадамъ Б*** осталась одна передъ каминомъ, въ грустномъ раздумьѣ о загадочныхъ намѣреніяхъ Валеріана и о печальномъ положеніи Анны. Судьба ихъ, вдругъ покрывшаяся туманомъ, возбуждала живѣйшее участіе въ ея добромъ сердцѣ, и, несмотря на восторгъ, въ который привели ее послѣднія слова и чувствованія молодаго друга, потеря прелестей его очаровательнаго общества повергла ее въ тоску настоящаго несчастія.

Черезъ полчаса явилась Софія въ капотѣ и въ шляпкѣ.

— Куда ты это? спросила мать.

— Къ вамъ, маменька, наивно отвѣчала она. Я пришла просить, не позволите ли вы мнѣ поѣхать на полчаса къ Аннѣ.... Карета уже заложена.

— О! моя единственная дочь! смѣясь воскликнула мадамъ Б***: ты въ самомъ дѣлѣ безцѣнна!... ты приходишь спрашиваться у матери такъ точно, какъ избалованные «ангелы» спрашиваются у мужей своихъ. Хорошо, что князя Леонида здѣсь нѣтъ!... Зачѣмъ ты къ ней ѣдешь?

— Такъ!... поболтать.

— Ты хочешь убить ее!

— Совсѣмъ нѣтъ, маменька.

— Какъ, нѣтъ?... Я вижу, что тебѣ страхъ хочется поскорѣе пересказать ей все, чтò здѣсь говорилъ Валеріанъ.... Я не позволяю. Подумай, какой ударъ нанесешь ты бѣдной дѣвушкѣ, которая такъ страстно любитъ его!

Софія покраснѣла. Не имѣя смѣлости признаться во лжи, она не знала, чтò сказать матери. Глаза ея наполнились слезами отъ упрека совѣсти. Она принялась развязывать шляпку, съ видомъ совершенно несчастной.

— Не приходи въ такое отчаяніе, продолжала мать: поѣзжай, если тебѣ угодно; только прошу тебя, не говори ей ни слова о положеніи и внезапномъ отъѣздѣ Валеріана. Объ этомъ надо сообщить ей съ большими предосторожностями и сперва приготовить ее къ роковому извѣстію. Завтра я сама повидаюсь съ нею.

Соня сняла шляпку.

— Зачѣмъ же ты не хочешь ѣхать? Поѣзжай! Анна скучаетъ одна.

Она опять надѣла шляпку. Несчастнѣйшая изъ женщинъ!... за свою благонамѣренную ложь, она должна ѣхать и ничего не говорить о самой любопытной вещи въ мірѣ!... О, это жестоко! Въ первый разъ обманула она мать свою: и такъ страшно наказана за это судьбою!... Она поцѣловала мать, и поѣхала въ наказаніе.

Мадамъ Б***, глубокомысленно обдумавъ дѣло, рѣшилась не полагаться на случайности изустнаго

объясненія, для котораго нужны мѣсто и время, и прибѣгнуть, въ этомъ важномъ случаѣ, къ своему описательному дарованію. Она сѣла за письменный столъ и, передъ тѣмъ же портретомъ, пользуясь еще свѣжею памятью, описала все свиданіе свое съ Валеріаномъ, весь разговоръ передъ каминомъ, все трогательное прощаніе съ несчастнымъ другомъ. Эта любопытная бумага лежитъ теперь передо мною, и изъ нея-то, съ буквальною точностью, выписаны слова Валеріана и его собесѣдниковъ. Я всегда основываюсь на документахъ! Чего съ достовѣрностью не знаю, того и не говорю. Не знаю, напримѣръ, навѣрное, о чемъ въ этотъ вечеръ разговаривали между собою Софія и Анна, обѣ до крайности несчастныя, и пропускаю эту сцену.

Но мнѣ за-подлинно извѣстно, что мадамъ Б***, описывая послѣднее свиданіе съ Валеріаномъ и припоминая себѣ каждое его слово, каждое движеніе, и Софія, думая обо всемъ этомъ у Анны и не смѣя описывать, такъ разгорячили свои нѣжныя воображенія, что обѣ, мать и дочь, были, впродолженіи всего вечера и всей слѣдующей ночи, безъ памяти влюблены въ этого молодаго человѣка — дочь еще болѣе чѣмъ мать. Ни мосьё Б***, ни князь Леонидъ, ничего объ этомъ не знаютъ: а я знаю!

Я знаю также, какъ-нельзя подробнѣе, что на слѣдующій день, часа въ три по-полудни, графъ Андрей, возвратясь изъ города, вбѣжалъ въ спальню больной жены съ такимъ радостнымъ

лицомъ, какого она не видала у него со дня своей свадьбы, и чтò онъ сказалъ ей:

— Знаешь ли, душа моя, великую новость?

— Какую?... о комъ?

— О Валеріанѣ. Чудо!... просто, чудо!... Молодецъ!... Умный малой! Славный малой!... Вотъ люблю такого человѣка! Вотъ настоящій столбовой дворянинъ!... Молодецъ!... Я обожаю рѣшительность и характеръ въ мужчинѣ. Я такъ и думалъ, что когда-нибудь онъ это сдѣлаетъ. Теперь, я признаю его своимъ сыномъ!

— Чтò жъ онъ сдѣлалъ?... Да говори же поскорѣе!

— Онъ, другъ мой, сдѣлалъ такую вещь!... такую вещь!... которою пріобрѣлъ мое полное уваженіе. Ну, кчему ему это?... Мучиться! терпѣть униженіе! быть предметомъ насмѣшекъ!... подвергаться пересудамъ, толкамъ, сплетнямъ....

Графиня Марія ужасно встревожилась.

— Да ты мучишь меня, больную, хуже чѣмъ его кто-нибудь мучилъ! воскликнула она. Не можешь ли коротко сказать, въ чемъ дѣло?

— Коротко сказать?... Постой, я тебѣ коротко скажу: онъ отъ всего отказался!

— Какъ?... отказался?

— Да!... Все уничтожено! Все!

— Ахъ, Боже мой! какъ же это случилось?... Я тутъ нисколько не виновата!... Какимъ образомъ онъ отказался, какъ все уничтожилъ?

— Онъ сжегъ всѣ свои стихи и объявилъ черезъ газеты.... мнѣ говорили люди, которые сами читали.... объявилъ, что стиховъ онъ никогда не

писалъ и писать не станетъ; стихотворцемъ не бывалъ, и не способенъ къ такому ремеслу, что это неправда, ложь, клевета....

— Только это? сказала жена, приходя въ себя и улыбаясь.

— Коротко сказать, продолжалъ графъ Андрей, расхаживая по комнатѣ: онъ отказался отъ всего!... отъ стиховъ, отъ славы, отъ униженія....

«Такъ онъ глупецъ!» подумала графиня Марія, и лицо ея помрачилось. Она тотчасъ сообразила это обстоятельство съ измѣненіемъ, замѣченнымъ въ дочери, и съ ея постоянною печалью со времени выѣзда къ теткѣ.

— Коротко сказать, прибавилъ графъ Андрей еще: теперь онъ не стихотворецъ, и я не буду стыдиться передъ порядочными людьми за моего зятя. Теперь онъ — мой сынъ!

Жена уже не могла долѣе удержаться отъ смѣху, хотя досада на это непредвидимое приключеніе, котораго она мигомъ постигла всю важность для дѣла, казавшагося благополучно конченнымъ, и всю смѣшную сторону для свѣта, нисколько не располагала ея къ веселости.

«Если онъ это сдѣлалъ, думала она смѣясь: то онъ совершенно достоинъ быть твоимъ сыномъ; Тогда ужъ вы родились другъ для друга!»

— О чемъ ты смѣешься? спросилъ графъ Андрей.

— О чемъ я смѣюсь?... повторила жена. Я смѣюсь такъ!... Смѣюсь о томъ, что ты, съ такимъ шумомъ принесъ мнѣ великую новость, которой сущность извѣстна мнѣ лучше нежели тебѣ.

— Ты уже знала объ этомъ?

— Немножко. Андрей! ты удивительно счастливъ въ зятьяхъ! Одинъ, твой несравненный другъ, великодушно пожертвовалъ собою, чтобы освободить тебя отъ безобразной дочери; другой принесъ для тебя еще удивительнѣйшее самопожертвованіе.

— Какъ, для меня?

— Конечно, для тебя! Неужели ты не догадываешься?

— Нисколько!

— У тебя нѣтъ никакого самолюбія! Ну, такъ я тебѣ скажу.... Онъ отказался отъ самого себя, отъ того, чѣмъ его создала природа, отъ того, чѣмъ онъ былъ, чѣмъ могъ быть, отъ таланта, отъ славы, отъ всего, чему въ немъ удивлялись другіе, чтобы пріобрѣсть твое уваженіе. Онъ узналъ.... Только, дай мнѣ слово, что ты ничего ему не скажешь: это большая тайна!

— Изволь. Не скажу ни слова.

— Я это знаю черезъ Соню, отъ которой онъ ни въ чемъ не скрывается. Онъ узналъ, что ты не любишь стиховъ и терпѣть не можешь стихотворцевъ, и сдѣлалъ все это чудо единственно для того, чтобы тебѣ понравиться, чтобы ты не стыдился за своего зятя.

— Быть не можетъ!

— Ну, ужъ такъ и есть.

— Благородный молодой человѣкъ! воскликнулъ графъ Андрей.

— Хорошо, что по-крайней-мѣрѣ ты умѣешь оцѣнить его, сказала жена съ тайною злостью, и оборотилась на другой бокъ.

— Какъ не оцѣнить! примолвилъ онъ. Да я люблю его отъ всей души! Когда мнѣ разсказывали объ этомъ, я былъ въ восхищеніи: но я никакъ не думалъ, чтобы все это было сдѣлано единственно для меня! Если для меня, то, когда онъ пріѣдетъ, я его расцѣлую. Да гдѣ же онъ? зачѣмъ не является хоть ко мнѣ?... Машенька, мой ангелъ, ты хотѣла встать завтра: неужели тебѣ еще нельзя будетъ принять его?

— Нѣтъ, я завтра не встану, съ досадою отвѣчала графиня Марія. Докторъ совѣтуетъ не выходить изъ спальни еще два три дня. Воздухъ теперь не хорошъ. Надо посмотрѣть, что̀ будетъ. Оставь теперь меня, мой милый другъ: я хочу отдохнуть.... Прикажи позвать ко мнѣ Анну.

Графъ Андрей поцѣловалъ жену и ушелъ на цыпочкахъ. Едва онъ удалился въ однѣ двери, какъ въ другія вбѣжала Анна, съ письмомъ въ рукѣ, и вся въ слезахъ. Графиня Марія быстро приподнялась и сѣла на постели.

— Анна! говори мнѣ откровенно!... не скрывай ничего, если ты меня любишь!... Что̀ это за глупость сдѣлалъ твой любезный Валеріанъ? Правда ли, что̀ разсказываютъ, будто онъ....

— Къ несчастію, совершенная правда. Онъ не только сошелъ съ высоты своей славы въ толпу и безвѣстность, но и самъ исчезъ, чтобъ скрыться отъ стыда, передо мною, передъ людьми, передъ самимъ собою....

— Что̀ ты это говоришь?

— Его уже здѣсь нѣтъ. Все кончено! Онъ уѣхалъ.

— Куда?

— Никто не знаетъ.

— Несчастный человѣкъ!... Какъ же онъ это рѣшился на такой отчаянный поступокъ? по какой причинѣ?... Разскажи мнѣ все, чтò знаешь.

Анна, почти буквально, повторила матери то, чтò Валеріанъ говорилъ ей у Софіи о причинахъ, побудившихъ его къ уничтоженію своего блестящаго поэтическаго имени.

— Сумасшедшій! воскликнула графиня Марія. И ты еще любила его послѣ такой низости?

— Нѣтъ, маменька! рѣшительно отвѣчала Анна. Я тутъ же сказала ему откровенно мое мнѣніе объ его поступкѣ.

Она повторила и свои отвѣты Валеріану, до послѣдняго и самаго жестокаго слòва. Мать совершенно одобрила ея поведеніе.

— Я не признала бы тебя своей дочерью, сказала она, еслибъ ты стерпѣла въ своемъ женихѣ такую слабость души. Ты не могла любить его долѣе. Это ясно!

— Но я теперь люблю его снова! возразила Анна, бросаясь на шею къ матери. Люблю его, маменька!... люблю!... кажется, еще болѣе прежняго....

— За чтò?

— Прочитайте это прощальное письмо его къ тетенькѣ и это описаніе вчерашняго ихъ разставанья. Тетенька только-что заѣзжала ко мнѣ на нѣсколько минутъ, чтобы меня утѣшить и отдать эти бумаги. Она будетъ у васъ сегодня послѣ обѣда.

Мать взяла бумаги и принялась читать ихъ съ любопытствомъ и вниманіемъ — сперва описаніе, потомъ письмо. Слова, сказанныя у камина, она прочитала дважды. Читая трогательное прощальное письмо къ мадамъ Б***, въ которомъ еще съ бо́льшею ясностью и силою были изложены тѣ же благородныя чувствованія, тѣ же мужественныя надежды, съ заключеніемъ, дышащимъ невыразимою тоскою, графиня Марія пришла въ сильное волненіе. Сердце женщины забилось въ ней. Она заплакала, и, въ невольномъ порывѣ души, обнявъ дочь, судорожно прижала ее къ своей груди.

— Я понимаю, сказала мать, что ты можешь его любить! Я сама люблю его. Бѣдный человѣкъ!... Бѣдная ты, Анна!...

Мать и дочь долго обливались слезами, не произнося ни слова.

— Не думай, Анна, продолжала наконецъ мать, что я въ состояніи сдѣлать малѣйшее препятствіе влеченію твоего сердца, когда увижу въ твоемъ избранномъ настоящаго мужчину душою и умомъ! Я неумолима только для тѣхъ мыльныхъ пузырей, которымъ мы продаемъ всю нашу жизнь за одинъ медовой мѣсяцъ. Вся прелесть этого мѣсяца, которая, впрочемъ, заключается бо́льшею частью въ новости, не сто́итъ того, чтобы мы опрометчиво жертвовали ей положительными выгодами общественнаго существованія. Ихъ можно отдать только за истинное счастіе души. За него все на свѣтѣ можно отдать!... Я никогда не прощу себѣ этой несчастной поѣздки въ южныя провинціи. Еслибы мы воротились сюда мѣсяцемъ

раньше, еслибъ ты была здѣсь, этого бы не случилось. Бѣдная дочь моя!... ты столько мучилась для него: и каковъ конецъ!... Но мучиться стоило: если Богъ сохранитъ жизнь этому человѣку, она будетъ прекрасна, и ваша несчастная любовь сдѣлаетъ изъ него весьма примѣчательнаго мужчину. Жаль, что онъ уже не для тебя!...

Графиня Марія откинулась навзничь на подушки, положила одну руку на голову, взвела глаза въ потолокъ, и задумалась. Спустя нѣсколько времени, двѣ крупныя слезы выкатились изъ ея глазъ на лицо. Но теперь она плакала не о дочери, а о себѣ: она вспомнила первую свою любовь, которая также относилась къ человѣку, сдѣлавшемуся впослѣдствіи однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей той эпохи.

— Оставь меня, Анна, наконецъ сказала она. Иди плакать. Наша жизнь состоитъ вся изъ обманутыхъ ожиданій и цѣлебныхъ слезъ.

Анна поцѣловала мать и ушла, въ восхищеніи отъ нея, лечиться отъ любви слезами. Графиня Марія не была зла душою отъ природы: я никогда не говорилъ этого!... Она была зла только съ мужчинами, въ дѣлахъ, касающихся до этого коварнаго пола, о которомъ, по званію умной женщины, вообще имѣла она самое невыгодное и жалкое мнѣніе. Съ ними простирала она средства своего быстроподвижнаго ума до жестокости. Презрѣніе дѣлаетъ тираномъ: это извѣстно со временъ покойнаго цезаря Тиберія. Сказать ли?... увы, увы! три четверти «умныхъ женщинъ», болѣе или менѣе, похожи на графиню Марію въ

этомъ отношеніи: онѣ, часто, такъ же безсовѣстны съ мужчинами, какъ мужчины, часто, съ ихъ слабымъ поломъ, только другимъ образомъ. Ничего въ природѣ не дѣлается безъ возмездія. На этомъ и основано великое понятіе о правосудіи.

Графъ Андрей пришелъ къ ней во время ея больнаго обѣда.

Какъ сказать мужу о неожиданномъ бѣгствѣ жениха Анны? Какъ объяснить ему, въ чемъ состояло малодушіе Валеріанова самопожертвованія, и въ чемъ заключается благородство послѣдняго поступка его достойнаго сына? Онъ не пойметъ ни того, ни другаго! Чтобы понять, нужно имѣть женскій взглядъ на мужчину, или самому быть настоящимъ мужчиною. Оба эти условія, по-несчастію, не прилагаются къ почтенному мужу графини Маріи. Излагать ему дѣло до степени надлежащаго уразумѣнія значитъ пристыдить и уничтожить бѣднаго супруга передъ лицомъ собственнаго его самолюбія. Кушая супъ изъ курицы, графиня Марія во все время размышляла объ этомъ казусномъ случаѣ.

— Прекрасную выкинулъ ты штуку твоимъ знаменитымъ умомъ! воскликнула она, отдавъ тарелку служанкѣ. Ты сдѣлалъ свою дочь несчастною на всю жизнь!

— Я?

— Да кто же?... Не ты ли выдумалъ эту скучную поѣздку къ морю?

— Да мы, кажется, выдумали ее вмѣстѣ?

— Совсѣмъ не вмѣстѣ! Безъ тебя, такая ум-

ная идея никогда не пришла бы мнѣ въ голову. Ты сталъ восхищаться моремъ, къ которому у тебя, рѣшительно, страсть: я только повиновалась твоему вкусу, чтобы доставить тебѣ удовольствіе.

— Право, ужъ я не помню, какъ это было. Можетъ-быть, на этотъ разъ ты согласилась изъ повиновенія. Но какую же связь имѣетъ путешествіе къ морю со счастіемъ или несчастіемъ моей дочери?

— Такую связь, что, черезъ это мы опоздали возвращеніемъ въ столицу, а между-тѣмъ достойный сынъ твой, узнавъ о томъ, какъ ты не жалуешь стиховъ и стихотворцевъ, рѣшился, чтобы заслужить твою любовь и уваженіе, сдѣлать поступокъ, который лишаетъ его уваженія и любви другихъ. Сколько разъ говорила я тебѣ лѣтомъ: «Не отзывайся такъ презрительно о стихотворцахъ передъ чужими, будучи самъ въ опасности имѣть зятемъ человѣка, который пишетъ стихи!» Ты не могъ удержать своего остроумія, не хотѣлъ слушаться меня: собирай же теперь плоды своего ума!... Теперь твоя дочь несчастна!...

— Безъ стиховъ?

— Конечно, безъ нихъ!... Вотъ тебѣ и достойный сынъ! Ты въ него влюбился, а Анна разлюбила его!

— Какъ, разлюбила?

— Да такъ!... какъ разлюбляютъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе разочаровать насъ. Вдругъ!

— Разлюбила за то, что онъ безъ стиховъ?

— Ни за что̀ болѣе!

— А!!! вскричалъ графъ Андрей, наклонясь и живописно распахнувъ руки въ обѣ стороны, по направленію отъ подбородка къ сѣверо-западу и къ юго-востоку: а!!.. такъ позволь же мнѣ сказать, моя милая Машенька, что, по моему мнѣнію, женщина — просто загадка!

— Мужскимъ умомъ не разгадаемая, прибавила жена съ усмѣшкою.

— Я прежде не вѣрилъ тому, что̂ всѣ говорятъ и пишутъ, будто твои сестрицы — энигмы; многія женщины говорили мнѣ, что я ихъ разгадалъ совершенно, понялъ какъ-нельзя лучше. Да и ты сама, когда я сбирался на тебѣ жениться, увѣряла меня, что одинъ я понялъ тебя какъ слѣдуетъ!... Но теперь объявляю во всенародное услышаніе, что я — дуракъ и, проживъ съ вами почти до шестидесяти лѣтъ, аза не смыслю въ женщинѣ! Разлюбить — такъ! — вдругъ! — человѣка молодаго, здороваго, любезнаго, отличной фамиліи, съ прекраснымъ состояніемъ, единственно за то, что онъ сжегъ свои стихи и не хочетъ писать ихъ болѣе — разлюбить послѣ такой страстной любви — другъ мой, Машенька! — да это такой знаменитый капризъ, что объ немъ будутъ писать всѣ сочинители. Послѣ этого — признайся сама! — можно ли полагаться на ваше постоянство?

— Да вѣдь мы извѣстны нашимъ непостоянствомъ! Мы именно оттого и прославились непостоянными между вами, что вы всегда такъ тонко понимаете причины воспламененія и прекращенія любви нашей къ вамъ!

— Вотъ новость! Значитъ мы — дураки! мы ничего не смыслимъ! Нѣтъ, ужъ извини, мой другъ: мужчина славится своимъ умомъ, и вы не можете сравняться съ нами въ этомъ отношеніи. Мужской умъ — великая вещь. Мы не довольно тонко понимаемъ васъ!... Какая тутъ нужна тонкость, когда дѣло само собою ясно, какъ солнце; женщина — загадка, и все тутъ!... Разлюбить вдругъ порядочнаго человѣка за то, что онъ благородно отказался отъ стихотворства!... Нѣтъ, послѣ этого я не признаю Анны моей дочерью: въ ней течетъ не моя кровь!

— Разумѣется, не твоя! Надѣюсь, что въ ней течетъ кровь нѣсколько тоньше и нѣжнѣе твоей; именно, моя, а не твоя.

— Что̀ же ты этимъ хочешь сказать? Не то ли, что, въ подобномъ случаѣ, ты сама поступила бы точно такъ же какъ Анна?

— Непремѣнно.

— Какъ! еслибъ я сжегъ свои стихи, ты бы меня разлюбила?

— Непремѣнно.

— Ну, слава Богу, что я никогда не писалъ стиховъ и не сдѣлалъ тебя несчастною ихъ сожженіемъ!... Но объясни мнѣ, пожалуйста: я всегда всему виноватъ; по моей винѣ Валеріанъ сжегъ стихи; за это Анна его разлюбила: разлюбила.... то есть, болѣе уже не любитъ, не хочетъ его. Нѣтъ любви, нѣтъ и страданій: сердце свободно и спокойно. Какимъ же образомъ я-то сдѣлалъ ее несчастною на всю жизнь?

— Такимъ образомъ, мой милый Андрей, что,

какъ-скоро она его разлюбила, онъ, съ отчаянія, уѣхалъ неизвѣстно куда.

— Какъ?... уѣхалъ?... Они разошлись?

— Да!

— Боже мой! чтò ты это говоришь?... Они разошлись!... Онъ уѣхалъ!... Такой благородный человѣкъ?... который сдѣлалъ такое для меня пожертвованіе?... Да зачѣмъ вы ничего мнѣ не сказали благовременно. Я бы удержалъ его! Я бы растолковалъ Аннѣ, что это — вздоръ; что это нисколько не мѣшаетъ любви; что онъ сдѣлалъ это для меня, чтобы пріобрѣсть себѣ мое уваженіе.... Жаль!... жаль!... Но вы всегда такъ дѣлаете! Дай только волю женщинамъ распоряжаться своимъ умомъ, онѣ непремѣнно заварятъ такую кашу.... Вотъ и упустили жениха, который не требовалъ никакого приданаго!... жениха, съ которымъ возились два года! Дѣло было слажено, устроено: я далъ мое согласіе.... а онѣ все испортили!... Право, бѣда съ вами. И я же имъ виноватъ! я ихъ дѣлаю несчастными!... Твои несправедливости ко мнѣ, Марія, превосходятъ всякую мѣру. Человѣкъ, котораго наша дочь перестала любить, уѣхалъ: а она несчастна на всю жизнь! Положимъ, что я былъ первою причиною того, чтò случилось, въ томъ числѣ и его отъѣзда: да ей-то какое дѣло до его присутствія или отсутствія? Вѣдь она объ немъ не думаетъ: разлюбила! Уѣхалъ, и дѣло съ концомъ. Велика бѣда!

— Очень велика! Бѣда та, что теперь она любитъ его до безумія.

— Это чтò? Вдругъ разлюбила, когда онъ

здѣсь былъ, и вдругъ полюбила, когда онъ уѣхалъ?

— Совершенно такъ.

— Разлюбила за то, что онъ сжегъ стихи, и полюбила за то, что уѣхалъ безъ стиховъ?

— Именно за то! Ты угадалъ.

— А ты же чтò на это?... Не находишь ли ты, что и это прекрасно? что и тутъ въ ней течетъ твоя кровь? что и ты такъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ?

— Нахожу! Нахожу до такой степени, что я сама.... извини, мой другъ!... чуть не влюбилась въ него, узнавъ объ его отъѣздѣ. Больше ничего не могу тебѣ сказать.

— Ну, послѣ этого, Машенька, позволь мнѣ уйти отсюда и надѣть ночной колпакъ!... Я отказываюсь отъ искусства понимать женщину. Нѣтъ! не моей головой васъ разгадывать! Да тутъ и первый мудрецъ въ мірѣ станетъ въ тупикъ!... Вы не загадка: этого для васъ мало; вы.... по моему мнѣнію.... Богъ знаетъ, чтò такое! Хорошо назвалъ васъ, не знаю, какой-то философъ — величайшею изъ тайнъ природы, или своенравіемъ въ цвѣту. Покорнѣйше прошу понимать ихъ! Любятъ, разлюбляютъ, опять любятъ! Въ одно время, и счастливы и несчастны, на всю жизнь!... Толку нѣтъ ни въ головѣ ни въ сердцѣ: а мужъ и отецъ отвѣчай за все! Я люблю море и не люблю стиховъ: ну, могъ ли я когда-нибудь полагать, что этимъ составлю несчастіе моего дитяти, для котораго готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ?... Да скажи, пожалуйста: неужели стихи такъ

необходимы для вашего счастія?.. Можно ли придавать такую важность стихамъ?

— Стихи стихамъ не равны. Иные стихи дѣлаютъ своего сочинителя во сто разъ знаменитѣе и важнѣе насъ съ тобою, мой милый Андрей, придаютъ человѣку величіе и славу, заставляютъ людей преклоняться передъ ними.

— Ну, какихъ людей!

— Точнехонько такихъ же какъ ты: самого тебя!

— Меня?... Никогда!

— Да развѣ ты не помнишь, какъ мы добивались въ Веймарѣ чести быть представленными Гёте?

Графъ Андрей сталъ быстро ходить по комнатѣ съ досады на себя за неосторожно брошенное презрѣніе, которое вдругъ упало на его гордость. Онъ былъ совершенно разстроенъ. «Ты, моя ненаглядная, страхъ желала видѣть Гёте, а не я! возражалъ онъ: именно, ты!...» Жена продолжала:

— А помнишь ли, какъ, въ Венеціи, ты три дня бѣгалъ за лордомъ Байрономъ, чтобъ только имѣть счастіе взглянуть на него?

— Лордъ Байронъ совсѣмъ другое дѣло.... Лордъ! перъ Англіи!...

— Вѣдь ты въ жизнь свою встрѣчалъ многихъ другихъ лордовъ и перовъ! Зачѣмъ же ты не бѣгалъ за ними? Съ иными ты не хотѣлъ даже говорить.

— За лордомъ Байрономъ я бѣгалъ.... вовсе не потому, что онъ поэтъ! Была другая причина.

— Какая?

— Ужъ это мнѣ знать!

— Пожалуйста, скажи!

— Я хотѣлъ убить его.

— Какъ, убить? За чтò?

— Да за то, что ты, душенька, была по уши влюблена въ него!

Графиня Марія захохотала.

— Ты прикидываешься лютымъ ревнивцемъ, сказала она, чтобы не сознаться, что ты вмѣстѣ съ другими поклонялся человѣку, который пишетъ стихи. Искусенъ ты на выдумки! Я лучше тебя знаю, что никогда не удостоивалась я этой чести отъ твоей любви. Но если полагаешь, что я была по уши влюблена, стало-быть можно страшно влюбиться въ человѣка за его стихи и быть очень несчастною, когда этотъ человѣкъ уничтожаетъ себя въ угожденіе чьимъ-нибудь предразсудкамъ.

— На!... такъ рубите мою голову! вскричалъ онъ въ отчаяніи: я преступникъ! я извергъ! я безчеловѣчный отецъ!... Ахъ, жизнь, жизнь!... да это — адъ! Ей Богу, Машенька, я съ ума сойду съ вами! Вы меня замучите въ смерть этою любовью моей дочери, въ которой течетъ твоя кровь. Подумай, сколько уже стоило это мнѣ безпокойствъ и неудовольствій!

— Оттого, что ты хочешь дѣлать все своимъ умомъ и не слушаешься жены.

— Я тебя не слушаюсь?... Я?... Ну, можешь ли ты, Марія, упрекать меня въ этомъ? Я, напротивъ, какъ всѣ говорятъ, блаженствую у тебя подъ каблукомъ. Я слабъ съ тобою какъ ребе-

нокъ! Часто даже стыжусь за свою слабость, краснѣю передъ собою, что я, мужчина, существо по-преимуществу разумное, позволяю женщинѣ управлять мною по ея произволу. Отсюда и все горе! Я долженъ бы твердо приняться самъ за дѣла моего семейства: все пошло бы какъ слѣдуетъ!... давно уже составилъ бы я счастіе Анны!

— А я просила тебя, по-крайней-мѣрѣ тысячу разъ, чтобы ты никогда не разсуждалъ о счастіи женщины! Чтò тебѣ за охота говорить о вещи, которой ты вовсе не понимаешь?

— Ты, Марія, право, считаешь уже меня набитымъ дуракомъ!... По твоему понятію, я уже такъ глупъ, что не понимаю самыхъ простыхъ вещей въ мірѣ!... вещей, о которыхъ всѣ безпрестанно говорятъ!... словъ, которыя ежедневно всѣми повторяются!...

— И ни кѣмъ не понимаются!

— Извини, понимаются всѣми. Еслибъ не понимались, такъ не повторялись бы. Видно, понимаются!... Вотъ новость! я не понимаю счастія?... счастія женщины?... не понимаю самаго простаго слова, которое повторялъ по-крайней-мѣрѣ пятьсотъ тысячъ разъ въ жизни!

— Въ такомъ случаѣ, сдѣлай милость, дай мнѣ самый простой отвѣтъ на одинъ маленькій вопросъ, который я предложу тебѣ.

— О чемъ тебѣ угодно любопытствовать?

— О бездѣлицѣ. Чтò такое счастіе женщины?

— Какъ, чтò оно такое?

— Вѣдь ты объ немъ говорилъ пятьсотъ ты-

сячъ разъ въ жизни. Такъ объясни мнѣ теперь. Я желаю знать, что̀ такое счастіе женщины?

— Что̀ такое счастіе женщины?... Вотъ странный вопросъ! Какъ-будто я не знаю! Счастіе женщины, мой другъ, есть такое дѣло.... Счастіе женщины.... То есть, то, что̀ разумѣется подъ этимъ терминомъ.... Счастіе женщины.... Да что̀жъ оно такое! Оно — счастіе, да и только! Обыкновенно, счастіе! Развѣ можно сказать, что̀ такое всякое счастіе, каково бы оно ни было?... Да ты, видно, не такъ предложила вопросъ, потому-что на него нѣтъ никакого отвѣта!

— Нѣтъ, милый Андрей, я хорошо предложила вопросъ. Я спрашиваю очень ясно и понятно: что̀ такое счастіе женщины? Говори! Я слушаю.

— Да ты такъ невзначай предлагаешь вопросы, что нѣтъ никакой возможности отвѣчать впопадъ. Погоди!... Счастіе женщины.... Да кто же углубляется въ значеніе такого слова? Оно только такъ говорится въ обществѣ! Это принято.

— То-то и есть, что оно говорится, а никому и въ голову не приходитъ опредѣлить въ умѣ своемъ его точное значеніе! Мужчины и женщины безпрестанно употребляютъ его, а между-тѣмъ, ни мужчины, ни даже женщины, не могутъ дать себѣ яснаго отчета, въ чемъ собственно состоитъ предметъ, къ которому оно относится:

— Постой, я тебѣ скажу, въ чемъ онъ состоитъ. Теперь я вспомнилъ. Счастіе женщины — любить и быть любимою.

— Ты выхватилъ эту избитую фразу изъ какого-то романа, не примѣтивъ, что въ ней нѣтъ

толку. Счастіе любить и быть любимою, или любимымъ, есть только счастіе получать любовь за любовь, а отнюдь не счастіе женщины. Это выраженіе, если въ немъ есть какой-нибудь смыслъ, столько же относится къ мужчинамъ, сколько и къ женщинамъ. И тутъ еще, относительно къ женщинамъ, сперва надо привесть въ ясность, что̀ значитъ — любить и быть любимою, надо опредѣлить съ точностью — кого любить и кѣмъ быть любимою, какъ любить и какъ быть любимою, чтобы можно было сказать: «Я счастлива!» Ты навѣрное знаешь извѣстный до пошлости примѣръ о любящихъ и любимыхъ: двое влюбленныхъ, которые обожаютъ другъ друга до безумія, удаляются въ уединенное мѣсто, въ очаровательный сельскій пріютъ, чтобы отдѣлиться отъ всего свѣта, создать другой міръ въ самихъ себѣ, и жить одною любовью, которая въ ихъ сердцѣ. Черезъ мѣсяцъ, они уже скучаютъ и чувствуютъ себя несчастными. Между-тѣмъ двери были заперты: любовь, которая въ нихъ была, не могла никуда уйти. Любовь есть: а счастія въ любви нѣтъ!... И первая, какъ говорятъ, начинаетъ скучать и быть несчастною—женщина. И когда, соскучившись, они вырвутся изъ уединенія, такъ уже другъ друга терпѣть не могутъ: и первая, опять, разлюбляетъ—женщина! Эта старинная притча ясно тебѣ показываетъ, что счастіе женщины не можетъ состоять въ одномъ простомъ удовольствіи любить и быть любимою. Видно, когда они были заключены въ уединеніи, любовникъ этой молодой особы давалъ ей только лю-

бовь за любовь, но не представлялъ ей съ своей стороны того, въ чемъ состоитъ женское счастіе. Кажется, это ясно!

— Ну, такъ ужъ я рѣшительно не знаю, въ чемъ оно состоитъ!

— А хочешь ли знать?

— Научи, пожалуйста! Просвѣти невѣжду! Пусть умудрюся между мужи!

— Счастіе женщины заключено все въ одномъ словѣ....

— Какое же это слово?

— Восторгъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я тебя не обманываю. Стòитъ только въ насъ возбуждать восторгъ собою, и мы счастливы, совершенно счастливы. Вѣчный восторгъ — вѣчное блаженство для женщины. Можешь мнѣ вѣрить!

— Вѣрю. Но позволь же теперь взаимно предложить вопросъ тебѣ. Ты была счастлива со мною. Я составилъ твое полное счастіе. Ты сама говоришь это всѣмъ, при мнѣ же. Значитъ, ты — въ безпрерывномъ восторгѣ отъ меня?

— Разумѣется! Это иначе и быть не можетъ.

— Вотъ этого я никакъ не думалъ! И, признаюсь, даже не понимаю, чѣмъ я могу возбуждать въ тебѣ такой восторгъ.

— Какъ! неужели не понимаешь?

— Право, не понимаю!

— Да развѣ не самъ ты говорилъ недавно, что мы — загадка?... Какъ же ты не сообразишь такой ясной вещи?... Для меня, ты — человѣкъ уди-

вительный. Я только смотрю на тебя, да любуюсь. Поди ко мнѣ, мой безцѣнный другъ; я хочу тебя поцѣловать: въ такомъ восторгѣ я отъ тебя!...

Графиня Марія обняла и расцѣловала своего мужа; и онъ, въ упоеніи самолюбія отъ сладкой мысли о своей способности возбуждать восторгъ въ женщинахъ, вовсе не примѣтилъ самой жестокой насмѣшки надъ своимъ ничтожествомъ. Супругъ разнѣжился и сдался безусловно. Графъ Андрей чувствовалъ себя такъ неисповѣдимо счастливымъ во власти жены, что признался ей въ этомъ откровенно.

— И я тебѣ скажу, отчего ты счастливъ, замѣтила неумолимая супруга. Хочешь ли знать, при этомъ удобномъ случаѣ, въ чемъ заключается ваше мужское счастіе?... Оно не состоитъ ни въ нашихъ прелестяхъ, къ которымъ слишкомъ скоро вы становитесь равнодушными при обладаніи; ни въ нашей любви, которой условія находите для себя слишкомъ тягостными; ни въ нашемъ повиновеніи, которымъ такъ дорожите, именно потому что не заслуживаете его рѣшительнымъ превосходствомъ; ни даже въ нашей нѣжной заботливости о вашихъ удобствахъ, которыми часто вы не дорожите вовсе. Оно также заключено въ одномъ словѣ, и это слово — снисхожденіе! Не взыскивай съ васъ ни за что̀ въ свѣтѣ, потворствуй вашей чувственности и лѣни, удивляйся вамъ, когда вы ничего не дѣлаете, чтобы возбуждать въ насъ удивленіе, не мѣшай вамъ наслаждаться, бери такую любовь, какую вы намъ даете, по-поламъ съ невѣрностями, и не брани васъ:

такъ вы и счастливы!... счастливы безпредѣльно!...

Этимъ опредѣленіемъ мужскаго счастія она положила иго на выю графа Андрея. Бѣдный супругъ чувствовалъ, что оно совершенно справедливо и, между прочимъ, буквально примѣняется къ его личному блаженству. Зная себя виновнымъ, онъ старался прикрыть угрызеніе совѣсти безконечными ласками въ отношеніи къ снисходительной женѣ. Но разговоръ ихъ вскорѣ коснулся снова Анны и Валеріана, и мужское счастіе исчезло съ лица графа Андрея. Онъ опять принялся за свою старую сказку: увѣрялъ жену, что все было бы чудесно, еслибы ему предоставили распоряжаться судьбою дочери, опять воспѣвалъ хвалу своему мужскому уму и ополчался противъ женщинъ.

— Прекрасно вы управились безъ меня! говорилъ онъ. Позволь мнѣ сказать, Марія, что этотъ разрывъ, кромѣ несчастія Анны, новое несчастіе для насъ. Это — новый источникъ сплетней, клеветы, поношенія нашего имени. Увидишь, что̀ станутъ говорить въ обществѣ: придется опять бѣжать изъ столицы! Все это сдѣлали вы, двѣ загадки! Все это слѣдствія вашего женскаго ума!... А хвастаются!... А мужчинъ ставятъ ни во что̀, и мужской умъ презираютъ!

— Мы не презираемъ мужскаго ума, когда онъ дѣлаетъ то, къ чему созданъ, и ловко, твердо исправляетъ грубыя дѣла жизни, возразила жена: напротивъ, мы его любимъ, мы удивляемся ему, мы за него васъ и обожаемъ, потому-что онъ трудится для нашего благосостоянія и выручаетъ

насъ въ трудахъ, неприступныхъ для нашей нѣжности и нашего терпѣнія. Но когда этотъ толстый, дюжій, рабочій и искусный въ своей работѣ умъ вмѣшивается въ самую жизнь, то-есть въ сердце, любовь, счастіе, въ оцѣнку чувствованій, въ сужденія о характерѣ и о достоинствахъ человѣка какъ человѣка, въ чтеніе въ самой душѣ, разгадываніе побужденій, молнійное соображеніе послѣдствій или, какъ говорится, предчувствіе — въ дѣла слишкомъ для него нѣжныя — въ дѣла доступныя только высшему, совершеннѣйшему, тончайшему уму, то-есть нашему женскому уму, тогда вашъ умъ, мой несравненный Андрей, дѣлаетъ только неловкости да глупости. Это все-равно что столяръ, очень искусный въ своей работѣ, который вмѣшивается въ занятія часоваго мастера и учитъ Брегета. Нашъ умъ тоже — мастеръ своего дѣла, дѣла очень высокаго, очень важнаго, самаго важнаго изъ всѣхъ на землѣ, потому-что оно касается всей прелести, всего цвѣта, всей красы и сладости существованія, всего, безъ чего жизнь не была бы жизнью и не стоило бы таскать ее на своихъ плечахъ. Не гордитесь своимъ умомъ, не провозглашайте себя чѣмъ-то выше насъ, потому-что считаете звѣзды, разрѣзываете трупы и пишете книги. Считайте, разрѣзывайте, пишите: на то вы мужчины; на то вы плотнѣе и сильнѣе насъ; на то у васъ нервы изъ проволоки и черепы на мозгу изъ гранита, чтобы вы могли вынести тяжесть этихъ неблагородныхъ трудовъ, отъ которыхъ мы ждемъ для себя пользы и наслажденія. Васъ наградятъ за

это поцѣлуемъ. Между-тѣмъ, считая, разрѣзывая и пиша, вы еще не дошли до уразумѣнія той истины, которую каждая умная женщина чувствуетъ и знаетъ, а именно, что и вашъ умъ и нашъ умъ, оба одинаково совершенны; что ни одинъ изъ нихъ не ниже и не выше своего соперника; что тотъ и другой равно удивительны: вся разница въ томъ, что одинъ совершенъ въ грубѣйшемъ устройствѣ, для работъ грубѣйшихъ, другой въ тончайшемъ, для самыхъ тонкихъ дѣлъ жизни. Въ томъ-то и чудо творенія, что грубый и тонкій умы дополняются одинъ другимъ въ человѣческой природѣ, и что только дружное соединеніе этихъ двухъ умовъ образуютъ одно, полное духовное совершенство. До этого природа хотѣла достигнуть бракомъ. Я терпѣть не могу этихъ вздорныхъ женщинъ, которыя нынче стали писать противъ брака: онѣ не понимаютъ своего дѣла, и головы у нихъ должны быть доведены развратными лжеумствованіями мужчинъ до темноты и огрубѣлости вашего мужскаго ума. Ахъ, мой Андрей! постигаешь ли ты высочайшую степень земнаго торжества и счастія? Я постигаю ее!... Это было бы — соединеніе двухъ совершеннѣйшихъ умовъ, тонкаго и грубаго, которые бы знали совершенство одинъ другаго и умѣли вполнѣ уважать его — соединеніе двухъ такихъ умовъ небесными узами любви для отъисканія взаимнаго счастія тутъ же, возлѣ себя, въ двухъ совершеннѣйшихъ душахъ, сильной и слабой, и въ двухъ совершеннѣйшихъ сердцахъ, въ нѣжномъ, созданномъ для восторга, и въ твердомъ, велико-

умномъ, полномъ мужественныхъ чувствованій и высокихъ стремленій. Эта идеальная степень счастія, быть-можетъ, и осуществится когда-нибудь между людьми: но тогда ужъ на землѣ будетъ небо! Можетъ-статься, вы когда-нибудь досчитаетесь, дорѣжетесь и допишетесь до такой тонкости, что поймете всѣ права женскаго ума на полное уваженіе и удивленіе со стороны вашего, увидите, что каждый изъ двухъ умовъ дѣлаетъ здѣсь свое дѣло въ совершенствѣ, и устроитесь такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не мѣшалъ другому. Но теперь вы еще очень далеки отъ этого. Теперь еще вы такъ неотесаны, необразованы, темны, что считаете себя несравненно умнѣе насъ и употребляете силу своего грубаго ума на угнетеніе нашего тонкаго, нѣжнаго, эѳирнаго. Въ невѣжествѣ своемъ вы презираете этотъ умъ, и въ то же время вы боитесь его, дѣлаете все, что̀ можете, чтобы сбить его съ толку, заглушить его развитіе; и, надо отдать вамъ справедливость, вообще успѣваете въ этомъ похвальномъ дѣлѣ. Да и мы сами вамъ помогаемъ, для вашего удовольствія, видя, какъ вы трусите передъ нашимъ умомъ! Развѣ мы не притворяемся дурочками передъ вами, для того, чтобы вы на насъ женились въ лестной надеждѣ, что, по жалкой своей ограниченности, мы станемъ слѣпо слушаться вашего дебелаго и неповоротливаго ума, и не примѣтимъ того, что вы не умѣете быть мужчинами? Развѣ все наше воспитаніе не къ тому направлено, чтобы погрузить нашъ умъ въ полное и пугливое невѣдѣніе жизни и дѣлъ ея съ тѣмъ, чтобы вашъ

умъ казался немножко умнѣе нашего? Развѣ и самую скромность нашу, въ воспитанномъ классѣ, преувеличиваемъ мы не для того, чтобы васъ возвысить въ собственномъ вашемъ самолюбіи и снять съ васъ страхъ нашей ужасной проницательности? Пойми это хорошенько, мой любезный супругъ и повелитель. Вѣдь все это дѣлается не напрасно, не наугадъ; въ томъ, что̀ вы называете нашимъ инстинктомъ, болѣе генія чѣмъ въ вашемъ разумѣ! При нынѣшнихъ грубыхъ понятіяхъ вашей образованности и вашихъ познаній, дѣло наше иначе быть не можетъ. Вы чувствуете неясно, несмотря на свою невѣжественную гордость, а мы чувствуемъ очень ясно, что если дать съ-молодости все развитіе нашему тонкому уму, то, съ немногими исключеніями, всѣ вы показались бы ужасно ничтожными и смѣшными, и вамъ житья съ женщинами не было бы на свѣтѣ. Такъ дѣлать нечего, надо пособлять другъ другу — мы заглушаемъ или скрываемъ нашъ умъ, а вы, между-тѣмъ, считая себя умными по-превосходству, усерднѣе на насъ работаете. А нашъ умъ ужасенъ, Андрей, когда онъ случайно вполнѣ развернется!... (Андрей задрожалъ со страху.) Мы тогда — Кассандры! Можетъ-быть и наступитъ когда-нибудь такая эпоха высшей степени человѣческаго просвѣщенія и совершенства, что нашему уму можно будетъ свободно развиваться во всей тонкости и что вашъ не станетъ его бояться, но, покамѣстъ, ваше дѣло плохо, очень плохо. Посуди только самъ, какъ жалко увертывается теперь вашъ умъ передъ нашимъ! какъ онъ дро-

житъ передъ нимъ! какія употребляетъ уловки, чтобы не испытать затмѣнія! Самый умный между вами, обыкновенно, ищетъ себѣ въ подруги самой глупой и самой ничтожной женщины. И это даже считается у васъ признакомъ чудеснаго мужскаго ума....

Графъ Андрей, котораго эта картина женскаго ума ослѣпила, настращала и повергла въ благоговѣніе передъ умственнымъ превосходствомъ жены, наконецъ перевелъ дыханіе въ этомъ мѣстѣ. Еще двѣ минуты такого краснорѣчія — и онъ бы задохнулся. Къ счастію, графиня Марія стала искать платка. Онъ имѣлъ время придти въ себя, понюхалъ табаку, и храбро представилъ ей замѣчаніе:

— Однако жъ я не побоялся жениться на самой умной женщинѣ въ свѣтѣ.... Вѣдь ты, право, еще умнѣе твоей пріятельницы, мадамъ де-Сталь!

— Ну, ты.... совсѣмъ другое дѣло! отвѣчала она, и нѣжно поцѣловала мужа, который съ незапамятнымъ восторгомъ бросился въ ея объятія, между-тѣмъ какъ она мысленно дополняла эту фразу словами: «Ты сдѣлалъ на-оборотъ!»

— Такъ видишь, мой милый, мой дорогой Андрей, продолжала графиня Марія, что совсѣмъ по-напрасну полагаешься на свой умъ, и очень худо ты дѣлаешь, что такъ часто не слушаешься жены. Помнишь ли ты ту ужасную, неблагопристойную сцену, которую ты мнѣ сдѣлалъ, вотъ здѣсь, въ корридорѣ?... Я никогда тебѣ объ ней не напоминала; ни одинъ звукъ жалобы съ тѣхъ поръ не вырвался изъ устъ моихъ: но она тяжко

легла на мое сердце!... Ты обидѣлъ жену, лучшаго своего друга, который если и осмѣливается иногда руководствовать тебя совѣтомъ, то единственно изъ усердія къ твоимъ пользамъ и твоей чести. Ты хотѣлъ дѣйствовать по твоей высокосупружеской волѣ. Что̀ же вышло? Ты былъ причиною разрыва союза, отъ котораго зависѣло счастіе нашей чудесной Анны. Ты сдѣлалъ дочь несчастною. Ты и себя окомпрометировалъ....

— Да! воскликнулъ онъ: признаюсь!... я кругомъ виноватъ!... Прости меня, моя добрая Машенька.... Впередъ не буду. Хотѣлъ сдѣлать лучше, и остался въ дуракахъ!... Ужъ, право, не знаю, какъ это случается: но рѣшительно, каждый разъ какъ, съ-дуру, пойду противъ тебя, непремѣнно всегда попаду въ просакъ!... Видно, Богъ меня наказываетъ.

— Такъ никогда не иди противъ меня!

— Не пойду!

— Не угнетай жены своей за ея любовь и преданность!

— Каюсь, и обѣщаю!

— Я тебѣ не вѣрю. Сколько разъ обѣщалъ ты мнѣ слѣдовать моимъ совѣтамъ, и потомъ не сдерживалъ слова!

— Но теперь обѣщаю въ послѣдній разъ; обѣщаю торжественно, и непремѣнно сдержу. Какъ честный человѣкъ!

— Не вѣрю обѣщаніямъ. Дай клятву.

— Дамъ какую угодно!... Хочешь ли, поклянусь передъ тобою на колѣняхъ?

— Хочу. Становись на колѣни.

Графъ Андрѣй сталъ на колѣни передъ постелью жены, держа ея руку въ своихъ ладоняхъ. Она принялась диктовать ему форму присяги, которой слова повторялъ онъ за нею....

— Клянусь....

— Клянусь.

— Моей женѣ....

— Моей умной, доброй, несравненной, обожаемой женѣ.

И, при этихъ словахъ, онъ съ жаромъ прижималъ къ сердцу и цѣловалъ ея руку.

— Всегда....

— Всегда.

— Во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ....

— Во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ.

— Слушаться ея....

— Слушаться ея слѣпо и безпрекословно.

— Не увлекаться....

— Не увлекаться.

— Ни чьими злобными противъ нея наущеніями...

— Ни чьими.... ммъ!... ммъ!... наущеніями. Да ихъ никогда и не было!

— И никогда....

— И никогда.

— Не выходить у своей жены....

— Не выходить у своей жены, милой и прелестной Машеньки.

— Изъ повиновенія!

— Изъ повиновенія.

Графиня Марія благосклонно поднесла свою

руку къ его губамъ. Онъ утвердилъ клятву поцѣлуемъ и всталъ.

Поступокъ Валеріана, которымъ онъ такъ восхитилъ графа Андрея, былъ уже въ это время главнымъ предметомъ толковъ и разсужденій въ обществахъ. Вдругъ два письма, почти одинаковаго содержанія, которыя онъ передъ отъѣздомъ написалъ къ своимъ друзьямъ, распространили извѣстіе о томъ, что Анна отвергла его съ презрѣніемъ за этотъ самый поступокъ — за уничтоженіе своей славы — и что все кончено между ними. Никогда еще, можетъ-быть, общество не бывало такъ взволновано частнымъ семейнымъ происшествіемъ какъ въ этомъ достопамятномъ случаѣ, при которомъ все, что̀ чувствуетъ и не чувствуетъ, что̀ любитъ и не любитъ, заговорило о чувствахъ вообще и о любви въ особенности. Всѣ понятія, всѣ логики, всѣ образы мыслей, пришли въ движеніе, и завязалась жаркая борьба между различными мнѣніями. Женщины, въ невѣроятной степени, были возбуждены столь любопытнымъ разрывомъ. Онѣ составляли центръ неутомимыхъ споровъ и господствовали надъ разсужденіями. Казусъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ чрезвычайно важенъ для всего пола. Вопросъ, должна ли была Анна, или нѣтъ, разлюбить своего жениха послѣ его нравственнаго самоубійства, этотъ вопросъ, въ высокой степени психологическій, тѣсно касался всѣхъ основаній ихъ быта, ихъ счастія на землѣ, ихъ значенія въ человѣчествѣ. Онъ также былъ не бездѣльный и для мужчинъ: отъ его рѣшенія зависѣла судьба многихъ жени-

ховъ, мужей и любовниковъ. Дѣло шло не болѣе и не менѣе какъ объ опредѣленіи: что̀ такое женщина любитъ въ мужчинѣ? кого она, собственно, обязана любить по закону природы? въ какихъ случаяхъ мужчина имѣетъ естественное право на ея сердце? какое дѣйствіе на ея любовь и счастіе производятъ его стремленіе къ опасностямъ славы или къ малодушному покою?

Весь нѣжный полъ раздѣлился на партіи.

Была партія умныхъ замужнихъ женщинъ. Эта горячо защищала Анну, то-есть свое собственное дѣло.

Была партія вдовъ: та находила, что Анна прекрасно сдѣлала какъ женщина, но не основательно какъ невѣста, потому-что — съ мужемъ, каковъ бы онъ ни былъ, все-таки лучше чѣмъ безъ мужа.

Была партія дѣвицъ. Она раздѣлилась на двѣ главныя отрасли: одна, состоящая изъ дѣвушекъ, которыя непремѣнно хотятъ удивляться своему суженому, утверждала, что Анна совершенно права, что онѣ сами точно также поступили бы въ подобномъ случаѣ; другая, къ которой принадлежали молодыя особы съ чрезвычайно мягкимъ сердцемъ, принимала живѣйшее участіе въ Валеріанѣ и называла Анну пустою женщиною.

Я не упоминаю о партіи старушекъ. Она была безъ вліянія. Никто не зналъ навѣрное, сколько у Валеріана годоваго доходу, и почтенные члены этой партіи никакъ не могли рѣшить окончательно, хорошо ли или дурно сдѣлала невѣста, которая его разлюбила.

Множество женщинъ и дѣвицъ, подъ названіемъ «независимыхъ», оставались внѣ всякихъ партій, придерживаясь каждая своего личнаго мнѣнія.

Мужчины также образовали между собою множество партій. Тѣ, которые прежде ненавидѣли Валеріана за то, что онъ затмѣвалъ ихъ, первые смѣялись надъ нимъ какъ надъ трусомъ и вполнѣ оправдывали Анну. Другіе — и самые многочисленные — твердо держались того правила, что она не имѣла права разлюблять его; что это — измѣна, вѣроломство; что разочарованій не должно быть на свѣтѣ. Иные говорили, что тутъ никто не виноватъ, ни Анна ни Валеріанъ, а причиною всему природа, которая создала женщину слабою, нѣжною и непостоянною: эти имѣли притязаніе на глубокомысленность. Наконецъ многіе — именно тѣ, которые готовы любить славу въ себѣ, но въ другихъ почитаютъ ее пустымъ блескомъ — прославляя бывшаго поэта за великій характеръ, находили невѣрность Анны весьма драматическою, и два поэта изъ этой партіи написали въ честь Валеріану трагедію въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ.

Самые мудрые изъ мужчинъ — философы и романисты — согласились съ мнѣніемъ графа Андрея, что женщина — загадка.

Но одинъ знаменитый врачъ, которому, въ самую жаркую минуту этихъ споровъ, пришлось разсѣкать трупъ женщины, имѣлъ совсѣмъ другой взглядъ на предметъ, и держа въ рукѣ сердце покойницы, торжественно объявилъ своимъ слу-

шателямъ, что чувствованія Анны совершенно правильны, и что это можно доказать анатомическимъ ножомъ.

При этихъ-то незабвенныхъ спорахъ, во время которыхъ всѣ столько разсуждали о чувствахъ и любви, обнаружилось мнѣ одно странное обстоятельство: именно, я удостовѣрился, что множество женщинъ и дѣвицъ, для которыхъ любовь — занятіе всей жизни, которыя разъ десять любили, и готовы любить еще столько же, понятія о любви не имѣютъ!... сами не знаютъ, что̀ онѣ любятъ, за что̀ любятъ, какъ и для чего любятъ, и даже любятъ ли или нѣтъ!... что, не только умѣнье, но и самая способность любить зависятъ въ женщинѣ отъ степени ея ума и воображенія; что есть женщины такія ограниченныя, что онѣ даже не въ состояніи ощущать никакой любви и Богъ-вѣсть какое мороженое называютъ любовью. Эта эпоха вообще была для меня чрезвычайно поучительна: я убѣдился также, до какой степени мы мужчины — невѣжды во всемъ, что̀ касается до женской любви. Не говоря уже о томъ, что вовсе не понимаемъ ея сущности, почитая ее простымъ слѣдствіемъ животнаго начала, мы еще думаемъ, будто женская любовь — всегда и во всякомъ случаѣ одинаковое чувство, и что вся разница одной любви отъ другой состоитъ въ степени ея напряженія и пламенности. Боже мой, какое заблужденіе! Не на степени раздѣляется женская любовь, а на роды, точно такъ же какъ растенія, и между различными любвями — разница, не какъ между березою, березкою и березинкою, а напротивъ,

какъ между березою, магноліей, сосною, розаномъ, фіалкою и крапивою. Этимъ и объяснилось, какъ могутъ, иногда, двѣ и три любви обитать въ одномъ и томъ же нѣжномъ сердцѣ: фіалка можетъ же расти въ крапивѣ, а крапива подъ розаномъ! Но объ этомъ послѣ.

Валеріанъ неизвѣстно куда уѣхалъ. Анна влюблена въ него сильнѣе, глубже, восторженнѣе, чѣмъ когда-либо. Что̀ жъ теперь будетъ?...

Какъ! вы не знаете, что̀ теперь будетъ?... Угасаніе сильной, глубокой, восторженной любви. Медленная смерть первой страсти, высокой, идеальной, прекраснѣйшей изъ страстей. Горькое и печальное зрѣлище!

Въ первые дни безнадежной разлуки, въ началѣ вѣчности, которой не бывать конца, отчаяніе Анны, дѣйствительно объявившей родителямъ, что она умретъ, или, еще хуже, останется дѣвицею до скончанія вѣка, испугало графа Андрея. Считая себя причиною всей бѣды, онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы принесть дочери утѣшеніе. Видъ ея страданій, угрозы не выходить замужъ, и объясненія жены, удостовѣрили его наконецъ въ могуществѣ и важности великаго поэта: онъ убѣдился, что, по самонадѣянности и по незнанію дѣла, совершилъ ужасное преступленіе — лишилъ дочь чуднаго человѣка, который обладалъ одинъ даромъ повергать ее въ восторгъ, то есть, въ счастіе — лишилъ родъ человѣческій одного изъ его вдохновенныхъ просвѣтителей, отечество, одного изъ драгоцѣннѣйшихъ его украшеній. Отчаяніе добродушнаго супруга и нѣжнаго отца

едва-ли не превосходило горести осиротѣвшей невѣсты: не зная, что̀ сдѣлать, графъ Андрей готовъ былъ самъ сочинять стихи, чтобы доставить ей пищу, которая, по-видимому, для женщинъ слаще всякой амброзіи. Этотъ печальный случай такъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, что отнынѣ онъ сталъ питать въ душѣ глубочайшее почтеніе къ стихамъ и стихотворцамъ: онъ не могъ простить себя за истребленіе такого удивительнаго сочинителя въ Валеріанѣ, и впослѣдствіи, если кому-нибудь случалось пошутить въ его присутствіи надъ поэтами по поводу плохихъ стиховъ, всегда принималъ важный и печальный видъ, и говорилъ: «Стихи могутъ быть не хороши, но стихотворцы заслуживаютъ полнаго уваженія. Эти шутки неумѣстны. Можно ли отвѣчать за ихъ слѣдствія? Можно ли знать, что онѣ когда-нибудь не обратятся въ тяжкій упрекъ для совѣсти?... Вотъ именно такими неосторожностями, я, какъ вы меня видите, сдѣлалъ несчастіе.... быть-можетъ всего человѣчества!» Добрый графъ Андрей, въ этихъ хлопотахъ, навѣрное похудѣлъ бы хуже Анны, если бы ему не пришло въ голову, изъ любопытства, тихомолкомъ поискать въ своей библіотекѣ какой-нибудь стихотворной книги, чтобы посмотрѣть, что̀ такое восхищаетъ женщинъ въ стихахъ, и отчего онѣ влюбляются въ тѣхъ, которые ихъ пишутъ. Къ великой радости своей онъ нашелъ «Лиру», собраніе какихъ-то стихотвореній, посвященное отцу его, и, тайно отъ жены, принялся читать его, но, къ несчастію, уснулъ на третьей страницѣ. Проснувшись, онъ хотѣлъ про-

должать — и опять уснулъ. «Лира» спасла его. Онъ проспалъ все отчаяніе Анны.

Когда онъ отказался отъ дальнѣйшаго изслѣдованія этого любопытнаго вопроса, Анна уже начинала ѣсть и поправляться. Она была очень печальна, но казалась уже спокойною. Безнадежность замѣнила для нея цѣлебную силу примиренія со своей судьбою. Графиня Марія уважала ея горе, и надѣялась на дѣйствіе размышленія и времени. Между-тѣмъ Анна любила, страшно любила. Бдѣніе и сонъ ея были наполнены мыслями о Валеріанѣ и его появленіями. Неизвѣстность, куда онъ дѣвался и что̀ намѣренъ сдѣлать съ собою, придавала имъ торжественный цвѣтъ поэтической мрачности. Она видѣла его — въ опасностяхъ — на краю погибели — даже мертвымъ — ночью вскакивала съ постели, вся въ слезахъ и ужасѣ — и горячо молилась за его безопасность, за его благополучіе. Анна рѣшилась заключиться на всю жизнь въ тихой и глубокой горести, не знать ни радости ни развлеченій, и сдѣлать изъ любви своей постоянное и торжественное занятіе для души. Вещицы, которыя держалъ Валеріанъ въ своихъ рукахъ, засохшій цвѣтокъ, который онъ нѣкогда сорвалъ для нея въ саду, лоскутокъ бумаги, на которомъ написалъ ей карандашомъ нѣсколько стиховъ, и чудесное прощальное письмо къ ея теткѣ — отнынѣ единственные слѣды его существованія — сдѣлались для нея предметами трогательнаго чествованія. Первая любовь достигала своего меридіана: отсюда должно было начаться клоненіе свѣтила къ закату!...

Первыя боли души прошли. Анна начала выѣзжать къ сестрѣ, къ теткѣ, къ кузинѣ. Она однакожъ не присутствовала ни при вѣнчаніи, ни на свадьбѣ Софіи: это зрѣлище возбудило бы въ ней убійственныя воспоминанія: она боялась зарыдать при всѣхъ. Но вскорѣ домъ Софіи, молодой княгини К***, сдѣлался для нея убѣжищемъ отъ своихъ душевныхъ страданій. Дружба кузины и ея мужа, человѣка занимательнаго и остроумнаго, и видъ ихъ тихаго наслажденія — если не счастія — навѣвали на ея горячее сердце свѣжестью весенняго воздуха. Софія признавалась, что это очень забавно — перейти изъ дѣвичьяго состоянія въ супружество, и что она уже начинаетъ любить своего мужа: во всякомъ случаѣ, совершенно довольна своей судьбою. Анна слушала ее со вниманіемъ и любопытствомъ. Софія и ея мужъ, пользуясь правомъ своимъ на увеселенія, которыя слѣдуютъ за свадьбою, старались устраивать ихъ такъ, чтобы бѣдная кузина могла найти въ нихъ развлеченіе. Анна стала участвовать въ ихъ забавахъ, но не раздѣляла веселости.

Она часто говорила съ Софіей о Валеріанѣ — и никогда безъ слезъ — по-временамъ освѣдомлялась у его пріятелей; но никто не получалъ отъ него извѣстія. Онъ исчезъ, какъ огненный шаръ, пролетѣвшій въ воздухѣ надъ головами изумленныхъ людей.

Графиня Марія убѣдила ее, необходимостью и приличіемъ, мало-по-малу выѣзжать и въ другіе дома. Къ веснѣ, Анна уже охотно танцовала. Но лицо ея все-еще было важно и задумчиво.

При такихъ обстоятельствахъ нужно было завести порядокъ въ своемъ горѣ. Всегда и во всякомъ мѣстѣ думать о Валеріанѣ да вздыхать, не предстояло никакой возможности. Анна опредѣлила, ежедневно посвящать мыслямъ о миломъ полчаса поутру и часъ, или болѣе, сколько позволятъ усталость и сонъ, ввечеру, съ правомъ, воспоминать объ немъ и въ другое время сутокъ, смотря по надобности и удобству. Этотъ чудесный порядокъ очень долго соблюдала она съ удивительною аккуратностью. О! какъ любила она его по утрамъ!... и, особенно, какъ любила по вечерамъ!

Впослѣдствіи оказалось, что по вечерамъ думать неудобно. Сонъ иногда приходитъ слишкомъ скоро; иной разъ, послѣ бала, мѣшаютъ разныя другія мысли и постороннія воспоминанія. Желая быть вѣрною любви методически, Анна соединила вечернія думы съ утренними и рѣшилась, всякое утро, проснувшись, обожать несравненнаго сплошь полтора часа. О! какъ она любила его.... только по утрамъ!

Однажды, въ маѣ, Анна — несчастная дѣвушка! — поймала себя въ страшномъ преступленіи: она уже три дня не думала о Валеріанѣ!... Это было такое нарушеніе священнаго долга любви, такая черная неблагодарность, такое несчастіе, что она заплакала, и, скорѣй, скорѣй, принялась любить сильно, очень сильно, чтобы въ одно утро отлюбить за три потерянные дня.

Черезъ недѣлю, опять такое же преступленіе!... Въ этотъ разъ несчастная Анна строго наказала свое сердце: она лишила себя всѣхъ маленькихъ

удовольствій втеченіи цѣлаго дня; даже не пошла гулять, чтобы съ избыткомъ вознаградить забытый идолъ благовонными куреніями души.

Увѣряю васъ, что это зрѣлище чрезвычайно печально! Нельзя безъ глубокаго прискорбія смотрѣть на мучительныя усилія воображенія, тщетно пытающагося вознестись до восторга, на мрачныя развалины воспоминаній въ памяти, чувствованій и надеждъ въ душѣ, надеждъ, нѣкогда столь прекрасныхъ, столь яркихъ и горячихъ, теперь опрокинутыхъ, изломанныхъ, покрытыхъ пылью суеты и постепенно изглаживающихся. Молитва за милаго лежитъ въ сердцѣ, брошенная въ уголъ, безъ словъ, безъ умиленія. Самопожертвованіе испарилось. Слеза потеряла свой алмазный огонь. Вздохъ задохнулся безъ воздуха и умеръ на устахъ. Цвѣты, правда, распустились на лицѣ, прежде блѣдномъ и уныломъ: но это — цвѣты, растущіе на могилѣ.... любви!

Черезъ два мѣсяца набралось столько преступныхъ забвеній, что уже невозможно было омыть ихъ наказаніями и вознаградить усиліями за потерянное время. Но — всего ужаснѣе! — слезы были сухи, воспоминанія бездыханны, и уже только случай вызывалъ ихъ въ прекрасной душѣ, которая прежде принадлежала имъ исключительно. Разсудокъ притомъ распространялъ въ ней такой холодъ, что бѣдныя воспоминанія костенѣли въ нѣсколько мгновеній.

Началась новая вѣчность — тоже вѣчность безъ конца. Ее зовутъ «пустотою въ сердцѣ». Мракъ, сырость и гробовая тишина самыхъ страшныхъ

подземелій не могутъ дать понятія объ ней. Не входите туда. Тамъ ужасно!

Когда я говорю это, Аннѣ наступалъ уже двадцать-третій годъ и отсутствію Валеріана двѣнадцатый мѣсяцъ. Графиня Марія, пользуясь благопріятнымъ измѣненіемъ обстоятельствъ, заговарила о необходимости подумать о замужствѣ. Сначала, Анна не хотѣла и слушать о такой ужасти: она утверждала, что жизнь ея уже потеряна для счастія, что она должна посвятить себя услажденію старости родителей, и не разстанется съ ними. Но опытнаго читателя трудно обмануть благовиднымъ великодушіемъ такихъ намѣреній: онъ знаетъ, что можно имѣть мужа, не разлучаясь съ отцомъ и матерью, и что нельзя ничѣмъ вѣрнѣе усладить старости родителей, какъ давъ имъ полдюжины внучатъ. Это я говорю только мимоходомъ: такое соображеніе, несмотря на свою основательность, не могло дѣйствовать на убѣжденіе Анны. Гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣлъ на нее живой примѣръ Софіи: она видѣла, что можно выйти замужъ безъ любви и не умереть отъ отвращенія; можно даже, при пособіи ума, составить себѣ въ супружествѣ искусственное счастіе, которое далеко не то восторженное, идеальное, эѳирное счастіе, вѣчный предметъ мечты и сожалѣнія женщинъ—а счастіе нѣсколько въ родѣ мужскаго счастія — нѣсколько плотное, матеріяльное, положительное—обыкновенное счастіе, какъ говоритъ графъ Андрей и другіе философы: оно, конечно, не удовлетворяетъ воображенія, но такъ же хорошо замѣняетъ настоящее счастіе, какъ шведская

печь — лѣто, и почти всѣми принимается за настоящее. Темнота и сбивчивость понятій, господствующихъ между женщинами и мужчинами, объ условіяхъ истинной любви и женскаго счастія, должно признаться, весьма спасительны, во всякомъ случаѣ. Въ этомъ хаосѣ, каждая, изъ обломковъ перебитыхъ идей, составляетъ себѣ свое понятіе о счастіи, и часто довольна имъ въ приложеніи. Блаженны невѣдущіе!

Объ Аннѣ нельзя сказать этого. Она вѣдала и знала. Ея чудесный женскій умъ—одинъ изъ тѣхъ умовъ, тонкихъ, нѣжныхъ, одаренныхъ проницательностью нобиліевскаго микроскопа, и дотого не похожихъ на мужской умъ, что мужчины не узнали въ нихъ ума и прозвали ихъ женскимъ инстинктомъ — этотъ умъ ясно говорилъ ей, въ чемъ дѣло: но есть на землѣ еще третье счастіе, едва-ли не обольстительнѣе настоящаго—счастіе казаться всему свѣту счастливымъ. Умныя женщины и великіе философы прибѣгаютъ къ нему предпочтительно. Оно льститъ ихъ самолюбію. Они тогда счастливы своимъ торжествомъ надъ глупостью и злостью сказаннаго свѣта, который смотритъ на нихъ въ совершенномъ недоумѣніи, удивляется и завидуетъ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ настоящее счастіе—счастіе безконечнаго восторга—сдѣлалось невозможнымъ для Анны, въ ней по-временамъ вспыхивало желаніе обмануть свѣтъ. Благородная гордость увлекала ее къ нему; но она еще не рѣшалась, изъ вѣрности къ первой любви.

Никого въ то время, на всемъ земномъ шарѣ,

не было счастливѣе маркиза и Катеньки. Разрывъ Анны съ Валеріаномъ пролилъ на ихъ сердца двѣ рѣки надзвѣзднаго блаженства. Катенька была неизъяснимо счастлива тѣмъ, что ея красавица-сестра таки не будетъ счастлива. Маркизъ плакалъ въ восторгѣ, въ истинномъ, верховномъ счастіи, при мысли, что теперь онъ можетъ удобно овладѣть судьбою Анны въ пользу своей страсти. Мужъ и жена, съ первыхъ дней ея горя, окружили ее необычайнымъ участіемъ, преданностью, утѣшеніями,—Катенька, чтобы наслаждаться ея страданіями, — маркизъ, чтобы пріобрѣсть ея довѣріе. Забывъ все прошедшее въ этихъ страданіяхъ, Анна мало-по-малу увлеклась обманчивыми призраками ихъ привязанности. Несчастіе охотно прельщается ими. Она была тронута теплою дружбою своего зятя, который, среди доказательствъ безкорыстнаго усердія, иногда также позволялъ себѣ и легкіе упреки въ томъ, что Анна прежде не умѣла оцѣнить благородства его души и подозрѣвала въ ней другія намѣренія. Эта новая дружба особенно усилилась въ лѣтнее время, когда они жили почти рядомъ на дачахъ. Мужъ и жена осаждали въ то же время графиню Марію своей заботливостью о судьбѣ Анны, и настаивали на пользѣ выдать ее поскорѣе замужъ. Зная пристрастіе графини Маріи къ «готовому отличному», маркизу чрезвычайно было желательно услужить сестрицѣ старымъ, или, по-крайней-мѣрѣ, пожилымъ тузомъ. Оно удобнѣе: старый мужъ у молодой и прекрасной жены — это кладъ для утѣшителей по ремеслу. При нынѣшнихъ дружескихъ

отношеніяхъ, маркизъ надѣялся легко устранить для Анны всѣ невыгоды подобнаго союза.

Графиня Марія, соглашаясь съ мнѣніемъ любезнаго зятя въ пользѣ тузовъ и скораго замужства, полагала, однакожъ, необходимымъ предоставить дѣло времени. Она искренно сочувствовала несчастію дочери, котораго превосходно знала всю обширность и важность для цѣлой ея жизни. Она теперь не хотѣла стѣснять чувствъ Анны, которой сама предоставила право свободнаго выбора въ присутствіи отца и его родныхъ, когда дѣло шло о Валеріанѣ.

Слѣдующія осень и зима принадлежали къ числу самыхъ скучныхъ и безцвѣтныхъ въ исторіи зимнихъ кампаній. Имъ жестоко помѣшала лѣтняя. Почти весь цвѣтъ молодежи, еще съ начала весны, исчезъ изъ столицы. Открылся рядъ знаменитыхъ войнъ, которыя впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ опустошали разныя части Европы и Азіи. Героинямъ зимняго ополченія не было даже съ кѣмъ танцовать. Множество семействъ надѣли трауръ. Едва три или четыре бала даны были во всю зиму.

На небольшихъ полу-дружескихъ вечерахъ, которые вошли въ общее употребленіе, Анна, съ своей пустотою въ сердцѣ — увы! — повсюду встрѣчала одну только пустоту въ головахъ. О второй, въ наше знаменитое время, всѣ имѣютъ весьма точное понятіе; но первая еще недостаточно приведена въ ясность. Пустотою въ сердцѣ называется желаніе вновь любить и готовность тотчасъ любить. Анна не сознавалась, даже передъ собою, чтобы эти слова имѣли такое невѣроятное значе-

ніе; но я съ достовѣрностью знаю, что они значатъ именно это. Всѣ обстоятельства доказываютъ справедливость моего словотолкованія. Бѣдная дѣвушка еще по-временамъ мучилась, старалась любить Валеріана: и уже не могла!.... Она вездѣ, вокругъ себя, искала людей необыкновенныхъ, великихъ мужчинъ — и, съ негодованіемъ, находила одну только мелочную продажу пошлыхъ качествъ, безполезныхъ для счастія достоинствъ, кусочковъ добродѣтелей и обломковъ разбитыхъ характеровъ. Это негодованіе ясно показываетъ по-моему, что ей опять хотѣлось удивляться, быть въ восторгѣ, любить — то-есть, любить еще въ томъ же самомъ родѣ—по идеалу.

Въ одномъ молодомъ человѣкѣ, съ которымъ случилось ей танцовать, она, казалось, открывала великую душу. Онъ такъ прекрасно говорилъ о чувствахъ! образъ мыслей его, судя по словамъ, былъ такъ возвышенъ! сердце такъ благородно!... Велика сила мужской рѣчи! Анна мечтала объ немъ всю эту ночь и пять слѣдующихъ сутокъ. При второмъ свиданіи, онъ вздумалъ похвастаться своей изнѣженностью и лѣнью. Разочарованіе!

— Это, не только не мужчина, но даже оселъ! сказала она про себя съ гнѣвомъ.

И такихъ ословъ, которые тщеславятся слабостями, унижающими ихъ въ глазахъ женщинъ, Анна встрѣчала сотнями. Это—эпидемическій чирей тщеславія «прелестныхъ юношей». Они думаютъ, будто всего вѣрнѣе понравятся женщинамъ, когда предстанутъ передъ ихъ воображеніе, въ

привычкахъ, слабостяхъ или чувствованіяхъ, похожими на женщинъ.

Опять страшная пустота въ сердцѣ.

Спустя нѣсколько времени, другой мужчина, съ весьма пріятнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, подѣйствовалъ имъ на воображеніе Анны. Въ игрѣ его было нѣсколько ума, въ голосѣ нѣсколько душевной силы. Она тотчасъ предположила, что въ головѣ и груди того и другаго должно быть бездна, и любила его втайнѣ почти двѣ недѣли. Оказалось, что все, до послѣдней капли, положено было въ игру и голосъ: въ головѣ больше ничего нѣтъ, а въ груди остается только смѣшная самонадѣянность. Разочарованіе!.... и пустота!

Въ этой любви идеалъ игралъ уже только половину своей роли. Дарованіе было слабо; но душа дѣвушки еще любила за какое-нибудь превосходство.

Третій уже былъ только несчастенъ: онъ такъ краснорѣчиво говорилъ о своихъ неизлечимыхъ душевныхъ ранахъ и язвахъ, неровной борьбѣ съ судьбою, взрывахъ въ душѣ, проломахъ въ сердцѣ, представлялъ себя такимъ святымъ передъ совѣстью, такимъ преступникомъ передъ людьми, и, въ заключеніе, былъ такъ бѣдственно блѣденъ, что добрая Анна почувствовала въ себѣ сладкую теплоту участія. Она полюбила его изъ милосердія. Она даже была готова пожертвовать собою, чтобы вылечить раны и язвы этого неузнаннаго человѣка. Тысячи женщинъ ничтожно погибаютъ изъ страсти къ этой опасной медицинѣ! Преступленіе, о которомъ говорилъ онъ такъ высокопарно, мета-

форически изображало только глупую дуэль за порцію мороженаго, а раны, несчастіе и борьба съ судьбою, заключались единственно въ томъ, что онъ состоялъ сорокъ-девятымъ въ спискѣ обнадеженныхъ обожателей молодой графини О***, миленькой черноглазой кокетки, и уже третій годъ не могъ дождаться своей очереди. Но тщеславіе графини О*** не должно было допустить такого грабительства на землѣ ея старинныхъ завоеваній: узнавъ, что забытый кандидатъ на ея милости влюбленъ въ Анну и имѣетъ счастіе ей нравиться, она рѣшилась доказать ей всю силу своихъ модныхъ прелестей, все ничтожество ея прославленной красоты—перескочила очередь—и похитила обожателя у своей робкой и скромной соперницы. Разочарованіе!.... да еще какое! Пустота!

Въ этотъ разъ Анна даже заплакала съ досады.

Разумѣется, что, любя этихъ господъ, Анна невольно сравнивала ихъ съ Валеріаномъ, и снова начинала обожать его. Въ иной разъ сама она не знала, кого изъ двухъ любитъ. Но безъ нихъ, навѣрное, не думала бы она о Валеріанѣ и, слѣдовательно, прежняя любовь не вспыхивала бы въ ней. Въ жизни дѣвицъ бываютъ положенія, и очень нерѣдкія, что въ сердцѣ есть двѣ любви рядомъ, или нѣтъ ни одной. У замужнихъ женщинъ случаются и три любви вмѣстѣ — различныхъ родовъ—но это большой секретъ.

Я считаю совершенно излишнимъ исчислять по порядку всѣ мимолетныя страсти моей прекрасной героини, занимавшія ее втеченіи семнадцати мѣсяцевъ и извѣстныя подъ общимъ именемъ «пред-

почтеній». У дѣвицъ, витающихъ въ свѣтѣ, ихъ бываетъ такъ много, что иногда и перечесть невозможно. Нѣкоторыя живутъ не болѣе часа; иныя продолжаются отъ одного вечера до восьми и болѣе мѣсяцевъ, смотря по степени проницательности ума молодой особы или по отсутствію болѣе примѣчательныхъ мужчинъ. Я хочу только обратить ваше вниманіе на одну разительную и печальную черту системы женской любви. Замѣтьте, какъ Анна, въ своихъ «предпочтеніяхъ», по причинѣ страшнаго преобладанія ничтожества въ общей массѣ мужчинъ, нисходила все ниже и ниже. Отъ идеальнаго мужчины, въ которомъ ея воображеніе открыло всѣ превосходства великаго человѣка, быстро проходя черезъ рядъ чувствованій, основанныхъ уже на приложеніи только извѣстныхъ частей первобытнаго идеала къ новымъ избраннымъ, она дошла наконецъ до любви изъ участія, и продолжала нисходить еще далѣе. Два послѣднія ея предпочтенія были уже пожалованы, одно просто за любезность, а другое за красивое лицо. Такъ всегда нисходитъ съ своей торжественной высоты и постепенно перерождается прекрасная любовь женщины. Такъ всегда, отъ ѳирной тонкости и благаго нравственнаго направленія, мало-по-малу измѣняется она въ чувство пошлое и грубое, если во время этого паденія не предстанетъ истинно мощный и удивительный мужчина, къ которому можно было бы снова приложить вполнѣ идеалъ и снова возжечь въ душѣ первую, чистую, идеальную любовь. Разочарованныя на всѣхъ точкахъ печальнаго опыта, бѣдныя женщи-

ны наконецъ соглашаются на самыя послѣднія качества въ мужчинѣ. Многія даже и не подвергаютъ себя напрасной горечи разочарованій и, съ дѣтства напитанныя самыми невыгодными понятіями о мужчинѣ, прямо, почти съ перваго разу, берутъ въ насъ любезность и наружную красоту, какъ единственное достояніе пола, и дарятъ насъ за нихъ любовью Богъ-вѣсть какого разбора, который однакожъ намъ выдаютъ, и мы, въ нашемъ тщеславіи, всегда принимаемъ за самый первый сортъ любви.

Здѣсь-то мѣсто, о мои любезные читатели, разобрать какъ слѣдуетъ различные роды женской любви, составить имъ таблицу, и однажды навсегда привесть въ ясность этотъ темный и запутанный вопросъ, длятого, чтобы насъ больше не обманывали и каждый, справившись съ описью, могъ тотчасъ увидѣть, какою любятъ его любовью. Мы сдѣлаемъ это очень просто. Я не Аристотель какой-нибудь—дѣлить, подраздѣлять, выводить категоріи я не стану—а просто поставлю нумера.

№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и прочая *, ...

..

..

..

Аннѣ тогда минуло двадцать четыре года. По счету пріятельницъ, ей было уже двадцать семь, по календарю матери только двадцать два. Анна сама убавила себѣ тринадцать мѣсяцевъ, такъ что

* Таблица эта, по своей огромности, не могла здѣсь умѣститься.

окончательно вышло только не-сполна двадцать одинъ годъ — и я вдвойнѣ уважаю ее за это. Солнце можетъ сказывать себѣ столько лѣтъ отъ роду, сколько ему угодно: оно всегда молодо. Непреложныя обстоятельства заставляли теперь Анну желать замужства. Клевета терзала ее еще съ бо̀льшимъ остервенѣніемъ чѣмъ прежде. Въ душѣ уже не было восторга, околдованнаго щита, отъ котораго отскакиваютъ самыя острыя стрѣлы. Благоразуміе требовало ввѣрить кому-нибудь защиту своей чести. Обожателей было множество, но рѣшительно никто не предлагалъ себя въ женихи. Прежде, одна уже необыкновенная красота устрашала мужчинъ; теперь явилось еще новое пугалище, необыкновенный умъ. Графиня Марія совсѣмъ потеряла надежду, чтобы кто-нибудь отважился жениться на Аннѣ, хотя Анна, чтобы сдѣлать удовольствіе родителямъ, готова была принять всякаго, кого бы ни приняли они.

Въ числѣ обожателей находился графъ Эдуардъ П***, весьма красивый мужчина, лѣтъ тридцати четырехъ. Въ немъ, можно-сказать, преизобиловали пріятныя и необходимыя качества человѣка, живущаго въ свѣтѣ: блестящій графъ Эдуардъ— такъ его и называли—соединялъ въ себѣ любезность, изящное обращеніе, приличный лоскъ образованности, множество мелкихъ талантовъ, нѣсколько остроумія, веселость, богатство, знатное имя, почетную должность—отлично стрѣлялъ изъ пистолета и изъ лука — дрался на шпагахъ съ фехтовальными учителями — купался въ рѣкахъ тотчасъ послѣ льдовъ — любилъ собакъ и лоша-

дей—обладалъ всѣми вкусами, которые нравятся женщинамъ въ мужчинѣ—и даже почитался опаснымъ обольстителемъ — что̀ опять сильно прельщаетъ многихъ женщинъ. Животная сторона мужчины была въ немъ развита вполнѣ, и превосходно дрессирована воспитаніемъ. Графиня Марія называла его иногда, передъ своими, отличною англійскою лошадью. Это весьма не нравилось дочери, потому-что она втайнѣ любила его. Анна уже не подводила никого подъ идеалъ мужчины: она уважала въ своихъ поклонникахъ только наружнаго мужчину, будучи убѣждена, что внутри нечего уважать, и совсѣмъ потерявъ вѣру въ великихъ мужчинъ. Софія, ея мать, и даже маркизъ, также позволяли себѣ шутить надъ блестящимъ графомъ Эдуардомъ въ ея присутствіи, никакъ не предполагая, чтобы этотъ пустой человѣкъ, безъ высшихъ достоинствъ, и даже безъ примѣчательныхъ пороковъ, могъ прельщать воображеніе молодой особы, которая нѣкогда столько требовала отъ мужчины. Всѣ эти противорѣчія обижали и воспламеняли Анну: она съ умысломъ употребила свое пылкое воображеніе на то, чтобы придать избранному обожателю такую же великолѣпную внутренность, какою видѣла его внѣшнюю сторону, и воображеніе стало безпрерывно открывать въ немъ удивительныя качества души, ума и характера.

Тонкіе знатоки дѣла уже безъ-сомнѣнія примѣтили изъ моихъ словъ, что Анна любила его не безъ намѣренія: такъ именно любятъ человѣка на мужа, по заказу сердца, спѣшащаго къ налою.

И вотъ, какъ просто, какими естественными

путями, о мои нѣжныя и прекрасныя читательницы, вышедши изъ одного, достигли мы наконецъ другаго полюса вашего сердца—полюса, противоположниго первой идеальной любви. Сравните любовь Анны къ Валеріану съ любовью ея Эдуарду. Въ томъ она обожала внутренній блескъ мужчины, скрытый подъ наружною немиловидностью: этого уже полюбила за одинъ блескъ наружный, не сомнѣваясь, по-крайней-мѣрѣ во время зарожденія чувства, что внутри ничего нѣтъ, что тамъ темно и пусто. Какъ они любили другъ друга?.... Очень натурально. Эдуардъ былъ влюбленъ въ нее *страстно.* Анна любила его *пламенно.* Изъ этихъ двухъ словъ можно уже составить цѣлый романъ, и, по понятіямъ толпы любящей и пишущей, въ нихъ заключается и истинная любовь и безпредѣльное счастіе. *Страстно* и *пламенно:* эти завѣтныя нарѣчія, буквально, изображаютъ состояніе чувствъ Эдуарда и Анны. Онъ былъ обуянъ страстью; она, отъ прикосновенія къ этому огню, пламенѣла. Вы понимаете, что̀ это за любовь. Романисты, кажется, называютъ ее также огненною. Увидимъ, каково-то будетъ счастіе отъ огненной любви. Новый міръ чувствованій и положеній откроется передъ нами. Увидимъ!

Когда Анна сказала матери, что обожаетъ графа Эдуарда и что онъ будетъ просить объ ея рукѣ, графиня Марія посмотрѣла на нее съ изумленіемъ.

— Чѣмъ же онъ будетъ казаться въ глазахъ твоего ума, когда пройдетъ ослѣпленіе?

Анна стала увѣрять мать, что онъ необыкновенно уменъ и благороденъ.

— О благородствѣ я не спорю, потому-что не довольно коротко знаю графа Эдуарда, сказала графиня Марія: но умъ его подлежитъ у меня большому сомнѣнію, когда онъ не видитъ, что ты несравненно умнѣе его. Глупый не можетъ знать умнаго, потому что самъ никогда умнымъ не бывалъ!

Анна смутилась и едва не заплакала отъ досады.

— Мой другъ, продолжала мать, я нисколько не думаю противорѣчить твоему выбору, когда имѣла полное довѣріе къ твоему уму. Это — твое дѣло! Партія для насъ лестна, и, если графъ Эдуардъ сдѣлаетъ предложеніе, мы согласимся. Я благословляю тебя, мое дитя, когда ты его такъ любишь. Но мнѣ кажется, что ты составила себѣ искусственную страсть. Мы всегда составляемъ такія страсти, когда нѣтъ предмета для истинной любви, а нужно выходить замужъ. Онѣ ужасно непрочны и очень теперь удаются. Скажу тебѣ откровенно: въ такомъ случаѣ ужъ лучше было бы выйти вовсе безъ любви.

Анна не могла не признать, въ душѣ, основательности замѣчанія матери. Анна очень хорошо знала, что это далеко не та любовь, какую чувствовала она къ Валеріану и которая наполняла все ея существо восторгомъ и блаженствомъ. Но она полагалась на свой умъ и, для искусственной любви, надѣялась создать искусственное счастіе, Превосходное намѣреніе! Еслибы всѣ тѣ, кото-

рыя выходятъ замужъ съ такою любовью, ожидали счастія отъ своего искусства, а не отъ природы, которая не прячетъ его въ ничтожества, на свѣтѣ несравненно менѣе было бы женъ скучающихъ и несчастныхъ.

День свадьбы былъ назначенъ.

Въ этотъ день, столь торжественный, столь сладкій и страшный для всякой женщины, Анна была одушевлена скорѣе рѣшимостью, чѣмъ радостью или страхомъ. Она невольно признавалась передъ собою въ утлости этой любви, изъ которой собственная ея воля ковала цѣпи на всю жизнь; но она была тверда и спокойна. Нѣсколько разъ вспоминала она о Валеріанѣ и, прощаясь съ нимъ сердцемъ, дарила ему въ память одинокую слезу. Въ этотъ день уединеніе было ей особенно пріятно. Она не пошла къ обѣду, и занялась укладываніемъ своихъ дѣвичьихъ вещицъ, которыхъ не раздарила служанкамъ. Прощальное письмо Валеріана къ мадамъ Б*** и ея описаніе послѣдняго свиданія нѣсколько разъ были въ рукахъ Анны. Она не знала, что̀ дѣлать съ этими драгоцѣнными бумагами: ей не хотѣлось возвратить ихъ теткѣ, и между-тѣмъ она не смѣла оставить ихъ у себя. Въ волненіи, въ нерѣшимости, пряча и вынимая, она затеряла ихъ, и, со страхомъ, начала искать по всей комнатѣ.

Столы и столики въ ея комнатахъ завалены были листами заверточной бумаги, принесенной съ разными частями свадебнаго наряда изъ модныхъ магазиновъ. Анна случайно взяла одинъ изъ этихъ листовъ. То была газета. Фамилія Валеріа-

на издали поразила взоръ ея. Руки задрожали. Она стала читать, и черезъ нѣсколько минутъ упала почти безъ памяти въ кресла. Въ то же время явилась и Софія, пріѣхавшая присутствовать при ея тоалетѣ.

Я долженъ предупредить читателя, что повѣсть о Валеріанѣ есть исторія одного изъ знаменитѣйшихъ воиновъ этой славной эпохи. Простясь съ сестрою графа Андрея и ея семействомъ, онъ уѣхалъ въ пограничныя области, и снова вступилъ въ военную службу. Спустя семь мѣсяцевъ, началась первая борьба съ непріятелемъ. Онъ служилъ такъ отлично, что въ весьма скоромъ времени обратилъ полное вниманіе начальства на свои дарованія и свое усердіе. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, онъ уже былъ генераломъ и одержалъ блистательную і обѣду. Анна, въ этой брошенной газетѣ, неожиданно прочитала описаніе одного изъ славнѣйшихъ подвиговъ, какими ознаменовались эти продолжительныя войны. Имя его уже нѣсколько дней гремѣло во всемъ городѣ, но отъ Анны прятали газеты и тщательно скрывали извѣстіе, которое могло взволновать ее. Онъ снова былъ окруженъ славою, люди снова удивлялись его генію, и она ничего не знала!

— Софія! вскричала она: ты меня обманула!... Ты слыхала, читала объ немъ, и ты не сообщила мнѣ такого извѣстія!... Онъ меня любитъ!... Посмотри, что̀ онъ сдѣлалъ для меня!...

— Мой другъ! сказала Софія: не время было говорить тебѣ объ этомъ, когда ты принимаешь на себя новыя обязанности. Прости.... Нашъ Ва-

леріанъ — удивительный человѣкъ! Наши сердца, Анна, не ошиблись въ немъ. Но надобно забыть его!

Потоки слезъ полились изъ глазъ бѣдной Анны. Она принуждена была лечь на полчаса въ постель. Потомъ ее причесали, одѣли и посадили въ карету: она ничего не чувствовала и не помнила. Съ лицомъ, блѣднымъ какъ смерть, она подала Эдуарду, у налоя, руку, холодную какъ ледъ, и произнесла клятву, которая навсегда раздѣлила ее съ надеждою, единственнымъ счастіемъ страдальцевъ.

Софія, смотря на нее съ разорваннымъ сердцемъ, грустно сказала своему мужу: — Несчастная Анна! къ чему ей послужила эта удивительная красота!...

1842

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРАСАВИЦА ЗАМУЖЕМЪ.

—

— Ну, разскажи мнѣ теперь, другъ мой, что̀ происходило въ мое отсутствіе? что̀ дѣлаютъ наши?... садись возлѣ меня, и говори, сказалъ маркизъ Катенькѣ, разсматривавшей у стола подарки, которые привезъ онъ ей изъ Италіи, воротясь изъ шести-мѣсячнаго отпуска.

— Ничего не дѣлаютъ, небрежно отвѣчала толстая маркиза. Я, кажется, все тебѣ писала. Папа̀ здоровъ и по-прежнему играетъ въ карты. Маменька страдаетъ спазмами или скукою. У кузины Софіи родился сынъ, отъ котораго тетенька въ восхищеніи. Болѣе ничего не случилось.

— А Анна? Какъ она живетъ съ мужемъ? Довольна ли своимъ Эдуардомъ?

— Я съ ними почти не видалась.

— Это не хорошо, мой другъ. А я просилъ тебя, чтобы ты поддерживала дружбу нашу съ ними и пріобрѣтала ихъ довѣренность.

— Довѣренность Анны? возразила Катенька: это легко сказать! Она всегда была со мною та-

кая скрытная, всегда меня боялась и остерегалась. Эта женщина не способна вести дружбы ни съ кѣмъ на свѣтѣ, кромѣ своей дорогóй Софіи: съ нею одной она коротка и довѣрчива, потому-что Софія — дурочка, далеко не видитъ и вѣритъ ей какъ книгѣ. Онѣ всегда неразлучны и, въ душѣ, обѣ терпѣть насъ не могутъ.

— Ты преувеличиваешь, Катенька. Анна совсѣмъ не такая злая, какъ ты всегда хочешь меня увѣрить. Ты, можетъ-быть, все-еще боишься, что я влюбленъ въ нее: на этотъ счетъ будь совершенно спокойна; никогда ничья любовь не угасала такъ совершенно, какъ моя къ твоей сестрѣ.... если только это была любовь!... Но я всегда сохраняю къ ней дружеское расположеніе и, поэтому, желалъ бы видѣть ее счастливою, довольною своей судьбой и тѣми, кому она ее ввѣряетъ. Для меня очень занимательно знать, какъ она живетъ съ графомъ Эдуардомъ.

— Графъ Эдуардъ — дуракъ: такъ почему жъ съ нимъ не жить хорошо?

— Для тебя, мой другъ, всѣ люди — дураки. Графъ Эдуардъ не лучше, но и не хуже другихъ: онъ точно такой же какъ весь свѣтъ. Я, право, не понимаю, что̀ ты тутъ видишь такого презрительнаго: дуракъ!... дуракъ!... все дуракъ!... Неужели лучше — быть умницей?... отличаться отъ всего свѣта, и понятіями, и мнѣніями, и поступками? Большой «умъ», по-моему, вещь какъ-то не совсѣмъ натуральная, неестественная, даже не comme-il-faut.

— Ты находишь, что быть дуракомъ — самое

естественное, самое натуральное состоянiе человѣка?

— Говори, что̀ угодно, а это правда! Слово гадко, но дѣло само по себѣ — ни чуть. Отними у этого слова обидное значенiе, оно будетъ выражать самый почтенный, самый порядочный, самый общiй и нормальный видъ человѣка. Согласись, что умницы и разсуждаютъ, и дѣйствуютъ и ведутъ себя, какъ-то странно, совсѣмъ не такъ, какъ весь свѣтъ; а все, что̀ выходитъ изъ принятыхъ формъ, изъ общаго порядка — не хорошо, не прилично, и даже опасно. Порядочный человѣкъ долженъ быть *какъ всѣ*: это давно сказано; а признайся, душа моя, что *всѣхъ*-то нельзя назвать умными!... напротивъ. Слѣдовательно, порядочный человѣкъ, человѣкъ comme-il-faut, человѣкъ желающiй заслужить любовь и уваженiе общества....

— Долженъ быть дуракъ? подхватила Катенька.

— Не дуракъ.... ты все употребляешь это бранное слово!... а какъ *всѣ*.

— Да это одно и то же: значитъ, долженъ быть не изъ умныхъ.

— Конечно, не изъ умныхъ! Напримѣръ, я: я не причисляю себя къ умнымъ, и есть даже люди, которые называютъ меня дуракомъ; пусть я — дуракъ: а между-тѣмъ я въ точности такой же какъ *всѣ*, и очень радъ этому: порядочнѣе меня быть нельзя; не стараюсь отличаться отъ другихъ, соблюдаю принятыя приличiя, и.... пользуюсь уваженiемъ себѣ равныхъ, успѣваю. Между-тѣмъ умные не довольны всѣми и всѣмъ, что̀ есть

и всѣ недовольны ими! Умный, какъ вамъ угодно, противенъ человѣческому сердцу: я теперь проѣхалъ всю Европу, и повсюду видѣлъ, что умныхъ нигдѣ терпѣть не могутъ. Въ человѣческой природѣ есть тайный инстинктъ не любить умныхъ: самое лучшее доказательство, что это — народъ не натуральный, несчастныя исключенія. Они и сами это чувствуютъ: вѣдь когда умный желаетъ, чтобы его любили и уважали, то онъ старается быть comme-il-faut, казаться какъ *всѣ*....

— Старается казаться дуракомъ, примолвила маркиза.

— Опять дуракомъ!

— Извини, мой другъ: я хотѣла сказать — не изъ умныхъ. Послѣдняя поѣздка въ Италію была для тебя очень полезна; ты, я вижу, сдѣлался философомъ.

— Не философомъ, а какъ *всѣ*. Поѣздишь, полюбуешься на общества, свѣтъ и его дѣла, побесѣдуешь съ важными людьми разныхъ народовъ, поглядишь, какъ *всѣ* дѣлаютъ и какъ *все* дѣлается, такъ голова по-необходимости прояснится. Въ вашемъ семействѣ, нечего сказать, умницъ много: настоящая зараза!... все только и толкуютъ про дураковъ, про умъ, про высокія дарованія: это меня немножко и смутило, такъ, что и я вмѣстѣ съ вами иногда смѣялся надъ графомъ Эдуардомъ. Но теперь я возстановилъ свои прежнія понятія, и вижу, что Эдуардъ — совершенно какъ *всѣ*.... очень порядочный человѣкъ!

— Ужъ такой порядочный, сказала Катенька, что и съ нимъ вскорѣ случится то же что̀ со

вспьми. Анна ужасно кокетничаетъ, а онъ, въ восторгѣ отъ своей красавицы, ничего этого не видитъ!

— Неужели уже кокетничаетъ? спросилъ маркизъ съ тайною радостью, потому-что, въ такомъ случаѣ, и онъ могъ бы попользоваться ея кокетствомъ, а ему всегда очень хотѣлось добраться до сердца Анны. Скоро начала! Почти еще нѣтъ года со времени замужства. На кого же она предпочтительно ведетъ аттаку? Кто за ней ухаживаетъ? Разсказывай, душенька. Это любопытно.

— Мнѣ не слѣдуетъ и я не люблю говорить дурно о моей сестрѣ. Ея поведеніе не мое дѣло.

— Да вѣдь это не значитъ — говорить дурно о комъ-нибудь, если мы только разсказываемъ по-просту то, чтò видимъ или слышимъ.

— Конечно, правда не грѣхъ. А это совершенная правда, что объ Аннѣ ходятъ очень невыгодные слухи. Разсказываютъ, право, такія вещи, что мнѣ иногда совѣстно называться ея сестрою. Ты знаешь, что она, будучи еще дѣвушкой, уже пользовалась ужасною репутаціей. Спору нѣтъ, и намъ съ тобой очень хорошо извѣстно, что бóльшая часть этихъ сплетней не имѣла ни малѣйшаго основанія: нечего сказать, ее таки безсовѣстно преслѣдовали клеветою, одни за красоту, другіе за гордость, которую она называетъ чувствомъ своего достоинства, иные просто изъ мщенія, или по легкомысленности, по соревнованію въ злословіи. Но худая репутація сдѣлана однажды, и теперь, какъ Анна вышла замужъ, каждый, вѣроятно, полагаетъ.... (маркиза значительно и присталь-

но посмотрѣла на мужа), каждый, вѣроятно, полагаетъ, что ему открылось поле и что должно извлекать выгоды изъ ея извѣстной вѣтрености, ея расположенія къ проказамъ. Я думаю, что этому можно приписать то необыкновенное стеченіе обожателей, которое замѣчаютъ вокругъ нея. Гдѣ она ни появится, на вечерахъ, въ театрѣ, на прогулкахъ, около нея — всегда толпа мужчинъ. Стыдно и досадно смотрѣть! Въ ея свитѣ числятся всѣ знаменитые обольстители, всѣ irrésistibles, всѣ опасные мужчины. А мужъ, муракъ.... извини! я хотѣла сказать, какъ *всѣ*.... вмѣсто того, чтобы твердо взять красавицу въ руки, да смотрѣть за женою какъ слѣдуетъ и отдѣлить ее отъ этихъ господъ, мужъ еще, кажется, гордится ея торжествомъ! Ему, очевидно, пріятна эта толпа поклонниковъ. Онъ воображаетъ, будто они удивляются ему, его обожаютъ, его вниманія ищутъ: многихъ даже онъ снисходительно принялъ въ свои короткіе друзья за лесть, которую они расточаютъ его уму, остроумію, образованности, вкусу, дарованіямъ, благородству. Скажи, пожалуй: уму графа Эдуарда!... Удивительный народъ—вы, мужчины: вѣдь нашъ любезный Эдуардъ самъ прежде слылъ обольстителемъ; это было его ремесло; онъ въ немъ упражнялся какъ въ настоящемъ искусствѣ, образовалъ себя къ нему, черезъ него добивался до знаменитости; а едва опредѣлился въ мужья, какъ уже и не примѣчаетъ, что его прежніе собраты употребляютъ съ нимъ тѣ же самыя продѣлки, какими онъ обманы-

валъ другихъ мужей. Скажи мнѣ, отчего у васъ это?

— Отчего?... повторилъ маркизъ глубокомысленно. Я тебѣ скажу, душа моя, отчего. Человѣкъ такъ созданъ. Ему очень пріятно, когда его обманываютъ. Онъ сердится только, когда уже обманутъ, но пока обманываютъ, онъ находится въ какомъ-то упоеніи, въ чаду, въ очарованіи. Если бы обманъ продолжался всю жизнь, онъ былъ бы для него дѣйствительностью и жизнь — безконечнымъ наслажденіемъ. Вотъ почему я полагаю, что обманывать иногда необходимо, для счастія самихъ обманываемыхъ.

— Это ваши италіянскія правила? съ гнѣвомъ спросила Катенька. Такъ ты вѣрно и меня обманываешь, чтобы доставить мнѣ то, что̀ называешь счастіемъ?

— Вотъ ты уже и вспылила! спокойно возразилъ мужъ, стараясь скрыть досаду на себя за неловкость этого объясненія. Ты, пожалуй, готова сдѣлать мнѣ сцену за общее и самое невинное разсужденіе, которое не я даже и выдумалъ. Не мучь меня по-напрасну, мой другъ, въ день моего пріѣзда: я немножко отвыкъ отъ этого ада. Какъ ты можешь предполагать, чтобы я обманывалъ тебя, такого ангела, котораго обожаю, котораго ставлю выше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, въ которомъ каждый день нахожу новую прелесть?... На мои глаза, нѣтъ ни одной женщины граціознѣе, милѣе, даже красивѣе тебя; ни одной, которая стоила бы твоей ноги, мой идолъ, мое счастіе!...

Онъ началъ усердно цѣловать, ласкать, прижимать къ сердцу свою сердитую и безобразную жену. Катенька успокоилась. Она стала весела, счастлива, и если бы вы посмотрѣли на нее въ ту минуту, она показалась бы вамъ даже не такъ безобразною, почти красивою. Велика сила лести въ мужскомъ голосѣ! Она, какъ ключомъ, отворяетъ женское сердце къ восторгу и наслажденію. Мужчины безъ нея пропали бы: она ихъ средство и спасеніе. Вы готовы обидѣться, сударыни, слыша отъ моей откровенности, что мужчины прибѣгаютъ къ лести какъ къ средству съ вами. Но вы будете не правы. Во-первыхъ, льстятъ только властелинамъ: лучшее доказательство, что вы выше и совершеннѣе мужчинъ, что вы—царицы вселенной, заключается именно въ томъ фактѣ, что природа приказала мужчинамъ льстить вамъ и этимъ сладкимъ обманомъ добывать ваши милости. Во-вторыхъ, та же природа сдѣлала васъ тщеславными, именно длятого, чтобы всякая лесть казалась вамъ дѣйствительностью и вы были счастливы въ ея упоительномъ дыму. Оставьте мужчинъ льстить вашему превосходству: а вы, слушайте, вѣрьте и наслаждайтесь въ высотѣ вашего величія. Лесть—пища боговъ на небѣ и великихъ на землѣ. Лесть — законная дань вамъ отъ рабовъ вашихъ. Лесть — первая и самая сладкая музыка въ природѣ. Природа избрала ее основнымъ тономъ всей гармоніи любви и блаженства. Слышали ли вы соловья, поющаго въ темную майскую ночь на вѣтви, возлѣ юной самки? Знаете, что̀ такое поетъ онъ?.... Я хочу непремѣнно вы-

учиться языку птицъ: тутъ должна быть лесть!.. Безъ лести нѣтъ мелодіи для смертныхъ ушей. А пѣсня соловья такъ плѣнительна! Слѣдовательно, и онъ непремѣнно говоритъ своей сѣрой подругѣ, что она прекраснѣйшая изъ всѣхъ птицъ и птичекъ, что въ цѣлой Африкѣ, откуда они прилетѣли, нѣтъ ни одной райской птицы съ такими богатыми и блестящими перьями; что она — прелесть, чудо, волшебство, единственная, несравненная.... Соловей, плутъ, вретъ ужасно: но самка таетъ, любитъ, и счастлива. Вотъ назначеніе лести!

Извините, что я какъ-будто философствую, но это точная правда. Самки у птицъ не поютъ — потому-что имъ пѣть нечего: льстить — имъ не нужно; онѣ созданы только слушать музыку лести. Когда нѣтъ этой музыки, онѣ, бѣдняжки, принуждены со скуки льстить сами себѣ, то есть, злословить другихъ самокъ — прескверная музыка, рядъ вопіющихъ диссонансовъ, несносное для ушей щебетаніе, но также—родъ счастія. Простите имъ это невинное удовольствіе: оно необходимо; такъ велѣла природа. А не хотите, чтобы онѣ щебетали, такъ заставьте самцовъ пѣть, то есть льстить: въ человѣческомъ языкѣ это называется «быть любезными». Нельзя же имъ жить безъ всякой музыки! Конечно, онѣ могли бъ играть на фортепьяно: всякая музыка состоитъ изъ льстивыхъ звуковъ, всякая музыка — лесть, какъ всякая лесть—музыка, и, дѣйствительно, фортепьяно очень хорошо замѣняетъ порой злословіе, и даже любовь, оба рода лести: но фортепьянная лесть слишкомъ неопредѣленна и скоро надоѣдаетъ. Не

забудьте также, что я говорю здѣсь о самкахъ соловьиныхъ и вообще о птичкахъ, а не о комъ-либо другомъ, какъ можетъ-быть вы злобно предполагаете: ихъ пальчики не годятся для клавитуры. Да если бы и годились, все же, льстить.... то есть, играть.... какъ Листъ, онѣ не могутъ: такъ пусть ужъ лучше себѣ щебечутъ, то есть злословятъ.

Воротимся къ маркизѣ и ея мужу. Выслушавъ пѣсню своего соловья, которую впрочемъ тотъ спѣлъ ей со страху, она отъ удовольствія разщебеталась еще злѣе прежняго.

— Какъ тебѣ угодно, продолжала она, а я такъ думаю, что Эдуардъ находится, просто, въ самомъ естественномъ состояніи человѣка. Ты не можешь себѣ представить, какія глупости онъ дѣлаетъ! Не говорю уже о томъ, что терпитъ около себя эту толпу, очевидно въ той самонадѣянной увѣренности, что женщина, которую онъ осчастливилъ своимъ выборомъ, не можетъ не быть влюблена въ него безъ памяти и не въ состояніи измѣнить такому обольстительному супругу. Но, ты не повѣришь: онъ рѣшительно считаетъ себя знаменитымъ человѣкомъ, потому-что женился на знаменитой красавицѣ! Эта женитьба придала ему, правда, много важности въ обществѣ: за нимъ ухаживаютъ, даютъ ему праздники, осыпаютъ его учтивостями, чтобы привлечь къ себѣ его жену. Все это производитъ надъ нимъ такое дѣйствіе, что онъ уже не знаетъ какъ ходить по землѣ и какъ говорить съ людьми. Лесть поклонниковъ жены совершенно вскружила ему голову. Онъ

возится съ своей красавицей вездѣ и повсюду; хочетъ, чтобы всѣ любовались на нихъ и, вскорѣ, я думаю, станетъ показывать ее за деньги. До этого дойдетъ! Онъ разоряется: можетъ-быть уже и разорился. Все его имѣніе заложено: говорятъ, будто въ одинъ годъ онъ сдѣлалъ болѣе милліона долгу. Роскошь, которою окружаетъ онъ свое сокровище, ни на что̀ не похожа. Въ отвѣтъ угодникамъ своей жены, онъ даетъ великолѣпные праздники, выдумываетъ затѣйливыя увеселенія и разорительныя прихоти, покупаетъ пышныя дачи и цѣлые магазины пустыхъ игрушекъ, мотаетъ такъ, что страхъ смотрѣть. Домъ его весь въ золотѣ и бархатѣ, столъ открытъ для половины города, безпорядокъ повсюду — ужаснѣйшій. Я не виню Эдуарда: поумнѣе его бывали невольно увлекаемы въ пропасть сумасбродствъ, разоренія, сраму и даже погибели, женившись на красавицахъ: но Анна! Анна!.... гдѣ же ея умъ, которымъ она столько чванилась? гдѣ совѣсть? гдѣ любовь къ мужу?.... Она рада, что наконецъ вырвалась изъ старыхъ дѣвокъ, достигла свободы, и можетъ безнаказанно кокетничать съ мужчинами подъ сѣнью колпака-мужа: она не только не удерживаетъ его отъ мотовства и разсѣянной жизни, но еще охотно пользуется его слабостью, чтобы владычествовать надъ тѣми, которые составляютъ заговоръ противъ его спокойствія и чести. Знаешь ли, о чемъ теперь рѣчь, споры, заклады, между модными мужчинами? О томъ, кому она достанется прежде другихъ! Я все это слышу стороною, и содрагаюсь отъ ужаса. Говорить ей я не смѣю,

да это было бы и безполезно: она ненавидитъ меня и слова мои назвала бы языкомъ злобы и зависти. Пожалуй, еще стала бы преслѣдовать попрежнему!.... Въ этой сухой и надменной душѣ нѣтъ ни одного хорошаго чувства. Маменькѣ я неразъ давала почувствовать легкомысленность и опасность поведенія Анны, но она смотритъ на эти вещи совсѣмъ иначе, и такъ увѣрена въ умѣ и твердости правилъ своей ненаглядной любимицы, что и понять ничего не можетъ. Между-тѣмъ, еще недавно, одинъ случай надѣлалъ страшнаго соблазна въ городѣ между женщинами: всѣ ѣздили и бѣгали изъ дому въ домъ, чтобы сообщать другъ другу по секрету, что видѣли Анну и неразлучную кузину Софію, гуляющихъ въ публичномъ саду, безъ мужей, съ прекраснымъ герцогомъ Т***, который теперь производитъ здѣсь страшное впечатлѣніе, и что это было условленное свиданіе между имъ и Анною.

— Въ какое время это случилось? съ безпокойствомъ спросилъ маркизъ, который до-сихъ-поръ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ всѣ эти подробности, какъ весьма благопріятныя для своихъ надеждъ.

— Днемъ, отвѣчала Катенька: когда всѣ тутъ гуляли.

— Ну, такъ это можетъ-быть еще и не свиданіе! Могла быть простая встрѣча съ знакомымъ человѣкомъ.

— Знакомымъ! насмѣшливо повторила Катенька. Ужъ тутъ должно быть особеннаго рода знакомство, когда всѣ замѣтили одно. То-то и пора-

зило! Одна за другой такъ и восклицали: «Днемъ!... при всѣхъ!... какая неосторожность!»

— Неужели же она не нашла бы другаго мѣста для свиданій, если бы въ самомъ дѣлѣ захотѣла давать ихъ? возразилъ маркизъ.

— Другаго мѣста! Да это и есть *другое* мѣсто, потому-что здѣсь не можетъ быть подозрѣній. Нѣтъ уединенія лучше и безопаснѣе какъ въ толпѣ, на-виду у всѣхъ. Что̀ жъ тутъ страннаго? Чему удивляешься? Я тебѣ говорю правду: понимай, какъ хочешь. Такъ было; такъ всѣ говорили.

Маркизъ остался въ совершенномъ недоумѣніи: онъ не зналъ, что̀ думать объ этомъ случаѣ и какъ объяснить его. Ему стало досадно, что другіе опередили его и почувствовалъ въ душѣ немножко ревности къ счастливцу. Жена говорила такъ положительно, что нельзя было не повѣрить, хотя онъ и зналъ, что Катенька боится всегда прежней страсти своего мужа къ прекрасной сестрѣ и готова пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы представлять ее въ самомъ невыгодномъ видѣ. Катенька съ своей стороны нарочно старалась утвердить его въ томъ убѣжденіи, что у Анны уже есть любовникъ, длятого, чтобы онъ, если еще любитъ, возненавидѣлъ ее и не старался поступить въ число ея угодниковъ. Маркизъ, страшась громовыхъ послѣдствій, которыми очень часто разражалась ревность вспыльчивой и злой жены, давно принялъ методу злословить Анну за-одно съ нею, и теперь, чтобы лучше скрыть свои настоящія чувства, съ особеннымъ удовольствіемъ пустился въ благородное негодованіе на поступки сестрицы. Нача-

лось безконечное злословіе: оба супруга, совершенно довольные собою, утонули въ пучинѣ счастія.

Катенька, несмотря на глубокую злобу своего историческаго повѣствованія, сказала много правды. Все, что̀ говорила она объ Эдуардѣ, было совершенно справедливо. Нѣтъ также сомнѣнія, что репутація ея сестры находилась въ плачевномъ положеніи. Молва о свиданіи въ публичномъ саду дѣйствительно ходила по городу, и «добродѣтельныя», у которыхъ волшебство замужнихъ прелестей Анны отбивало обожателей съ новою силою, усердно распространяли ее. Это множество поклонниковъ, курившихъ вѣчный ѳиміамъ передъ идоломъ, не могло не вредить его доброму имени во мнѣніи злыхъ еретиковъ. Но я вижу ваше нетерпѣніе; вы хотите сказать мнѣ: «Что̀ жъ вы не говорите о главномъ?» Хотите спросить: «Была ли Анна счастлива?... чудесный мужъ, толпа поклонниковъ, балы, праздники, увеселенія, роскошь, красота, любовь, лесть... что̀ жъ, была она счастлива? былъ ли по-крайней-мѣрѣ счастливъ съ нею Эдуардъ?... ахъ! онъ такъ достоинъ счастія!... такой хорошенькій!» Позвольте доложить вамъ сударыни: во-первыхъ, счастіе—не мужское дѣло; оно —дѣло совершенно женское. Философы—бабы!—правда, много писали о счастіи мужчинъ, счастіи мудрецовъ, о своемъ личномъ счастіи; слыша какъ ихъ сестры, жены, дочери, тетки, толкуютъ о счастіи, имъ тоже хотѣлось отвѣдать счастія, и они пускались въ умозрѣнія объ немъ: но это потому только, что они—бабы! Можно себѣ представить,

какъ всѣ ихъ умозрѣнія ложны, смѣшны, неосновательны, когда взглянешь на результаты этихъ изслѣдованій. Сократъ полагалъ мужское счастіе въ ироніи и спорѣ, всю жизнь насмѣхался и противорѣчилъ: оно, конечно, пріятно; но это—только наслажденіе, а не счастіе. Платонъ заключалъ его въ искусствѣ и его идеалахъ; Діогенъ — въ философіи безъ денегъ; Эпикуръ въ деньгахъ безъ философіи; Цицеронъ—въ философіи и деньгахъ Паскаль—въ честолюбіи, Ньютонъ въ астрономіи, Юмъ въ равнодушіи, Кювьѐ въ зоологіи: ловить букашекъ, отрывать въ землѣ старыя кости, складывать изъ нихъ допотопныхъ уродовъ, строить системы о переворотахъ шара или смотрѣть всю ночь въ длинную трубу, не спать и на другой день разсчитывать сколько пудовъ вѣситъ земля, это по мнѣнію Ньютона и Кювьѐ — единственное счастіе мужчины! Сэръ Джонъ Гершель полагаетъ счастіе въ свѣтописи: я знаю по личному опыту, что тамъ его нѣтъ; только портишь себѣ пальцы адскимъ камнемъ, мараешь руки разною дрянью, и сердишься то на солнце, то на бумажныхъ фабрикантовъ. Нѣтъ! въ другой разъ ужъ ни за какое блаженство въ мірѣ не стану я искать счастія въ свѣтописи, хоть и не отвергаю, что тутъ— много удовольствія. Итакъ, одна уже несогласимость всѣхъ этихъ философскихъ выводовъ и понятій о мужскомъ счастіи, убѣдительно доказываетъ, что для мужчины природа счастія не создала или, если угодно, не создала мужчины для счастія. И, въ самомъ дѣлѣ, она даже и не устроила его организма для этихъ эѳирныхъ ощущеній, от-

данныхъ ею въ исключительный удѣлъ женщинѣ и вылитыхъ до послѣдней капли въ эту чудную кровь, которая сама собою танцуетъ и наряжается. Но какъ ни разнородны результаты изслѣдованій философовъ надъ сущностью мужскаго счастія, во всемъ этомъ, однакожъ, явно и очевидно одно: гдѣ ни ищи его мужчина. въ спорѣ ли, въ философіи ли, въ деньгахъ, наукѣ, честолюбіи или искусствѣ, гдѣ ни найди что̀-то похожее на счастіе, оно вездѣ заключается въ трудѣ, занятіи, дѣятельности, усиліяхъ, какъ естественной потребности силы, стремящейся къ своему проявленію. Что̀ ни говорите, а трудъ не можетъ быть счастіе: трудъ, занятіе, упражненіе—только средство отвлечь мужчину отъ мысли о счастіи, не дать ему времени думать объ немъ. Во время труда высочайшимъ счастіемъ для мужчины кажется отдыхъ. Отдыхъ въ самомъ дѣлѣ — удивительное наслажденіе, но только наслажденіе, потому-что удовольствія его непродолжительны; отдыхъ послѣ нѣкотораго времени утомляетъ, самъ собою превращается въ скуку и безпокойство; а счастіе должно быть безконечно, и въ этомъ-то состоитъ разница между наслажденіемъ, какъ бы велико оно ни было, и счастіемъ: всѣ великія наслажденія въ природѣ — очень коротки! Общій и неизбѣжный выводъ—для силы, для мужчины нѣтъ на землѣ, и не должно быть, счастія; силѣ присвоены только мимолетныя наслажденія, а все остальное время она должна быть въ дѣятельности; это ея элементъ, и, когда сила выходитъ изъ него на долгое время, она тягостна самой себѣ.

Счастіе, слѣдовательно, есть законная и исключительная принадлежность слабости: основаніе его — первое свойство слабости, именно, безконечный отдыхъ, лѣнь, учтивѣе—нѣга. Такимъ образомъ, счастіе—*произведеніе силы.* Нѣга—будетъ *счастіе въ покоѣ,* а капризы — *счастіе въ движеніи.* И я философствую правильно: вы видите, что это — чистый океннзмъ, нѣмецкая философія натуры. Поэтому, сударыни, если вамъ случится когда-нибудь испытать сильный припадокъ «счастія въ движеніи», которое неглубоко ученые мужья называютъ «капризами», и мужъ вашъ вздумаетъ ворчать, жаловаться, что вы не даете ему счастія доказывать, что дѣлаете его несчастнымъ, скажите ему безъ церемоній: «Да во что̀ вы, сударь, мѣшаетесь? Развѣ счастіе — ваше дѣло? Оно — мое! Знаете ли вы Naturphilosophie? Если не знаете, такъ узнайте же, что вы — сила, и обязаны производить счастіе для меня, для слабости, а не сами имъ наслаждаться. За что̀ вы сердитесь? Вы, напротивъ, должны радоваться, даже гордиться, что во мнѣ счастіе приходитъ въ движеніе, что я дѣлаю, какъ вы говорите, капризы: видно, счастіе есть, видно, вы доставляете его изрядно, хорошо исполняете свою обязанность, когда оно такъ сильно движется! Вотъ еще что̀ вздумалъ! быть счастливымъ! Подите дѣлать свое мужское дѣло, трудиться, отличаться, возбуждать во мнѣ удивленіе и восторгъ среди покоя, нѣги, безопасности, обилія, удовольствій, а потомъ, съ любовью, ласками и, главное, хорошимъ расположеніемъ духа, приходите ко мнѣ: я засыплю васъ наслажденіями. Сту-

пайте же, сударь! что̀ здѣсь валяетесь въ праздности? Дѣятельность, полезное упражненіе силы мигомъ выгонитъ у васъ изъ головы эти забавныя претензіи на счастіе. Вы—женщина, что̀ ли?... Да въ вашемъ каменномъ тѣлѣ, во всей этой огромной и косматой машинѣ, нѣтъ ни одной фибры, ни одного нерва, довольно тонкихъ и мягкихъ для того, чтобы ощущать такія нѣжныя, неуловимыя вибраціи, изъ какихъ состоитъ ощущеніе счастія!» Скажите это ему непремѣнно, лишь-только станетъ ворчать. А не повѣритъ, такъ пошлите его спросить у доктора. Если докторъ хорошо знаетъ физіологію, то онъ скажетъ ворчуну, что вы совершенно правы. Если же не знаетъ, какъ это часто случается съ докторами, то все-таки онъ объявитъ, что вы правы, потому-что доктора очень боятся раздражать «счастіе въ движеніи».

Кажется, теперь доказалъ я невозразимо, что счастіе — существенно женское чувство, неизвѣстное и несвойственное мужской нервной системѣ; что для мужчинъ нѣтъ на свѣтѣ ни счастія, ни несчастія, а есть только трудъ, успѣхъ, неудача, и опять трудъ, и мужчина не долженъ чувствовать себя ни счастливымъ ни несчастливымъ, не имѣетъ на это никакого законнаго права: эти господа, только по злоупотребленію силы, объявляютъ домогательство на счастіе и несчастіе, любя вообще вмѣшиваться во многое, что̀ до нихъ вовсе не касается въ таинственномъ быту женщины, отчего и возникла вся нынѣшняя запутанность понятій о счастіи, отъ которой страдаютъ оба пола. Но когда дѣло будетъ приведено въ

надлежащую ясность, когда обѣ стороны твердо узнаютъ, гдѣ начинаются и гдѣ оканчиваются права каждой, непремѣнно все пойдетъ иначе. Такъ не надо же останавливаться въ половинѣ столь важнаго дѣла: рѣшимъ ужъ все до конца, до послѣдней статьи спора.

Счастіе — чисто женское чувство. Резолюція по этому пункту послѣдовала на основаніи коренныхъ законовъ природы, и отъ мужчинъ, проигравшихъ его нá-голову, апелляціи не принимается. Но они могутъ еще спорить о способѣ, какимъ обязаны производить для васъ счастіе, и о томъ, изъ чего собственно должно состоять оно для женщины. Ихъ эгоизмъ и лѣнь, пожалуй, станутъ творить разные крючки, оспаривая всякую принадлежность счастія, чтобы уменьшить сумму своихъ повинностей. Рабы всегда коварны. Сверхъ-того долгъ правосудія повелѣваетъ не требовать и съ рабовъ лишняго, не угнетать ихъ изъискиваніемъ того, чтò безполезно для вашего счастія и безъ чего оно можетъ быть полно въ законныхъ границахъ. Все это надо опредѣлить съ точностью.

Въ природѣ, какъ извѣстно, есть три совершенно различные и другъ другу противоположные пола: мужской, женскій и дѣвичій. Мужской не способенъ чувствовать счастія, и оно ему вовсе не нужно. Дѣвичій полъ не долженъ знать счастія; но ему, изъ великодушія, маменьки предоставляютъ двѣ изъ важнѣйшихъ частей счастія, которыя уже имъ не нужны: счастіе наряжаться и счастіе танцовать. Остается третій и главный полъ, женскій: для него-то и создано счастіе.

Счастливымъ существомъ въ природѣ можетъ быть только замужняя женщина. Изъ этого слѣдуетъ, что капитальная стѣна счастія — мужъ; безъ мужа нѣтъ счастія. Для слабости, первая потребность — покровительство, защита, безопасность, спокойствіе, нѣга, отсутствіе непріятностей и заботъ, словомъ, мужъ. Собственно говоря, мужъ и есть счастіе; только, этого не должно говорить мужьямъ, чтобы они не возгордились. Замужняя женщина, которая хорошо поняла, какая драгоцѣнность — мужъ, уже вполовину счастлива. Правда, что въ счастіи нѣтъ половинокъ: все, или ничего; и если тутъ недостаетъ хоть малѣйшей бездѣлицы — прощайте! — женщина несчастна! Это впрочемъ и основательно: мужчина обязанъ доставлять полное счастіе; онъ надѣленъ всѣми способностями, всѣмъ нужнымъ для этой главной цѣли своего назначенія на землѣ, и женщина въ правѣ требовать отъ него всего, чтò положено ей закономъ природы — полнаго счастія.

Но эта полнота — вещь чрезвычайно относительная и даже личная. Она совсѣмъ зависитъ отъ умственнаго развитія каждой женщины, отъ ея болѣе или менѣе совершенной организаціи: то, чтò для одной составляетъ полное счастіе, другой кажется полу-несчастіемъ или скукою. Отсюда происходитъ то важное неудобство, что мужчины никогда не знаютъ въ точности, чтò такое собственно должно входить въ составъ полнаго женскаго счастія, и спорятъ очень неучтиво съ своими женами: «Пустяки! говорятъ: чего тебѣ нужно болѣе? Вотъ посмотри на Маѳу Петровну, да на

Татьяну Павловну, да Василису Сергѣевну, да на другихъ твоихъ знакомокъ: онѣ не пользуются и половиною тѣхъ удобствъ и удовольствій, какими ты окружена, и между-тѣмъ вполнѣ счастливы: а ты все ворчишь, тебѣ все мало, живешь въ мечтахъ, предаешься восторженностямъ. Пустяки!... Прощай. Я ѣду на охоту». Извольте, сударь, ѣхать и наслаждаться, только это совсѣмъ не пустяки. Ограниченная голова Маѳы Петровны не образецъ для головъ всего женскаго пола; огрубѣлыми понятіями Татьяны Павловны нельзя мѣрять понятій вашей интересной супруги; и, при равномъ съ ней воспитаніи и положеніи въ свѣтѣ, при равной степени ума и образованности, даже Василиса Сергѣевна не можетъ служить ей примѣромъ, потому-что у той вовсе нѣтъ воображенія, а эта — въ высшей степени женщина: она вся воображеніе, поэзія, огонь, восторгъ. Такъ какъ же быть? Какъ устранить всѣ эти недоразумѣнія?... Нѣтъ другаго средства какъ принять общую мѣру: опредѣлить съ надлежащею подробностью составныя части совершеннаго счастія, чтобы мужчинамъ напередъ была извѣстна вся ихъ должность, и обязать ихъ подписками, чтобы на будущее время каждый поставлялъ своей женѣ непремѣнно полную мѣру его, исправно, безъ задержки и утайки; а изъ этой полной мѣры каждая ужъ возьметъ себѣ столько, сколько ей нужно по личнымъ понятіямъ. Но, я думаю, въ остаткѣ ничего не окажется: всѣ возьмутъ все: покажи только: понятія мигомъ развернутся!

Счастіе, не забудьте — самое изящное чувство

въ человѣческой природѣ, и, слѣдовательно, оно состоитъ изъ гармоническаго совокупленія изящнѣйшихъ ея ощущеній. Счастіе — возвышеннѣйшая поэзія жизни. Все прекрасное, все великое, все пламенное, все восторженное, все упоительное, все милое, все розовое, все сладкое, все блестящее, все звучное, все прозрачное, все мягкое, все изящное, входитъ въ полное образованіе этого тонкаго и выспренняго чувства, которое, по этому самому, одна только женщина можетъ ощущать. Отсюда уже напередъ видно, что, между многимъ прочимъ, къ счастію принадлежатъ и алмазы, и ленты, и кружева, и варенья, и стихи, и le parfait-amour, и танцы, и тьма вещей тому подобныхъ. Мужчины понять не могутъ, какимъ образомъ кружево, лента могутъ быть счастіе: но это и доказываетъ, что счастіе — не ихъ чувство, и что они не для него созданы!

Полное, совершенное счастіе, личная потребность совершенной умомъ, чувствительностью и воображеніемъ женщины, состоитъ изъ слѣдующихъ шести «Основныхъ статей» и «Смѣси».

Основныя статьи.

I. Совершенный мужъ: мужчина, совершенно необыкновенный — великій умомъ, благородный чувствами, твердый волею, блестящій дарованіями, дѣятельный, неутомимый, рѣшительный, окруженный общимъ уваженіемъ, удивленіемъ, славою; словомъ, мужъ, о какомъ всю жизнь мечтала мадамъ де-Сталь.

II. Самая пламенная любовь такого мужчины.

III. Самое полное уваженіе со стороны его къ особеннымъ чувствамъ слабости.

IV. Самое внимательное охраненіе ея покоя, удобствъ и наслажденій.

V. Самая тонкая лесть.

VI. Самая рыцарская преданность.

Словомъ, содержаніе воображенія женщины въ безпрерывномъ восторгѣ, который и есть настоящее счастіе.

Смѣсь.

Богатство. Блескъ. Наряды. Танцы. Развлеченія. Подарки. Красивыя игрушки, въ томъ числѣ и дѣти. Миловидность. Ровность характера. Вѣрность. Отсутствіе ревности. Здоровье и нѣкоторыя другія мелочи.

Во всемъ этомъ непремѣнно надо взять подписку съ мужчинъ. Конечно, тутъ есть много второстепеннаго, даже лишняго для полнаго счастія, но оно можетъ пригодиться въ потребномъ случаѣ. Когда первыя шесть «Основныхъ статей» исполнены, когда восторгъ возбужденъ и заботливо поддерживается, то вся «Смѣсь» можетъ быть пропущена: тогда и бѣдность, и страданія, и неровный характеръ, ни мало не мѣшаютъ полнотѣ счастія — даже заключаютъ въ себѣ особенный родъ поэзіи, потому-что даютъ женщинѣ возможность явиться великою. Но если хоть одна изъ основныхъ статей, особенно двѣ первыя, не удовлетворены какъ слѣдуетъ, если мужъ человѣкъ обыкновенный, изъ «Смѣси» нельзя уступить ни одной буквы; счастіе — чувство изящное и питается изящнымъ: все, или ничего!... потому-что и это все далеко еще не наполняетъ души, и въ воображеніи, и въ нихъ безпрерывно появляется страшная, убійственная пустота. И, собственно говоря, въ словахъ — *мужчина совершенно необык-*

новенный умомъ и чувствами — содержатся сами собою всѣ условія полнаго счастія: гдѣ это есть, тамъ по-необходимости будетъ все, всѣ шесть «Основныхъ статей» и почти вся «Смѣсь». Мужчина совершенно необыкновенный умомъ и чувствами, это и есть «восторгъ!» Если всѣ мужчины дадутъ обязательство быть такими мужчинами, полное счастіе сдѣлается общимъ удѣломъ женщинъ и на землѣ снова зацвѣтетъ рай. А нѣтъ, такъ нѣтъ: каждой придется составлять себѣ крошечное счастьице изъ разныхъ мелкихъ пунктовъ «Смѣси», по своему уму, воображенію, привычкамъ, и по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и *счастіе будетъ всегда искусствомъ* самой женщины, какъ оно было и есть.

Не забудьте же, сударыни: съ нами, обыкновенными мужчинами, *счастіе* — *искусство*, ваше собственное искусство; каждая должна умѣть составить себѣ счастіе по своему вкусу: разумѣется, когда есть изъ чего составлять. Точно также и для мужчинъ, *производить женское счастіе* — *искусство*, и большое искусство. А какъ счастіе въ то же время — чувство изящное, самое изящное изъ всѣхъ, то изъ этихъ двухъ искусствъ, искусства производить счастіе для женщины, и искусства составлять себѣ счастіе, образуется дружно одно, изящнѣйшее искусство, которому нужно непремѣнно учиться какъ живописи, какъ всякому изящному искусству. Счастіе собственно — живопись вдвоемъ.

Вникнувъ съ должнымъ вниманіемъ во все это, каждый рѣшитъ, была ли Анна вполнѣ счастлива.

Какъ мужъ самъ по себѣ — уже половина счастія, то первые мѣсяцы замужства наполнились этой половиною очень хорошо, такъ плотно, что для Валеріана не осталось ни малѣйшаго уголка ни въ памяти, ни въ воображеніи. Но, съ умомъ и проницательностью Анны, ей невозможно было не примѣтить очень скоро, что, подъ этою блестящею наружностью, въ Эдуардѣ скрывается человѣкъ самый обыкновенный, въ которомъ ровно ничего нѣтъ для удивленія, и что она все-таки любила въ немъ мужчину воображаемаго, хоть старалась любить настоящаго. Безъ удивленія — любви нѣтъ: надо чему-нибудь удивляться въ человѣкѣ или предметѣ, хоть искусству, чтобы любить его, такъ что любовь и удивленіе, страстная любовь и страстное удивленіе — слова совершенно однозначащія въ языкѣ природы. Древнѣйшій и совершеннѣйшій изъ всѣхъ существующихъ человѣческихъ языковъ, арабскій, одинъ, кажется, сохранилъ у себя это вѣрное съ природою, первобытное опредѣленіе любви: слово *ааджабъ*, «пришелъ въ удивленіе», значитъ въ то же время «полюбилъ, ему страстно понравилось». Ахъ, будемте всѣ говорить по-арабски! Въ самомъ дѣлѣ, если бы, оставивъ наши ложныя понятія о мнимой «безотчетности» чувства любви, мы, вмѣсто — *разлюбила* — *разлюбилъ* — выражались какъ должно — *удивленіе разсѣялось*, много безполезныхъ треволненій уничтожилось бы въ нашей жизни, и каждый, зная что̀ такое любовь, зналъ бы какъ и чѣмъ ее поддерживать. Безъ удивленія, могутъ быть только простыя «привязанности» по нуждѣ, эгоиз-

му, долгу, изъ состраданія, уваженія или благодарности. Любви быть не можетъ.

Въ разочарованіяхъ, первое открытіе какой-нибудь пошлой или невыгодной стороны, быстро ведетъ за собою другія. Непомѣрное тщеславіе, вѣрнѣйшій признакъ пустой и мелкой души въ мужчинѣ, первое поразило Анну въ ея прекрасномъ мужѣ, какъ-скоро прошло упоеніе новости. Эдуардъ былъ такъ занятъ собою, что, кромѣ себя, не примѣчалъ ничего на свѣтѣ: наружность составляла для него предметъ первой важности во всемъ, и для ней онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать. Напыщенный преувеличеннымъ понятіемъ о своихъ достоинствахъ, онъ питалъ безпредѣльное презрѣніе къ достоинствамъ другихъ, а между-тѣмъ все его вниманіе посвящено было ничтожнымъ мелочамъ, все время отдано дѣтскимъ потѣхамъ. Эдуардъ былъ типъ той опасной посредственности, которая составляетъ страшнѣйшій бичъ человѣчества и дѣлаетъ всѣ глупости на землѣ: дураки — люди почтенные и полезные; я душевно ихъ уважаю, столько же какъ и умныхъ. Эти два класса жили бы очень счастливо на свѣтѣ, если бы между нихъ не втирались проклятыя посредственности, которыя все путаютъ, все портятъ и всѣхъ ссорятъ. Нѣсколько обломковъ какихъ-нибудь дарованій, горсть остроумія, три горсти познаній, куль звучныхъ фразъ безъ смысла и приложенія, снаружи обманчивый блескъ, внутри сажа и соръ — неспособность, безсиліе, зависть, честолюбіе, самонадѣянность, злоба, лѣнь, тщеславіе, наглость — вотъ общій составъ посредствен-

ностей, вотъ эти лошаки человѣчества, уродливая помѣсь ума и глупости, вѣчно дѣйствующее орудіе страданій общественныхъ и семейныхъ. Они-то бунтуютъ дураковъ противъ умныхъ. Отъ нихъ-то проистекаютъ всѣ бѣдствія и всѣ нелѣпости. Чтобы выказать себя, они не останавливаются ни передъ какимъ сумасбродствомъ. Таковъ именно былъ и «блестящій графъ Эдуардъ». Вы скажете: зачѣмъ же Анна, женщина съ такимъ необыкновеннымъ умомъ, вышла за него замужъ? Если это — серіозный вопросъ, а не шутка, то я скажу вамъ причину: затѣмъ, что выходить за посредственности и страдать отъ нихъ — судьба всѣхъ необыкновенныхъ женщинъ. Болѣе никакой причины не было. Помните, сударыни, мое слово: всѣ посредственности — тираны! Выходите лучше за дураковъ: прекрасные люди! предобродѣтельные мужья!... Водить ихъ за носъ можно какъ угодно и куда угодно. Скучно: это — правда; счастія полнаго нѣтъ: и это — правда; но зато удобно и безопасно. При умѣ, это уже — родъ счастія. Но извольте справиться съ такимъ человѣкомъ какъ блестящій графъ Эдуардъ! Онъ всегда будетъ почитать себя умнѣе васъ, какъ бы вы умны ни были, и не уступитъ ни въ какомъ случаѣ. Всякая глупость его — для него свята. Посмотрите только на это ничтожество! не обладая ни настоящими дарованіями, ни основательными качествами ума, ему непремѣнно хочется стоять впереди всѣхъ привлекать къ себѣ общее вниманіе, затмѣвать себѣ равныхъ: даже его женитьба на прославлен-

ной красавицѣ была, собственно, однимъ изъ слѣдствій этой страсти.

Познакомясь короче съ этимъ злополучнымъ характеромъ, Анна съ ужасомъ увидѣла пропасть подъ своими ногами и содрогнулась. Этотъ человѣкъ велъ ее неизбѣжно къ погибели. Выходя замужъ, она надѣялась заключиться въ домашнемъ святилищѣ, создать себѣ тихую и сладкую семейную жизнь, мало появляться въ свѣтѣ и заставить клевету умолкнуть отнятіемъ пищи у зависти. Но родъ жизни, начатой Эдуардомъ тотчасъ послѣ свадьбы, повергалъ ее еще глубже въ омутъ тѣхъ же опасностей и страданій, отъ которыхъ она бѣжала подъ защиту его предполагаемаго ума. Пошли новыя клеветы, новыя преслѣдованія, новыя обиды. Вы уже знаете сплетню о свиданіи въ публичномъ саду: это была только одна изъ двухъ сотъ подобныхъ сплетней, которыя ходили по городу уже въ концѣ перваго года замужства Анны: какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, бѣдная знаменитая красавица не подала къ ней даже и тѣни основанія. Но Катенька не пропустила такого удобнаго предлога къ огорченію сестры и ея подруги. Софія узнала черезъ нее о страшномъ успѣхѣ въ свѣтѣ этой неожиданной клеветы и, въ негодованіи, сочла за нужное предостеречь Анну. У Анны размышленіе уже давно занимало мѣсто перваго очарованія: она даже пыталась нѣсколько разъ отвлечь мужа отъ этой тревожной жизни на сквозномъ вѣтрѣ всѣхъ злобъ, завистей и дурачествъ свѣта; тщеславная роскошь его ужасала молодую жену: и хотя ей не былъ извѣстенъ

въ точности итогъ богатства Эдуарда, здравый разсудокъ, однакожъ, показывалъ, что это мотовство должно кончиться, ранѣе или позже, разореніемъ. Она осторожно открыла мужу свои опасенія. Но Эдуардъ не хотѣлъ и слушать объ удаленіи въ деревню или о скромномъ затворничествѣ среди столицы, какъ предлагала Анна, давая ему почувствовать, что это составило бы ея счастіе. Онъ желалъ пользоваться своимъ торжествомъ. Званіе женатаго человѣка доставило ему предлогъ къ развитію того, что̀ онъ называлъ своимъ вкусомъ и умѣньемъ жить, но что̀ Аннѣ казалось оргіей тщеславія. Извѣстіе, злобно сообщенное Катенькой черезъ Софію, глубоко огорчило и встревожило ее: она заплакала. Это были первыя слезы.

Тучи мрачныхъ мыслей налетѣли на эту свѣтлую душу. Гдѣ искать защиты? У Эдуарда! Онъ не пойметъ ея нѣжной заботливости о собственномъ его спокойствіи и благополучіи. Надо самой принять мѣры, не огорчая его безполезно. Какъ ни льстило ея самолюбію идолопоклонство этого блестящаго свѣта, благоразуміе требовало предписать поступкамъ своимъ строжайшую осторожность. Анна, подъ разными видами, начала отказываться отъ выѣздовъ и празднествъ. Мужъ вскорѣ замѣтилъ въ этомъ умышленную уклончивость; онъ настаивалъ, убѣждалъ, требовалъ. Каждый отказъ Анны былъ принятъ за сопротивленіе его удовольствіямъ, за обиду его связямъ, или за противорѣчіе его «видамъ» и «выгодамъ». По древнему обычаю мужей, графъ Эдуардъ этими таинственными словами, которыя такъ сильно дѣй-

ствуютъ на слѣпое повиновенiе женъ, называлъ свои прихоти и свои дурачества. Но Анна успѣла уже произвесть полную оцѣнку своему почтенному другу: она знала, что «видовъ» въ его головѣ нѣтъ никакихъ, и что такой образъ жизни никому не можетъ принести «выгодъ». Вскорѣ твердость ея въ благоразумiи была наименована техническими терминами носороговъ, «упрямствомъ» и «капризами». Новыя и болѣе настойчивыя требованiя. Новый и болѣе рѣшительный отказъ. И, увы! первая ссора!...

Теперь ужъ нѣтъ надежды. О счастiи болѣе и не спрашивайте, даромъ-что Эдуардъ страстно любилъ Анну, и она еще не разлюбляла его.

Чтобы оправдать себя передъ мужемъ, Анна принуждена была разсказать извѣстную ей часть убiйственныхъ клеветъ, которыя уже породилъ ихъ образъ жизни.

— Пустяки! отвѣчалъ онъ надменно: я это презираю. Моя жена стоитъ выше клеветы. Я за васъ отвѣчаю свѣту.

Чувство долга заставило ее повиноваться, сожалѣя о такомъ ослѣпленiи. Въ угожденiе мужу, Анна продолжала вести вмѣстѣ съ нимъ жизнь, которая была ужъ ей противною и вскорѣ сдѣлалась невыносимою. Преслѣдованiя зависти возобновились. Честь несчастной женщины сдѣлалась добычею тысячи самыхъ наглыхъ выдумокъ, которыя выдавались за доказанную правду. Анна явственно примѣчала унизительную холодность съ собою въ обхожденiи многихъ женщинъ, объявлявшихъ притязанiе на пуританскую строгость

правилъ. Обида была жестока. Слезы лились втайнѣ. Но Анна повиновалась. Она подкрѣпляла мужество свое мыслью, что долгъ ея — принести себя въ жертву удовольствію мужа.

Размышленія о долгѣ составляютъ можетъ-быть самыя сладостныя и счастливыя минуты въ жизни женщинъ, испытывающихъ горькое дѣйствіе обманутой надежды на счастіе, потому-что они возвышаютъ душу и придаютъ торжественную важность уступчивости. Анна съ удовольствіемъ предавалась этимъ размышленіямъ и, отъискивая въ нихъ всѣ возможные поводы къ тому, чтобъ быть довольною своей судьбой и любить мужа старалась быть спокойною. Но когда умъ прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, любовь уходитъ изъ сердца. Недовѣрчивость была уже посѣяна между супругами. Домашнія сцены становились чаще и чаще. Анна чувствовала въ душѣ всѣ горечи несчастія, показывая передъ свѣтомъ, изъ гордости и по чувству долга, видъ совершенно счастливой супруги. Нѣсколько лѣтъ такой жизни совершенно измучили ее: она сдѣлалась молчаливою и печальною. Это возбуждало досаду и нетерпѣніе въ Эдуардѣ: онъ началъ являться въ обществахъ одинъ, и часто уже искалъ одинокихъ развлеченій. «Моя жена занята своими дѣтьми», равнодушно говорилъ онъ всякому, кто спрашивалъ его объ Аннѣ. У нихъ тогда было двое дѣтей, дочь и сынъ.

Жена большая красавица, которую положеніе или прихоть заставляетъ жить въ свѣтѣ, можетъ быть напередъ увѣрена, что мужъ будетъ ей не-

вѣренъ. Во-первыхъ, удовольствіе сманить мужа знаменитой красавицы представляетъ такую прелесть многочисленнымъ любительницамъ блестящихъ побѣдъ, что онѣ не пощадятъ на это никакихъ уловокъ кокетства. Во-вторыхъ, самое тщеславіе мужа, какъ мужчины, увлечетъ его къ этой опасной потѣхѣ: для самонадѣянныхъ посредственностей, для напыщенныхъ собою ничтожествъ, нѣтъ ничего пріятнѣе какъ показать, что красота для нихъ ни почемъ, что она принадлежитъ имъ по праву, гдѣ бы ни находилась, что они давно пресыщены ею. Поэтому нерѣдко даже случается видѣть мужей красавицъ прикованными къ колесницамъ совсѣмъ некрасивыхъ кокетокъ. Графъ Эдуардъ, вслѣдствіе соединеннаго дѣйствія этихъ могущественныхъ причинъ, позволилъ себѣ, для почину, одну такую разсѣянность, болѣе или менѣе невинную. Невозможно описать радости прекраснаго пола по случаю столь вожделѣннаго событія. Это было всеобщее торжество женщинъ — трезвонъ — пушечная пальба — съ фейерверкомъ насмѣшекъ надъ красавицей, въ заключеніе. Онѣ придали этой шалости необыкновенную гласность и, чтобы удовольствіе было полно, постарались еще искусно довести ее до свѣденія Анны. Легко представить себѣ горесть бѣдной женщины. Благоразуміе заставило ее скрыть отъ мужа признаки этой жестокой обиды, но съ-тѣхъ-поръ даже и послѣдняя мечта на возможность счастія была уничтожена невозвратно.

Скажите же теперь, къ чему служитъ необыкновенная красота въ супружествѣ? Мужья не при-

мѣчаютъ ея послѣ очень короткаго времени. Для женъ она становится источникомъ страданій, горя и обидъ. Счастіе съ нею почти невозможно. А между-тѣмъ, во всѣхъ романахъ женятъ героевъ, даже самыхъ ничтожныхъ, *счастія* ради!

Чувство мстительности такъ свойственно слабости, оно представляетъ ей такую непреодолимую прелесть, что Анна, въ первую минуту горя, не видѣла для себя другаго средства къ утѣшенію, какъ броситься въ свѣтъ, доказать легкомысленному мужу все могущество своей красоты, которую онъ пренебрегаетъ, произвесть всеобщее избіеніе обожателей у своихъ насмѣшницъ, и воротиться на родину съ достопамятнымъ тріумфомъ и пятидесятью тысячами плѣнныхъ въ цѣпяхъ и слезахъ. Все благопріятствовало этому геройскому намѣренію: терять было нечего; Анну и безъ того обезславили уже изъ зависти; каждаго, кто ни бывалъ въ ея домѣ, съ кѣмъ ни проговорила она четверть часа о дождѣ и хорошей погодѣ, даже маркиза, котораго она всегда ужасалась и за которымъ Катенька смотрѣла стоглазымъ Аргусомъ, тотчасъ уже выдавали въ свѣтѣ за ея любовника; каждыя ея шагъ былъ перетолкованъ въ дурную сторону. Висѣть на древѣ запрещеннаго плода, не отвѣдавъ съ него ни одного яблока! терпѣть наказаніе за предполагаемыя шалости и не знать ихъ веселья! пить горечь съ самаго дна удовольствій, которыхъ медъ никогда не касался губъ ея! платить безконечнымъ страданіемъ за скуку, добродѣтели ради, тогда какъ можно безконечно наслаждаться за десятую часть этой цѣны безъ

положительнаго преступленія: не глупость ли это?... не чистое ли сумасбродство?.... Кто ее поблагодарить за добродѣтель? Мужъ?.... Ба! Эдуардъ еще будетъ очень радъ, когда она захочетъ помогать ему кутить, понесется вмѣстѣ съ нимъ на волнахъ свѣта, не станетъ впередъ «противорѣчить» его знаменитымъ «видамъ». Ему будетъ удивительно легко на сердцѣ во все время мщенія. Ни въ какомъ изъ изданныхъ и неизданныхъ нравоученій, кокетства не ставили еще въ спискѣ пороковъ или проступковъ. Мстить! мстить!... мстить такъ, чтобы у измѣнника огнемъ зажгло въ пяткахъ! чтобы онъ вѣкъ помнилъ свое наказаніе! чтобы онъ зналъ, какъ легко и какъ ужасно можетъ отмстить жена вѣтренному мужу за такую кровавую обиду!... Но, для настоящаго ужаса, надо взять любовника? При этой страшной мысли Анна заплакали съ отчаянія, и плакала.... плакала.... плакала!....

Какъ вдругъ пріѣхала Софія.

— Боже мой! Анна!.... ты плачешь?

Она нѣжно обняла несчастную кузину и начала утѣшать.

— Не плачь, душа моя!.... успокойся!.... не принимай этихъ вещей такъ крѣпко къ сердцу! Чт̀о жъ дѣлать! То ли еще случается въ жизни?....

— Такъ ты знаешь, о чемъ я плачу? спросила Анна съ удивленіемъ.

— Какъ не знать, мой другъ! Весь городъ говоритъ объ этомъ.

Анна заплакала еще сильнѣе.

— Не горюй, мое сердце! продолжала добрая

Софія: вѣдь это не поможетъ! Кчему полезны слезы? Онѣ дѣла не исправятъ и только доставятъ новое торжество этой коварной женщинѣ.... Всѣ твои завистницы обрадуются безъ памяти, когда узнаютъ, что ты предаешься отчаянію, что ты несчастна.

— Но подумай только, Соня! Испытать такое униженіе!.... видѣть мою любовь, мою преданность, мое терпѣніе брошенными къ ногамъ.... чьимъ же?.... такой дуры! такого урода!....

— Ахъ! это правда!.... Негодный!

— Неблагодарный!

— Измѣнникъ!

— Чудовище!

— Тигръ!.... просто, тигръ!.... Ты опять начинаешь плакать, душенька?..... Перестань, заклинаю тебя! Побереги свою красоту! Стòитъ ли жертвовать ею для этихъ ужасныхъ людей? Ахъ! если бъ мнѣ хоть десятая доля твоихъ удивительныхъ прелестей, я бы.... ну, уже я умѣла бы употребить ихъ!.... Я бы показала моему любезному Леониду, что̀ такое значитъ измѣнять мнѣ!....

— Какъ, другъ мой? вскричала Анна въ испугѣ: неужели и онъ?

— Да, мой другъ! отвѣчала Софія дрожащимъ голосомъ. Да!.... ахъ, да!

И заплакала горькими слезами.

— Невѣренъ?

— Да! измѣнилъ!.... Да еще какъ нагло!... съ какимъ коварствомъ!

— Такому ангелу?.... Негодный!

— Неблагодарный!

— Чудовище!

— Тигръ!.... Скажи, пожалуй, душа моя: Леонидъ?.... твой Леонидъ?.... а казалось, такой тихій! такой скромный!.... такой послушный!.... Не плачь, милая Соня! Утѣшимся вмѣстѣ. Наша доля равна.... Кто бы это могъ подумать?.... Ты давно узнала?

— Дня три тому. Въ субботу. Я ужасно плакала. Маменька съ трудомъ меня успокоила: она такая умная! говоритъ такъ убѣдительно....

— Что̀ же она говоритъ?

— Такой смѣхъ, что совѣстно слушать. Говоритъ, что на это не должно обращать вниманія, что это не мѣшаетъ счастію.... Маменька, знаешь, насчетъ счастія, немножко отстала отъ вѣка, принадлежитъ къ старой школѣ.... Ахъ, Анна! счастія на свѣтѣ нѣтъ! Оно невозможно! Когда уже и ты несчастна, ты, прекраснѣйшая изъ женщинъ: такъ гдѣ же намъ!.... О, какъ я тебѣ завидовала, Анна! Какъ мнѣ хотѣлось занять у тебя твою красоту, твое очарованіе, хоть на однѣ сутки, чтобы тотчасъ, въ одно мгновеніе ока, отмстить этому негодному Леониду! Да я таки отмщу ему! Мстить надо.

— Надо, милая Софія!.... надо!... Этого простить невозможно.

— Непремѣнно мстить!

— И мстить ужасно!

— Мстить какъ слѣдуетъ!

— Мстить!

— Мстить!.... мстить....

— Маркиза пріѣхала, ваше сіятельство, сказала горничная, вбѣгая въ комнату.

— Ахъ, Боже мой! чего эта Катенька отъ меня хочетъ? воскликнула Анна съ досадою. Она, я знаю, пріѣхала нарочно, чтобы наслаждаться моимъ униженіемъ, моимъ несчастіемъ.... Ужъ не пропуститъ случая!

Анна еще не кончила этихъ словъ, какъ въ комнату бомбою влетѣла толстая маркиза, съ лицомъ краснымъ, съ пылающими глазами, съ пѣною во рту. Обѣ кузины испугались. Катенька, очевидно, была въ бѣшенствѣ.

— Анна! мой другъ!.... мой добрый другъ! вскричала она, обнимая сестру, и не могла говорить болѣе, зарыдала.

Анна безмолвно поцѣловала ее, удивляясь такой нѣжности, такому доброму участію со стороны Катеньки.

— Ты мнѣ сестра.... ты мой единственный другъ на свѣтѣ, продолжала маркиза: я къ тебѣ обращаюсь.... Утѣшь меня!.... Спаси меня!....

— Чтò такое случилось, милая Катенька? спросила Анна со страхомъ. Говори скорѣе. Все, все для тебя сдѣлаю!

— Подай совѣтъ! подай руку!.... Ахъ, я умру!...., Помоги мнѣ отмстить этому извергу!

— Кому?

— Джуліо.

— Твоему мужу?

— Да! да!.... ему, негодяю!

— Чтò же онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Измѣнилъ! произнесла Катенька умирающимъ голосомъ и упала въ кресла. Измѣнилъ!.... Онъ мнѣ невѣренъ!

— Измѣнилъ тебѣ!.... тебѣ не вѣренъ! съ участіемъ сказала Анна. Ахъ, негодный!

— Вѣроломный! подхватила Софія.

— Чудовище! присовокупила Анна.

— Тигръ! бандитъ! вскричала Катенька. Ринальдо-Ринальдини былъ въ тысячу разъ лучше его: убивалъ людей, но по-крайней-мѣрѣ былъ вѣренъ своей женѣ.... Нѣтъ, нѣтъ на свѣтѣ счастія! Это пустая мечта! За такую любовь, за такую преданность, за всѣ мои угожденія, вотъ какъ я награждена!.... Ахъ, Анна! я вполнѣ понимаю твое горе, твое негодованіе, твое несчастіе.... я совершенно тебѣ сочувствую: ты не повѣришь, въ какомъ я была бѣшенствѣ, узнавъ сегодня объ его черномъ поступкѣ!....

— Но, можетъ-быть, ты ошибаешься, кротко возразила сестра: какъ это открылось?

— Нѣтъ, нѣтъ, это вѣрно! съ жаромъ сказала маркиза. У меня есть доказательства. Это открылось по случаю твоей исторіи. Тутъ еще откроется многое! Эти дамы перессорились между собою за твоего Эдуарда и теперь компрометируютъ одна другую.... Оказывается, между прочимъ, что мой синьоръ Джуліо перебывалъ въ рукахъ у всѣхъ ихъ, что онъ всегда обманывалъ меня, лучшую, вѣрнѣйшую жену въ мірѣ. Тутъ замѣшанъ и твой Леонидъ, Софія.

— Знаю, знаю! съ печальною важностью отвѣчала княгиня П***.

— Этого имъ спустить никакъ невозможно! вскричала Катенька, постепенно приходя въ бѣ-

шенство и возвышая голосъ. Анна!.... Софія, другъ мой! будемте мстить вмѣстѣ!

— Будемте! отвѣчали обѣ.

— Но мстить какъ слѣдуетъ!

— Безъ пощады!

— Надо держаться дружно, и мстить!

— Мстить! мстить!

— Мы должны помогать другъ другу въ общей обидѣ. Я своего задушу!.... я ему выцарапаю глаза!... не дамъ ему житья на свѣтѣ!.... замучу капризами на смерть!

Кузины не могли долѣе удержаться отъ улыбки. Камердинеръ въ это время доложилъ о пріѣздѣ графини Ф***. Совѣтъ поднялся съ мѣстъ и перешелъ изъ будуара въ гостиную.

— Ты, Катя, не любишь полу-мѣръ, сказала Анна, слѣдуя за нею: хочешь поступать рѣшительно съ преступникомъ!

— Да что ихъ жалѣть, негодныхъ? вскричала маркиза: мстить, такъ мстить!... Вы сдѣлайте то же самое со своими, покажите характеръ, явитесь твердыми, страшными, великими.... такъ впередъ не осмѣлятся! Нападеніе надо сдѣлать общими силами. Помогите только; я Джуліо готовлю славный пріемъ: пусть только воротится, измѣнникъ!

— Да гдѣ же онъ теперь?

— Бѣжалъ со страху въ Стокгольмъ, сегодня, въ восемь часовъ утра, на пароходѣ, узнавъ, что мнѣ уже извѣстны всѣ его проказы. Джуліо знаетъ, что я не люблю шутить! Но онъ не скроется отъ меня и на днѣ ада.

— А если не воротится со страху?

— Ну, нѣтъ, воротится! Онъ меня боится, но безъ меня жить не можетъ: сказалъ своему камердинеру, что пріѣдетъ назадъ на томъ же пароходѣ черезъ двѣ недѣли и отдалъ разныя приказанія для встрѣчи и пріема его у пристани. Это только прогулка по супружеской надобности. Онъ у меня въ рукахъ!

Дверь медленно отворилась и, въ комнату, тихимъ, погребальнымъ шагомъ, вошла графиня Ф***, бывшая княжна Лоло, супруга стараго разсказчика анекдотовъ, длинная, блѣдная, худая, въ глубокомъ траурѣ, съ чернымъ вуалемъ на лицѣ, который она откинула уже на срединѣ гостиной съ совершенно трагическою торжественностью. Анна, Софія и Катенька невольно смутились при видѣ этого генеральнаго душевнаго прискорбія, особенно Катенька, съ которою графиня Ф*** жила всегда въ тѣсной дружбѣ еще со стародѣвственнаго своего возраста. Катенька подошла къ ней первая и, нѣжно взявъ за руку, спросила:

— Что̀ съ вами, мой другъ? Зачѣмъ на васъ этотъ печальный костюмъ?

— Я очень рада.... что нахожу.... всѣхъ васъ вмѣстѣ, важно отвѣчала Лоло, опускаясь въ кресла какъ въ могилу. Я была у васъ, маркиза: мнѣ сказали, что вы поѣхали сюда.... я рѣшилась помѣшать вашей бесѣдѣ. Случай для меня — чрезвычайно важный: я не могу, не должна принимать такой мѣры, не посовѣтовавшись съ особа-

ми, которыхъ умъ и благоразуміе уважаю въ высшей степени....

— Что̀ же это такое? спросили всѣ трое съ безпокойствомъ.

— Дѣло страшное.... но неизбѣжное.... и совершенно необходимое.... произнесла Лоло еще медленнѣе. Счастія нѣтъ на свѣтѣ!... я разстаюсь съ моимъ мужемъ.

— Вы! вскричали испуганныя слушательницы. Зачѣмъ?... По какому поводу? Вы такъ хорошо жили другъ съ другомъ? Онъ, казалось, обожалъ васъ?

— Увы! наружность обманчива! отвѣчала Лоло съ глубокимъ вздохомъ. Мы всегда слишкомъ поздно узнаемъ глубину человѣческаго сердца.

— Что̀ же вы наконецъ открыли въ глубинѣ сердца вашего мужа? спросила Катенька. Говорите. Не мучьте насъ. Мы васъ любимъ: говорите откровенно!

Лоло молчала.

— Скажите намъ хоть причину вашего разрыва? примолвила Анна.

— Причина.... мое достоинство! произнесла Лоло съ великолѣпіемъ древней римской императрицы. Я не могу оставаться съ нимъ подъ одною крышею ни одной минуты долѣе.

— Почему?

— Онъ мнѣ невѣренъ!

— Графъ Ф*** вамъ невѣренъ!!! вскричали въ одинъ голосъ всѣ три слушательницы, переглядываясь между собою въ совершенномъ остолбе-

нѣніи. Графъ Ф*** невѣренъ! Онъ измѣнилъ вамъ?

— Отвратительнѣйшимъ образомъ.

— Негодный!

— Вѣроломный!

— Чудовище!

— Тигръ!... мстить ему! съ жаромъ вскричала Катенька въ первомъ негодованіи, но вдругъ остановилась, какъ-бы передъ внезапной и непонятной идеей, и, промолчавъ немного, сказала: — Но, милый мой другъ, возможно ли это? Графъ Ф*** невѣренъ!.. Это какъ-то выходитъ изъ порядка вещей.... ты меня понимаешь, Лоло!

— Вотъ видите!... ну, подите, говорите! скороговоркой отвѣчала графиня Ф***, вдругъ одушевясь отъ глубокомысленнаго замѣчанія пріятельницы. Это ужасть! срамъ! поношеніе! Горсть истлѣвшаго праха въ старомъ мѣшкѣ — кости да кожа — съ постели встать не можетъ безъ чужой помощи, и все-таки предается невѣрностямъ. Я, право, не понимаю, какое удовольствіе находитъ онъ въ измѣнѣ: а между-тѣмъ содержитъ танцовщицу и у ней проводитъ все время. Я только вчера узнала объ этомъ. Скажите сами, можно ли стерпѣть такую обиду?

Всѣ согласились, что это — horreur!

— Я не хочу съ нимъ жить! продолжала Лоло. Я рѣшилась. Какъ вы мнѣ совѣтуете?

Совѣтницы были того мнѣнія, что, какъ ни ужасно преступленіе, какъ ни заслуживаетъ оно примѣрнаго наказанія, но прибѣгать къ такой крайности не должно изъ уваженія къ преклон-

нымъ лѣтамъ чудовища. Софія утѣшала ее тѣмъ, что онѣ, всѣ трое, находятся въ такихъ же горестныхъ обстоятельствахъ. Катенька настаивала на необходимости мстить и показать характеръ—выцарапать глаза — загнать въ гробъ капризами — совѣтуя принять прежде всего поскорѣе нужныя мѣры предосторожности, чтобы измѣнникъ не удралъ въ Стокгольмъ. Заключить союзъ, держаться всѣмъ вмѣстѣ, помогать одна другой въ содержаніи тайнаго присмотра за мужьями, предостерегать себя взаимно, и, узнавъ о малѣйшемъ посягательствѣ на измѣну, являться великими, ужасными, неумолимыми: такова была система Катеньки. Она утверждала, что это—единственное средство искоренить невѣрность мужей, что всѣ другіе образы дѣйствованія не принесутъ никакой пользы, и Лоло усердно занялась съ нею разборомъ подробностей и выгодъ ея плана. Анна между-тѣмъ начала ходить по комнатѣ въ глубокой задумчивости. Вскорѣ Лоло и Катенька уѣхали приводить планъ въ исполненіе. Остались Анна и Софія.

— Ну, что̀ ты думаешь обо всемъ этомъ? спросила Анна кузину.

— Я думаю, мой другъ, отвѣчала Софія, что это ужъ должно быть у нихъ въ крови. Ужасный полъ! Молодые и старые, всѣ одинъ другаго хуже. Красота и безобразіе, кротость и злость, уступчивость и угнетеніе, получаютъ отъ нихъ одну награду—измѣну. Счастія нѣтъ на свѣтѣ!

— Но какъ тебѣ кажется Лоло?

— Признаться, она меня обезоружила.

— Я отказываюсь отъ мщенія, сказала Анна.

— И я тоже, примолвила Софія.

— Когда видишь, продолжала Анна, какъ смѣшны тѣ, которые хотятъ принять весь свѣтъ въ участники по своимъ супружескимъ огорченіямъ, такъ можно излечиться отъ мстительности.

— Теперь я сама вижу, замѣтила Софія, что маменька права, когда говоритъ, что умная жена не должна даже подавать вида, будто примѣчаетъ подобныя неправильности въ поведеніи своего мужа. Обнаруживать свое несчастіе ни кчему не служитъ: это только заставляетъ другихъ смѣяться.

— Да! милая Софія! надо страдать и молчать. Такова наша общая судьба.

— Но это ужасно! Скажи, пожалуй, Анна: неужели всѣ они таковы? Неужто между ними нѣтъ ни одного благороднаго исключенія? Я не вѣрю. Я думаю, что одинъ человѣкъ, котораго мы съ тобой знаемъ, никогда бы не рѣшился причинить такое огорченіе своей женѣ.

Анна покраснѣла. Этотъ человѣкъ съ нѣкотораго времени уже очень часто представалъ ея воображенію: тягостное, безпокойное ничтожество Эдуарда, его несносное, ничѣмъ не оправдываемое тщеславіе, его самонадѣянность, мелочность, завистливость, эгоизмъ, сами собою становились въ сравненіе съ той благородною кротостью и скромностью, съ тѣмъ возвышеннымъ образомъ мыслей, мощнымъ умомъ и волшебнымъ воображеніемъ, которые нѣкогда возбуждали въ ней такое удивленіе къ мужчинѣ, теперь потерянномъ

для нея безвозвратно, и она съ энтузіазмомъ думала объ немъ, чтобы не думать о своемъ горѣ и не искать утѣшеній внѣ самой себя. Одинъ намекъ на него въ эту печальную минуту произвелъ страшный взрывъ въ ея душѣ: она упала въ кресла и закрыла лицо руками.

— О! я увѣрена, вскричала она, спустя нѣсколько времени: я увѣрена, что этотъ человѣкъ никогда бы не поставилъ меня въ такое положеніе, хотя моя маменька утверждаетъ, что мужей вѣрныхъ нѣтъ на свѣтѣ, и сердится, когда я не соглашаюсь съ ея мнѣніемъ.

— Досаднѣе всего то, продолжала Софія, что придется простить моему Леониду, даже не помучивъ его порядочно. Я хотѣла запереть отъ него мою спальню.... но.... боюсь, не выдержу.... у меня такое мягкое сердце!... и онъ станетъ такъ мило просить!...

— А я, такъ моему не прощу! съ жаромъ воскликнула Анна. *Тому*.... я все бы простила. *Тотъ*— совсѣмъ другое дѣло, хоть бы даже то, что̀ говоритъ маменька, была правда. Еслибы *тотъ* измѣнялъ мнѣ, я бы плакала, ревновала, мучилась ужасно, но, несмотря на все это, я чувствую, что была бы вполнѣ счастлива. За него я была бы предметомъ уваженія всего свѣта и зависти всѣхъ женщинъ; я бы имъ гордилась: одинъ взглядъ такого мужа, одна мысль о томъ что̀ онъ, каковъ онъ, приводили бы меня въ восторгъ и я бы плавала въ блаженствѣ. *Тотъ*.... какъ можно сравнить!... *тотъ* не смѣшонъ! За нимъ, я бы не была предметомъ насмѣшекъ общества и униженій

которыя встрѣчаю повсюду; не носила бы въ волосахъ моихъ гирлянды изъ цвѣтковъ мужниныхъ глупостей; не краснѣла бы за его сумасбродства. Я бы сіяла какъ солнце въ лучахъ его славы, жила бы волшебно какъ мечта въ блескѣ его генія. Онъ уже не мой.... не можетъ никогда быть моимъ.... а при каждомъ его новомъ успѣхѣ, при каждомъ славномъ подвигѣ, при каждомъ возданіи ему въ публикѣ и обществахъ торжественной дани удивленія и почтенія, я чувствовала себя выше и больше всѣхъ другихъ женщинъ, потому только, что нѣкогда была его другомъ.... что его любила.... что онъ меня любилъ!

Анна залилась слезами.

— Онъ меня забылъ уже совершенно, продолжала она, послѣ минутнаго молчанія: но я не могу забыть его! Никогда лучше не знала я цѣны ему какъ теперь. Я люблю его.... да! люблю съ энтузіазмомъ!... люблю болѣе чѣмъ когда-нибудь!... Одно только это чувство и поддерживаетъ меня теперь: я, можетъ-статься, давно бы сдѣлала какую-нибудь глупость съ отчаянія, еслибы меня не останавливало почтеніе къ памяти его любви, имени, и послѣднихъ словъ, сказанныхъ имъ при прощаніи. Это моя единственная подпора въ жизни, мой щитъ, мой талисманъ, который я сохраню.... здѣсь!... въ этомъ сердцѣ!... до могилы...

Рыданіе потушило ея голосъ; но она скоро опомнилась.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь утвердительно, что онъ забылъ тебя совершенно, тихо возразила Софія. Ты этого не знаешь и знать не можешь.

— А ты какъ можешь знать противное?

— Я.... скорѣе! Я не избѣгала, подобно тебѣ, встрѣчи съ нимъ, когда онъ былъ здѣсь въ прошломъ году.... когда его такъ великолѣпно принимали, угощали....

— Мнѣ невозможно было съ нимъ видѣться! съ живостью сказала Анна. На мнѣ лежатъ другія обязанности. Еслибы даже позволило приличіе, то благоразуміе должно было запретить это счастіе. Я боялась моей слабости.... Въ моемъ положеніи, онъ — единственный мужчина, котораго я могу и должна бояться. Я никогда не увижусь съ нимъ.

— А я такъ ничего не боялась: я сказала ему прямо, что его обожаю, столько же какъ Леонида, котораго онъ же приказалъ мнѣ взять; что я отъ него въ восторгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ удивительно милъ, еще умнѣе и добрѣе прежняго.... Онъ былъ у меня три раза, у моихъ родителей бывалъ почти ежедневно, и мы много о тебѣ бесѣдовали. Онъ принимаетъ въ тебѣ, въ твоемъ несчастіи.... ему извѣстно, что ты не совсѣмъ счастлива.... живѣйшее участіе, и говоритъ всегда о тебѣ съ самою благородною дружбою, съ удивленіемъ, съ преданностью. Маменька твоя.... да она вѣрно сама тебѣ разсказывала!

— Нѣтъ, маменька не произнесла объ немъ передо мною ни одного слова, хотя я знаю, что онъ былъ у нея.

— Ну, такъ я же тебѣ скажу, что твоя маменька, которая, сказать между нами, была очень, очень виновата передъ нимъ, встрѣтивъ его гдѣ-

то, явила себя до чрезвычайности любезною, пригласила къ себѣ, приняла совершенно дружески, съ преданностью и нѣжностью настоящей матери. Онъ былъ глубоко тронутъ этимъ. Видя, что несчастный разрывъ съ тобою не произвелъ никакого вліянія на уваженіе къ его характеру, что поступокъ его умѣли оцѣнить, что благородство этого поступка признано твоимъ семействомъ и сдѣлалось основаніемъ совершенно другихъ чувствъ въ твоей матери, онъ не могъ удержать своихъ слезъ, когда разсказывалъ это моей маменькѣ. Жаль, Анна, право жаль, что ты тогда немножко погорячилась! Ужъ лучше было тогда простить ему сожженіе стиховъ, чѣмъ теперь прощать другому измѣны и неблагодарность.

— Я ни мало не сожалѣю о томъ, что̀ ты называешь моей горячностью, спокойно отвѣчала Анна, въ которой разсказъ Софіи очевидно произвелъ весьма пріятное впечатлѣніе. Цѣною моего счастія я купила для него жизнь славную, великую, довѣренность къ своему генію и уваженіе къ самому себѣ. Я нахожу, что за такой подарокъ милому еще очень дешево я заплатила. Я пожертвовала собой для спасенія его отъ ничтожества, отъ посредственности, для возвеличенія, между людьми, любимаго и достойнаго всей возможной любви человѣка: такъ смотрю я на свой поступокъ, и это воззрѣніе, признаюсь, возвышаетъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Что̀ же я тутъ сдѣлала необыкновеннаго? Еслибы пришлось повторить мой тогдашній поступокъ сегодня, въ такихъ же обстоятельствахъ и для

той же цѣли, я сейчасъ бы повторила, не устрашась нисколько мыслью, что за это буду нести всю жизнь бремя нынѣшняго моего несчастія.

— Ты разсуждаешь очень благородно, мой ангелъ, примолвила Софія: въ самомъ дѣлѣ, и самъ онъ называетъ себя твореніемъ рукъ твоихъ, твоей прекрасной любви; говоритъ, что тебѣ одной онъ обязанъ всѣмъ, и торжествомъ надъ своей лѣнью, и дѣятельностью своего ума, и своимъ блистательнымъ возвышеніемъ. Твое пожертвованіе личнымъ счастіемъ было не напрасно: успѣхъ превзошелъ даже всѣ твои и наши ожиданія. Но не говори, что ты не сдѣлала ничего необыкновеннаго: весьма немногія женщины были бы въ состояніи подражать твоему поступку. Это явно доказывается и тѣмъ, что весьма не многія поняли его.

— Ахъ, мой другъ! возразила Анна, вздохнувъ печально: если станешь дѣлать только то, что̀ всякій понимаетъ, то придется дѣлать однѣ только глупости. Вотъ я сдѣлала понятное всѣмъ и каждому: вышла замужъ за этого человѣка: мой выборъ былъ одобренъ одногласно; все тутъ соединялось, чего обыкновенно ищутъ для супружествъ: какое же послѣдствіе?... Да! я сдѣлала большую глупость, за которую теперь справедливо страдаю: мнѣ не слѣдовало выходить замужъ, хотя и могу оправдываться тѣмъ, что мои родители желали этого. Послѣ такой любви, и такой развязки нашей любви, мнѣ надлежало остаться свободною отъ всякихъ узъ, имѣть болѣе довѣрія къ силѣ души

и сердца избраннаго и, не страшась названія старой дѣвы, съ любовію ждать послѣдствій.

Разсужденія двухъ подругъ не скоро прекратились, потому-что всякое страданіе возвращаетъ насъ къ разсудительности, и это, можетъ-быть, самыя умныя минуты въ нашемъ существованіи: прошло страданіе, и умъ, разсудокъ, засыпаютъ: все покрывается забвеніемъ, кромѣ того что̀ можетъ доставить скорое и положительное наслажденіе. Не должно, слѣдственно, удивляться, что послѣ этого изверженія гнѣва, негодованія, скорби, спустя нѣкоторое время все пришло въ прежній порядокъ у Софіи, Катеньки, Лоло и, отчасти даже у Анны, съ тѣмъ только, что у этой отношенія къ мужу приняли болѣе явственный отпечатокъ вѣжливой супружеской дружбы, или нѣжностей по положенію. Образъ Валеріана не оставлялъ ея уже съ-тѣхъ-поръ: она благоговѣла передъ нимъ, и изъ него почерпала, или къ нему относила, всѣ свои добрыя или великодушныя чувствованія; занятія дѣтьми, и умилительныя мысли, полныя восторговъ воспоминанія объ этомъ достойномъ человѣкѣ, служили ей средствомъ, если не къ услажденію горя, по-крайней-мѣрѣ къ тому, чтобы менѣе думать о печальномъ настоящемъ, которое день-ото-дня становилось хуже и невыносимѣе. Дѣла графа Эдуарда находились въ крайнемъ разстройствѣ: онъ безпрерывно занималъ, чтобы мотать или, по его любимому выраженію, поддерживать свое достоинство: наконецъ не стали давать ему въ займы, и вскорѣ начались преслѣдованія за долги. Преслѣдованія были тѣмъ жесто-

че, что съ каждымъ новымъ долгомъ онъ дѣлалъ новую глупость или новую наглость. Люди, подобные ему, наживаютъ обыкновенно кредиторовъ—особенный родъ нѣжныхъ друзей—но никогда враговъ. Графъ Эдуардъ, напротивъ, такъ искусно распорядился, что около того времени, о которомъ мы говоримъ, у него было три безденежныхъ врага на одного друга за деньги, или кредитора: этимъ необыкновеннымъ успѣхомъ онъ обязанъ былъ своей гордости и непомѣрному тщеславію. Всѣ источники доходовъ изсякли вдругъ: семейство его доведено было до нищеты; въ этомъ пышномъ жилищѣ, которое соорудилъ онъ для Анны, или для своего «достоинства», изъ золота, шелку и мраморовъ, порой уже не разводили огня подъ очагомъ, потому-что не на что̀ было купить дровъ; часто обѣдъ готовился изъ шкапа съ книгами, дѣти были одѣты въ великолѣпный канделабръ, а лошадямъ задавали зеркала, пока кредиторы, по своей дружбѣ, не приняли рѣшительной мѣры противъ этой безладицы и не продали всей мебели съ молотка. Графъ Эдуардъ впалъ въ уныніе: онъ плакалъ какъ дитя, предавался малодушному отчаянію, безплоднымъ сожалѣніямъ о прошедшемъ или смѣшнымъ нареканіямъ на людей и на судьбу, вмѣсто того, чтобы одушевиться мужествомъ въ несчастіи и поправить трудомъ слѣдствія тщеславной лѣни. Въ это время благородная Анна явилась къ нему на помощь во всемъ величіи своего характера: расточая передъ недостойнымъ мужемъ признаки самой нѣжной дружбы и вовсе не заслуженной имъ

преданности, она услаждала его жалкую печаль старалась придать ему бодрости духа, укрѣпить его въ упованіи на благость Провидѣнія. Продавъ остатки своихъ драгоцѣнностей—имѣніе, полученное въ приданое, было уже промотано Эдуардомъ —и заключившись въ границахъ благоразумной умѣренности, она, при помощи своей распорядительности и трудолюбія, содержала прилично домъ безполезнаго мужа и двухъ подрастающихъ дѣтей, которымъ сама давала всѣ уроки, стараясь обогатить ихъ по-крайней-мѣрѣ тщательнымъ воспитаніемъ.

Какую же за все это получила она награду отъ свѣта? Если бы природа создала ее безобразною или надѣлила только обыкновенною миловидностью, свѣтъ удивлялся бы ея добродѣтелямъ и ставилъ ее въ примѣръ добрыхъ женъ и образцовыхъ матерей. Но, одна часть общества по мщенію за превосходство, другая по преступному легкомыслію, не могли забыть ея торжественной красоты, и по городу пошла молва, будто Анна, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ мужа, составила себѣ источникъ доходовъ изъ торга этою великолѣпною статьею. Даже прейсъ-курантъ былъ утвержденъ и обнародованъ. Какъ всеобщее презрѣніе сдѣлалось удѣломъ мужа—оно всегда слѣдуетъ за мотовствомъ — то эти отвратительныя вѣсти легко снискивали себѣ довѣріе.

Среди этихъ несчастій, невзгодъ, униженій, Анна еще испытала потери, весьма чувствительныя для страдающаго сердца. Умная и благородная тетка ея, мадамъ Б***, которой общество и дружба со-

ставляли для нея одно изъ сокровищъ жизни, умерла. Софія съ своимъ Леонидомъ уѣхали въ имѣніе, которое она оставила имъ въ наслѣдство. Мать, графиня Марія, по разстроенному здоровью, жила, то во Флоренціи, то въ Вѣнѣ. Даже и злой сестры не стало. Катенька и Лоло, на основаніи оборонительнаго и наступательнаго союза, который воспослѣдовалъ между ними въ знаменитый день совѣта, учредили надъ своими мужьями такую бдительную полицію, что несчастный маркизъ не могъ ни пошевелиться, ни мигнуть глазомъ: его тотчасъ ловили на горячемъ злодѣяніи, и мщеніе, съ громомъ и молніей, неминуемо разражалось надъ его головою. Чтобы разрушить этотъ страшный союзъ, онъ принужденъ былъ исходатайствовать для себя перемѣщеніе въ другую столицу и увезъ жену въ Италію. За нѣсколько времени до ихъ отъѣзда, Анна лишилась еще и отца, котораго она обожала, и который съ своей стороны очень нѣжно любилъ ее, но денегъ не давалъ. Графъ Андрей на старости лѣтъ вздумалъ сдѣлаться скрягою, и у всякаго просилъ въ займы денегъ, для того, чтобы у него не просили: такъ его напугало разореніе зятя Эдуарда! У маркиза онъ часто бралъ по десяти и пятнадцати червонцевъ—на одну недѣлю — на десять дней, не болѣе — и почти всегда просрочивалъ. Съ такимъ же тонкимъ запросомъ иногда обращался онъ и къ Аннѣ, которая часто не знала, какъ свести утро съ вечеромъ.

Печали слѣдовали за печалями. Жизнь бѣдной Анны протекала въ слезахъ, заботахъ и самыхъ огорчительныхъ непріятностяхъ. Но она не уны-

вала. Не подозрѣвая покойнаго папеньки въ хитрости, она ничего не ожидала для себя съ этой стороны: къ удивленію, по вскрытіи духовнаго завѣщанія, оказалось, что онъ оставилъ для нея очень порядочное состояніе, совершенно свободное отъ долговъ, которые, какъ онъ увѣрялъ, заставляли его опасаться голодной смерти.

Положеніе Анны неожиданно поправилось. Наслѣдство это обрадовало ее тѣмъ болѣе, что оно дѣлало ее независимою отъ безпечности и неспособности мужа. Она легко уговорила его оставить городъ, въ которомъ они оба вынесли столько превратностей судьбы и ударовъ людской злобы, и уѣхать на нѣсколько лѣтъ за-границу. Графъ Эдуардъ и самъ чувствовалъ необходимость перемѣнить мѣсто жительства: здѣсь онъ могъ только быть смѣшнымъ въ другомъ видѣ.

Съ сердцемъ, полнымъ давно забытой радости, спѣшила Анна въ Вѣну. Здѣсь надѣялась она отдохнуть въ новомъ обществѣ, занимаясь, возлѣ умной матери, воспитаніемъ своихъ прелестныхъ дѣтей. Несчастная! она не предчувствовала, что, именно въ этомъ обществѣ, ей суждено было испытать самое жестокое потрясеніе души и тѣла, какому только можетъ подвергнуться за печальный даръ рѣдкой красоты.

Графиня Марія жила въ Вѣнѣ очень скромно, но пріятно, и даже счастливо. Весною она обыкновенно уѣзжала къ водамъ, въ Германію, Францію или Италію; осенью возвращалась на берега Дуная и, среди столичной толпы, среди забавъ, шалостей и шуму, проводила зиму въ отрадномъ

уединеніи, на степной сторонѣ бурной жизни-рѣки, въ пустыняхъ дружбы и умной бесѣды. Звуки радости, отголоски глупостей, вздохи досады, потѣхи клеветы, доходили до отшельницы любви и страстей, но она не участвовала ни въ радостяхъ, ни въ глупостяхъ, ни даже въ клеветѣ. Рѣшительно отказалась она отъ звучныхъ и яркихъ бурь свѣта, и приняла на себя должность умной женщины, которая, забывъ, что была нѣкогда прелестною, и даже, что не совсѣмъ лишилась миловидности, позволяетъ всѣмъ по-моложе себя безпрепятственно быть красавицами по личному усмотрѣнію каждой.

Графиня Марія уже вступала въ старость: она это чувствовала, и благовременно, лишь-только послѣднія розы начали терять свое благоуханіе, приняла мѣры, чтобы сдѣлаться плѣнительною старушкою. Теперь она уже не обрѣзывала своего возраста: напротивъ, съ неподражаемою наглостью прибавляла себѣ шесть лишнихъ годовъ, чтобы приводить въ изумленіе новыхъ знакомцевъ необычайнымъ сохраненіемъ своей наружности и поселять въ нихъ родъ восторга къ себѣ, какъ необычному явленію. Тѣ, кого она увѣряла, что ей уже «подъ шестьдесятъ», съ перваго слова были въ восхищеніи отъ нея, по личной выгодѣ: каждый или, все-равно, каждая — потому-что въ этомъ случаѣ нѣтъ родовъ въ грамматикѣ человѣческаго самолюбія—утѣшался пріятною мыслью о возможности для себя быть молодымъ еще въ шестьдесятъ лѣтъ, невольно любилъ графиню Марію, какъ живое доказательство основательности этой надежды,

и, въ энтуазіазмѣ, прибавлялъ ей отъ себя еще шесть годовъ, такъ, что о графинѣ Маріи говорили въ Вѣнѣ какъ о феноменѣ: свѣтская миѳологія создала для ея отдаленной молодости баснословную красоту, и, если бы благоразуміе подавшаго въ отставку идола не окружало его таинственнымъ уединеніемъ, нашлись бы еще изувѣры, готовые положить свѣжіе вѣнки на жертвенникъ прежде-бывшей Венеры.

Но мало произвесть этотъ эффектъ: отшельница умѣла еще усилить его полнымъ отсутствіемъ притязаній на наружность; она какъ-будто не замѣчала разительнаго противорѣчія между приписываемымъ ей маститымъ возрастомъ и пріятностью своего лица, бѣлизною и гладкостью шеи, превосходно отдѣляющейся отъ глубокаго траура, безукоризненнымъ цвѣтомъ волосъ, заботливо поддерживаемыхъ въ надлежащей свѣжести, и примѣчательною красотою руки, маленькой, мягкой, полной, совершенно классической. Все искусство употребила она на украшеніе этой удивительной старости прелестями ума, любезности и кротости. Мужчины любили ея общество; и какъ она соблюдала строгій выборъ въ знакомствахъ, допуская къ себѣ только людей примѣчательныхъ, то снискать ея дружбу равнялось для многихъ диплому на умъ и высокую образованность. Даже и до траура она мало выѣзжала въ свѣтъ, никогда не являлась въ большихъ собраніяхъ, жила въ небольшомъ кругу избранныхъ, составленномъ изъ свѣтскихъ, ученыхъ и артистическихъ «геніяльностей», какъ говорятъ въ Вѣнѣ, съ необходимою прибавкою двухъ

или трехъ молодыхъ и миленькихъ женщинъ, совершенно преданныхъ умному, безконечно доброму другу, хозяйкѣ. Домъ ея сдѣлался любимымъ центромъ занимательнѣйшихъ людей въ австрійской столицѣ изъ туземцевъ и путешественниковъ разныхъ націй: тѣ, которые были приняты, чувствовали себя счастливцами въ этой роскошной атмосферѣ дружескихъ вниманій, теплаго участія въ прекрасномъ, непринужденной веселости, увлекательныхъ и разнообразныхъ разсужденій, любопытныхъ разсказовъ о всѣхъ странахъ, всѣхъ знаменитыхъ людяхъ, всѣхъ великихъ событіяхъ и надеждахъ искусства.

Старшая дочь графини Маріи, Катенька, и мужъ ея, находились также въ Вѣнѣ: они, по праву, принадлежали къ этому обществу, но вообще мало имъ пользовались. Маркизъ не понималъ пристрастія своей тещи къ умнымъ людямъ и бѣгалъ этихъ утомительныхъ бесѣдъ, въ которыхъ человѣкъ явственно выходитъ изъ нормальнаго состоянія своей породы, употребляя голову, и привѣшенный къ ней языкъ, главное орудіе питанія и личныхъ выгодъ, на предметы, выходящіе изъ круга положительной жизни. Катенька, сдѣлавшаяся тигрицею ревности, преслѣдовала супруга своего по пятамъ во всѣхъ его уклоненіяхъ къ другаго рода удовольствіямъ. Такимъ образомъ, дружескія собранія у графини Маріи благополучно избавлялись и отъ злобы Катеньки и отъ глупости маркиза, къ великому удовольствію хозяйки.

Изъ женщинъ, самымъ замѣчательнымъ членомъ этого общества была одна молодая соотече-

ственница и отчасти родственница графини Маріи, прелестная вдовушка лѣтъ двадцати-пяти или шести, рѣзвая, веселая, острая, исполненная талантовъ, добродѣтелей и душъ. Она недавно пріѣхала въ Вѣну изъ Карльсбада, куда возила своего возлюбленнаго мужа, преждевременнаго старика, вѣчно больнаго тирана. Прославленныя цѣлительныя воды оказали дѣйствіе, достойное ихъ врачебной знаменитости: мужъ мигомъ умеръ. Полина Ч***, оросивъ потоками слезъ драгоцѣнный прахъ супружескаго счастія, прямо съ могилы порхнула свободною птичкою въ Вѣну, гдѣ у нея вовсе не было знакомыхъ и гдѣ, поэтому, присутствіе, ласковый пріемъ и, въ скоромъ времени, дружба почтенной родственницы сдѣлались для нея настоящимъ кладомъ. Графиня Марія, казалось, нѣжно любила мадамъ Ч***, и мадамъ Ч*** оказывала ей искреннюю преданность. Есть читательницы, которыя не вѣрятъ въ дружбу двухъ женщинъ; я самъ вѣрю только вполовину, но дѣло въ томъ, что, недавно надѣвъ трауръ, графиня Марія считала молодую вдову-родственницу весьма приличною для себя подругою на указное время горести. Обѣ безутѣшныя легко сблизились другъ съ другомъ, находя въ этомъ обоюдную пользу — мадамъ Ч*** очень пріятный печальный домъ въ незнакомомъ городѣ, — графиня Марія очень занимательное для посѣтителей украшеніе дома. Какъ бы то ни было, обѣ вдовы, и мудрая и прелестная, были неразлучны, къ несказанному удовольствію знаменитыхъ друзей мудрой.

По мужской части, въ эту зиму самымъ пріят-

нымъ собесѣдникомъ, самымъ дорогимъ гостемъ, самымъ уважаемымъ другомъ, числился тоже одинъ соотечественникъ графини Маріи, человѣкъ, славный тогда во всей Европѣ своими военными подвигами, умомъ и благородствомъ души, мужчина лѣтъ сорока-двухъ, не совсѣмъ хорошій собою, съ сухими и рѣзкими чертами лица, но съ чрезвычайно умнымъ выраженіемъ и съ такими глазами, которые женщины, черезъ полчаса знакомства, провозглашали чудесными. Въ Вѣнѣ, куда пріѣхалъ онъ провесть зиму послѣ курса водъ въ южной Германіи, любопытство всего общества было обращено на него. Но онъ, по-возможности, избѣгалъ достойно заслуженныхъ почестей, жилъ очень скромно и почти не показывался свѣту: его можно было встрѣтить по-утру только на какомъ-нибудь уединенномъ гульбищѣ или въ книжныхъ лавкахъ, гдѣ онъ забиралъ книги цѣлыми кипами. Графиня Марія усердно за нимъ ухаживала: сама она искала его общества и дружбы, гордилась его вниманіемъ, всѣми мѣрами привлекала его къ себѣ, и, казалось, успѣла. Этотъ интересный путешественникъ полюбилъ ея домъ, и вскорѣ сталъ посѣщать почти ежедневно любезную соотечественницу, которой наконецъ сдѣлался онъ короткимъ и искреннимъ другомъ. Нѣкоторые остроумные туземцы замѣчали, что графиня Марія питаетъ къ нему болѣе чѣмъ дружбу: внимательность ея къ знаменитому иностранцу доходила до материнской нѣжности и онъ, съ своей стороны, нерѣдко показывалъ при всѣхъ чувства благодарнаго и почтительнаго сына. Съ нимъ однимъ говорила она

о своихъ семейныхъ дѣлахъ, ему одному ввѣряла душевныя скорби и тайныя слезы, для него, преимущественно, изобрѣтала удовольствія, въ которыхъ должны были участвовать прочіе друзья дома. Европа, тогда, только-что начинала отдыхать послѣ продолжительной политической бури, какъ вдругъ зашумѣла страшная буря литературная: предводительствуя вѣдьмами, мертвецами, висѣльниками, палачами, каторжниками, привидѣніями, порокомъ, безобразіемъ, преступленіемъ, ужасомъ, романтизмъ поднялъ открытый бунтъ противъ чиннаго классическаго прекраснаго, котораго безплодный деспотизмъ всѣмъ было наскучилъ; для человѣчества начиналась новая эра: въ то же время, какъ на землѣ явилась первая желѣзная дорога, изобрѣтена была и первая тридцати-лѣтняя женщина, и тутъ же сдѣлали чрезвычайно важное для повѣствовательной занимательности открытіе — что у дѣтей, обыкновенно, нѣтъ отцовъ. Эти великія идеи начинали уже проникать въ Вѣну съ первыми незабвенными романами юной школы, и сказанные остроумные туземцы, соображая *сію* материнскую нѣжность и *оную* сыновнюю почтительность (слогъ того времени), нерѣдко восходили до высокаго романтическаго умозаключенія, что тутъ скрывается вещь крайне интересная — преступленіе — промахъ юности — или другое прекрасное новаго изобрѣтенія.

Знаменитый путешественникъ зашелъ однажды къ графинѣ Маріи, возвращаясь съ прогулки. Хозяйка была занята съ своимъ докторомъ въ кабинетѣ. Онъ не велѣлъ докладывать о себѣ: ска-

завъ, что подождетъ въ гостиной, пока докторъ не уйдетъ, онъ сѣлъ въ кресла, чтобы отдохнуть и предаться той задумчивости, которая составляетъ отличительный признакъ и первое наслажденіе великихъ умовъ. Консультація длилась безъ конца. На столикѣ лежалъ великолѣпный альбомъ графини Маріи, наполненный прелестными рисунками, произведеніями карандаша и кисти всѣхъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Онъ взялъ альбомъ и сталъ ихъ разсматривать. На четвертой или пятой страницѣ, поразилъ его внезапно портретъ женщины удивительной красоты: это былъ портретъ Анны, старшей дочери хозяйки. Путешественникъ долго и внимательно всматривался въ эти чудесныя черты; онъ какъ-будто былъ взволнованъ: закрывалъ страницу и переходилъ къ другимъ рисункамъ; потомъ вдругъ возвращался къ портрету и смотрѣлъ на него съ новымъ восхищеніемъ или новымъ безпокойствомъ. Этотъ рисунокъ, это расположеніе подробностей, эта кисть, вся эта картинка, казались ему знакомыми. Наконецъ, одинокимъ зрителемъ невольно овладѣла глубокая дума; нѣсколько времени сидѣлъ онъ въ совершенномъ забытьѣ: раскрытый альбомъ лежалъ у него на колѣняхъ, и онъ не примѣтилъ какъ въ гостиную вбѣжала легкими шагами молодая и стройная женщина въ дорожномъ траурномъ костюмѣ. Карета ея стояла еще у подъѣзда: путешественница, вспорхнувъ на крыльцо, была принята слугами съ признаками изумленія и почтительной радости; хотѣли опередить, бѣжать съ докладомъ, но гостья удержала

ихъ положительнымъ приказаніемъ не давать знать объ ея пріѣздѣ, предоставляя себѣ удовольствіе нечаяннаго появленія. Слуги остались у дверей гостиной: гостья вбѣжала одна и, скользя по ковру, невидимо приблизилась къ неподвижному гостю, задумчивому наблюдателю портрета, сидѣвшему спиною къ дверямъ. Она остановилась недалеко отъ столика, передъ которымъ сидѣлъ незнакомый другъ хозяйки, и начала развязывать шляпку. Лица гостя не было видно вполнѣ, но портретъ, приведшій его въ интересную меланхолію, могла она ясно различить съ того мѣста, гдѣ стояла. Видъ этого портрета возбудилъ ея женское любопытство: она, безъ шуму, немножко подвинулась впередъ, чтобы мелькомъ заглянуть въ лицо любителю столь занимательной живописи, который, вдругъ увидѣвъ гостью передъ собою, вскочилъ съ креселъ какъ-бы испуганный и едва успѣлъ положить незакрытый альбомъ на столъ. Было мгновеніе, когда той и другому казалось, будто они видятъ сонъ: гость не постигалъ чуда, которое такъ внезапно осуществило передъ нимъ портретъ, гостья не вѣрила столь неожиданной встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго полагала въ другомъ концѣ свѣта и не надѣялась никогда увидѣть. Они покраснѣли, оба вмѣстѣ. Сильное душевное волненіе, котораго невозможно было скрыть при такой нечаянности случая, привело ихъ въ *толикое* (такъ тогда говорили) замѣшательство, что они забыли даже поклониться другъ другу.

— Вы здѣсь!

— Вы здѣсь!

Невольно, и какъ-бы со страхомъ, произнесено было съ обѣихъ сторонъ въ одно и то же время. Анна принуждена была присѣсть,чувствуя,что ноги ея дрожатъ. Валеріанъ подражалъ ея примѣру. Два неумышленные преступника находились другъ противъ друга; портретъ — corpus delicti — лежалъ между ними, и никакое оправданіе не было возможно. Оба они, не зная что̀ сказать, изъ-дали, смотрѣли украдкою на этотъ портретъ. Такой странной оказіи я не читалъ ни въ одномъ романѣ!

Присутствіе портрета на столѣ принесло большое удовольствіе Аннѣ, потому-что показывало, чѣмъ гость занимался въ минуту ея появленія; впрочемъ, она давно знала, черезъ Софію, что онъ сохраняетъ особенную привязанность и удивленіе къ той, которую нѣкогда любилъ такою прекрасной любовью. Въ Валеріанѣ этотъ портретъ производилъ совсѣмъ противное дѣйствіе: онъ напоминалъ ему самыя горестныя минуты жизни: это былъ тотъ роковой портретъ, который стоялъ на столѣ у покойной тетки Анны въ страшный день вѣчнаго прощанія со счастіемъ, и который просилъ онъ мадамъ Б*** сберечь какъ памятникъ. Передъ смертью, она завѣщала его графинѣ Маріи, потому-что, видя дочь несчастною въ замужествѣ, графиня горько сожалѣла о прошедшемъ и себя обвиняла во всемъ. Валеріану давно былъ извѣстенъ переходъ незабвеннаго портрета въ руки прежней своей гонительницы, старавшейся теперь нѣжною дружбою и безкорыстною преданностью загладить прежнюю вину

честолюбивой матери: онъ столько разъ видѣлъ, такъ хорошо помнилъ эту картинку, что не могъ не узнать ея теперь въ альбомѣ; а узнавъ, нельзя ему было не подумать печально о томъ, какой женщины, какого друга для всей жизни лишился онъ въ этихъ печальныхъ происшествіяхъ. Валеріанъ находился именно въ томъ возрастѣ, когда холостяки начинаютъ болѣе чѣмъ когда-либо дорожить воспоминаніями и ощущать при нихъ сильныя сожалѣнія: встрѣча съ портретомъ растрогала его до глубины души, и Анна застала эксъ-поэта среди самыхъ грустныхъ размышленій о прошедшемъ и о настоящемъ. Что̀ касается до нея, то вамъ уже извѣстно, что первый предметъ страсти остался навсегда въ ея душѣ идеаломъ, невидимымъ другомъ, таинственнымъ утѣшителемъ, которому посвящались всѣ минуты уединенія среди бѣдствій, униженій и страданій: она постоянно думала объ немъ, думала съ восторгомъ, съ любовью, которой самая чистота усиливала огонь, пожирающій воображеніе, и мечтамъ которой предавалась она тѣмъ свободнѣе, что вѣчная разлука и потеря всякой надежды дѣлали ихъ невинными и совершенно безопасными. О состояніи ея сердца часто разсуждала съ Валеріаномъ Софія, сдѣлавшаяся, послѣ смерти матери, его лучшимъ и даже единственнымъ другомъ вдали отъ столичнаго шума. Смыслъ волненія Анны точно также не могъ ускользнуть отъ его проницательности, какъ для нея была ясна причина задумчивости надъ портретомъ. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, два самые умные человѣка,

встрѣтясь нечаянно и прочитавъ въ глазахъ другъ у друга свои завѣтныя тайны, не съумѣютъ сказать ничего умнаго. Въ доказательство этой истины, я привожу коротенькій разговоръ прежде-бывшихъ жениха и невѣсты.

— Матушка, кажется, совсѣмъ не ожидала васъ?

— По-крайней-мѣрѣ не ожидала меня прежде весны, но я скорѣе рѣшилась подвергнуться непріятностямъ зимняго пути, чѣмъ ждать такъ долго.

— И вы пріѣхали однѣ!

— Мужъ мой изъ Дрездена отправился въ Парижъ. Я продолжала путь одна.

— Вы храбры. Дорòги должны быть ужасны.

— Отъ Праги я встрѣчала много снѣгу.

— Я читалъ въ газетахъ, что многія рѣки выступили изъ береговъ, и прочая.

Они непремѣнно дошли бы до дождя, который тогда шелъ на дворѣ, еслибы графиня Марія не услышала разговора въ гостиной и не вышла съ докторомъ изъ кабинета. Анна бросилась въ объятія матери. Докторъ, замѣтивъ взрывъ семейныхъ чувствъ, ударилъ въ разсыпную, кланяясь во всѣ стороны. Валеріанъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы закрыть альбомъ, и намѣренъ былъ послѣ нѣсколькихъ минутъ, удалиться, не желая мѣшать первому свиданію матери съ дочерью послѣ долговременной разлуки.

— Гдѣ же твои дѣти? спросила мать.

— Они скоро будутъ, отвѣчала Анна: ѣдутъ въ другой каретѣ, съ гувернанткой. Я опередила ихъ, чтобы скорѣе васъ увидѣть.

Мать еще разъ нѣжно поцѣловала ее и, тогда, обратилась со всѣмъ своимъ вниманіемъ къ Валеріану. Завязался разговоръ, незанимательный ни для одного изъ трехъ собесѣдниковъ, потому-что каждый думалъ о другомъ. Валеріанъ замѣтилъ, что мать вовсе не спрашиваетъ о мужѣ Анны: она даже избѣгала рѣчи объ немъ. «Тутъ скрывается что̀-то непріятное!» подумалъ онъ. Анна примѣчала ту же самую осторожность и безпокоилась о причинѣ такого благоразумія, полагая, что клевета уже успѣла опередить ее.

Валеріанъ собрался идти домой. Напрасно графиня Марія задерживала его своей любезностью: онъ чувствовалъ себя слишкомъ разстроеннымъ, слишкомъ полнымъ чувства, и непремѣнно желалъ удалиться. Мудрая женщина поняла его побужденія и, не сопротивляясь долѣе, провожала друга до дверей прихожей.

— Надѣюсь, сказала она при прощаніи: что этотъ нечаянный пріѣздъ не разстроитъ нашей дружбы, и что вы будете посѣщать меня такъ же часто какъ прежде.

— Этого не могу обѣщать вамъ, отвѣчалъ Валеріанъ съ улыбкою, которою хотѣлъ закрыть свое смущеніе.

— Послушайте, мой другъ! съ живостью возразила графиня: это.... смѣшно! У васъ столько ума и благородства души, что и того и другаго слишкомъ достанетъ на подобный случай. Для общаго счастія, намъ, всѣмъ троимъ, не слѣдовало никогда разлучаться. Богъ судилъ иначе.... Я вѣчно буду упрекать себя за.... многое.... Простите мате-

ри... Воротить прошедшаго невозможно. Но можно облегчить горе несчастныхъ великодушіемъ и благородствомъ. Замѣните прежнія чувства свои къ этой бѣдной женщинѣ доброю дружбою къ матери и дочери. Это доставитъ намъ... родъ счастія... утѣшеніе, въ которомъ мы очень нуждаемся... особенно она.... Не оставляйте сиротъ. Она тоже сирота, какъ и я.

— Сирота? повторилъ Валеріанъ съ изумленіемъ.

— Да! она сдѣлала глупость, которой я бы воспрепятствовала, еслибъ была на-мѣстѣ, но которой теперь.... по-крайней-мѣрѣ по моему убѣжденію... уже нельзя поправить. Женщина никогда не должна разставаться съ мужемъ... каковъ бы онъ ни былъ; но, однажды допустивъ до этого....

— Такъ они разстались? спросилъ Валеріанъ, еще болѣе изумленный этою неожиданною развязкою своихъ недоумѣній.

— Ахъ, не говорите объ этомъ! печально отвѣчала графиня Марія. Узнаете все отъ другихъ, потому-что уже начинаютъ говорить...... Такихъ вещей невозможно долго скрывать. Но вы видите, что намъ обѣимъ очень нужна ваша помощь, ваша дружба, ваши совѣты. Къ кому могу я обратиться? кому ввѣриться?.... Моему любезному зятю, маркизу? Хорошъ совѣтникъ! Притомъ, онъ сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ.... Не оставляйте насъ!

Валеріанъ съ чувствомъ пожалъ руку, которую она къ нему протягивала, и сказалъ:

— Пришлите за мною, когда я буду вамъ нуженъ.

— Нѣтъ, этого я не хочу. Посѣщайте меня по-прежнему, какъ-будто ничего не случилось. Не теряйте твердости духа: вы доказали, что она велика въ васъ..... когда захотите. Надобно только захотѣть. Мужайтесь. Изъ-дали или вблизи — вѣдь все-равно!... Мы обречены быть другъ для друга постояннымъ источникомъ многихъ, многихъ страданій.... и нѣсколькихъ утѣшеній.... тѣхъ утѣшеній, которыя доставляетъ дружба и которыя теперь я предпочитаю всѣмъ прочимъ.... Анна тоже: жизнь и ее надѣлила опытностью. Да и вы, мой другъ, тоже! Неправда ли?.... Я такъ думаю.

— О!... да! отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ и цѣлуя руку ея. Прощайте!... до свиданія.

Они разстались. Графиня Марія возвращалась въ гостиную совершенно довольная своимъ материнскимъ благоразуміемъ. Она съ перваго взгляда вполнѣ разгадала тайныя чувства потеряннаго зятя и несчастной дочери. Воспрепятствовать развитію этихъ чувствъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, не было возможности, если предоставить имъ естественное теченіе. Но она надѣялась управлять ими съ помощью своего искусства. Мудрость опытной матери присовѣтовала ей дать имъ другое, болѣе невинное, направленіе и, вызвавъ противника на благородство, устранить всю опасность. Это почитала она долгомъ, при всей снисходительности своихъ старинныхъ правилъ къ страстямъ, и, зная Валеріана, была увѣрена въ успѣхѣ. Но, въ гостиной, съ досадою увидѣла она дочь въ сле-

захъ. Анна стояла передъ раскрытымъ на столикѣ альбомомъ, держа руку на своемъ портретѣ, и плакала. Примѣтивъ мать, она подбѣжала къ ней и судорожно сжала въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ! маменька! какая встрѣча! вскричала она. Могла ли я ожидать ея?.... Могла ли думать, что, именно здѣсь, именно сегодня, буду плакать по другой причинѣ кромѣ радости видѣть васъ?.... Какой жестокій ударъ!

Мать была встревожена, и разтрогана сама этимъ взрывомъ долго подавляемаго чувства, но отвѣчала съ притворнымъ равнодушіемъ мудрецовъ:

— Чтò же тутъ за ударъ? Я не вижу ничего особеннаго. Мало ли кому случается въ жизни вдругъ встрѣтить человѣка, котораго мы нѣкогда любили....

— И не переставали любить.... подхватила Анна, рыдая.

— И это случается, продолжала мать. Тогда мы употребляемъ всю нашу волю, при помощи которой, для женщины, нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы не обнаружить этого, чтобы превратить слѣпую страсть въ благородное чувство, въ состояніе сердца болѣе тихое, но за то и болѣе прочное, даже болѣе усладительное, особенно по прошествіи первой молодости. Если захочешь умно вести себя съ нимъ, можешь имѣть теперь, подобно мнѣ, добраго и преданнаго друга. Мы даже и нѣсколько обязаны вознаградить его вѣрною дружбою за страданія, которыя причинили, за счастіе, котораго онъ лишился и ничѣмъ замѣнить не можетъ. Онъ говоритъ, что теперь уже не въ со-

стояніи ощущать любви. Тѣмъ лучше! Для тебя, можетъ-быть, и совсѣмъ нечего сожалѣть о прошедшемъ. Вышедши за него, ты вѣроятно перестала бы любить.... потому-что ужъ всегда таковъ конецъ! А мужчинъ, подобныхъ ему, такъ мало на свѣтѣ, что, изъ такого человѣка, право, жаль дѣлать мужа.... созданіе.... которое рано или поздно надо разлюбить, по положенію, лишивъ душу восторговъ и, слѣдственно, счастія. Еслибъ мы, женщины, были умны, то такихъ мужчинъ всегда берегли бы себѣ для дружбы. Въ мужья годятся и другіе. Не много въ нихъ пользы!...... ты сама знаешь. За что̀ ты прогнала своего?

— Я?.... я его прогнала! вскричала Анна, блѣднѣя. Кто вамъ это сказалъ?

— Я знаю все, отвѣчала мать, смягчая голосъ и переходя отъ разсужденія къ нѣжности. Говори со мной, мой ангелъ, откровенно. Вовсе не думаю дѣлать тебѣ упрековъ: я всегда этого ожидала.... или, скорѣе, боялась.

— Но я его не прогоняла!

— Однакожъ ты здѣсь, а онъ теперь въ Парижѣ: маркизъ получилъ письмо оттуда, и увѣряетъ, что Эдуардъ тамъ слыветъ холостякомъ, получаетъ большіе успѣхи у женщинъ, предался отчаянной игрѣ, и о тебѣ вовсе не думаетъ. Катенька имѣетъ извѣстія изъ Германіи отъ своихъ пріятельницъ: по ея реляціи, вы поссорились за долги, которые Эдуардъ сталъ вновь дѣлать, ты отказала ему въ деньгахъ и велѣла убираться. Говорятъ, ты сдѣлалась ужасно скупою и жадною.

— О томъ, какъ онъ ведетъ себя въ Парижѣ,

я ничего не знаю, и знать не хочу, спокойно отвѣчала Анна. Я готова вѣрить, что извѣстія Катеньки справедливы. Насчетъ новыхъ долговъ, васъ не обманули. Но все остальное — ложь. Въ скупости и жадности никто упрекать меня не можетъ. Мы не ссорились, и я не велѣла ему убираться: напротивъ, онъ неожиданно далъ мнѣ отпускную, самъ, добровольно, уѣхалъ отъ меня, и едва-ли съ намѣреніемъ воротиться. Когда дѣла наши нѣсколько поправились послѣднимъ благодѣяніемъ покойнаго батюшки, Эдуардъ, по страсти своей къ роскоши и блеску, началъ снова мотать. Требованія его сдѣлались непомѣрными и настойчивыми: онъ старался убѣдить меня въ необходимости поддерживать свое достоинство, но, послѣ столькихъ бѣдствій, убѣжденія эти не могли казаться мнѣ непреложными. Я не могла согласиться на его желанія, да и не имѣла права: вы знаете, что покойный батюшка, все что̀ сберегъ, оставилъ не мнѣ, а моимъ дѣтямъ, а меня назначилъ только попечительницею ихъ имѣнія. Эдуардъ сердился, хотѣлъ употребить власть свою, негодованіе его на мнимую скупость мою нерѣдко выходило изъ всѣхъ границъ приличій; но я отразила всѣ приступы моимъ непоколебимымъ спокойствіемъ. Онъ принужденъ былъ уступить. Зависимость отъ меня казалась ему несносною. Обращеніе со мною приняло видъ досады и, даже, озлобленія. Внѣшнія связи, очень сомнительнаго качества, всегда занимали Эдуарда гораздо болѣе, чѣмъ семейныя обязанности. Я терпѣла все безъ малѣйшей жалобы и безъ упрековъ: вы знаете мой характеръ и мо-

жете мнѣ вѣрить. Мы жили безъ ссоръ, но уже какъ совершенно чуждые другъ для друга. Заплативъ долги, которые мужъ сдѣлалъ, я приняла мѣры противъ возобновленія подобнаго случая. Мы ѣхали къ вамъ, и остановились въ Дрезденѣ. Эдуардъ завелъ тамъ знакомства, которыми я имѣла бы полное право обидѣться, принялся мотать, и принудилъ меня написать къ вамъ, что мы остаемся въ Дрезденѣ на всю зиму, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, и явимся сюда только весною. Впрочемъ, и нельзя было двинуться съ мѣста: мой мужъ истратилъ на прихоти своихъ знакомствъ почти всю нашу дорожную сумму. Надобно было ждать присылки денегъ. Между-тѣмъ онъ игралъ въ карты и, однажды, выигралъ довольно много. Это дало совсѣмъ другое направленіе его мыслямъ. Онъ хотѣлъ показать мнѣ, что можетъ не зависѣть отъ жены и не нуждается въ ея щедротахъ. Его новыя знакомства уѣзжали въ Парижъ: онъ объявилъ вдругъ, что не поѣдетъ въ Вѣну, что я могу продолжать путь одна, а онъ останется до весны въ Дрезденѣ, гдѣ ему весело, или, смотря по обстоятельствамъ, отправится во Францію. Онъ даже снабжалъ меня деньгами на путешествіе, убѣждая поспѣшить къ вамъ. Вы согласитесь, маменька, что тутъ уже нечего было ждать долѣе. Я повиновалась съ перваго слова. Просьбы мои не могли бы измѣнить его намѣреній. На томъ поприщѣ, куда увлекли его новыя страсти, кромѣ стыда и разоренія не могла я ожидать ничего для себя и для моихъ дѣтей: навѣрное пришлось бы выкупàть ихъ отца, ихъ же имѣніемъ, гдѣ-нибудь

изъ тюрьмы, или быть свидѣтельницею публичнаго соблазна. Эдуардъ сталъ для меня ужасенъ. Одинъ видъ его заставлялъ меня дрожать. Рѣшите теперь сами, маменька: должна ли я была оставаться долѣе при немъ, противъ его желанія?.... должна ли была удерживать его при себѣ?

Мать глубоко вздохнула.

— До послѣдней минуты, увѣряю васъ, продолжала Анна: мы сохраняли наружное согласіе; я сочла нужнымъ употребить всю кротость, все терпѣніе, чтобы не показать мужу того, что̀ уже чувствовала и знала, а именно—что меня покидаютъ. Это было единственное средство отклонить явный разрывъ. Я собралась въ дорогу безъ роптанія. Эдуардъ провожалъ меня до первой станціи отъ Дрездена. Онъ не говорилъ, когда и гдѣ увидимся, и я, съ моей стороны, не спрашивала. Мы разстались какъ добрые знакомые. Вотъ вся истина, которой Богъ и моя совѣсть свидѣтели...

Анна принуждена была остановиться; слезы подавляли ея голосъ. Мать не нарушала ни однимъ словомъ своего торжественно-печальнаго молчанія. Спустя нѣсколько времени, Анна присовокупила:

— Я медленно и грустно добралась до Праги, но далѣе не могла ѣхать. Ужасное чувство—быть покинутой мужемъ — разстроило мое воображеніе и здоровье. Я приходила въ отчаяніе, желала умереть, и первое появленіе лихорадки обрадовало меня какъ доска спасенія. Но вскорѣ физическія страданія заглушили бурю души: я вдругъ ощутила мрачное спокойствіе, мало-по-малу привыкла къ

своему новому положенію, и наконецъ перестала думать о томъ, что̀ случилось. Случай доставилъ мнѣ извѣстіе, что мой мужъ, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, поскакалъ въ Парижъ за моей недостойной соперницей: я выслушала это, признаюсь, такъ равнодушно, какъ-будто дѣло шло о постороннемъ для меня человѣкѣ. Я чувствовала, что между нами все кончено. Болѣзнь, однако жъ, при тревожномъ и медленномъ выздоравливаніи, задержала меня болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Прагѣ. Я не хотѣла писать къ вамъ, добрая маменька, чтобы не опечалить васъ неожиданно моимъ несчастіемъ, и въ той надеждѣ, что горесть ваша будетъ сноснѣе, когда, при личномъ свиданіи, вы раздѣлите ее со мною и я доставлю ей всѣ нужныя объясненія.

Графиня Марія нѣжно прижала дочь къ сердцу и заплакала вмѣстѣ съ нею.

— Я и очень рада, сказала она, что ты уже успокоилась и не требуешь утѣшеній. Я совершенно одобряю твое поведеніе. Сожалѣю только объ одномъ: зачѣмъ ужъ лучше ты не поссорилась въ заключеніе? Надобно было вспылить, сдѣлать сцену, разъиграть трагедію.

— Какъ, трагедію?

— Да, такъ!... какъ водится!... какъ искони принято въ подобныхъ случаяхъ. Кчему эта кротость? Ты говоришь, все кончено: къ несчастію, ничего тутъ не кончено. Послѣ ссоры, послѣ упрековъ, послѣ обнаруженія всей его низости, онъ не смѣлъ бы являться къ тебѣ на глаза: а теперь, какъ вы разстались друзьями, того и жди, что, надѣлавъ глупостей и долговъ, преспокойно протянетъ въ

первой бѣдѣ законныя объятія къ своей кроткой овечкѣ, которая, какъ ему навѣрное кажется, ничего не понимаетъ и всегда вдается въ обманъ. Разлука, конечно—большое несчастіе, но разлука безъ ссоры—большая ошибка! Какъ теперь сдѣлать, чтобы преградить этому негодному человѣку обратный путь къ тебѣ?... Валеріанъ, одинъ, можетъ подать намъ добрый совѣтъ.

— Боже мой! вы хотите, маменька, сообщить ему такую унизительную для меня тайну?

— Тайну, которую уже знаютъ весь Дрезденъ и весь Парижъ, и которую вскорѣ будетъ знать половина Вѣны?... Не забудь, Анна, что съ твоей красотою нельзя нигдѣ остаться незамѣченною, и что пріятельницы Катеньки уже расписываютъ о твоей тайнѣ очень любопытныя записочки. Скрывать такія вещи отъ благородныхъ и умныхъ друзей, которые могутъ намъ помочь, смѣшно и опасно. А впрочемъ не безпокойся: онъ уже знаетъ....

— Уже знаетъ? Скоро же по міру ходитъ недоброе!.... Что̀ же онъ думаетъ обо всемъ этомъ?

— То, что̀ долженъ думать всякій умный человѣкъ, который тебя знаетъ.

— Я опасаюсь его страданія. Презрѣнія его не боюсь. Я чувствую, что тверже перенесла бы его насмѣшки, чѣмъ состраданіе. Если онъ сталъ золъ или считаетъ себя обиженнымъ, то теперь имѣетъ полный предлогъ насмѣхаться надо мною. Я гордо попрала его прекрасную любовь: и какъ наказана!... О! да, да! пусть онъ знаетъ, какъ я несчастна. Разскажите ему все, маменька. Нѣкогда онъ понималъ и умѣлъ цѣнить мои побужденія: быть

не можетъ, чтобы онъ забылъ ихъ. Но если мое отреченіе отъ его любви было для него полезно, если оно сдѣлало его великимъ человѣкомъ и онъ наполнилъ своимъ именемъ Европу, если новая и неожиданная слава доставила ему минуты высокаго упоенія.... о! пусть же онъ знаетъ, какими страданіями, какими бѣдствіями купила я ему у судьбы все это. Что̀ былъ бы онъ теперь, еслибъ я, какъ монастырка, вышла за него тогда, ничего не разбирая въ человѣкѣ, который мнѣ понравился, все въ женихѣ своемъ находя прелестнымъ, и безотчетно восхищаясь всѣми слабостями возлюбленнаго? Вѣрно, это замѣчаніе не-разъ и ему приходило въ голову. Что̀ былъ бы онъ теперь?... мой мужъ, и только! Я хорошо поступила.... Вы правы, маменька, прибавила она, улыбаясь сквозь слезы: изъ такихъ мужчинъ какъ онъ, жаль дѣлать мужей, даже и для себя. Ахъ! если бы, хоть за все, что̀ я перенесла для его блага, и что̀ должна еще перенесть, онъ согласился быть мнѣ истиннымъ другомъ!.... я была бы еще горда собою, вознаграждена и счастливѣйшая изъ женщинъ....

— Ты еще его очень любишь, я вижу? печально спросила мать.

— Чрезвычайно! съ жаромъ отвѣчала Анна. Имъ только и живу! Мнѣ ли можно было разучиться любить его? Съ той минуты, какъ я узнала, что желаніе сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, достойнымъ той любви, которую я къ нему чувствовала, развило въ немъ истинно мужскую душу, исторгло изъ толпы, куда онъ было-бросился по минутной слабости, и возвеличило между людьми, онъ сталъ

мнѣ дороже чѣмъ когда-либо. Всѣ мои страданія ничего не значили въ сравненіи съ добромъ, которое принесла ему первая ихъ причина. Они казались мнѣ долгомъ, потому-что служили къ его торжеству и счастію. Если я передъ нимъ виновата, часто думала я: если заслужила наказаніе за огорченіе, которое нанесла ему, такъ пускай буду наказана: чѣмъ гнѣвнѣе справедливый Богъ унизитъ меня, тѣмъ болѣе возвыситъ за то его....

— Ты немножко вдаешься въ восторженности, кротко замѣтила мать.

— Онѣ очень естественны въ горѣ и несчастіи, маменька. Онѣ — утѣшеніе, даже спасеніе слабыхъ, страждущихъ душою. Съ этими завѣтными чувствами, которыя вамъ кажутся восторженностями, я твердо, спокойно и, смѣю сказать, безъ пятна, прошла черезъ все это страшное испытаніе, которое небо послало моей слабости. Они меня защитили отъ всѣхъ соблазновъ и даже отъ отчаянія. Я столько же обязана его благородной любви, сколько онъ моей. Мы должны быть друзьями, и если вы это устроите, маменька, я буду вамъ обязана счастіемъ, о которомъ много мечтала, но котораго никогда не смѣла надѣяться....

— Я думаю, сказала графиня Марія, съ примѣтною веселостью: что это сдѣлается само собою, безъ всякаго устройства. Вы оба, кажется, такъ хорошо расположены другъ къ другу, что навѣрное не поссоритесь съ перваго разу изъ-за пустяковъ. Остальное зависитъ отъ твоего благоразумія.

Анна усмѣхнулась, и разсказала матери о томъ,

какъ вошла въ гостиную и въ какомъ положеніи застала неожиданнаго гостя. Онѣ пустились въ разныя зло-невинныя замѣчанія, которыя женщины умѣютъ дѣлать съ такою прелестью насчетъ тѣхъ, кого любятъ.

— Онъ немножко дикарь, сказала въ заключеніе графиня Марія. Онъ несчастенъ душою, то есть, душа ему въ тягость, не знаетъ, бѣдный, что̀ съ нею дѣлать и куда ее дѣвать, какъ всѣ неразвращенные холостяки, которые до сорока лѣтъ сохранили душу.... что̀ у мужчинъ — чрезвычайная рѣдкость. Всѣ люди, среди самаго полнаго внѣшняго благополучія, всегда томятся желаніемъ внутренняго, душевнаго счастія, хоть, обыкновенно, ему не вѣрятъ и не умѣютъ имъ пользоваться, когда оно предстанетъ.

— А онъ такой добрый, такой благородный! присовокупила Анна, вздыхая снова. Онъ такъ достоинъ быть вполнѣ счастливымъ, не только во внѣшнемъ мірѣ, но и въ своемъ внутреннемъ, въ которомъ только умная и нѣжная женщина можетъ разлить настоящее блаженство! Ваша дружба, маменька, должна приносить ему большое наслажденіе. Боже мой! чего не сдѣлала бы я для его удовольствія, для его счастія!... все, все на свѣтѣ!...

— Ну! я полагаю, что въ твоей дружбѣ найдетъ онъ несравненно болѣе наслажденія чѣмъ въ моей, замѣтила мать, улыбаясь и призадумываясь.

О чемъ же она думала?.... Читатели—читательницъ я не боюсь, онѣ понимаютъ дѣло—читатели тотчасъ вообразятъ, будто, при этой готовности влюбленной и восторженной дочери сдѣлать все

на свѣтѣ для *его* счастія, матери пришли въ голову какія-то странныя наслажденія — не то, чтобъ лишнія — для счастія нѣтъ ничего лишняго — а, такъ сказать, не совсѣмъ правильныя въ дружбѣ. Такія мысли не могли никогда родиться въ умѣ опытной женщины. Она ничего не боялась, и если читатели боятся, то они, значитъ, не имѣютъ яснаго понятія о разницѣ между любовью и дружбою, о сущности той и другой. Дружба, самая настоящая дружба, можетъ существовать между влюбленными: это несомнѣнно. Любить душою — любить сердцемъ — любить головою — любить любовью — любить дружбою, это — такія пустыя выраженія, которыхъ и разбирать не стоитъ. Кто любитъ, тотъ любитъ, и всегда любитъ однимъ и тѣмъ же мѣстомъ, головою, то есть воображеніемъ, то есть душою. Сердце, самый безчувственный мускулъ въ тѣлѣ, ничего ни любить ни ненавидѣть не можетъ: оно совершенно зависитъ отъ головы, отъ души, отъ воображенія, во всемъ, чт̀о касается до приписываемыхъ ему ощущеній, желаній, чувствованій. Двухъ душъ нѣтъ въ человѣкѣ: такъ нѣтъ и двухъ способовъ любить всей душою, какъ любятъ въ страстной любви или въ страстной дружбѣ. Обожаніе друга или обожаніе любовника всегда и во всякомъ случаѣ — одинаковое состояніе души и, относительно къ чувству, между дружбою и любовью нѣтъ различія ни на волосъ. Пламенная дружба, пламенная любовь — чувства совершенно тождественныя, все та же любовь. Но оно можетъ сочетаться, въ людяхъ вообще и въ женщинахъ въ особенности, съ другимъ какимъ-нибудь чув-

ствомъ, напримѣръ, съ любопытствомъ. Исторически извѣстно, что любовь, въ общепринятомъ значенiи этого слова, родилась изъ чистой любви-дружбы черезъ присоединенiе къ ней любопытства. Это — фактъ. Онъ вѣченъ и неизмѣненъ. Основываясь на немъ, очень легко сдѣлать точное, простое и удивительно краткое опредѣленiе любви и дружбы двухъ половъ: любовь съ любопытствомъ, это — любовь; любовь безъ любопытства, это—дружба. Вотъ и все тутъ. Какое же любопытство могло быть у женщины, давнымъ-давно вышедшей замужъ? Яснѣе я не умѣю выразиться; но дѣло въ томъ, что за прекрасную Анну нечего было опасаться, и графиня Марiя призадумалась совсѣмъ о другомъ. Она, просто, не знала, какъ сказать дочери объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ—не знала, съ чего начать—и, подумавъ немножко, начала такъ:

— Ты говоришь, мой другъ, что все сдѣлала бы для *его* счастiя. О счастiи его и сама я давно размышляю. Его надо женить. Можетъ-статься онъ думаетъ, что, нѣкоторымъ образомъ, я лишила его счастiя, что, безъ меня, ты была бы теперь его женою: я знаю, что покойная твоя тетка, его прiятельница, мнѣ одной приписывала всю неудачу вашей любви. Это несправедливо, какъ тебѣ самой извѣстно; но можетъ-быть онъ такъ думаетъ до-сихъ-поръ, и поэтому я считаю себя, какъ-бы обязанною постараться теперь замѣнить ему давно потерянное счастiе другимъ, новымъ, свѣжимъ. У меня составился маленькiй планъ. Мнѣ хотѣлось бы вознаградить его за тебя очень милою,

прелестною, женщиною, умненькою, молоденькою, и, между прочимъ, богатою..... съ которою ты скоро познакомишься и, я увѣрена, подружишься. Сюда пріѣхала молодая вдова, Полина Ч***, племянница мужа твоей покойной тётки. Ты навѣрное объ ней и не слыхала: ее почти прямо изъ института выдали замужъ за больнаго человѣка, который помучилъ ее порядкомъ. Это также — одно изъ немаловажныхъ ея достоинствъ. Покойникъ вышколилъ ее отлично, она пріобрѣла опытность въ счастіи горемъ, и будетъ хорошая жена для человѣка, который восхититъ ее собою; а она въ ужасномъ восхищеніи отъ Валеріана. Она просто влюблена въ него. Хорошо, что ты пріѣхала во-время. Если ты его такъ любишь и все готова сдѣлать для его счастія.... и.... разумѣется.... если найдешь сама, что Полина Ч*** стòитъ его... ты поможешь мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Ему непремѣнно нужно жениться: онъ погибнетъ отъ скуки своей холостой жизни.

Во время этой мудрой рѣчи, лицо Анны постепенно помрачалось, а при заключеніи она чуть не заплакала. Конечно, можно охотно все на свѣтѣ сдѣлать для счастія обожаемаго друга, но все же съ нѣкоторыми ограниченіями: напримѣръ, очень досадно подѣлиться его счастіемъ съ другою. Чтò за другъ — женатый мужчина!... особенно, мужчина только-что женившійся на молодой и прекрасной женщинѣ!... Къ чему онъ годится? Мужчины дотѣхъ-поръ только и интересны, пока не женаты. Женись Листъ сегодня: завтра всѣ женщины найдутъ, что онъ играетъ безъ чувства и что его

длинные волосы ужасны. Примѣтивъ, что Анна молчитъ, мать присовокупила.

— Какъ ты объ этомъ думаешь, мой другъ?

— Я думаю, маменька, то же что̀ вы, равнодушно отвѣчала Анна. Но я еще не знаю Полины Ч***. Чтобы составить основательное мнѣніе о такомъ предметѣ, мнѣ нужно сперва наблюдать ее.... наблюдать его.... Увижу. Если убѣждусь, что она дѣйствительно достойна его и можетъ сдѣлать его счастливымъ.... Но кчему спѣшить, добрая маменька? прибавила она съ живостью: время терпитъ. Позвольте сперва мнѣ, бѣдной, нѣсколько насладиться его обществомъ, не дѣлясь вниманіемъ его съ другой....

— О! это само собою разумѣется! сказала графиня Марія, обнимая дочь, огорченную безъ умысла. Я и не думала спѣшить. Посмотришь, увидишь, и рѣшишь сама. Все здѣсь зависитъ отъ тебя.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ пріѣздомъ дѣтей Анны, двухъ прелестныхъ малютокъ, отъ которыхъ графиня Марія пришла въ такое восхищеніе, что на долгое время забыла о всѣхъ своихъ планахъ. Анна, напротивъ, находилась въ самомъ тревожномъ состояніи духа: эта встрѣча, эти планы матери, въ благоразуміи которыхъ нельзя было не согласиться, эта новая и неожиданная неизвѣстность насчетъ чувствованій и будущей судьбы любимаго человѣка, разстроили ее совершенно. Съ Полиной Ч*** познакомилась она, какъ съ врагомъ, недовѣрчиво и со страхомъ; но вскорѣ увидѣла, что Полина вовсе не коварная и не опасная женщина — милая, рѣзвая, откро-

венная болтупіка — слишкомъ откровенная — слѣдовательно, недальновидная и созданная длятого, чтобы ею управляли другіе. Черезъ нѣсколько дней знакомства Полина была уже въ рукахъ Анны, которую легкость этого завладѣнія значительно успокоила. Она убѣдилась, что эта женщина, въ нужномъ случаѣ, можетъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ ея воли и, при всѣхъ своихъ прелестяхъ, никогда не будетъ имѣть большой власти надъ умомъ Валеріана, по-крайней-мѣрѣ власти, вредной для бывшей его невѣсты. Полина даже не угадала вовсе настоящаго чувства Анны къ Валеріану, ни обратно. Она вѣрила, что все прошедшее давно кончено, забыто и невозвратимо — потому, что сама неспособна была любить слишкомъ сильно и долго — какъ и три-четверти женщинъ, по-крайней-мѣрѣ — или, если угодно, какъ всѣ обыкновенныя женщины. Это зависитъ отъ большой нѣжности ихъ существа, простое слѣдствіе которой — необыкновенная подвижность воображенія и неспособность его очень долго удерживать впечатлѣнія. Либихъ почти того мнѣнія, что женское воображеніе — некристаллизирующаяся жидкость въ безпрерывномъ броженіи. Буддійскіе мудрецы утверждаютъ, что мужчина созданъ Хормуздою изъ огня, а женщина изъ воды: подложи огонь подъ воду, она кипитъ, но продолжительнаго кипѣнія не можетъ вынести — или испарится и улетитъ въ небеса — или побѣжитъ черезъ края, потушитъ огонь, простынетъ, и придетъ снова въ совершенное спокойствіе, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, до под-

ложенія новаго огня. Огонь и вода — враги: оттого мужья и жены не могутъ жить въ согласіи. Эти нѐхристи все на свѣтѣ объясняютъ такимъ образомъ! Однакожъ, въ ихъ ученіи есть одна дѣльная статья: огонь, говорятъ они, созданъ сіять, освѣщать, жечь, уничтожать и производить, словомъ, творить чудеса: обязанность его — нагрѣвать воду постоянно и такъ искусно, чтобы она всегда кипѣла въ ровной мѣрѣ, не испаряясь и не проливаясь; тогда и огонь веселъ и вода въ восторгѣ отъ него: любуется на блескъ, и *любитъ огонь.* Когда водѣ посчастливится попасть на такой отличный огонь, то она можетъ кипѣть до безконечности. Въ заключеніе, буддійскіе философы допускаютъ — и нынѣшній далай-лама написалъ объ этомъ книгу на тибетскомъ языкѣ — что между огнями, созданными Хормуздою изъ своего дыханія, есть такіе дрянные огнишки, которые ни свѣтятъ, ни жгутъ: они — настоящее мученіе воды, однажды пришедшей съ ними въ прикосновеніе; бѣдная вода, немножко согрѣтая или понемножку и неровно нагрѣваемая, такимъ ничтожнымъ, темнымъ огонькомъ, ни холодна, ни кипятокъ; все надѣется закипѣть, все ждетъ, что еще будетъ веселою, счастливою, и высыхаетъ до дна въ этомъ безплодномъ стремленіи къ наслажденію. *Омъ мани падма хумъ!* да сохранитъ великій Хормузда всякую свѣтлую и сладкую воду отъ подобнаго испытанія, потому-что изъ воды и создано небо! говоритъ далай-лама.

Но оставимъ въ покоѣ эти азіятскія умозрѣнія. Я должень сказать вамъ, что если положеніе Анны

въ первые дни пребыванія ея въ Вѣнѣ, было довольно мучительное, Валеріанъ тоже не наслаждался отличною веселостью. Встрѣча съ Анной произвела въ немъ сильное сотрясеніе. Природная склонность къ уединенію и задумчивости всегда поддерживали въ душѣ его нѣжную память о той, которая своей красотою и своей любовью озарила его молодость. Онъ былъ увѣренъ, что другой такой женщины не встрѣтитъ на свѣтѣ и что любви для него уже не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Анны трудно было влюбиться въ другую мужчинѣ, такъ мало матеріяльному какъ онъ. Жениться безъ любви онъ не хотѣлъ, находилъ это отвратительнымъ, и рѣшился-было доживать вѣкъ въ холостомъ чинѣ. Въ минуты одиночества, скуки, душевнаго томленія, когда человѣкъ ищетъ въ мірѣ своего воображенія увлекательныхъ образовъ и забвенія настоящаго, образъ Анны являлся ему добровольно, и часто при этихъ случаяхъ трогательная слеза собиралась на глазахъ его: онъ чувствовалъ въ сердцѣ невольную привязанность къ несравненной женщинѣ, которая имѣла такое вліяніе на его судьбу, думалъ объ ней съ признательностью и уваженіемъ, сострадалъ къ ея несчастіямъ, любилъ знать все, что до нея касалось, и искренно желалъ ей какого-нибудь утѣшенія. Она была любимымъ предметомъ бесѣдъ его съ Софіей, съ которою онъ такъ часто видѣлся въ послѣднее время. Тайное влеченіе къ Аннѣ сблизило его въ Вѣнѣ и съ графинею Маріей, хотя съ нею не могло быть подобныхъ разговоровъ. Изъ этого видно, что,

не будучи влюбленнымъ въ давнопрошедшую невѣсту, онъ тоже не переставалъ любить ея, даже любить очень нѣжно, и что въ душѣ сдѣланы были всѣ приготовленія къ тому, чтобы опять влюбиться при первомъ удобномъ случаѣ. Эта бѣда съ нимъ и приключилась. Нѣсколько минутъ свиданія воскресили всю прежнюю страсть, и онъ почувствовалъ себя несчастнымъ. Подобное увлеченіе, въ положеніи Анны, не могло принести ему ничего кромѣ страданій: онъ зналъ это, и приходилъ въ отчаяніе, что не можетъ преодолѣть склонности, съ которою уже сроднился. Совѣтъ графини Маріи — прибѣгнуть къ очарованіямъ дружескаго союза двухъ душъ казался ему мудрымъ, и онъ рѣшился принять предложеніе немедленно, какъ единственное средство къ успокоенію и себя и Анны. «Не оставляйте сиротъ!» были послѣднія слова матери. Вспомнивъ ихъ, Валеріану невозможно было и колебаться долѣе: онъ самъ пошелъ къ Аннѣ, они безъ всякихъ объясненій подали другъ другу руку, и черезъ пять минутъ были уже такіе друзья, какихъ нѣтъ примѣра во всей древней исторіи.

Здѣсь я хотѣлъ распространиться о великомъ между философами вопросѣ—дружбѣ между лицами двухъ различныхъ половъ. Многія читательницы, вѣроятно, и ожидаютъ отъ меня полной диссертаціи о такомъ важномъ предметѣ. Но, сообразивъ одно съ другимъ, я не вижу, что̀ тутъ можно сказать новаго, послѣ буддійскихъ мудрецовъ, которыхъ теорія о водѣ и огнѣ утверждена самимъ далай-ламою, и послѣ нашего опредѣленія любви

и дружбы. Любовь безъ любопытства!... и дѣлу конецъ. Всякая любовь можетъ быть дружбою, какъ-скоро къ ней не примѣшивается любопытство, безпокойное чадо воображенія, пытка и кукла рода человѣческаго. Стòитъ только не давать воли воображенію — а въ бòльшей части случаевъ это такъ легко! — и, при любви, дружба готова. При дружбѣ точно такъ же готова любовь, когда злой духъ возбуждаетъ воображеніе, подстрекая любопытство. Въ раю, любовь была дружбою, пока была чистою. Очистивъ немножко любовь такъ, чтобы она опять была дружбою, каждые два человѣка могутъ еще возсоздать для себя рай на землѣ. Умныя женщины совершенно правы, предпочитая вообще дружбу любви: чувство — то же; восторгъ, очарованіе, внутреннее самодовольство, сладкія вибраціи сочувствія, блаженство — тѣ же; словомъ, настоящая любовь безъ всѣхъ неудобствъ и тяжестей любви.

Но полно разсуждать. Приступимъ къ фактамъ. Анна и Валеріанъ, въ садахъ своей прекрасной дружбы, были счастливы какъ въ раю. Сколько любопытныхъ, занимательныхъ, трогательныхъ вещей могли они умно, нѣжно, но спокойно, разсказать каждый разъ другъ другу изъ исторіи своего сердца и своей жизни! Блаженство этихъ волшебныхъ бесѣдъ было для нихъ несравнимо ни съ чѣмъ на свѣтѣ. Каждый изъ двухъ принималъ живѣйшее участіе во всемъ, чтò касалось другаго, былъ самымъ понятливымъ его слушателемъ, самымъ милымъ для него разсказчикомъ, самымъ скорымъ угадчикомъ его мыслей, самымъ

тонкимъ предупредителемъ его желаній, нуждъ и удовольствій. Почему жъ это не рай!... Прибавьте, что какъ свиданія, изъ приличія, не были ни слишкомъ часты, ни слишкомъ продолжительны, то никто изъ нихъ не видалъ, какъ другой зѣваетъ: а Турки вѣрятъ, что земной рай, со всѣми своими волшебствами, съ любовью, со счастіемъ, съ кейфомъ, исчезъ отъ перваго зѣвка!

Счастіе Анны, однакожъ, не было совсѣмъ безоблачно. Самъ Валеріанъ нагналъ на него тучу. Графиня Марія требовала отъ него совѣта насчетъ мѣръ, которыя надлежало принять, чтобы обезпечить Анну отъ возвращенія къ ней Эдуарда со срамомъ и съ долгами, и Валеріанъ, привыкшій брать все приступомъ, рѣшилъ, что надо просить о разводѣ: законные поводы были въ ея пользу; Эдуардъ бросилъ жену, не даетъ о себѣ знать, ведетъ жизнь неприличную, подаетъ соблазнъ. По мнѣнію Валеріана, эти поводы слѣдовало употребить въ дѣло безъ отлагательства, потому-что они исчезнутъ, если мужъ вдругъ проиграется и будетъ принужденъ искать у жены прибѣжища. Валеріанъ настаивалъ на разводѣ. Но время текло, графиня говорила, что ей нужно постепенно приготовить дочь къ такой важной мѣрѣ, и прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ безъ всякаго рѣшенія. Одна мысль объ этомъ ужасала Анну: она не хотѣла отнять отца у своихъ дѣтей, не хотѣла завѣщать опасный семейственный примѣръ дочери, опасалась быть принужденною, при разводѣ, выдать своего сына безнравственному отцу, будучи увѣрена, что онъ непремѣнно потребуетъ своего

любимца. Графиня Марія совсѣмъ не была противницею развода, хоть почитала эту крайность большимъ несчастіемъ для семейства: она наконецъ дала уразумѣть дочери, что когда Валеріанъ такъ горячо желаетъ полнаго ея освобожденія, то онъ, вѣроятно, готовъ самъ на ней жениться. Этихъ словъ было достаточно, чтобы произвести страшную бурю въ душѣ бѣдной Анны. Должна ли она еще разъ отказаться отъ единственнаго въ мірѣ счастія — для дѣтей — для своего долга — для самого Валеріана? Съ дѣтьми и съ долгомъ можно бы какъ-нибудь сдѣлаться, по существующимъ на подобный случай примѣрамъ. Она не перестанетъ быть для нихъ образцовою матерью. Въ знаменитомъ своемъ отчимѣ они имѣли бы и лучшій примѣръ и вѣрнѣйшую опору, чѣмъ въ такомъ отцѣ какъ Эдуардъ или чѣмъ въ покинутой, беззащитной матери. Но Валеріанъ?... Онъ, конечно, изъ любви къ ней, приметъ чужихъ дѣтей великодушно и будетъ имъ нѣжнымъ отцомъ: но не обременятъ ли они его?... онъ не богатъ; слава далеко не увеличила его состоянія.... будетъ ли онъ счастливъ съ этою прибавкою заботъ? не огорчатъ ли эти дѣти его когда-нибудь своимъ поведеніемъ? не станутъ ли со-временемъ ненавидѣть собственныхъ его дѣтей, не внесутъ ли въ домъ неудовольствій, завистей, раздоровъ?... О! отказаться слишкомъ трудно! Но согласиться не легко для совѣстливо любящей души, которая чувствуетъ всю обширность своихъ нравственныхъ обязанностей. Анна провела нѣсколько дней въ самомъ мучительномъ бореніи съ самой собою: она плакала,

впадала въ отчаяніе, и даже мудрость матери не могла тутъ ничего помочь; напротивъ, еще увеличивала пытку, потому-что графиня Марія, взамѣнъ каждой важной невыгоды, находила по два десятка маленькихъ, но весьма пріятныхъ выгодъ въ послѣдованіи совѣту Валеріана. Нѣсколько дней сряду была она грустна и молчалива въ его присутствіи, и онъ тщетно старался вывѣдать причину этого состоянія. Но однажды, когда имъ удалось провести весь вечеръ безъ свидѣтелей — втроемъ — онъ, она, и дружба — въ этотъ длинный какъ книга, короткій какъ счастіе вечеръ, который остался незабвеннымъ въ лѣтописи человѣческаго сердца — словомъ, однажды, когда Анна вышла къ нему съ заплаканными глазами и съ блѣднымъ лицомъ, измученнымъ безсонницею, онъ, отъ имени дружбы и всего, что̀ для нихъ было свято, потребовалъ доставить доказательство полной и безусловной довѣренности, заклиная ее спокойствіемъ всей своей жизни.

— Хорошо, сказала она: я ничего не утаю, но эта откровенность будетъ послѣднимъ роковымъ приговоромъ всему моему счастію.

— Что̀ вы это говорите, мой добрый другъ? вскричалъ встревоженный Валеріанъ, судорожно схвативъ ея руку. Во мнѣ ли вы сомнѣваетесь?

— О! нѣтъ! Напротивъ, все горе въ томъ, что я не могу въ васъ сомнѣваться.

— Такъ горя для васъ нѣтъ никакого, пока я живъ. Говорите теперь все. Я за все отвѣчаю. Я теперь ужъ не отстану. Вы молчите?... Такъ постойте же: я понимаю, что для васъ трудно

произнесть первое слово. Лучше, стану говорить я за васъ. Вы озабочены моимъ настойчивымъ предложеніемъ развестись съ вашимъ недостойнымъ мужемъ?

— Вы этого желаете непремѣнно?

— Непремѣнно, нѣтъ; но если вы меня любите.

— Если я васъ люблю! Такъ это ужъ не совѣтъ друга, а приговоръ судьбы? Мнѣ остается только слѣпо повиноваться?

— Какъ-скоро это слово — для васъ судьба, то покоритесь ему какъ судьбѣ. На этотъ разъ, особенно когда мы сами примемся дѣлать для себя судьбу, судьба можетъ-статься будетъ благосклоннѣе и справедливѣе къ намъ обоимъ.

— Великодушный человѣкъ! сказала Анна, устремляя на него свои чудесные глаза, покрытые блестящею слезою страсти, признательности и печали: вы хотите дать пристанище любви и блаженства женщинѣ обезславленной, покинутой, преслѣдуемой: существу предназначенному быть всегда....

— Не употребляйте этихъ словъ со мною, Анна! съ ужасомъ возразилъ Валеріанъ. Вы для меня до-сихъ-поръ та же, безъ всякихъ измѣненій, какою были, когда я васъ оставилъ.... когда вы меня отвергли....

— Для вашего же блага....

— Согласенъ. Но вы видите, что я исправился. Я теперь.... не *малодушный*.

— Но.... зато.... жестокій, замѣтила она, прелестно улыбаясь.

— Да еще и злопамятный, прибавьте, примол-

вилъ Валеріанъ весело: ничего не забылъ!... даже того какъ вы удивительны, какъ прекрасны.... и умомъ, и сердцемъ, и всѣмъ, какъ невыразимо можно быть счастливымъ съ вами.

— Счастливымъ!... со мною!... грустно повторила она, съ выраженіемъ горькаго сомнѣнія.

— Чтò это значитъ, Анна? вскричалъ встревоженный Валеріанъ. Неужели, еслибъ вы были теперь свободны, вы отвергли бы меня во второй разъ?

Несчастная женщина зарыдала и, упадая къ нему на грудь почти безъ чувствъ, произнесла тихо, едва внятнымъ, голосомъ:

— Отвергла бы....

Валеріанъ былъ пораженъ какъ громомъ. Изумленный, дрожа и обливаясь холоднымъ пòтомъ, онъ употреблялъ всѣ усилія дружбы, нѣжности, участія, чтобы успокоить ее и получить объясненіе этого страшнаго слова. Но она, задыхаясь отъ плача, говорила только: «Для вашего счастія!... потому-что слишкомъ люблю васъ!... не помрачу такой прекрасной жизни!... умру.... простите меня!» Бѣдный отверженный плакалъ вмѣстѣ съ нею, цѣлуя голову своего убійцы, прижимая друга къ сердцу, и не понимая, за чтò получилъ отъ него новый ударъ. Наконецъ, Анна пришла постепенно въ себя и могла отвѣчать на его вопросы.

— Ваша маменька вчера еще говорила мнѣ, что вы согласны на разводъ?

— Если нужно.... я буду просить о разводѣ....

но чтожъ изъ этого?... вы сожалѣли бы потомъ сами, что подали мнѣ такой совѣтъ.

— Я не могу сожалѣть ни въ какомъ случаѣ, потому-что не могъ подавать его иначе какъ только съ цѣлью, которая не терпитъ двухъ пояснeній, выходя изъ устъ человѣка благороднаго и постигающаго всю важность такого совѣта.... и которую вы должны были понять тотчасъ.

— Я поняла.... сначала, не хотѣла вѣрить сама своему счастію.... такъ оно велико!... мысленно поцѣловала ваши руки изъ благодарности.... но я поняла также.... О! мой другъ! когда вы нашли меня сегодня въ такомъ разстроенномъ и жалкомъ видѣ, это значило, что я вполнѣ измѣрила бездну моихъ несчастій и, въ отчаяніи, прорыдала цѣлую ночь, сообразивъ все и убѣдясь окончательно, что не могу составить вашего счастія.... что цѣной вашего покоя я не должна покупать для себя блаженства....

— Моего покоя?... Я не вижу, чѣмъ тутъ мой покой нарушится такъ жестоко? Я, слава Богу, не ребенокъ, и знаю, что-кто желаетъ имѣть жену, тотъ долженъ немножко побезпокоиться, а кому небо пошлетъ такую жену какъ вы, тотъ и очень можетъ подвергнуть себя нѣкоторымъ безпокойствіямъ: онъ слишкомъ щедро награжденъ за нихъ впередъ.... Вы, конечно, говорите о своихъ дѣтяхъ; о томъ, что они не слишкомъ богаты и, вѣроятно, будутъ бѣдны, потому-что бо̀льшую часть ихъ имѣнія придется уступить отцу ихъ для полученія развода; о томъ, что мое состояніе также невелико, а я, по любви къ вамъ, захочу

воспитать, содержать и пристроить ихъ прилично званію ихъ матери и моему наравнѣ съ.... прочими.... (Поцѣлуй въ ручку)... что это можетъ мнѣ быть въ тягость.... Не бойтесь, милая Анна: я не пропаду. Богатымъ я никогда не буду, потому-что не къ тому стремлюсь, да и не умѣю стремиться: различіе въ состояніяхъ, у вашихъ и нашихъ дѣтей, не могло бъ быть поводомъ ко взаимной зависти; всѣ они были бы равно богаты — богаты честною умѣренностью и нашею любовью.

— Благодарю васъ, добрый другъ. Я была въ томъ увѣрена. Но не то хотѣла я сказать, хотя много размышляла о нашихъ общихъ средствахъ. Я знала напередъ, что передъ такого рода затрудненіями ваше великодушіе и ваша любовь не остановятся, и это — послѣдняя статья, на которую желала я обратить ваше вниманіе. Не станемъ говорить объ ней: лишнія издержки могла бы я вознаградить вамъ порядкомъ, заботливостью, попеченіями о домѣ. Даже трудъ, еслибы онъ былъ нуженъ, не страшенъ для меня: я уже была въ нищетѣ. Но есть другія, гораздо важнѣйшія уваженія, которыхъ моя любовь не можетъ упустить изъ виду. Выслушайте меня.

— Слушаю, сказалъ Валеріанъ уныло.

— Я опасная женщина.

— Ужасно!

— Не шутите. Мое лицо зловѣщее.

— Вотъ этого я и не примѣтилъ! Въ самомъ дѣлѣ?... Позвольте взглянуть....

Онъ вдругъ посмотрѣлъ ей въ глаза такимъ выразительнымъ, такимъ свѣтлымъ и умнымъ

взоромъ любви, удивленія, восторга, что она затрепетала отъ сладости, потеряла память, и опустила голову на его плечо. Дыханіе сперлось въ груди. Она не могла говорить. Валеріанъ съ жаромъ цѣловалъ ея руку.

— Зловѣщаго рѣшительно ничего нѣтъ, произнесъ онъ спокойно, въ заключеніе.

Анна молчала.

— Кромѣ красоты, похвалы которой вамъ уже наскучили, я не вижу въ лицѣ вашемъ....

— Не смотрите на меня такъ въ другой разъ, прервала она тихимъ, полнымъ нѣги голосомъ: я не выдержу, и сдѣлаю васъ несчастнымъ....

— И безъ того уже вы дѣлаете меня довольно несчастнымъ.

Она вздохнула.

— Хуже настоящаго быть не можетъ, примолвилъ онъ печально.

— О, не говорите! въ тысячу разъ можетъ быть хуже! сказала она, вдругъ опомнившись. Какъ, кромѣ красоты, вы въ лицѣ моемъ ничего не видите?... Если еще остался какой-нибудь слѣдъ ея, онъ долженъ быть мнѣ дòрогъ, потому-что это — слѣдъ того, чѣмъ я нѣкогда обратила на себя ваше вниманіе. Но я васъ увѣряю, что въ моемъ лицѣ есть чтò-то не доброе: оно привлекаетъ бѣду изъ-подъ земли, какъ магнитъ — желѣзо. За мною слѣдуютъ несчастія всюду, куда я ни повернусь. Домъ, въ которомъ я живу, уже означенъ пальцемъ рока. Не придумаешь, откуда берутся мерзости, ужасныя исторіи, клевета, гоненія, горе....

— Вы слишкомъ много страдали отъ злобы и глупости людей за свою удивительную, идеальную красоту, замѣтилъ Валеріанъ, и поэтому вамъ кажется....

— А вы нисколько не страдали отъ нихъ же за свой необыкновенный умъ, за свой геній? съ живостью прервала она. Можете ли сказать, что и теперь не страдаете по той же причинѣ? что вы не окружены враждою? что подъ вами не роется зависть и клевета? что посредственность не составляетъ противъ васъ во мракѣ кововъ и заговоровъ?

Валеріанъ вздохнулъ въ свою очередь, не отвѣтивъ ни малѣйшаго слова.

— Нѣтъ, мой единственный, несравненный другъ! продолжала она съ глубокимъ и живымъ чувствомъ. Я не присовокуплю моего горя къ вашему, чтобы вы страдали вдвойнѣ. Я — женщина обезславленная: не запятнаю вашего порога моей нечистой ногой, не свалю на ваше прекрасное имя всей грязи, которую люди набросали на мое, не сдѣлаю васъ предметомъ насмѣшекъ для легкомысленности за покровъ, который вы распрострете надо мною, не уменьшу собою уваженія, которымъ вамъ обязаны даже и враги ваши. Вокругъ меня кипятъ вражда, ненависть, мщеніе: хотите ли, чтобы я принесла вамъ ихъ въ приданое? чтобы я, которая люблю васъ въ тысячу разъ болѣе себя, ставлю выше всего въ мірѣ, обожаю, добровольно повергла мой идолъ въ подлую борьбу съ ними? чтобы васъ преслѣдовали еще и за меня? чтобы даже на васъ указывали

пальцами за то блаженство, которое вы мнѣ подарите? Нѣтъ, нѣтъ, я не достойна быть вашей женою!... теперь ужъ не достойна!... Вамъ нужно чистое имя, которое было бы подъ пару вашему. Мое слишкомъ запятнано безсовѣстною наглостью людей....

Она горько заплакала. Валеріанъ тихо жалъ ея руку и смотрѣлъ на нее съ глубокимъ соболѣзнованіемъ. Онъ не смѣлъ говорить изъ уваженія къ ея добродѣтельной и святой горести.

— Ахъ, мой другъ! сказала она, отирая слезы: кто столько перенесъ въ жизни за то, чтò вы у меня называете красотою, тотъ долженъ подумать дважды, прежде чѣмъ отдастъ себя любимому человѣку — и еще кàкъ любимому!... Помните ли ваше прекрасное и поэтическое сравненіе, которое меня такъ восхищало, сравненіе большой женской красоты съ большимъ мужскимъ геніемъ? Оно, можетъ-быть, справедливо; эти двѣ вещи очень сходны между собою: но какая, въ то же время, ужасная разница между ними! Вашъ геній мощенъ, силенъ; наша красота — слаба и беззащитна. Тотъ производитъ все благое на землѣ; другая разсѣваетъ только зло и горе какъ изъ Пандорина ящика — куда ни ступитъ ногой, новый гробъ растетъ — какъ подъ ногами Чумы поэта — гдѣ ни мелькнетъ, кипятъ всѣ звѣрскія страсти, вспыхиваютъ раздоры, увядаетъ счастіе. Я понимаю, какимъ образомъ многіе народы нѣкогда сочли женщину серіозно началомъ зла: они думали о женщинѣ какъ о представительницѣ идеальной красоты. Страшный даръ для такого

нѣжнаго существа какъ женщина! Пагубная игрушка! Всякое дыханіе падаетъ на блескъ ея ѣдкимъ пятномъ. Человѣкъ носитъ для ней въ сердцѣ только.... сумасбродное обожаніе и остервенѣніе разъяреннаго тигра. О! сколько я вытерпѣла за нее! сколько бѣдствій разлила она вокругъ меня! Да и что̀ принесла она мнѣ въ супружествѣ? Эдуардъ глупъ, это правда: но я чувствую сама, что бо̀льшую часть его глупостей вызвала моя несчастная красота, усиливъ и подстрекая его тщеславіе. Для полноты моего униженія недоставало только того, чтобы эта красота встрѣтила срамъ въ той самой оградѣ, которая должна была служить ей защитою, въ нѣдрахъ самаго брака. Судьба не забыла послать мнѣ и это. Повѣрите ли?... вамъ могу я открыть то, чего не смѣю сказать родной матери.... повѣрите ли, что мой мужъ.... дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу при одномъ воспоминаніи о такой низости.... что, когда мечты его самолюбія стали оказываться пустымъ дымомъ, когда надежды его были одна за другой обмануты, онъ вдался въ искушеніе употребить мою красоту орудіемъ къ своему возвышенію и запуталъ-было меня въ такія сѣти, изъ которыхъ я едва спаслась, примѣтивъ погибель уже на краю ея....

— Мерзавецъ! подумалъ Валеріанъ, съ негодованіемъ, между-тѣмъ какъ Анна продолжала:

— Съ той минуты между нами все было кончено. Я гнушалась его какъ гада, и можете быть увѣрены, что теперь, когда, къ счастію, собственная вѣтренность этого ужаснаго человѣка унесла

его отъ меня, никогда рука моя не коснется его руки, никогда взоръ такого мужа не упадетъ на то безсильное, но гордое чело, которое онъ сбирался покрыть срамомъ въ пользу своего честолюбія. Я чувствую къ нему омерзѣніе!... О прочихъ его поступкахъ не говорю: я забыла ихъ въ презрѣніи, котораго они заслуживаютъ. Таковы были для меня, въ бракѣ, выгоды той красоты, которой столько женщинъ легкомысленно мнѣ завидовало. Кончились ли мои несчастія? Достигла ли я уже предѣла мученій, которыя она доселѣ мнѣ причиняла? О! далеко нѣтъ! Вражда, ненависть, мщеніе не утихнутъ, когда уже и слѣда яблока раздора не станетъ: они слишкомъ глубоки и слишкомъ многочисленны. Гоненіе пойдетъ еще и за моимъ гробомъ на кладбище: самолюбія злопамятны; легкомысленность всегда дѣятельна. Я знаю, что̀ меня ждетъ! Мои дѣти, для которыхъ я только и дышу воздухомъ, будутъ меня стыдиться и ненавидѣть: клевета и преслѣдованіе доползутъ до нихъ подъ личиною участія, мои палачи взбунтуютъ ихъ противъ меня, самъ отецъ ихъ, а когда отца не станетъ, то его родственники, друзья, товарищи разврата, научатъ ихъ быть моими злодѣями, помогутъ имъ обременить меня упреками и огорченіями, исторгнуть предназначенное имъ имѣніе изъ моихъ рукъ, довести мать до униженія и нищенства. Моя дочь, эта милая крошка, которую вы такъ любите, но, которой, какъ кажется, не суждено быть красавицей, уже и теперь меня не любитъ: никакими нѣжностями я не могу внушить ей привязанности къ

себѣ. Вижу ясно, что въ ней растетъ — первый и самый опасный врагъ мнѣ. О! я это предчувствую — послѣднія слезы моей жизни будутъ слезы матери, растерзанной неблагодарностью дѣтей.... Могу ли я принять васъ, моего ангела, въ долю по такой печальной будущности? Смѣю ли ввести въ вашъ домъ, среди вашихъ добрыхъ дѣтей, такое опасное прибавленіе къ семейству, каковы дѣти Эдуарда? Какой подадутъ они примѣръ тѣмъ, которыхъ Богъ дастъ нашей любви? какое доставятъ вамъ утѣшеніе? Охъ!... умоляю!... прогоните меня отъ себя! оставьте мнѣ одной нести крестъ, къ которому я приговорена судьбою! не берите его на свои невинныя плеча: на немъ постыдная и мучительная погибель! Я — несчастіе, Валеріанъ! не дотрогивайся до меня! оттолкни меня отъ себя!... я не въ силахъ отстать сама.... оттолкни!

Валеріанъ, напротивъ, крѣпко прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ самыя губки, на которыя изъ глазъ его упали двѣ крупныя слезы. Анна совсѣмъ и не защищалась. Отъ чего жъ тутъ защищаться!.... Онъ хотѣлъ что-то сказать. Она закрыла ему ротъ своей чудесной ручкою. Онъ поцѣловалъ и это.

— Не говорите!.... Я не въ силахъ.... Я совершенно въ вашей власти. Вамъ стòитъ только протянуть руку и взять меня: но, заклинаю васъ, не берите!.... Не говорите, не говорите ни слова! Не хочу слушать! Голова и безъ того ходитъ у меня кругомъ. Скажете слово, и я.... погублю васъ! Позвольте мнѣ, свѣтлая звѣзда моя, издали обо-

жать васъ и молиться о вашемъ спокойствіи: для меня и это — слишкомъ много счастія! Подарите мнѣ навсегда свою дружбу. Она моя — честь, мой рай на всю остальную жизнь. Дайте мнѣ слово, что о другомъ никогда не упомянете.... что откажете мнѣ, еслибы я, быть-можетъ, завтра стала предлагать вамъ, сама.... потому-что я за себя не отвѣчаю! Придетъ ночь, я опять проплачу до утра: знаю, что буду въ отчаяніи, буду сожалѣть.... но я полагаюсь на вашу твердость.... Не правда ли, мы навсегда, навсегда останемся друзьями?

Валеріанъ, въ отвѣтъ, осыпалъ ея руку кругомъ поцѣлуями, для того, чтобы скрыть свою улыбку и не говорить, пока она совсѣмъ не успокоится. Этой улыбки Анна не примѣтила, и, среди ласкъ, продолжала уже небрежнымъ тономъ, съ очаровательною беззаботностью самаго дружескаго изліянія души, тихимъ и спокойнымъ голосомъ, какъ-будто бы изнемогала отъ наслажденія и болтала только для потѣхи:

— Друзьями! Я такъ свободно говорю объ этомъ великомъ счастіи, какъ-будто родилась не подъ своей звѣздою. А я знаю, что лишусь и его! Даже предчувствую, что лишусь вашей сладкой дружбы по какому-то ужасному случаю. Всѣ мои несчастія я предчувствовала за долгое время; этотъ зловѣщій даръ — ужаснѣйшее изъ моихъ мученій. Кассандра — не басня. Я вѣрю, что она существовала, и многія женщины, судя по себѣ, должны вѣрить подобно мнѣ. Когда одна и та же мысль, обыкновенно печальная, станетъ возвращаться періодически, въ извѣстное время, это у меня —

вѣрный признакъ, что она сбудется. Давно ли я въ Вѣнѣ?.... Сама не помню... Кажется, третій или четвертый мѣсяцъ? Это время, благодаря вамъ, мой добрый другъ, пролетѣло для меня какъ молнія, въ упоеніи и радости, какихъ я никогда не ощущала. Я даже и Вѣны не примѣтила. А между-тѣмъ Вѣна уже примѣтила меня! Никуда не ѣзжу, ни съ кѣмъ не знакома, видѣли меня всего только два или три раза на гуляньѣ въ Пратерѣ, и уже всѣ знаютъ обо мнѣ, уже что̀-то такое говорятъ.... сестра не хочетъ сказать, что̀..... Не то ли, что̀ недавно видѣла я во снѣ? Поздно вечеромъ, послѣ того какъ вы ушли.... мы въ тотъ вечеръ много говорили съ вами о сладостяхъ нашей дружбы.... когда я ложилась спать, мнѣ отдали съ почты письмо, изъ Петербурга, отъ одной моей знакомки. Я начала читать. У меня вдругъ зарябило въ глазахъ: всѣ цвѣта̀ радуги замелькали на бумагѣ, и каждое слово казалось написаннымъ другими чернилами. Въ третьей строчкѣ было слово «*дружба*»: буквы его всѣ явились мнѣ красными. Я не могла дочитать до конца, бросила письмо и потушила свѣчи. Во снѣ я увидѣла, будто я читаю это письмо и знакомка моя пишетъ, что она знаетъ все: въ Вѣнѣ мнѣ очень весело, я открыто живу съ любовникомъ, именно, съ вами, и поѣздка моя къ матери — вещь условленная; мы заранѣе согласились съѣхаться съ вами здѣсь, у маменьки, которая потворствуетъ нашей интригѣ, а мужу дали денегъ и отправили бѣдняжку въ Парижъ. Я проснулась въ испугѣ, съ глазами въ слезахъ. Уже было свѣтло въ комнатѣ. Въ пись-

мѣ, сколько я помнила, не упоминалось ничего подобнаго. Мнѣ тотчасъ вспало на мысль, что это, вѣрно, та самая исторія, которой Катенька не хочетъ сказать.... та, которую теперь разсказываютъ въ Вѣнѣ. Со мной другихъ и не бываетъ!... Мигомъ сочинятъ цѣлый романъ глупостей, и такъ хорошо подберутъ обстоятельства, что, не въ добрый часъ, можно самой на себя всему повѣрить. Я взяла письмо; у меня снова начало рябить въ глазахъ, и то же самое слово «дружба» опять представилось мнѣ краснымъ.... какого-то кроваваго отлива. Съ трудомъ могла я прочитать его до конца. Вижу, вздоръ! въ письмѣ и помину нѣтъ о нашей интригѣ!..... Бьюсь объ закладъ, что это— Катенькина исторія! Не хочу только разспрашивать, потому-что заботливая сестрица ничего не можетъ разсказать, чтобъ не прибавить своихъ милыхъ замѣчаній, которыя всегда злѣе самой злобы и огорчаютъ меня болѣе чѣмъ клевета постороннихъ. Объ исторіи я скоро забыла; но эти кровавыя буквы слова «дружба» поразили меня съ-тѣхъ-поръ тягостнымъ предчувствіемъ, неотвязною мыслью о крови, которая, вотъ уже третій разъ предстаетъ передъ меня первая поутру, когда я просыпаюсь. Во снѣ являются мнѣ гробы, кладбища, мертвыя головы. Я вижу несчастіе! У меня отнимутъ твою дружбу. Я погибну.... Addio, mio dolce bene!

Она произнесла эти послѣднія слова такъ хладнокровно, съ такимъ страшнымъ спокойствіемъ, что Валеріанъ ужаснулся. Рука его случайно коснулась ея лица, брошеннаго небрежно на подуш-

ку оттомана: уши, лобъ и носъ Анны были холодны какъ ледъ, изъ глазъ, неподвижно устремленныхъ въ потолокъ, тихо текли слезы, блѣдная кожа щекъ мерцала мелкими каплями росы, какъ, въ утреннее время, поверхность мраморной статуи. Въ этомъ состояніи болѣзненнаго раздраженія, при классической, истинно художественной красотѣ всѣхъ чертъ и формъ, она дѣйствительно походила на Праксителеву статую прорицающей Кассандры — если только искусство можетъ состязаться съ природою въ осуществленіи типовъ совершенства. Рука Валеріана прошла по ея лицу и шеѣ: она не чувствовала этого и, не перемѣняя положенія, продолжала въ забытьѣ:

— Бѣгите меня!....

«Per me si va nella città dolente,
Per me si va nel eterno dolore......*»

Валеріанъ вскочилъ съ своего мѣста, приподнялъ голову одной рукой и, обвивъ другою плечи, посадилъ Анну прямо.

— Ну, теперь ужъ полно! сказалъ онъ, крѣпко поцѣловавъ своего страшнаго друга: видите, я до-сихъ-поръ не прерывалъ васъ, слушалъ со вниманіемъ; сердце у меня разрывалось, но я молчалъ, благоговѣя передъ вашею святою скорбью и удивляясь красотамъ вашей души. Далѣе слушать не хочу. Вы больны, ваши нервы сильно

* «Черезъ меня — дорога въ градъ скорбящій! Черезъ меня — дорога въ печаль безконечную!» Начало надписи на воротахъ ада, у Данте.

разстроены, воображеніе доведено страданіемъ до страшнаго напряженія воспріимчивости. Вамъ надо успокоиться.

Она безчувственно смотрѣла на Валеріана. Потомъ глаза ея вдругъ заблистали любовью, она бросилась къ нему на шею, судорожно прижалась къ груди и вскричала:

— Ахъ! я съ ума сойду!.....

Спустя минуту, руки ея добровольно упали и она снова погрузилась въ нервическое изнеможеніе.

— Развеселись, мой чудесный другъ, нѣжно говорилъ ей Валеріанъ: перестань думать о прошедшемъ, брось эти мрачныя мысли, эти предчувствія, всѣ эти горькія наслажденія отчаянія; имѣй болѣе упованія на конечное торжество блага и добродѣтели, и не говори мнѣ впередъ такихъ вещей: я не стану ихъ слушать.... Сегодня я не хочу объясняться съ тобой: ты, бѣдная моя Анна, не въ такомъ положеніи, чтобы.....

— Не брани меня!.... прервала она тихимъ голосомъ. Вѣдь ты требовалъ отъ меня полной довѣренности.... безусловной откровенности.... я открыла тебѣ всю мою душу.... всю.... Въ ней темно и страшно: не правда ли?.... Хочешь на мнѣ жениться: такъ долженъ знать, что̀ я за женщина!.... Накопившаяся здѣсь.... (она положила руку его на своемъ сердцѣ).... горечь обидъ разлилась по всему существу моему.... Я ужасно перемѣнилась: теперь во мнѣ не узнаешь своей Анны-невѣсты!.... Гдѣ то время? Какъ теперь къ нему воротиться?....

— Не бойся, мой добрый ангелъ, воротится,

воротится и то время, само, будешь еще весела, будешь еще блаженствовать и благодарить Бога за жизнь, которая теперь представляется тебѣ бременемъ: *я*..... отвѣчаю за твое счастіе. Только не плачь сегодня ночью; усни спокойно, съ моей любовью, а завтра придутъ другія мысли, и все устроится....

— Едва-ли!

— Я.... говорю, что все устроится. Въ израненномъ состояніи души тебѣ нельзя вѣрно судить о вещахъ, слишкомъ близко касающихся сердца. Огорченіе всегда преувеличиваетъ. Ты должна слушаться меня, исполнять, чтò я скажу: я смотрю на все съ бòльшимъ хладнокровіемъ. Обѣщаешь слушаться лучшаго своего друга?

— Не бери меня! вскричала она, сильно сжавъ его руку.

— Возьму!... ты принадлежишь мнѣ.... одному мнѣ! отвѣчалъ Валеріанъ съ нѣжною твердостью.

— Будешь сожалѣть!

— Это ужъ мое дѣло.

— Люди заѣдятъ тебя за меня!

— Я теперь умѣю бить людей.

— Но сама я — несчастіе!.... я — начало зла!.... Страшись меня!

— Я не боюсь несчастія. Уже имѣлъ я честь сказать тебѣ, что теперь я не — малодушный.

— Но я была бы малодушна, еслибы, затрепетавъ теперь передъ своимъ горемъ, съ которымъ такъ долго боролась, принесла тебя въ жертву ему, чтобы умилостивить губителя.

— Твой избранный полъ застрахованъ у при-

роды, и убыткамъ отъ малодушія не подвергается: оно, напротивъ, одна изъ самыхъ могущественныхъ прелестей «слабости, которую зовутъ женщиною».

— Такъ дѣлай со мной что̀ хочешь, злой волшебникъ! сказала она, увлекаемая безъ сопротивленія страстными объятіями возраждающагося изъ пепла жениха. Тебѣ одному знать. Я — твоя, всегда сердцемъ и душой принадлежала тебѣ. Спаси меня, если можешь.... если еще возможно.

— Не думай ни о чемъ, милая Анна! говорилъ онъ съ жаромъ, внѣ себя отъ радости: ввѣрься моей защитѣ! полагайся на силу моей любви! Этимъ талисманомъ и злой взоръ завистника оттолкнется отъ твоего жилища и голова твоя закроется отъ всѣхъ стрѣлъ горя. Мы будемъ счастливы!... невыразимо счастливы!....

И такъ далѣе. Очень длинно.

Полчаса спустя, голова Анны снова покоилась на подушкѣ дивана, прелестно откинутая назадъ; вѣки были спущены, правая рука играла волосами Валеріана, который, сидя въ низкихъ креслахъ возлѣ, гладилъ и цѣловалъ лѣвую. Анна говорила:

— Странное дѣйствіе восторженнаго блаженства! Душа, кажется, тонетъ, тонетъ въ сладости, и сонъ разливается по всему тѣлу..... Тишь послѣ бури..... Не могу раскрыть глазъ.... и все передо мною такъ свѣтло, такъ ясно!.... Нѣтъ, я такого сильнаго счастія не вынесу. Я такъ счастлива, такъ счастлива, что непремѣнно заплачу̀ за эти минуты высокаго наслажденія какою-нибудь жестокою потерею.... О! еслибъ гроза обрушилась

только на меня и миновала твою драгоцѣнную голову!... Милый мой воскреситель! останемся друзьями.... Не спѣши: подумай хорошенько обо всемъ, что̀ я говорила, возьми срокъ, тогда мнѣ скажешь, и я все исполню по твоему рѣшенію. Нето, я тебѣ объявляю.....

— Анна, ты опять принимаешься за свое! съ живостью перебилъ Валеріанъ. Что̀ это значитъ? Давно ли дала ты свое согласіе? давно ли осчастливила?.... а теперь....

— Развѣ я дала мое согласіе?

— Да какъ же!

— Нѣтъ, согласія я не давала, не дамъ. Я предоставила все твоей волѣ. Бери меня насильно. Хочешь бѣды?.... бери самъ!.... я не даю, буду защищаться.... среди самаго блаженства.... Ахъ! какъ мнѣ отрадно!....

— Знаешь, мой прекрасный другъ, что̀ ты теперь дѣлаешь? замѣтилъ Валеріанъ, стараясь казаться веселымъ: какъ это называется въ прозаическомъ языкѣ людей?

— Что̀ такое?

— Да то, что̀ ты дѣлаешь!

— Что̀ жъ я дѣлаю особеннаго?

— Капризы, мой ангелъ.

— А въ самомъ дѣлѣ: можетъ, это и капризы?

— Чистѣйшіе!.... увѣряю тебя. Я прежде не зналъ за тобою этого искусства.

— Искусства дѣлать капризы?... Немудрено, что не зналъ, потому-что я до-сихъ-поръ никогда и не дѣлала. Не противъ кого было дѣлать! Не бы-

ло милаго. Не было моего сердца!... Я всю жизнь была такъ печальна!

— Такъ это новое изобрѣтеніе, нарочно въ честь мою?

— Да. А развѣ оно тебѣ непріятно?

— Не то, чтобъ непріятно, но и нельзя сказать, чтобы было очень восхитительно.

— А я думала, напротивъ, что тебѣ очень весело видѣть меня счастливою до сумасбродства до капризовъ. Чтò же тутъ неестественнаго?... Счастіе въ броженіи!

Валеріанъ засмѣялся и расцѣловалъ свою несравненную.

— Видишь, каково дѣлать счастливыми не рожденныхъ для этого состоянія! продолжала она тѣмъ же беззаботнымъ тономъ: они даже и не умѣютъ наслаждаться счастіемъ. Вотъ я уже сдѣлала капризъ! Не знаю, какой и какъ. Да онъ самъ собою сдѣлался. Но, видно, былъ не изъ огромнѣйшихъ, когда ты смѣешься. Жаль! А я желала бы сдѣлать такой страшный капризъ, чтобы испугался, чтобы я тебѣ опротивѣла.

— Опять! вскричалъ Валеріанъ.

— Да! опять! отвѣчала она задумчиво. Зачѣмъ тебѣ не нравится, когда я хочу любить тебя такъ, какъ сама разумѣю! любить безъ эгоизма, любить болѣе самой себя, любить какъ любятъ въ небѣ—для твоего счастія, а не для своего наслажденія? Когда я вижу, чувствую, имѣю предчувствіе, что ты дѣлаешь пагубную ошибку, сбираешься уронить себя по великодушію ко мнѣ, бредешь въ бездну печалей, въ которой мнѣ суждено непремѣнно по-

гибнуть, зачѣмъ не позволяешь мнѣ удержать тебя, во что̀ бы то ни стало? Всѣ средства ускользнули изъ моихъ рукъ: я теперь безоружна, и мнѣ остаются только одни капризы. Погоди, твоя Анна еще надѣлаетъ ихъ столько, и такихъ огромныхъ, что ты ужаснешься, и она спасетъ тебя.

Валеріанъ всталъ и взялъ со столика шляпу.

— Что̀ это? спросила Анна съ безпокойствомъ, ты хочешь уйти?

— Сейчасъ уйду, если ты не перестанешь предсказывать мнѣ и себѣ несчастій, которыя существуютъ только въ твоемъ воображеніи.

— Перестану! перестану!.... Не уходи, я умру. Не оставляй меня одну въ этомъ положеніи, въ которое самъ ты меня привелъ. Между желаніемъ себѣ величайшаго на землѣ счастія, которымъ одинъ ты можешь подарить меня, и невольнымъ, неотвязнымъ, непреодолимымъ опасеніемъ за твое, я теряю умъ и память. Останься. Сядь возлѣ меня и поговоримъ о другомъ дѣлѣ. (Валеріанъ уже сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, цѣловалъ ея руку, и снова прошло нѣсколько времени въ ласкахъ, взглядахъ, трепещущемъ страстью молчаніи, блаженствѣ). Ахъ! мой другъ! впервые я сегодня узнала чары поцѣлуя!.... Это сожигаетъ душу. Я и забыла о дѣлѣ. Что̀ же я хотѣла тебѣ сказать!.... Не бойся, мой очаровательный «равнодушный»!.... ты все боишься... Ничего не стану предсказывать. Хочу просить тебя объ одномъ предметѣ, который давно уже лежитъ на сердцѣ. Любишь ли меня искренно, глубоко, какъ любилъ нѣкогда?

— О! мой ангелъ! моя жизнь! моя надежда!

люблю тебя въ тысячу разъ живѣе чѣмъ тогда, потому-что ты въ тысячу разъ возвышеннѣе и удивительнѣе. Сказать не могу какъ люблю!

— Все для меня сдѣлаешь?

— Все, на свѣтѣ!

— Исполнишь, о чемъ буду просить?

— Исполню. Разумѣется, что просьба будетъ сообразна съ благоразуміемъ и моими силами.

— О! совершенно сообразна! Благоразумнѣе ничего придумать нельзя. Съ нѣкоторыхъ поръ, это — лучшая мечта моя.

Она быстро придвинулась къ Валеріану и взяла между двухъ ладоней одну его руку. — Помните ли, Валеріанъ, я говорила вамъ сегодня о необходимости имени чистаго, неоскверненнаго безчестною молвою, подъ пару къ вашему славному, прекрасному имени?

— Помню. Что̀ жъ изъ этого?

— Женитесь на Полинѣ Ч***!

— На комъ? спросилъ онъ, съ величайшимъ удивленіемъ, и какъ-бы не вѣря ушамъ своимъ.

— На Полинѣ Ч***, племянницѣ вашего друга, мужа покойной моей тетушки. Развѣ вы ея не знаете?

Валеріанъ опять хотѣлъ встать. Она удержала.

— Да вы, милая Анна, въ самомъ дѣлѣ съ ума сходите! сказалъ онъ, глядя на нее съ нѣжнымъ упрекомъ и, въ досадѣ, отодвигаясь съ креслами.

Анна такъ крѣпко держала руку Валеріана, что, при этомъ движеніи, соскользнула съ оттомана на коверъ и очутилась передъ нимъ на колѣняхъ. Валеріанъ хотѣлъ поднять ее. Она не допустила:

осталась на землѣ, въ полу-сидячемъ положенiи, опираясь локтями и грудью на его колѣни.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая! говорила она со страстью. Не обижайте этого сердца, которое бьется только для васъ....

— Такихъ предложенiй я не хочу слушать, и не стану.

— Вы должны слушать!... должны выслушать меня до конца! должны оказать эту честь моей любви, моей преданности, моимъ жестокимъ мукамъ! Это не капризъ. Я говорю очень серiозно. Не забудьте, что я убиваю себя, чтобы моей кровью купить для васъ у судьбы покой жизни и отрадный семейный бытъ. Я даю вамъ жену, которая совершенно можетъ обезпечить то и другое. Она мила, добра, кротка: вы сами говорили мнѣ недавно, когда я спрашивала, какъ ее находите, что она прелестна! Она васъ любитъ: не любить васъ нельзя; всякая женщина, которая васъ узнаетъ, предастся вамъ душой и сердцемъ. Имя ея незапятнано клеветою и не навлечетъ на васъ злорѣчивыхъ толковъ, на вашъ домъ — обидныхъ подозрѣнiй. Степень красоты ея именно такова, что вполнѣ прельщаетъ взоръ, не возбуждая сильной зависти въ женщинахъ и бурныхъ страстей въ мужчинахъ. Она моложе меня. Дѣтей у нея нѣтъ. Если угодно, то она и богата: во сто разъ богаче меня, у которой своего нѣтъ ни гроша.... Бери ее!

Анна вдругъ выпрямилась на колѣняхъ, и, судорожно сжавъ обѣ его руки, продолжала гово-

рить съ жаромъ, глотая слезы, потоками лившіяся изъ полныхъ огня глазъ.

— Валеріанъ!... Заклинаю тебя моей любовью, моимъ счастіемъ, бери ее! женись на ней! предоставь меня моей страшной судьбѣ, и только сожалѣй о твоей злополучной Аннѣ. Съ этою женщиною будешь счастливъ; мнѣ доставишь покой и утѣшеніе. Полина искренно меня любитъ, и я, со-временемъ, заслужу еще бо̀льшую ея привязанность. Она благородна и умѣетъ нѣжно чувствовать: сама втайнѣ любя тебя, она уважаетъ нашу любовь и нерѣдко плачетъ со мною обо мнѣ. Она позволитъ тебѣ любить меня, быть другомъ бѣдной Аннѣ.... На старости лѣтъ, когда вражда втолкнетъ меня въ тину послѣднихъ униженій, когда мои дѣти меня ограбятъ и доведутъ до нищеты, я приду въ вашъ домъ, буду вамъ служить, буду воспитывать вашихъ дѣтей, внушу имъ къ тебѣ мою любовь.... мою!... знаешь ее?... и буду счастлива, глядя на ваше счастіе. Соглашусь быть у васъ ключницей, кухаркой, прачкой, судомойкой: только позволь мнѣ служить тебѣ, заботиться о твоихъ удобствахъ, видѣть и любить тебя....

Она страшно зарыдала и, безъ памяти, упала, сперва къ Валеріану на колѣни, а потомъ на полъ. Онъ, съ разорваннымъ сердцемъ, съ лицомъ плавающимъ въ слезахъ, дрожащими руками поднялъ ее съ земли и положилъ на оттоманъ. Моленія, ласки, поцѣлуи любви, постепенно привели ее въ чувства. Она открыла глаза.

— Ты должна чувствовать себя въ высшей

степени несчастною, сказалъ Валеріанъ: когда создаешь такія мечты и рѣшаешься дѣлать мнѣ такія предложенія.

— Да! прошептала она.

— Бѣдный мой другъ!... какой адъ клокочетъ въ твоей истерзанной душѣ!

— Что̀?... онъ ужасенъ?...

— О! да! свыше всего что̀ можно представить себѣ воображеніемъ.

— Ты не зналъ еще, не видалъ никогда настоящей любви слабости къ могуществу и совершенству, которымъ она удивляется?... Нѣтъ, ты не могъ имѣть понятія о любви Анны!... Знай же, что такой адъ происходилъ въ ней во всѣ дни ея жизни.... въ день ея злосчастной свадьбы.... въ роковой часъ вѣнчанія.... въ ночь, которая за тѣмъ послѣдовала.... въ минуты, когда она съ притворнымъ спокойствіемъ улыбалась раболѣпствующей толпѣ, и во всѣ минуты твоихъ торжествъ и твоихъ опасностей.... Думалъ ли ты, въ сраженіяхъ, что сердце Анны всегда трепещетъ возлѣ тебя?... Куда же ему было бѣжать, гдѣ искать пріюта отъ обидъ, отъ низости и злобы людей? Оно, невидимо, жалось къ тебѣ, повсюду слѣдовало за тобою, и всегда терзалось страшною пыткою безсильной заботы о счастіи своего идола. Встань, не стой на колѣняхъ: это — мое мѣсто.... Сядь, мой другъ, сюда и поцѣлуй меня.... дай мнѣ еще одинъ.... одинъ только поцѣлуй.... тотъ, котораго я всю жизнь ждала какъ награду за все! Мы не дорого продаемъ вамъ бездны мученій нашей любви, не правда ли?... Вотъ этимъ поцѣ-

луемъ все заплачено!... и еще какъ щедро!... Бѣдныя мы существа!... Ты не чувствовалъ, какъ мое сердце жалось къ тебѣ?

— Нѣтъ, Анна, не говори этого! сказалъ Валеріанъ. Нельзя мнѣ было не чувствовать всего, что̀ происходило въ этомъ благородномъ сердцѣ. Я зналъ все, и не по одному сочувствію: положительно и подробно зналъ я о твоихъ чувствованіяхъ, о твоихъ мученіяхъ, о твоемъ страшномъ горѣ, сокрушался ими, благоговѣлъ передъ силою твоей любви ко мнѣ, какъ теперь благоговѣю передъ ея деликатностью и ея высокимъ, восторженнымъ самоотверженіемъ, хоть и не одобряю ихъ.

— Не одобряешь? спросила она, прелестно улыбаясь. Ну, это я напередъ знала. Вы, мужчины, не любите въ насъ слишкомъ сильной привязанности, пугаетесь настоящей женской любви, къ слову «восторженность» привязываете насмѣшливое значеніе. Но, мой другъ, истинная любовь въ женщинѣ, которая хоть нѣсколько выше простыхъ животныхъ ощущеній, не что̀ иное какъ восторженное состояніе ума, воображенія, души! Она родится изъ восторга, питается восторгомъ, и живетъ только до-тѣхъ-поръ, пока горитъ восторгъ. Вы, господа, не очень жалуете такую любовь: тонкость ея условій и требованій тягостна для васъ, и вы предпочитаете — поменьше любви, но побольше уступчивости и овечьей кротости. Валеріанъ! можешь ли быть совершенно откровененъ со мною?... такъ откровененъ, какъ я сегодня была съ тобою?

— Могу. И хочу.

— Такъ скажи по совѣсти, что̀ ты думаешь обо мнѣ въ эту минуту?

— Я думаю, что ты и твоя любовь заслуживаютъ высочайшаго удивленія.

— Только-то?

— Только.

— Нѣтъ, ты думаешь еще что̀-то. Я вижу это въ твоемъ лицѣ, читаю въ глазахъ.

— Читай вслухъ. Слушаю.

— Ты думаешь, что мы, то есть, я съ моей любовью, порядкомъ помучили тебя сегодня!

Онъ улыбнулся и поцѣловалъ ее.

— Видишь, что это — правда! Вы требуете отъ женщинъ, непремѣнно, истинной любви.... на меньше и не соглашаетесь!... но когда она передъ васъ предстанетъ, вы — назадъ! Право, ты стоишь того, чтобъ тебя расцѣловать: ты еще малодушенъ. Всѣ вы малодушны въ этомъ отношеніи. Я очень рада, что ты неосторожно приказалъ мнѣ сегодня быть безусловно откровенною, и я предъявила тебѣ всю свою любовь.... собственно, не всю: о! ты еще не знаешь и половины того, какъ я тебя люблю!... Но съ тебя довольно и этого: ты уже немножко испугался такой любви; станешь думать, испугаешься еще болѣе; а тамъ, мало-по-малу, придетъ тебѣ въ голову, что такая любовь, какова напримѣръ Полины, въ самомъ дѣлѣ удобнѣе для супружества, не говоря уже о многихъ другихъ неудобствахъ, сопряженныхъ со мною. Я заронила въ тебя эту идею: она разовьется, выраститъ, и хоть выборъ твоего сердца

для меня не сомнителенъ — увидишь! — ты однакожъ предпочтешь мнѣ Полину и, въ заключеніе спектакля, женишься на ней.

— Ты ужасная насмѣшница! сказалъ Валеріанъ, хохоча. Какъ острота, это — предположеніе очень мило: изъ него можно было сдѣлать хорошую комедію; но, какъ примѣненіе ко мнѣ, оно совсѣмъ неумѣстно. Женой у меня можетъ быть только одна женщина: ты — или никто! И что ты будешь моей женою, это я тебѣ объявляю.

— А у меня есть предчувствіе, что будетъ Полина.

— Шути, сколько угодно, но я получилъ твое согласіе, и не возвращу его. Ты — моя, и дѣло съ концомъ: распорядись, какъ хочешь, съ своими самоотверженіями и опасеніями за мое счастіе. Нѣтъ! такой женщины, какъ ты, я не выпущу изъ рукъ, хоть бы мнѣ это стоило головы. Чтобъ провести съ такимъ другомъ остатокъ этой ничтожной жизни, которую я столько разъ предавалъ на волю пулѣ перваго попавшагося на встрѣчу дурака, я оставлю свое поприще, затворюсь съ тобою въ предѣлахъ скромной частной жизни, удалюсь самъ, и удалю тебя отъ злобы людей, и мы будемъ счастливы какъ-нельзя болѣе. Опасность несогласій въ семействѣ по поводу дѣтей графа Эдуарда, единственное важное обстоятельство изъ всѣхъ, которыми ты меня пугаешь — потому-что — извини! — твоей необъятной любви я не пугаюсь нисколько, и противопоставлю ей другую такую же, свою! — опасность этихъ несогласій и соблазновъ весьма легко предупре-

дить: стòитъ только отдать, теперь же, все имѣніе отцу ихъ, а обезпеченіе ихъ судьбы я беру на себя. Нѣтъ имѣнія, нѣтъ и разсчетовъ. За это имѣніе, которое мигомъ доставитъ согласіе графа Эдуарда на разводъ и которое онъ непремѣнно промотаетъ, можно вознаградить дѣтей его твоей частью изъ имѣнія нашей матушки; долю свою уступишь имъ заранѣе, и когда они подрастутъ, бабушка будетъ очень рада взять ихъ къ себѣ, окончить ихъ воспитаніе и надѣлить ихъ по своей смерти благами земными, отъ которыхъ мы напередъ отказываемся. Такимъ образомъ они будутъ вполнѣ зависѣть отъ бабушки, и отецъ ихъ съ ней станетъ вѣдаться, ей угождать, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться отъ своего потомства или по случаю его. Видишь, мое седце, что все можно устроить....

— Ты уже слишкомъ великодушенъ! сказала Анна, пожимая ему руку съ благодарностью.

— Чтò за великодушіе — купить себѣ и милому другу счастіе души цѣною денегъ! возразилъ онъ. Это, просто, торговая операція, въ которой выгода — очевидно на моей сторонѣ. Для счастія души, для соединенія въ это счастіе такой испытанной любви какъ наша, милая Анна, можно сдѣлать всѣ пожертвованія; но самопожертвованій и я теперь не одобряю, а деликатности твои нахожу рѣшительно неумѣстными. Вѣдь ты же, нѣкогда, прогнала меня отъ себя за самопожертвованія?... вспомни только, мой другъ!... оно было безполезно: ты насмѣхалась надъ нимъ, и справедливо.... а теперь сама хочешь ихъ дѣ-

лать.... Нѣтъ, на самопожертвованія я теперь не согласенъ!... Хоть ты — и женщина, хоть совершенство и слезы — ваше дѣло, какъ ты тогда говорила. Отложимъ деликатности въ сторону: за ними не доберешься до счастія никогда. Когда женщина и мужчина вступаютъ въ бракъ, они, если не круглые глупцы, должны напередъ знать что супружеское блаженство ихъ нераздѣльно съ, разными житейскими непріятностями, какъ для одной стороны, такъ и для другой. Имъ обоимъ равно слѣдуетъ вѣдать, что покровительство, защита и удовольствія жены будутъ стоить мужу хлопотъ и трудовъ; что вознагражденіе мужа за это потребуетъ отъ жены терпѣнія и причинитъ ей разныя безпокойства. Еслибы пришлось подниматься на самопожертвованія, чтобы доставить другъ другу вполнѣ беззаботное блаженство, такъ нельзя было бы заключить ни одного брака: обѣ стороны самопожертвовали бы собою, чтобы не помѣшать взаимному спокойствію, и не кому было бы жениться. Ты принуждаешь теперь свою любовь отказываться отъ меня по случаю непріятностей, которыя могутъ причинить мнѣ твоя знаменитая красота и проистекшія отсюда обстоятельства твоего положенія. Моя любовь точно такъ же могла бы отказаться отъ тебя не далѣе какъ по тому великодушному уваженію, что сказанная любовь можетъ подвергнуть тебя опасности быть больной каждые два года. Подумай только, мой другъ, до чего было бы доведено человѣчество деликатностями взаимной любви!... (Анна засмѣялась.) Мой другъ! когда невѣста и

женихъ разсчитываютъ, что, въ ихъ брачномъ счастіи, удовольствія и непріятности каждаго будутъ на половину, это уже — очень выгодный бракъ, отличное земное счастіе, и они должны жениться тутъ же на мѣстѣ. Можно согласиться и на три доли непріятностей. Заключеніе: въ супружествѣ, кромѣ общихъ удовольствій любви и дружбы, обѣ стороны ищутъ своихъ выгодъ, ведутъ эгоизмъ по правиламъ двойной бухгалтеріи, живутъ въ долгъ другъ у друга, и никогда не сводятъ счету, не сравниваютъ итоговъ, если знаютъ свое ремесло, ремесло быть счастливымъ вдвоемъ. На этомъ основаніи, я насильно — потому-что тебѣ такъ угодно! — женюсь на моей Аннѣ, приказываю тебѣ выйти за меня замужъ безъ церемоній, а тамъ употреблю мою верховную супружескую власть, чтобы безъ церемоній тебя заставить быть совершенно счастливою, сколько это возможно въ «сей юдоли плача». Я скомандовалъ.

— Слушаю-съ.

— Вотъ это умно!

— Такъ мы съ тобой рѣшительно женихъ и невѣста вторично? сказала Анна, съ нѣжностью протягивая къ нему руку.

— Рѣшительно и невозвратимо, отвѣчалъ Валеріанъ, пламенно прижимая эту драгоцѣнную руку къ сердцу. Спокойна ли ты теперь? Не будешь плакать ночью?

— Нѣтъ, плакать не буду. Буду лелѣять всей душою сладкую мечту нашего счастія. Дай Богъ, чтобы она не скоро разсѣялась и мое блаженство

продолжилось. Ты, однакожъ, Валеріанъ, не забывай о Полинѣ. Будь съ ней милъ: можетъ пригодиться.

— Несносная! замѣтилъ онъ шутливымъ тономъ.

— Это настоящій мой титулъ въ любви, возразила она, цѣлуя его. Ты меня имъ не обидишь. Твое дѣло — разсуждать, мое — чувствовать. Ты разсуждаешь такъ убѣдительно, что я не придумаю никакого возраженія на твои доводы. Я чувствую тоже убѣдительно, но не могу передать этого рода убѣжденія. Въ числѣ этихъ чувствованій есть и предчувствія.... Но не станемъ смущать ими нашего настоящаго блаженства.... Будемъ, только осторожны.

— Осторожность, во всякомъ случаѣ, необходима, присовокупилъ Валеріанъ: необходима и для самаго успѣха. Я желаю, чтобы наши надежды оставались тайною между тобою, мной и матушкой, до окончанія развода. Я самъ поговорю съ нею. Знаешь ли, что̀ мнѣ вдругъ пришло въ голову?

— Что̀ такое?

— Полина навѣрное не твое изобрѣтеніе. Это — проектъ графини Маріи, бьюсь объ закладъ.

— Вы, мужчины, удивительно догадливы. Только теперь приходитъ тебѣ въ голову такое великое открытіе?

— Какъ же мнѣ было угадать!

— Однакожъ матушка, до моего пріѣзда, усердно хлопотала о томъ, чтобы вознаградить тебя Полиной за потерю Анны!

— Теперь.... какъ все соображаю.... Но, можетъ быть, она еще не оставила своего человѣколюбиваго плана? Что̀, какъ она, въ отвѣтъ, заговоритъ мнѣ о Полинѣ....

— Не заговоритъ. Планъ оставленъ съ той минуты, какъ ты завелъ рѣчь о разводѣ. Что̀ ей Полина!

— Вознаградить! сказалъ Валеріанъ про себя. Какая странная идея! Вознаградить меня Полиной за Анну!

— А Полина все-таки ползетъ тебѣ на умъ! замѣтила Анна съ усмѣшкою.

Бесѣда любовниковъ, бесѣда нужная къ свѣденію для читателя, почти тѣмъ и кончилась: о прибавленіяхъ къ ней, маловажныхъ для исторіи, здѣсь для краткости не упоминается. Прибавленія продолжались болѣе двухъ часовъ. Я чувствую, что и это уже слишкомъ длинно: но — не забудьте — весь вечеръ! и какой еще вечеръ!... Чего не наговорятъ другъ другу любовники во весь вечеръ! Надо же было привести хоть треть ихъ бесѣды. Я очень неохотно разстаюсь съ прибавленіями: они были очаровательны. Но надо!

Что Анна, послѣ этого вечера, чувствовала себя невыразимо счастливою, несмотря на привычку къ опасеніямъ, привитую слишкомъ частыми бѣдствіями жизни, это не подлежитъ ни спору ни сомнѣнію. Но точность повѣствованія принуждаетъ меня сказать, что блаженство ея было, на слѣдующее же утро, нарушено маленькою семейною непріятностью. Маркизъ, который всегда подлипалъ къ Аннѣ, душевно ненавидѣлъ Валеріана, еще съ

давнихъ временъ, во-первыхъ, по-дѣломъ, за свое супружеское счастіе, потому-что по милости этого стихотворца невзначай женился на ангелѣ доброты, Катенькѣ; во-вторыхъ, по-пустякамъ, за то, что этотъ генералъ мѣшалъ ему теперь строить свои глупые глаза прекрасной свояченицѣ, единодушно прозванной въ Вѣнѣ — die Göttliche. Тотчасъ послѣ пріѣзда Анны, любезный Джуліо нашелъ средство дать знать въ Парижъ графу Эдуарду, что его жена часто видится и очень дружна съ прежнимъ своимъ женихомъ. Эдуардъ, занятый игрою и своей пѣвицей, сначала не обратилъ вниманія на это извѣстіе. Но вскорѣ дѣла его стали приходить въ упадокъ; онъ предвидѣлъ необходимость обратиться къ денежнымъ средствамъ супруги; маркизъ притомъ тайно написалъ ему, что дѣло, какъ кажется, клонится къ формальному разводу, и негодный мужъ счелъ за нужное вдругъ сдѣлать грозное нападеніе на покинутую жену, чтобы, настращавъ ее и поставивъ въ виноватыя, содрать что̀-нибудь съ несчастной для почину, а тамъ, если можно, захватить опеку надъ имѣніемъ и дѣтьми. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Аннѣ безсовѣстное письмо, исполненное наглостей, упрековъ и угрозъ, называя себя «обманутымъ» и «обиженнымъ» супругомъ, а ее «невѣрною» и «преступною» женой, измѣнницей, безстыдницей, которая «срамитъ его никакимъ позоромъ не запятнанное имя», своимъ «безнравственнымъ поведеніемъ» подаетъ публичный соблазнъ, живетъ открыто съ любовникомъ, котораго, будтобы, онѣ съ ма ерью заранѣе вызвали въ Вѣну,

удаливъ мужа подъ благовиднымъ предлогомъ, и прочая, и прочая. Мессиръ Эдуардъ грозилъ Аннѣ не болѣе и не менѣе какъ процессомъ и заключеніемъ въ монастырь. Такого же рода письмо написалъ онъ и къ графинѣ Маріи, обвиняя ее въ безчестномъ содѣйствіи къ интригѣ и разврату дочери, съ намеками на торжественное и примѣрное мщеніе. Можно себѣ представить впечатлѣніе, которое эти два отвратительныя посланія произвели въ домѣ. Анна упала въ обморокъ, рыдала, негодовала. Графиня Марія получила припадокъ истерики, и немедленно послала за маркизомъ, будучи увѣрена, что примѣрный зять горячо вступится за честь тещи и свояченицы. Но, къ удивленію ея, синьоръ Джуліо принялъ сторону герръ Эдуарда. Онъ важно заговорилъ о супружескихъ правахъ почтеннаго свояка, о приличіяхъ, о пользѣ благопристойнаго поведенія, и тому подобномъ, и, когда негодующая мать мимоходомъ намекнула о разводѣ, итальянскій дипломатъ явился такимъ горячимъ защитникомъ общественной нравственности въ этомъ отношеніи, какъ-будто ему обѣщали за это кардинальскую шляпу, предсѣдательство священной инквизиціи и чинъ primus defensor matrimonii. Графиня Марія поссорилась съ нимъ на̀-голову, выбранила и прогнала. Анна междутѣмъ написала записочку къ Валеріану.

Лишь-только онъ пріѣхалъ, мать и дочь выбѣжали къ нему, съ письмами Эдуарда въ рукахъ.

— Читайте!

Онъ прочиталъ.

— Что̀ же вы теперь скажете о моихъ пред-

чувствіяхъ, спросила Анна. Вотъ, мой сонъ! Вотъ, слово въ слово, исторія, которую я вамъ еще вчера разсказывала!

Валеріанъ, негодуя всей душою на низкій поступокъ Эдуарда, очень посредственно былъ изумленъ сходствомъ сновидѣнія съ клеветою, заключенною въ этомъ письмѣ. Всѣ наши сны, какъ иногда ни кажутся намъ длинными, происходятъ въ тотъ моментъ, когда мы просыпаемся въ короткое время перехода умственныхъ органовъ отъ соннаго оцѣпенѣнія къ бдящей дѣятельности мозга, освѣженнаго отдыхомъ. Для хорошо устроенныхъ головъ, это вообще — минута самыхъ свѣтлыхъ помысловъ. Часто, задачи, которыхъ мы никакъ не могли разрѣшить вечеромъ, разрѣшаются на слѣдующее утро сами собою, тотчасъ послѣ пробужденія — на «свѣжій умъ», какъ искони говорится — или даже въ самое мгновеніе пробужденія: тогда эта счастливая мысль, это самое простое и самое естественное выраженіе затруднявшаго насъ обстоятельства, проснувшемуся кажутся «сновидѣніемъ». Не мудрено, что Анна, которая, наканунѣ, весь день мучила себя догадками о томъ, «что̀ скажутъ», «что̀ могутъ сказать», «что̀ уже и говорятъ», объ ея отношеніяхъ къ Валеріану, на другой день, просыпаясь, вдругъ получила, въ видѣ сна, ясное соображеніе того, что̀, судя по наружностямъ, можно было сказать объ этихъ отношеніяхъ клевеща, то есть, связывая наружности между собою самымъ простымъ или самымъ глупымъ образомъ, и что̀ въ самомъ дѣлѣ уже говорили. Клевета — удивитель-

ная мастерица на простоту, которой лицевая сторона — геній, а изнанка — глупость. Стоитъ только вдругъ вспасть на простоту, съ той или другой стороны: сдѣлаешь или chef-d'oeuvre искусства или глупость первой руки. Разгадываніе глупостей принадлежитъ къ лицевой сторонѣ простоты, къ сторонѣ, изъ которой вытекаютъ самыя высокія явленія въ наукахъ и художествахъ. Дѣлать глупости весьма легко — взять да и дѣлать! — мы это знаемъ по опыту — но подражать глупостямъ — верхъ ума и искусства человѣческаго. Одни только геніи дѣлаютъ истинно хорошія подражанія глупостямъ. Такія поддѣльныя глупости называются «высокимъ комизмомъ», когда рѣчь идетъ о глупостяхъ очень смѣшныхъ. И это — самая трудная умственная фабрикація. Моліеръ всегда будетъ великъ за то, что такъ подражалъ чужимъ глупостямъ, какъ-будто онѣ были его собственныя, натуральныя. Подражать и разгадывать — все-равно: для подражанія, нужно разгадать. Глупость и клевета — тоже все-равно. Коротко сказать, есть мгновенія, гдѣ мы, не будучи ни геніями ни духовидцами, угадываемъ глупость, клевету, вовсе объ ней не думая, вдругъ, невзначай, просыпаясь и еще не раскрывъ глазъ. Такіе же моменты пробужденія, моменты самыхъ естественныхъ представленій, самой прямой связи между разнородными или разбросанными идеями, словомъ, такіе же «вѣщіе сны» случаются и наяву: но они вообще не имѣютъ ни опредѣлительности, ни живаго колорита настоящихъ сновидѣній, вспыхивающихъ въ головѣ послѣ ночнаго

отдыха мозга, и извѣстны подъ именемъ «предчувствій». У женщинъ съ хорошо устроенною головою, при особенной нѣжности органовъ умственнаго дѣйствія, слишкомъ скоро подвергающихся утомленію, такіе неясные «вѣщіе сны на-яву» весьма обыкновенны. У мужчинъ, способныхъ къ болѣе продолжительному и болѣе сильному напряженію головы, если голова — не тыква, они, изъ предчувствія, тутъ же превращаются въ великія открытія и чудныя изобрѣтенія. Однажды Ньютонъ ходилъ по саду. Умъ спалъ въ головѣ преспокойно. Яблоко упало съ яблони. Умъ проснулся. Онъ видѣлъ сонъ на-яву, развившійся вдругъ *предчувствіемъ* повсемѣстнаго присутствія тяжести въ природѣ. Въ другой, хорошей, но менѣе сильной головѣ, это «предчувствіе» и осталось бы предчувствіемъ. У Ньютона, при его терпѣніи, оно повело умъ къ угаданію законовъ всеобщаго тяготѣнія тѣлъ, однихъ на другія. Отъисканіемъ этихъ удивительныхъ законовъ *сбылось* предчувствіе Ньютона. Я, темный человѣкъ, клянусь, не вижу, почему предчувствіе какой-нибудь бѣды, прямаго слѣдствія человѣческихъ глупостей, было бы мудренѣе предчувствія всеобщаго тяготѣнія, дѣла прехитраго и глубоко запрятаннаго. Когда сбылось, отъ слова до слова, предчувствіе Ньютона о стремленіи тѣлъ падать одни на другія, то такъ же легко можетъ сбыться и мое, напримѣръ, предчувствіе о великой бѣдѣ, которая меня ожидаетъ: у меня есть невольное предчувствіе, что мой читатель заснетъ въ этомъ мѣстѣ. Но это философико-физіологическое отступленіе написано

здѣсь, не какихъ-нибудь теорій ради, а для оправданія моей исторической правдивости, да не скажутъ языки, будто я представляю Анну существомъ сверхъестественнымъ или новой Пиѳіей. Я представляю ее такъ точно, какъ она была, и какъ бываютъ другія — очень умною женщиною, съ воображеніемъ чрезвычайно быстроподвижнымъ и доведеннымъ страданіями до высокой степени восторженности, чрезвычайно дѣятельнымъ и, поэтому, безпрерывно впадавшемъ въ утомленія, отъ которыхъ оно часто пробуждалось вдругъ весьма свѣтлыми, то есть, весьма простыми и естественными идеями, въ видѣ утреннихъ сновидѣній, казавшихся ей и многимъ вѣщими предсказаніями будущаго, или въ видѣ неясныхъ сновъ на-яву, называемыхъ его предчувствіями.

Почему Валеріанъ не крайне удивился сходству клеветы, переданной графу Эдуарду коварнымъ маркизомъ, со вчерашнимъ разсказомъ Анны о письмѣ, читанномъ ею во снѣ? Потому-что насчетъ сбывающихся сновъ онъ былъ совершенно того же мнѣнія, какъ и я: эти сны всегда — такія простыя, прямыя и естественныя наведенія, что, въ свѣтлую минуту ума, ихъ право можно выдумать и не ложась спать. На этомъ основаніи онъ отвѣчалъ Аннѣ только:

— Вижу. Вы правы.

И, обращаясь къ графинѣ Маріи, замѣтилъ:

— Послѣ этихъ мерзкихъ и наглыхъ обвиненій, въ которыхъ замѣшано мое имя, ваше дѣло становится личнымъ моимъ дѣломъ. Честь Анны и ваша не могутъ страдать за меня: я долженъ за-

крыть васъ обѣихъ собою, и вашей дочери, графиня, не остается другаго средства къ оправданію законности отношеній своихъ ко мнѣ какъ принять мое имя.

Анна схватила его за руку и упріютилась у его плеча, какъ серна, спасающаяся подъ дубъ отъ бури.

— Я именно хотѣлъ сегодня поговорить съ вами объ этомъ. Вчера графиня Анна осчастливила меня своимъ согласіемъ: теперь я прошу васъ даровать мнѣ лестное право именоваться вашимъ сыномъ и утвердить нашу взаимную, долговременную привязанность вашимъ благословеніемъ.

— Ахъ! отъ всей души благословляю васъ, мои дорогія дѣти! вскричала мать, со слезами на глазахъ цѣлуя Валеріана и Анну. Любите другъ друга, и любите меня. Не могу вамъ высказать, какъ я рада, что наконецъ сбылось мое пламеннѣйшее желаніе видѣть васъ обоихъ счастливыми вмѣстѣ! Моя Анна очень, очень виновата, что такъ долго церемонилась съ этимъ извергомъ и сопротивлялась разводу. Надобно было начать дѣло тотчасъ, не ждать обидныхъ нападеній, предупредить замыслы негодяя. Теперь вотъ ужъ онъ грозитъ намъ процессомъ? Какъ мы съ нимъ раздѣлаемся?

— Будьте совершенно спокойны, добрая маменька, отвѣчалъ Валеріанъ: я съ нимъ скоро раздѣлаюсь; за деньги онъ продастъ душу свою, и мы уже говорили вчера съ Анной о предложеніяхъ, которыя можно ему сдѣлать съ совершенною надеждою на успѣхъ. Я сейчасъ поѣду къ адвокату, посовѣтуюсь, и все устрою. Изъ нѣкоторыхъ выраженій этихъ писемъ я заключаю,

что графъ Эдуардъ намѣренъ разгласить по всей Вѣнѣ то, что̀ онъ называетъ «обидой». Васъ здѣсь всѣ знаютъ, и его дерзкія обвиненія могли бы подать поводъ къ пересудамъ, отъ которыхъ всегда выгоднѣе уклониться благовременно. Это тѣмъ болѣе необходимо, что здѣсь, какъ кажется, у него есть сообщники. Позвольте мнѣ быть совершенно откровеннымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вашей чести и вашемъ спокойствіи. Я съ нѣкоторыхъ поръ сильно подозрѣваю, что маркизъ состоитъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ Эдуардомъ, и что этою неприличною выходкою вы обязаны именно его вмѣшательству: я знаю его вражду ко мнѣ и особенную способность къ подобнымъ продѣлкамъ.

— О! въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія! примолвила графиня Марія. Я уже примѣтила это сегодня сама. Они составили планъ преслѣдовать насъ клеветою. Я боюсь, что графъ Эдуардъ, спасаясь отъ долговъ и тюрьмы, пожалуетъ сюда лично: когда оба зятя соединятся здѣсь противъ меня, я не въ состояніи буду и оправдаться передъ общимъ мнѣніемъ. Вы совершенно правы: надо поскорѣе оставить Вѣну. Они, пожалуй, согласятся между собою дѣлать намъ непріятности повсюду. Но мы исчезнемъ такъ, что они не догадаются, куда мы дѣвались. Нѣтъ ничего легче, какъ скрыть отъ маркиза сторону, въ которую мы уѣдемъ: я съ нимъ только-что поссорилась. Онъ знаетъ нашъ планъ отправиться на лѣто въ Баденъ-Баденъ, и я скажу Катенькѣ адресовать свои

письма ко мнѣ туда, а сама съ Анной уѣду въ Женеву. Изъ Женевы мы можемъ перепорхнуть....

— Въ Баньеръ, маменька! быстро подхватила Анна, которой было извѣстно, что Валеріанъ намѣренъ провесть тамъ лѣто.

— Хорошо, въ Баньеръ, продолжала мать. Мнѣ давно совѣтовали побывать на этихъ водахъ. Поѣздка въ Баньеръ тѣмъ болѣе кстати, что мы разъѣдемся съ графомъ Эдуардомъ въ двѣ противныя стороны, если ему вздумается искать насъ здѣсь или въ Баденъ-Баденѣ.

— Если вы рѣшаетесь ѣхать въ Баньеръ, то я отправлюсь съ вами, я буду вашимъ провожатымъ, сказалъ Валеріанъ.

— Вотъ и прекрасно! воскликнула графиня Марія. Такъ рѣшено: секретъ, и черезъ двѣ недѣли —мы ѣдемъ всѣ вмѣстѣ, сперва въ Швейцарію.

— Черезъ двѣ недѣли слишкомъ скоро, замѣтилъ Валеріанъ: я бы совѣтовалъ оставаться здѣсь до полученія изъ Парижа согласія на разводъ; тогда и вы будете спокойнѣе, и я получу полное право сопутствовать вамъ открыто. На это нужно по-крайней-мѣрѣ недѣли три или четыре. Притомъ, и дороги, до конца нынѣшняго мѣсяца, будутъ еще очень дурны.

— Хорошо, сказала графиня Марія: мы сдѣлаемъ, какъ вы желаете. Вы нашъ защитникъ: мы отъ васъ зависимъ.

Валеріанъ поѣхалъ къ своему банкиру. Взявъ у него десять векселей, каждый по двадцати тысячъ франковъ, и забравъ нужныя справки, онъ отправился къ извѣстнѣйшему брачныхъ дѣлъ

стряпчему, преестественному плуту, то есть, очень искусному ходатаю. Въ три дня все было готово, всѣ довѣренности, отказы, условія, прошенія, написаны, Анна приложила руку, и стряпчій самъ поскакалъ въ Парижъ: онъ долженъ былъ, въ случаѣ упрямства Эдуарда, подкрѣпить уступки Анны и свои убѣжденія волшебнымъ видомъ наличности, противъ которой мотъ не можетъ устоять. Валеріанъ поручилъ стряпчему торговаться, прибавляя по двадцати тысячъ, постепенно, отъ сорока до двухъ сотъ.

Прошли двѣ недѣли. Графиня Марія начала дѣлать приготовленія къ путешествію. Любовники были заняты своимъ счастіемъ, для котораго составляли они самые очаровательные планы, какъ вдругъ Анна замѣтила въ своемъ другѣ необыкновенную задумчивость и съ трудомъ скрываемое безпокойство. Нѣсколько дней тщетно упрашивала она объяснить причину этого грустнаго состоянія. Валеріанъ говорилъ, что онъ чувствуетъ себя нездоровымъ, наконецъ признался, что ему необходимо отлучиться изъ Вѣны недѣли на двѣ по весьма нужному дѣлу. Сначала онъ не хотѣлъ сказать, куда ѣдетъ. Наконецъ, назвалъ Базель. Анна желала знать, по-крайней-мѣрѣ, сущность этого весьма нужнаго дѣла. Валеріанъ долго избѣгалъ прямаго отвѣта, но, напослѣдокъ, долженъ былъ открыть, что получилъ письмо изъ этого города, отъ одного изъ своихъ друзей и сослуживцевъ, который, находясь въ опасномъ состояніи здоровья, желаетъ непремѣнно увидѣть любимаго товарища передъ смертью и поручить ему свое семей-

ство и свои дѣла. Валеріанъ увѣрялъ, что это предложеніе и эта поѣздка крайне ему непріятны, но долгъ дружбы и чести не позволяетъ отказаться. Анна была печальна, однакожъ успокоилась.

Наканунѣ отъѣзда Валеріана получены были извѣстія изъ Парижа. Эдуардъ все подписалъ за уступку части дѣтскаго имѣнія и ста двадцати тысячъ наличными деньгами при подписаніи. Дѣти оставались за матерью, но подъ опекою бабушки и на ея попеченіи. Радость Анны не знала предѣловъ. Валеріанъ, напротивъ, казался довольно равнодушнымъ къ столь вожделѣнному успѣху. На заботливое замѣчаніе Анны онъ отвѣчалъ, что въ немъ успѣхъ не можетъ дѣлать такого впечатлѣнія, потому-что онъ ни одной минуты не сомнѣвался въ его неизбѣжности.

День прощанія съ милымъ, день самыхъ горькихъ слезъ и самыхъ сладкихъ поцѣлуевъ, прошелъ благополучно для Анны. Валеріанъ былъ чрезвычайно нѣженъ, много говорилъ о будущемъ, о семейномъ блаженствѣ, котораго онъ ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ, объ удовольствіяхъ предстоящаго имъ общаго путешествія въ Баньеръ, о прелестяхъ уединенныхъ прогулокъ въ Пиренеяхъ, о восторгахъ, о любви, и о прочемъ; разсчитывалъ день своего возвращенія и его радости; но, главное, обѣщалъ писать каждый третій день съ дороги. Анна много плакала, но внутренно была спокойна. О предчувствіяхъ, при прощаніи, не было и рѣчи. Къ великой радости Валеріана, тревожныя предчувствія Анны совершенно исчезли съ нѣкотораго времени: умъ нѣжился довѣрчи-

вымъ сномъ на розахъ счастливой любви, не подвергаясь болѣе внезапнымъ непріятнымъ пробужденіямъ. Надо сказать правду — не въ обиду чьему бы то ни было уму, а такъ, вообще — что, въ счастіи, умъ дѣлается большимъ осломъ.

Валеріанъ, съ примѣрною акуратностью, сдержалъ обѣщаніе. Черезъ каждые три дня, Анна, просыпаясь, получала отъ него письмо. И какое письмо! Вы знаете, что Валеріанъ былъ нѣкогда превосходный поэтъ, обладалъ удивительнымъ даромъ выражать звучно, тонко и вѣрно всякія чувствованія и ощущенія, придавать каждой ихъ подробности колоритный оттѣнокъ, мысли превращать въ образы, слова зажигать огнемъ. Съ тѣхъ-поръ какъ сжегъ стихи, онъ писалъ только прозою, но и въ прозѣ сохранялъ онъ то же самое художественное богатство чувства и слога. Долгъ истины, однакожъ вынуждаетъ меня внести въ эту нелицемѣрную лѣтопись фактъ, прискорбный для всей человѣческой натуры, что, несмотря на торжественную клятву не заниматься впередъ стиходѣльнымъ ремесломъ, несмотря даже на генеральскій чинъ, Валеріанъ, по-временамъ, кропалъ украдкою стишки — признаться, довольно посредственные, за потерею снаровки въ этомъ мудреномъ дѣлѣ—которые тутъ же онъ и бросалъ въ огонь. Русская пословица правду говоритъ—«пьяницу могила, риѳмача палка не исправятъ». Таковъ человѣкъ! Пиши онъ въ прозѣ умнѣе и изящнѣе самого Платона, а все-таки нечистый клонитъ грѣшную руку къ риѳмованной околесицѣ, если умъ съ-молоду въ ней развратился. Но забудемъ эту слабость

Валеріана. Онъ выкупалъ ее другими достоинствами. Проза его была такъ хороша, такъ живописна, свѣтла, легка, блестяща, такъ литературно-изящна, что знатоки удивлялись столь высокой степени искусства въ человѣкѣ непечатанномъ, не-литераторѣ: поэтому, можно себѣ представить, какъ были написаны письма къ Аннѣ! У ней кружилась голова. Она перечитывала ихъ по двадцати разъ каждое, и чувствовала себя такъ счастливою въ этой звучно вибрирующей атмосферѣ художественнаго языка страсти, что ей чуть-чуть не захотѣлось рѣшительно, чтобы отсутствіе милаго продлилось цѣлый годъ, для собранія бо̀льшаго числа такихъ писемъ. Особенно живое и трогательное письмо было отъ 28 апрѣля, писанное въ четыре часа утра изъ Базеля: оно жгло душу знойнымъ дыханіемъ страсти, раздирало сердце болѣзненными стонами любви, тоски, грусти, и какихъ-то неясныхъ нареканій на судьбу. Но оно было и послѣднее. Прошло три, четыре, пять, шесть дней: писемъ нѣтъ. Анна ужасно встревожилась. Она не постигала причины этого жестокаго молчанія: перечитывала послѣднее письмо, взвѣшивала каждое его слово, старалась проникнуть тайный смыслъ непонятныхъ иносказаній, поразившихъ ее еще при первомъ чтеніи, и не могла вывести никакого вѣроподобнаго заключенія. Глаза уже начинали плакать, но сердце все-еще надѣялось.

На десятый или одиннадцатый день послѣ этого письма, Катенька пріѣхала къ матери и, посидѣвъ у ней минутъ пять, пошла къ Аннѣ. Катенька была беззаботна, весела, какъ-будто не

примѣчала печали сестры: поговоривъ о послѣднихъ вѣнскихъ гуляньяхъ, позлословивъ своихъ австрійскихъ знакомокъ, она завела рѣчь о театрѣ, о музыкѣ, о новыхъ романахъ—отсюда перескочила къ весеннимъ шляпкамъ—наконецъ пошла посмотрѣть работу Анны. Нагнувшись надъ пяльцами и пристально глядя на рукодѣлье, она сказала:

— Чудесный узоръ! Гдѣ ты его купила?... А ты знаешь, Анна, что съ тобой случилось большое несчастіе?

— Знаю, отвѣчала она равнодушно: я неосторожно прорѣзала канву ножницами. Но это можно задѣлать.

— Конечно, можно. Кстати, ты не слыхала, куда уѣхалъ *генералъ?*

Катенька передъ ней всегда такъ называла Валеріана, съ особенною ужимкою въ произношеніи. На этотъ разъ она еще усилила жесткость своей ужимки. Анна вздрогнула и поблѣднѣла. Тогда только догадалась она, что злая сестрица клонитъ рѣчь къ какому-то несчастію другаго рода. Катенька, не сводя глазъ съ узора, изъподлобья наблюдала Анну съ любопытствомъ змѣи, ужалившей безпечнаго путника. Чтобы не доставить ей наслажденія, любоваться на свои страданія, Анна подавила въ себѣ всѣ движенія трепещущей души и хладнокровно отвѣчала:

— Какъ же мнѣ не знать, куда уѣзжаютъ лучшіе друзья наши? Онъ уѣхалъ на Рейнъ, кажется, въ Базель.

— А не знаешь, зачѣмъ?

— Слыхала что̀-то, но не помню. По своимъ дѣламъ.

— Удивительныя дѣла!.... У него тамъ назначена дуэль.

— Дуэль? повторила Анна съ удивленіемъ.

— Конечно, дуэль. Они дрались на шпагахъ.

— Кто, *они?*.... Съ кѣмъ онъ дрался?

— Вотъ пріятныя шутки! Какъ-будто ты не знаешь! Возможно ли не знать, куда уѣзжаютъ и съ кѣмъ дерутся наши лучшіе друзья?

— Увѣряю тебя, что я вовсе ничего не знаю. Говори, съ кѣмъ, за что̀, что̀ такое случилось? Говори все, не мучь меня!

— Случилось, мой другъ.... случилось.... говорила толстая маркиза, расхаживая по комнатѣ въ своемъ широкомъ траурѣ, съ важностью погребальной колесницы: случилось то, чего и произнести нельзя, не разорвавъ твоего сердца.... Дрались извѣстно за что̀!.... за что̀ обыкновенно дерутся мужчины: за красавицу. Твой мужъ....

— Мой мужъ? вскричала Анна, съ ужасомъ, вскакивая съ дивана. Онъ дрался съ моимъ мужемъ?.... Онъ дрался съ графомъ Эдуардомъ на шпагахъ?.... Такъ онъ убитъ!.... Онъ убитъ!.... Этотъ звѣрь кололъ фехтовальныхъ учителей.

— Хорошо же ты честишь своего мужа!

— У меня нѣтъ мужа! Онъ меня оставилъ. Онъ отрекся отъ меня... и отрекся какъ негодяй.... за деньги! Вотъ, на столѣ, бумаги, имъ подписанныя которыми все между нами уничтожено. Я ни знать его, ни слышать объ немъ не хочу!

— Такъ вы ужс — въ формальномъ разводѣ?

Извини, Анна; я этого не знала.... вы отъ меня все скрываете. Разводъ!.... это однакожъ ужасное дѣло!... ты должна быть очень несчастна.

— Я, напротивъ, очень счастлива, что избавилась отъ такого злодѣя. Говори мнѣ всю правду: генералъ убитъ?

— Но мужъ.... мой другъ.... все-таки мужъ! ядовито продолжала Катенька, какъ-будто не слыша вопроса сестры.

— Повторяю тебѣ, Катенька, что у меня нѣтъ мужа! съ твердостью сказала Анна. Ты, я вижу, пришла сюда насмѣхаться надо мною, играть моими страданіями? Это безсовѣстно со стороны сестры! Ты, всю жизнь свою, употребляла во зло мою кротость и уступчивость въ отношеніи къ тебѣ: но это превосходитъ уже всякую мѣру. Я долѣе не могу выдержать. Извини, если я тебѣ скажу мое настоящее мнѣніе о твоихъ поступкахъ. Ты — не женщина, а тигрица. Ты — предательница. Эта дуэль — твоя работа съ мужемъ! Вы ее устроили! Я отдамъ свою голову, что это — вы! Знаю я васъ! Вы завидовали всякой минутѣ моего покоя, вы отравляли каждое мое невинное удовольствіе, вы, первые, поддерживали своимъ притворнымъ участіемъ и злобнымъ соболѣзнованіемъ всѣ клеветы глупаго свѣта на меня. У меня былъ другъ.... единственный человѣкъ, котораго я любила.... ты донесла на меня нашей матери, и я никогда не забуду, какъ ты бросила мнѣ въ голову альбомомъ, гдѣ я скрывала его имя. Съ-тѣхъ-поръ и донынѣ твое величайшее наслажденіе — раздирать мнѣ сердце всѣмъ, что

до него касается; твой мужъ, также, всегда меня за него преслѣдуетъ, и вы-то, вы лишили теперь меня и моихъ дѣтей послѣдней опоры въ этой жизни!...

Анна закрыла лицо руками и горько зарыдала, съ отчаяніемъ кидаясь всѣмъ тѣломъ на софу. Къ удивленію, бѣшеная Катенька не вспылила: она такъ привыкла къ смиренной терпѣливости сестры, что эта вспышка, это смѣлое и неожиданное обличеніе ея козней, привели ее въ замѣшательство.

— Ты... *видно.... очень....* разстроена своимъ душевнымъ горемъ, когда принимаешь такой обидный тонъ съ сестрою, сказала она смущеннымъ голосомъ, въ которомъ примѣтно звучала испуганная злоба. Я никогда еще не видала тебя въ такомъ раздраженіи. Правда, у тебя всегда былъ другой, твой любимый, способъ — оскорблять меня молчаніемъ: одно другаго стòитъ!.. Ты меня обвиняешь въ несчастіи, которое тебя постигло.... Изъ уваженія къ твоему страданію и моему достоинству, я не стану и оправдываться. Время покажетъ, кто тутъ собственно виноватъ. Ты никогда меня не любила, не знаю за чтò, и можешь, по обыкновенію, продолжать свои несправедливости ко мнѣ, сколько тебѣ угодно. Я лишила тебя друга! Я лишила тебя послѣдней опоры въ жизни! Если онъ тебѣ — другъ и опора, такъ утѣшься: онъ живъ и здоровъ!.... наслаждайся себѣ имъ, а сестры по-напрасну не обижай!

— Онъ живъ?... вскричала Анна, срываясь съ

софы. Онъ живъ!... Боже милосердый! благодарю тебя.....

Она упала на колѣни и стала молиться.

— Но это... однакожъ... большое несчастіе... для всего семейства.... и для тебя въ-особенности, что... онъ живъ, присовокупила Катенька, продолжая ходить по комнатѣ и спуская слова по каплѣ, какъ драгоцѣнный аптечный ядъ. Ужъ лучше бы онъ погибъ. Несчастіе!... страшное несчастіе!

— Я не понимаю, Катенька, сказала Анна, вставая: что̀ такое онъ тебѣ сдѣлалъ? за что̀ желаешь ты ему погибели? за что̀ называешь жизнь его несчастіемъ для всего семейства?... Ты очевидно намѣрена — терзать меня сегодня для своей потѣхи.

— Ты все сердишься, Анна, холодно отвѣчала маркиза: ты думаешь, будто я хочу мучить тебя, а я, только не знаю съ чего начать, какъ приступить къ горестному извѣстію, которое мы сегодня получили, и которое наполнило нашъ домъ новымъ трауромъ. Я боялась разразить тебя, объявивъ вдругъ.... Твой мужъ убитъ!

Анна посмотрѣла на нее пристально, и отворотилась. Холодная дрожь пробѣгала по всему ея прекрасному тѣлу. Малютка-дочь подбѣжала къ ней въ эту минуту съ своей игрушкой: она положила руку на ея головку, и не трогалась. Маркиза, съ послѣднимъ своимъ словомъ, уже надѣвала шляпку передъ зеркаломъ.

— Ну, вотъ ты все сердишься! сказала она, оборачиваясь къ остолбенѣвшей сестрѣ и завязывая ленты подъ своимъ жирнымъ подбородкомъ.

Впрочемъ, это очень естественно: я совершенно вхожу въ твое положеніе, понимаю, чтò такое — потерятъ мужа!... Прощай. Мнѣ некогда. Я должна поскорѣе возвратиться домой: мужъ ждетъ ѣхать въ Пратеръ. Прощай, мое сердце!... не печалься: вѣдь онъ живъ!... Это напечатано въ базельской газетѣ, а завтра, вѣрно, напечатаютъ и здѣсь. Но ты ужъ начала молчать: хочешь непремѣнно взбѣсить меня!.... Нѣтъ, ты — недобрая. Прощай. — Да! да! договаривала она, удаляясь: страшное, невознаградимое несчастіе для жены — потерять мужа!...

Анна поворотила свою чудесную голову, чтобы съ презрѣніемъ взглянуть на толстую змѣю, тяжело пресмыкающуюся къ дверямъ съ своимъ отвратительнымъ жаломъ впереди, и приняла прежнее положеніе. Холодная какъ ледъ, бѣлая и неподвижная какъ паросскій мраморъ, безъ мысли, безъ чувства, безъ сознанія самой себя, она была похожа на стоячую статую, опирающуюся одной рукою на играющаго ребенка, съ глазами поднятыми вверхъ, и лицомъ, выражающимъ окаменѣвшую на вѣчныя времена безнадежность.

— *Дружба* красными чернилами.... кровавыми буквами,.. произнесла она вполголоса, и снова замолкла.

Спустя минутъ пять, она сѣла и хотѣла думать.... о себѣ.... или о чемъ-нибудь: не могла. Брала книгу, брала работу: но занятіе не шло никакъ. Хотѣла плакать: слезы не текли, хотя дыханіе спиралось отъ давленія душевной боли. Въ этой му-

чительной безчувственности провела она около часу, пока не пріѣхала Полина Ч***.

Едва войдя въ комнату, добрая подруга бросилась прямо къ бѣдной Аннѣ, обняла ее и заплакала.

— О чемъ ты плачешь, мой ангелъ? спокойно спросила Анна.

— О тебѣ! объ васъ несчастныхъ! отвѣчала Полина. Можно ли не плакать?

— Развѣ ты уже знаешь?

— Знаю! знаю!... всѣ подробности, всѣ мерзости, всѣ подлости....

— Отъ кого?

— Этого ужъ никакъ не могу сказать..... по-крайней-мѣрѣ пока не услышу твоего мнѣнія.

— Да у меня никакого мнѣнія быть не можетъ. Подробности мнѣ вовсе неизвѣстны. Разскажи сперва. Ты уже знала прежде?

— Кое-чтò знала.... а именно то, куда онъ ѣдетъ и зачѣмъ.

— Какъ же ты мнѣ ничего не сказала?.... Какой же ты мнѣ другъ въ бѣдѣ?

— Нельзя было, душенька, никакъ нельзя! Возможно ли смущать твое спокойствіе, наполнять твою душу тревогою, страхомъ, опасеніями, на все продолженіе такого длиннаго дѣла?... дѣла неизбѣжнаго, неотвратимаго, но которое между-тѣмъ могло кончиться безъ важнаго послѣдствія? Да ты бы, до-сихъ-поръ, уже умерла! Притомъ, я дала слово.

— Кому?

— Кому жъ болѣе какъ не твоему Валеріану? Онъ пріѣхалъ ко мнѣ чрезвычайно разстроенный

и печальный: жаль было смотрѣть!... и сказалъ, что долженъ мнѣ.... мнѣ одной!... ввѣрить очень важную тайну, какъ лучшему твоему другу, потому-что черезъ недѣлю можетъ-быть очутится самъ онъ въ сырой землѣ рейнскихъ береговъ и не будетъ свидѣтеля передъ тобою его послѣднему горестному положенію. Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что дня черезъ три послѣ полученія тобой этого негоднаго письма отъ мужа, какой-то генералъ, кажется, маркизовъ пріятель, лично вручилъ ему письмо отъ графа, исполненное самыхъ гнусныхъ обвиненій и угрозъ. Письмо оканчивалось вызовомъ на дуэль, какъ твоего обольстителя. Податель былъ одинъ изъ секундантовъ графа Эдуарда. Твой Валеріанъ не далъ тотчасъ отвѣта: онъ даже хотѣлъ окончательно отвергнуть этотъ поединокъ, какъ вещь недостойную ни его званія, ни его имени. Но графъ Эдуардъ, какъ-будто опасаясь отказа, послалъ къ нему, одно за другимъ, три письма, еще наглѣе и обиднѣе перваго, и копіи этихъ писемъ маркизъ раздавалъ самъ всѣмъ знатнѣйшимъ сослуживцамъ Валеріана, которые здѣсь находятся, и многимъ австрійскимъ генераламъ. Такія же копіи были распространены въ Парижѣ между знакомцами Валеріана. Кромѣ-того графъ Эдуардъ расписалъ объ немъ, прямо отъ своего лица, ужаснѣйшія мерзости къ разнымъ почтеннымъ лицамъ въ Вѣнѣ. Люди маркиза разносили эти письма. Тогда еще я не знала, но теперь мнѣ извѣстно, что графъ Эдуардъ, самъ, не только вовсе не думалъ о дуэли, но даже положительно отвергъ первый намекъ маркиза объ ней; собствен-

ные его секунданты разсказываютъ это, и самъ онъ, говорятъ, умирая сказалъ Валеріану: «Не извиняйтесь, не вы меня убили, а этотъ интригантъ, Итальянецъ, мой своякъ. Онъ всему виноватъ. Я не думалъ васъ обижать: онъ меня принудилъ». Словомъ, душенька мой другъ, маркизъ, да и твоя сестра, столько настаивали на необходимости этой дуэли, и такъ горячо заклинали графа Эдуарда вступиться за честь свою, омыть въ крови стыдъ, нанесенный всему семейству, и прочая, и прочая, обѣщая разныя выгоды отъ этого, что онъ наконецъ рѣшился. Особенно настращали они его разводомъ и раздражили увѣреніемъ, будто Валеріанъ повсюду публично называетъ его подлецомъ: а Валеріанъ клянется, что никогда, даже имя графа Эдуарда не было имъ произнесено передъ людьми, исключая дружескихъ разговоровъ съ тобой и съ твоей маменькой. Рѣшась однажды, графъ Эдуардъ сказалъ другу маркиза, какому-то парижскому Итальянцу, котораго твой зять приставилъ къ нему, для подстреканія: «Я студентскихъ дуэлей за угломъ не люблю. Притомъ у меня всегда было правиломъ — драться за всѣхъ женщинъ, но никогда за жену. Если я нарушу теперь правило, такъ ужъ развѣ для того, чтобы объ этой дуэли заговорили въ Европѣ. Драться, такъ драться на славу и весь міръ». Какъ имя Валеріана славно во всей Европѣ, то графъ Эдуардъ, просто, затѣялъ въ этой дуэли спекуляцію на знаменитость, увидѣлъ въ ней средство сдѣлаться интереснымъ особенно въ Парижѣ. Съ этою цѣлью они расписали письма, распе-

чатали статейки по газетамъ, всѣми мѣрами придавали гласность дѣлу и поддерживали его занимательность для публики. Твоему Валеріану, душенька, никакъ невозможно было отказаться!.. по ихъ мужскимъ законамъ. Онъ принялъ; выборъ оружія предоставилъ секундантамъ графа Эдуарда, но требовалъ, чтобы дуэль состоялась сейчасъ безъ отлагательства, на границѣ Швейцаріи. Валеріанъ самъ назначилъ мѣсто и день. Послали эстафету вь Парижъ: и вообрази, какой странный случай! Эстафета опередила вашего стряпчаго: у графа Эдуарда, который все до послѣдней копѣйки истратилъ на шалости или проигралъ, не на что̀ было даже выѣхать изъ Парижа. Онъ находился въ величайшемъ затрудненіи, какъ вдругъ — комедія! — является человѣкъ съ выгодными предложеніями и съ кучею денегъ: говорятъ, отъ Валеріана же съ деньгами!.... Не правда ли, что это странно?

Анна только вздохнула. Полина продолжала:

— Опоздай стряпчій дня два: дуэль не состоялась бы, графъ Эдуардъ не явился бы въ назначенный день на Рейнѣ. Онъ поскорѣе кончилъ дѣло со стряпчимъ, подписалъ бумаги, получилъ деньги, и поскакалъ въ Базель. Мнѣ сказывали, будто онъ поспѣлъ туда только за три часа до назначеннаго срока. Валеріанъ ждалъ уже полторы сутки: думали, что противникъ не явится. До отъѣзда своего отсюда, твой добрый Валеріанъ принималъ всѣ возможныя мѣры, чтобы слухъ о дуэли не дошелъ до васъ, для твоего же, душенька, спокойствія. Въ его отсутствіе, мнѣ поручено

было сторожить тебя: и, видишь, я почти не выходила отсюда! Къ счастію, маменька твоя была не совсѣмъ здорова и никого не принимала: въ противномъ случаѣ, я, право, не знала бы какъ отклонить бѣду; весь городъ говоритъ объ этой дуэли. Какъ она происходила, этого описать я не умѣю: секунданты графа Эдуарда, по его желанію, избрали расправу на шпагахъ.... онъ, говорятъ, чрезвычайно искусенъ въ этомъ оружіи!... твой не сдѣлалъ никакого возраженія; начали драться, и дрались очень, очень долго.... не могу сказать сколько времени.... противникъ оказывалъ большую запальчивость и кольнулъ твоего въ плечо, но желѣзо скользнуло по кости, а самъ онъ наткнулся на шпагу Валеріана. Онъ жилъ еще четыре часа послѣ этого. Ахъ! эти мерзкіе мужчины, съ ихъ дуэлями!... Ну, что̀ имъ за охота?

— Такъ Валеріанъ раненъ? задумчиво спросила Анна.

— Раненъ въ правое плечо.... Но не безпокойся, душенька мой другъ!... пожалуйста не безпокойся!... въ самомъ верху.... очень легко.... говоритъ — ничего!

— Ты, милая Полина, проболталась. Значитъ, онъ — здѣсь и ты уже съ нимъ видѣлась; ты знаешь все черезъ него.... Позволь, я лягу.... я очень слаба.... не могу говорить.

— Право, его здѣсь нѣтъ! сказала Полина, покраснѣвъ до ушей, между-тѣмъ Анна ложилась на софѣ.

Анна посмотрѣла ей въ глаза.

— Право, нѣтъ! повторила Полина, краснѣя еще болѣе: увѣряю тебя, душенька!

— Что̀ ты меня обманываешь, добрая душа? Какъ ты мило ни вертѣлась въ своемъ разсказѣ, я примѣтила, по многимъ выраженіямъ и подробностямъ, что твои свѣденія происходятъ изъ самаго свѣжаго источника. Признайся. онъ — у тебя, и онъ тебя прислалъ сюда? Ты даже не сняла шляпки: спѣшишь къ нему съ отвѣтомъ.

Полина, красная какъ раскаленный уголь, кинулась къ Аннѣ на шею, цѣлуя и прося извиненія.

— *Онъ* этого желалъ, говорила она: ему такъ угодно, чтобы ты не знала объ его пріѣздѣ, нѣсколько времени. Я — такая безтолковая!... никакъ сплутовать ловко не умѣю.... хоть это иногда и очень нужно. Меня всегда поймаютъ! Умоляю тебя, душенька другъ мой, ангелъ-Анна моя прелесть, не выдавай меня: онъ подумаетъ, что я — ужасная дура!... не говори ему, что я такъ дурно исполнила его порученіе, когда съ нимъ увидишься.

Анна тяжело воздохнула и, возведя глаза къ небу, повторила глухимъ голосомъ:

— Когда я съ нимъ увижусь!...

Въ этомъ же положеніи она впала въ глубокую задумчивость. Полина долго ждала, пока Анна заговоритъ, но та все смотрѣла вверхъ, и нѣжная кузина, въ безпокойствѣ своемъ, рѣшилась спросить:

— Что̀ это значитъ, Анна? Что̀ ты это хотѣла сказать?

Анна не слышала. Полина взяла ее за руку: рука была холодна и какъ-будто не принадлежала къ живому тѣлу. Подруга потрясла эту руку, дергала къ себѣ, схватила обѣими своими руками и жала изо всей силы. Несчастная ничего не чувствовала.

— Анна!... Анна!... что̀ съ тобой! Анна!... другъ мой!... отвѣчай!... я стану плакать.

Она поворотила ей голову, начала цѣловать, шевелить, кликать. Анна нѣсколько освободилась отъ оцѣпенѣнія.

— Боже мой! страшно на тебя смотрѣть! говорила кузина. Какъ ты себя чувствуешь?

— Я.... убита, отвѣчала она едва внятнымъ голосомъ.

— Лягъ немножко выше.

Она помогла ей приподняться.

— Когда же вы увидитесь?

Анна, открывая глаза, снова посмотрѣла въ небо и сказала:

— Тамъ!... если можно....

— Анна!... ради Бога!... что̀ ты это говоришь?... ты его убиваешь!

Анна произнесла, глухимъ голосомъ, какъ будто изъ дна могилы:

— Кровь отца дѣтей моихъ между нами.... ея нельзя переступить.... намъ нѣтъ возможности видѣться.

— Бѣдные вы! уныло воскликнула Полина, и слезы полились изъ глазъ ея. Бѣдные, бѣдные!... Онъ былъ увѣренъ, что ты это скажешь.... Боже мой! надобно же было такое несчастіе! такое сте-

ченіе обстоятельствъ!... Онъ говоритъ, Анна, что, безъ тебя, ему счастія на свѣтѣ нѣтъ. И я вѣрю. Представить себѣ не можешь, какъ онъ огорченъ этимъ происшествіемъ, какъ печаленъ, въ какомъ уныніи.... и какъ тебя любитъ!... какъ удивляется твоей прекрасной душѣ, твоему уму, сердцу, твоей высокой.... какъ онъ говоритъ, «ясновидящей» любви!... какъ сострадаетъ къ твоему положенію! Въ самомъ дѣлѣ, ты, вмѣстѣ, и самая чудесная и самая несчастная женщина въ мірѣ.

— О! еслибъ я могла заплакать!... болѣзненно простонала Анна, стараясь выдохнуть изъ груди страданіе, которое уже не истекало спасительною влагою глазъ. Но, нѣтъ! я уже плакать не буду.... Отъ страшнаго удара въ душу источникъ слезъ вдругъ изсякъ. Въ мозгу и во всѣхъ нервахъ я чувствую жесткую деревянную сухость. Голова и грудь придавлены двумя утесами. Вѣроятно, такъ останусь навсегда.... Лишиться слезъ, Полина: какое мучительное состояніе!...

Она должна была остановиться и замолкнуть на нѣсколько минутъ, чтобы собрать остатки силъ: потомъ продолжала, тѣмъ же слабымъ голосомъ, съ частыми остановками.

— Что̀ со мной будетъ?... Сойду ли я съ ума?... Это было бы большое счастіе для меня!... Здѣсь, подлѣ этого столика, часа два тому, стояла я.... когда въ ушахъ моихъ громомъ разразилось убійственное извѣстіе.... и осталась какъ вкопанная. Не знаю, что̀ со мною происходило послѣ этого: помню только.... что первая мысль.... невольное

движеніе души.... была — броситься изъ окна на мостовую.... подошелъ ребенокъ: я вспомнила о дѣтяхъ, и удержалась.... Теперь ты — единственная приличная связь между мною и нимъ.... подъ однимъ кровомъ мы съ нимъ никогда быть не можемъ, для этихъ дѣтей, которыя однакожъ.... О! я знаю мою участь.... и онъ ее знаетъ,... Вотъ еще прибавился для нихъ новый и страшнѣйшій изъ всѣхъ предлогъ вражды, ненависти и презрѣнія къ матери.... Меня раздавятъ этимъ обвиненіемъ.... Долгъ! долгъ!... страшное слово. Жертвуй всѣмъ для него, хоть знаешь напередъ, чѣмъ тебѣ заплатятъ.... Было у меня, въ мечтѣ. послѣднее убѣжище, послѣднее душевное счастіе, которое берегла я на это страшное будущее.... теперь и оно пропало! Теперь мнѣ уже нельзя быть и вашею слугою!

— *Чьей* слугой? спросила Полина, съ особеннымъ удареніемъ любопытства на первомъ словѣ.

— Спроси у Валеріана, сказала Анна. Онъ знаетъ, чьей.... Спроси непремѣнно: скажи, что я хочу, чтобъ онъ тебѣ сказалъ.... Прощай, мой ангелъ: поѣзжай домой.... онъ тебя ждетъ.

Полина поцѣловала у Анны оба глаза, закрытые блѣднымъ вѣкомъ съ богатою рѣсницей, постояла нѣсколько мгновеній возлѣ софы, глядя на нее съ глубокимъ прискорбіемъ, и ушла тихими шагами. Она была уже у дверей, когда Анна кликнула ее.

— Воротись, Полина.... Дай я тебя поцѣлую. (Она открыла глаза и съ чувствомъ поцѣловала ее въ красивыя розовыя губки.) Это мой послѣд-

ній.... прощальный.... поцѣлуй Валеріану: отдай ему когда-нибудь.... постарайся, отдать поскорѣе. Я сюда положила залогъ счастія для него. Вся моя *жизнь* тутъ. Вмѣсто *жизни* у меня теперь — долгъ. Я больше не живу.

Полина удалилась, желая себѣ отъ своего сердца скорѣйшей возможности исполнить со всей точностью порученіе Анны, на прочномъ основаніи законовъ. Она и исполнила, не далѣе какъ черезъ годъ. Валеріанъ подвергся операціи съ удивительною твердостью.

Анна уѣхала съ матерью въ Баденъ-Баденъ и вскорѣ воротилась въ свое отечество. Ея уже никогда не видали въ обществѣ: она жила затворницей, посвятивъ себя исключительно воспитанію дѣтей, которыя, достигнувъ совершеннолѣтія, своей неблагодарностью вполнѣ оправдали опасенія матери. Негодная дочь продала ее родственникамъ мужа за нѣсколько ленточекъ. Сыновья, два достопамятные негодяя, связавшись съ ними же, и съ старинными врагами Анны, которые съ радостью удостоили ихъ своего покровительства, обходились съ матерью почти какъ съ убійцей ихъ добродѣтельнаго родителя, обижали ее, обирали и замучили окончательно отчетами въ управленіи имѣніемъ. Графиня Марія прожила за-границею свое имѣніе: доля Анны оказалась такой ничтожною, что она, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтилась бы еще разъ лицомъ къ лицу съ нищетою, еслибъ измѣны, наглыя оскорбленія со стороны дѣтей не сократили ея страдальческой жизни. Она умерла, сорока-четырехъ лѣтъ отъ роду, еще

почти такой же удивительной красавицей, какъ была въ Вѣнѣ. Несмотря на уединеніе и скромность жизни, украшенной всѣми добродѣтелями, клевета не забыла терзать ее до послѣдней минуты; всѣ предубѣжденія противъ нея сохранили свою силу, всѣ средства униженія свою дѣятельность; ей и въ сорокъ три года приписывали еще любовниковъ; еще и въ этомъ возрастѣ честь знаменитой красавицы нерѣдко дѣлалась жертвою безстыднаго самохвальства мужчинъ.

Замѣчательно, что со времени потрясенія тѣла вѣнскимъ происшествіемъ, она уже не могла плакать.

Краткое, но чистосердечное, объясненіе съ прелестными читательницами.

Льщу себя надеждою, что онѣ благоволятъ еще отчасти помнить тотъ роскошный вечеръ высокаго сердечнаго наслажденія, въ который покойница Анна разсказывала Валеріану о замѣчательномъ явленіи, письмѣ, покрывавшемся радужными цвѣтами, и словѣ «дружба», принимавшемъ среди этихъ цвѣтовъ кровавый отливъ — вечеръ незабвенный — единственный во всей ея жизни, вечеръ настоящаго чувства блаженства любить и быть любимой, гдѣ все совокупилось: и дружба, и любовь, и пламенныя рѣчи, и восхитительныя бесѣды, и важныя разсужденія, и порывы, и взрывы, и тишь, и буря волнующагося чувства, и игривое забытье отъ душевной сладости, и восторги, и слезы, и горести, и надежды среди отчаянія, и опасенія среди обольстительной надежды, и лесть, и упоеніе, и немножко любопыт-

ства — немножечко! — и, для полноты блаженства, кое-какіе капризы.... (фи! какое гадкое слово!).... другимъ, лучшимъ словомъ — мученіе возлюбленнаго отъ избытка счастія. Все тутъ было — но у меня есть предчувствіе, что прелестныя читательницы страшно вознегодуютъ на меня за введеніе капризовъ въ картину этого вечера любви и дружбы, примутъ это за личность, пойдутъ жаловаться на меня въ цензуру. Оправданіе мое было бы очень легко: для меня, не было бы ничего легче какъ выпустить капризы — развѣ я такой до нихъ охотникъ! прочь ихъ, и пишу далѣе: но для вѣрности фактовъ я долженъ былъ ввести ихъ: не лгать же мнѣ!... не могу жъ я всенародно увѣрять, что не было ни одного каприза, когда были — и порядочные! Что̀ сказала бы исторія? Но оправдываться я не хочу; въ судѣ прелестныхъ читательницъ оправданія не пріемлются: Приказали — скучно!... и меня, безотвѣтнаго преступника, ведутъ на казнь позорную. Такъ побивайте же меня каменьемъ гнѣва своего! Такъ рвите же мою правдивую, ничего не выпускающую и ничего не прибавляющую лѣтопись любви и дружбы въ куски, въ клочки, въ щепотки! Разнесите всѣ странички ея по воздуху!... Исполняйте же, сударыни, свой грозный приговоръ — я жду — и пусть первую страничку вырветъ изъ моей книги та, которая когда-либо провела вечеръ истиннаго душевнаго блаженства съ милымъ и не помучила его, отъ избытка счастія, ни однимъ капризомъ....

Что̀ касается до самаго явленія, именно, до явле-

нія слова «дружба» въ красномъ или кровавомъ видѣ — а это уже касается собственно до читателей — то смѣю доложить, что тутъ не было ни симпатическихъ примѣтъ, ни мистическихъ предзнаменованій, ни магнитической чертовщины — не было ничего особеннаго — и меня совсѣмъ незачто вести на правежъ критики, править съ меня долгъ вѣроподобію. Дружба Анны съ Валеріаномъ, особенно при совершенно вѣроятномъ и даже неизбѣжномъ вмѣшательствѣ такихъ родныхъ какъ маркизъ и Катенька, могла естественно, и должна была необходимо, имѣть послѣдствіемъ дуэль и погибель одного изъ двухъ, мужа или его преемника. Это послѣдствіе — такой логическій выводъ изъ окружавшихъ Анну обстоятельствъ, что онъ самъ добровольно, даже безъ участія воли, выводился изъ идей этихъ обстоятельствъ, идей уже присутствующихъ въ умѣ, существовалъ въ немъ безъ ея вѣдома, *не ясно*, и долженъ былъ существовать. Онъ только не выходилъ наружу — не проявлялся, какъ говорятъ мудрецы — не принималъ формы настоящей, то есть, *ясной* и опредѣлительной мысли, и только потому-что Анна не засѣла размышлять формальнымъ образомъ или избѣгала размышлять о самомъ прямомъ по человѣческой логикѣ послѣдствіи всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ. Но въ одно изъ пробужденій ума — здѣсь онъ пробудился отъ попавшагося въ письмѣ слова «дружба» — въ одинъ изъ тѣхъ сновъ на-яву, которые случаются передъ настоящимъ сномъ, когда рябитъ въ глазахъ разными цвѣтами, этотъ, уже тайно существовавшій въ

умѣ, готовый логическій выводъ принялъ на-мгновеніе форму видѣнія, и скрытыя въ выводѣ понятія дуэли, смерти, крови, выразились колоритно, краснымъ цвѣтомъ буквъ слова «дружбы». Понятіе «кровь» такой прямой отвѣтъ на понятіе «дружба» при мужѣ-дуэлистѣ и зятѣ мстительномъ врагѣ, что въ случаѣ мерцанія разныхъ цвѣтовъ въ глазахъ, настоящее чудное дѣло было бы тогда только, когда бы попавшееся подъ это мерцаніе слово «дружба» приняло, не красный, а голубой цвѣтъ. «Дружба» зеленаго цвѣта, тоже, не была бы чудное дѣло, потому-что зеленый цвѣтъ — гармоническій съ краснымъ и служитъ ему отвѣтомъ въ глаза. Это оптика, а не примѣты или предзнаменованія. А впрочемъ, для меня все-равно: я писалъ дѣло, разсказывалъ какъ оно было, и въ вѣроподобіи отчета не отдаю.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ASSOCIATION CULTUELLE ORTHODOXE RUSSE
Près de l'Eglise de la Ste VIERGE du Kazan
BORDEAUX

Bayerische
Staatsbibliothek
München

нія слова «дружба» въ красномъ или кровавомъ видѣ — а это уже касается собственно до читателей — то смѣю доложить, что тутъ не было ни симпатическихъ примѣтъ, ни мистическихъ предзнаменованій, ни магнитической чертовщины — не было ничего особеннаго — и меня совсѣмъ незачто вести на правежъ критики, править съ меня долгъ вѣроподобію. Дружба Анны съ Валеріаномъ, особенно при совершенно вѣроятномъ и даже неизбѣжномъ вмѣшательствѣ такихъ родныхъ какъ маркизъ и Катенька, могла естественно, и должна была необходимо, имѣть послѣдствіемъ дуэль и погибель одного изъ двухъ, мужа или его преемника. Это послѣдствіе — такой логическій выводъ изъ окружавшихъ Анну обстоятельствъ, что онъ самъ добровольно, даже безъ участія воли, выводился изъ идей этихъ обстоятельствъ, идей уже присутствующихъ въ умѣ, существовалъ въ немъ безъ ея вѣдома, *не ясно*, и долженъ былъ существовать. Онъ только не выходилъ наружу — не проявлялся, какъ говорятъ мудрецы — не принималъ формы настоящей, то есть, *ясной* и опредѣлительной мысли, и только потому-что Анна не засѣла размышлять формальнымъ образомъ или избѣгала размышлять о самомъ прямомъ по человѣческой логикѣ послѣдствіи всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ. Но въ одно изъ пробужденій ума — здѣсь онъ пробудился отъ попавшагося въ письмѣ слова «дружба» — въ одинъ изъ тѣхъ сновъ на-яву, которые случаются передъ настоящимъ сномъ, когда рябитъ въ глазахъ разными цвѣтами, этотъ, уже тайно существовавшій въ

умѣ, готовый логическій выводъ принялъ на-мгновеніе форму видѣнія, и скрытыя въ выводѣ понятія дуэли, смерти, крови, выразились колоритно, краснымъ цвѣтомъ буквъ слова «дружбы». Понятіе «кровь» такой прямой отвѣтъ на понятіе «дружба» при мужѣ-дуэлистѣ и зятѣ мстительномъ врагѣ, что въ случаѣ мерцанія разныхъ цвѣтовъ въ глазахъ, настоящее чудное дѣло было бы тогда только, когда бы попавшееся подъ это мерцаніе слово «дружба» приняло, не красный, а голубой цвѣтъ. «Дружба» зеленаго цвѣта, тоже, не была бы чудное дѣло, потому-что зеленый цвѣтъ — гармоническій съ краснымъ и служитъ ему отвѣтомъ въ глаза. Это оптика, а не примѣты или предзнаменованія. А впрочемъ, для меня все-равно: я писалъ дѣло, разсказывалъ какъ оно было, и въ вѣроподобіи отчета не отдаю.

ASSOCIATION CULTUELLE ORTHODOXE RUSSE
Prés de l'Eglise de la Ste VIERGE du KAZAN
BORDEAUX

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Russ bibliog. 411

Senkovskij, Osip-Julian Ivanovič,

Sobranie sočinenij Senkovskogo (Barona Brambeusa)

Bd.: 4

Petersburg 1858

Opp. 667 x-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605971-8